ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ
УИЛЬЯМ ГИБСОН
РОМАН — ЛАУРЕАТ «ХЬЮГО», «НЕБЬЮЛЫ»
И ПРЕМИИ ИМЕНИ ФИЛИПА ДИКА
18+
АЗБУКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Нейромант» – это классический дебют жанрового революционера, которому оказались тесны рамки любого жанра. Это книга, определившая лицо современной литературы на десятилетия вперед. Это краеугольный камень киберпанка – стиля и культурного феномена. Будущее в «Нейроманте» – мир высоких технологий и биоинженерии, глобальных компьютерных сетей и всемогущих транснациональных корпораций, мир жестокий и беспощадный. Буквально по лезвию ножа должны пройти хакер-виртуоз Кейс и отчаянная девушка-самурай Молли, чтобы выполнить таинственную миссию, запрограммированную десятилетия назад в неведомых глубинах искусственного разума…

Кроме романа, открывающего трилогию «Киберпространство», в книгу включен цикл рассказов «Сожжение Хром», среди которых – «Джонни Мнемоник», послуживший основой для культового фильма Роберта Лонго (в ролях Киану Ривз, Такэси Китано, Дольф Лундгрен), и «Отель „Новая роза“», экранизированный Абелем Феррарой (в ролях Уиллем Дефо, Кристофер Уокен, Азия Ардженто).

Переводы публикуются в новой редакции.

- Уильям Гибсон
  - ○
  - ○
  - ○ Нейромант[1]
    - ■ Часть первая
      - ■ 1
      - ■ 2
    - ■ Часть вторая
      - ■ 3
      - ■ 4
      - ■ 5
      - ■ 6
      - ■ 7
    - ■ Часть третья
      - ■ 8
      - ■ 9
      - ■ 10
      - ■ 11
      - ■ 12
    - ■ Часть четвертая

        - 13
        - 14
        - 15
        - 16
        - 17
        - 18
        - 19
        - 20
        - 21
        - 22
        - 23
    - Кода
        - 24
- Спалить Хром
    - Брюс Стерлинг
    - Джонни Мнемоник[28]
    - Континуум Гернсбека[30]
    - Осколки голографической розы[41]
    - Принадлежность[42]
    - Зона влияния[47]
    - Красная звезда, зимняя орбита[52]
    - Отель «Новая роза»[59]
    - Зимний рынок[60]
    - Поединок[62]
    - Сожжение Хром[66]

- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18

- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62

- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68

Уильям Гибсон
Нейромант
Роман, рассказы

Neuromancer. Copyright © 1984, 1986, 1988 by William Gibson
Burning Chrome. Copyright © 1986 by William Gibson
© В. Ахметьева, перевод, 2015
© А. Гузман, перевод, 2015
© А. Етоев, перевод, 2015
© А. Комаринец, перевод, 2015
© А. Корженевский, перевод, 2015
© С. Красиков, перевод, 2015
© В. Ларионов, перевод, 2015
© М. Пчелинцев (наследники), перевод, 2015
© А. Чертков, перевод, 2015
© В. Еклерис, иллюстрация, 2015
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Настолько объемного, ощутимого образа будущего не создавал еще никто после Сэмюеля Дилэни с его классическими повестями 1960-х годов.

Locus

Выдающееся достижение!

Норман Спинрад

Столько лет я ждал, когда же явится ни на кого не похожий новый талант, – и вот он наконец явился.

Роберт Сильверберг

Проза Гибсона, невероятно искусная и ясная, на глазах оборачивается электрической поэзией хай-тека.

Брюс Стерлинг

«Нейромант» – это долгожданный глоток свежего воздуха.

The New York Times

Убедительная панорама будущего, проработанная с невероятным тщанием и размахом. Гибсон создал целый новый жанр.

San Francisco Chronicle

«Нейромант» заслуживает феноменального успеха… ИДИТЕ И ЧИТАЙТЕ!

Mile High Futures

Нейромант [1]
Роман

Деб, которая сделала это возможным, с любовью посвящается

Часть первая
Тиба-Сити блюз

1

Небо над портом напоминало телеэкран, включенный на мертвый канал.

– Разве же я употребляю? – услышал Кейс, продираясь сквозь толпу к «Тацу». – Просто у моего организма острая алкогольно-наркотическая недостаточность.

И голос рожденного в Муравейнике, и шуточка муравьиная. В «Тацубо», где собирались все больше спецы-экспаты, можно просидеть неделю и слова не услышать по-японски.

Размеренными движениями протезированной руки бармен Рац выставлял на поднос кружки бочкового «Кирина». При виде Кейса он осклабился восточноевропейской сталью и коричневой гнилью. Тот нашел себе место у стойки между невероятно загорелой шлюхой из команды Лонни Зоуна и высоким африканцем в отглаженной морской форме, с аккуратными рядами племенных шрамов на щеках.

– Утром заходил Уэйдж с двумя своими. – Здоровой рукой Рац пододвинул Кейсу кружку. – Не за тобой?

Тот молча пожал плечами. Девица справа игриво хихикнула и толкнула его локтем.

Улыбка бармена стала еще шире. О его безобразии ходили легенды. Нынче, когда красота доступна каждому – и за вполне умеренные деньги, – отсутствие оной воспринимается как нечто чуть ли не геральдическое. Допотопная механическая рука при каждом движении жалобно завывала. Это был русский военный протез – семифункциональный манипулятор с механической обратной связью, заключенный в грязно-розовый пластик.

– Слишком уж вы артист, герр Кейс. – Рац издал хрюкающий звук, заменявший ему смех. Почесал розовой клешней свисающее через ремень брюхо. – Артист слегка комического плана.

– А то, – ответил Кейс и отхлебнул пива. – Должен же кто-то в этой тошниловке ломать комедию. У тебя ведь – хрен получится.

Шлюха захихикала октавой выше.

– И у тебя, цыпа, тоже не выйдет. И вообще, вали-ка ты отсюда. Мистер Зоун – мой лучший друг.

Девица в упор взглянула на Кейса и беззвучно ощерилась. Но все-таки ушла.

– Боже! – закатил глаза Кейс. – Ну что за бордель ты здесь

развел? Выпить спокойно нельзя.

– Выпить ему захотелось! – Рац усердно тер тряпкой шершавое дерево стойки. – Зоун отстегивает процент. А тебя я пускаю только в качестве аттракциона.

Кейс поднес кружку к губам, и вдруг наступила странная тишина, когда множество собеседников в разных концах зала умолкли одновременно. В следующее мгновение раздалось истерическое хихиканье шлюхи.

– Ангел пролетел, – буркнул Рац.

– Китайцы! – взревел пьяный австралиец. – Херовы китаёзы изобрели сращивание нервов. На этом, мать его, материке нервы так тебе заштопают, что и шва не заметишь, носи до гроба.

– А вот это, – сказал Кейс, глядя в стакан и чувствуя поднимающуюся откуда-то изнутри желчную горечь, – хрень собачья.

* * *

И впрямь хрень. В области нейрохирургии японцы забыли, за ненадобностью, гораздо больше, чем китайцы когда-либо знали. Подпольные клиники Тибы – передовой рубеж медицины, целые массивы техники обновляются здесь ежемесячно, но даже местные врачи не смогли выправить ущерб, причиненный Кейсу в Мемфисе.

Он проторчал здесь уж целый год, и с каждым днем мечта о киберпространстве становилась все более призрачной. Он глотал стимуляторы горстями, облазил весь Ночной Город до последней его дыры и по-прежнему видел во сне матрицу – ее яркие логические решетки, развертывавшиеся в бесцветной пустоте… Муравейник где-то там, за Тихим океаном, а он больше ни оператор, ни киберковбой. Заурядный прохиндей, пытающийся выбраться из задницы. Но в японских ночах приходили сны – колдовские, острые, как удар высоким напряжением, и тогда Кейс плакал, просыпался в темноте и корчился в гробу капсульной гостиницы, руки тянулись к несуществующей клавиатуре, впивались в лежанку, и темперлон пузырями вылезал между пальцами.

* * *

– Видел вчера твою девицу, – сказал Рац, пододвигая Кейсу вторую кружку.

– Нет у меня никакой девицы, – помотал головой Кейс.

– А мисс Линда Ли?

Кейс снова помотал головой.

– Нет девушки? Совсем? Весь в делах, дружище артист? Полностью посвятил себя коммерции? – Маленькие карие глазки бармена тонули среди морщин. – С Линдой ты мне нравился больше. Чаще смеялся. А теперь ты как-нибудь так заиграешься, что окажешься в больнице. В банках, разобранный по кусочку.

– Не говори так, Рац, а то я разрыдаюсь.

Кейс допил пиво, встал и вышел под дождь, ссутулив узкие, обтянутые мокрой нейлоновой штормовкой плечи.

Проталкиваясь в толпе, затопившей улицу Нинсэй, он чувствовал запах собственного давно не мытого тела.

* * *

Кейсу шел двадцать пятый год. В двадцать два он уже был ковбоем, одним из лучших взломщиков Муравейника. Обучали его тоже лучшие специалисты, легендарные Маккой Поли и Бобби Куайн. В почти постоянном адреналиновом возбуждении, присущем молодости и профессионализму, Кейс подключался к изготовленной по спецзаказу киберпространственной деке, которая проецировала его освобожденное сознание на консенсуальную галлюцинацию матрицы. Он был вором и работал на других, более состоятельных воров, на заказчиков, а они снабжали его экзотическим софтом, без которого не просочишься сквозь сверкающие стены корпоративных систем, не прогуляешься по богатому полю данных.

Кейс совершил классическую ошибку, ту самую, которую клялся никогда не совершать. Он обокрал заказчиков. Утаил кое-что для себя и пытался толкнуть это кое-что через амстердамского барыгу. Он до сих пор не понимал, как его вычислили, хотя сейчас это было совершенно не важно. Кейс думал, что умрет, но они только улыбались. Деньги, говорили они, ну конечно же, кто же не хочет денег. И они тебе здорово понадобятся. Потому что – ослепительная улыбка – мы сделаем так, что ты никогда уже не сможешь работать.

Они повредили его нервную систему русским боевым микотоксином.

В мемфисской гостинице, привязанный к кровати, Кейс галлюцинировал тридцать часов кряду, пока выгорал микрон за микроном его талант.

Нарушение было мельчайшее, едва ощутимое и вместе с тем

крайне эффективное.

Для Кейса, который жил лишь ради восторга бестелесных странствий в киберпространстве, это означало полный крах. В барах, куда он ходил прежде, элитарный статус удачливого ковбоя подразумевал отстраненное презрение к плоти. Тело? Это просто кусок мяса. И вот теперь Кейс стал пленником собственного мяса.

* * *

Бывший ковбой незамедлительно превратил все свои активы в пухлую пачку новых иен – старинной бумажной валюты, которая, подобно морским ракушкам аборигенов Новой Гвинеи, беспрерывно циркулировала по замкнутому кругу мировых черных рынков. В Муравейнике с трудом, но все же удавалось вести легальный бизнес на наличные деньги, однако в Японии это строго воспрещалось.

И все же Кейс был уверен, что в Японии ему помогут. В Тибе. Либо в обычной клинике, либо в сумеречном царстве подпольной медицины. Тиба-Сити ассоциировался с имплантацией, сращиванием нервов, микробионикой и как магнит притягивал к себе технокриминальные элементы Муравейника.

За два месяца анализов и консультаций от Кейсовых иен не осталось ровно ничего. Врачи подпольных клиник, бывшие последней его надеждой, только поражались изощренности увечья и скорбно качали головой.

Теперь он спал в припортовых, самых дешевых гробах, под прожекторами, которые всю ночь, как необъятную сцену, освещали доки; и сияние телевизионного неба затмевало не только огни Токио, но даже огромный голографический знак «Фудзи электрик», а Токийский залив представлялся обширной черной гладью, где чайки кружат над дрейфующими островками белого пенопласта. Дальше за портом лежал город – купола заводов, над которыми возвышались прямоугольные силуэты корпоративных зданий. Порт и город разделяла узкая безымянная полоска старых улочек. Ночной Город с улицей Нинсэй в сердце. Днем бары вдоль Нинсэй закрывались и выглядели невзрачно: неон мертв, а неподвижные голограммы терпеливо ожидали, когда же под отравленное серебристое небо придет ночь.

* * *

В чайной под названием «Жарр де Тэ», в двух кварталах от «Таца», Кейс запил первое ночное колесо крепким двойным эспрессо. Эту плоскую розовую восьмиугольную таблетку – мощный бразильский декседрин – он купил у одной из зоуновских девиц.

Стены здесь были зеркальные, каждая панель – в обрамлении красных неоновых трубок.

Оставшись почти без денег и без надежды вылечиться, Кейс пришел в какое-то исступление и принялся добывать свежий капитал с холодной, будто бы чьей-то чужой энергией. В первый же месяц он замочил двух мужчин и одну женщину из-за сумм, которые еще год назад показались бы ему смехотворными. Нинсэй изнуряла его и скоро стала казаться внешней проекцией внутреннего стремления к смерти, таинственного яда, который постепенно переполнял тело.

Жизнь Ночного Города похожа на бестолковый эксперимент в области социального дарвинизма; зевающий от скуки исследователь ни о чем не думает, а знай себе поддает жару. Перестань шустрить – и тут же бесследно утонешь, но чуть переусердствуй – и нарушишь хрупкое поверхностное натяжение черного рынка; и так и сяк – тебя нет, ничего не осталось, кроме смутных воспоминаний о тебе у старожилов вроде Раца, да вдобавок сердце, легкие или почки в больничных колбах, которые еще могут пригодиться какому-нибудь богатенькому засранцу.

Бизнес требовал постоянной интуиции, и смерть воспринималась как естественное наказание за лень, беззаботность, отсутствие такта, за неумение приспособиться к запутанному этикету черного рынка.

Однако, сидя за столиком в «Жарр де Тэ» и чувствуя, как под действием таблетки потеют ладони, вздрагивают волоски на руках и груди, Кейс неожиданно осознал, что давно уже играет в древнюю игру обреченных, азартно раскладывает смертельный пасьянс отчаяния. Он больше не носил оружия и не принимал никаких мер предосторожности. Он заключал поспешные необдуманные сделки прямо на улице и приобрел репутацию человека, способного достать все, что угодно. Какая-то часть его сознания понимала, что ослепительный блеск самоуничтожения не может не броситься в глаза заказчикам, которых, кстати, становилось все меньше. Однако та же самая часть буквально млела в предвкушении близкого конца. И эту же самую часть, в тепле и уюте ожидавшую смерти, особенно раздражали любые мысли о Линде Ли.

Он познакомился с ней в аркаде[2] одним дождливым вечером.

Под яркими призраками, сияющими в голубом сигаретном тумане, среди голограмм «Замка колдуна», «Танковой войны в Европе», «Полета над Нью-Йорком»… Буйные сполохи лазерного света превращали ее лицо в код: скулы вспыхивали алым, когда пылал замок колдуна, лоб высвечивался лазурью, когда в Мюнхен входили танки, и рот озарялся жарким золотом, когда скользящий курсор высекал искры в каньоне небоскребов. В тот вечер он чувствовал себя богачом: Уэйджев брикет кетамина отправлен в Йокогаму, капуста уже в кармане. Кейс спрятался от теплого дождя, хлеставшего по тротуарам Нинсэй, и как-то сразу из множества посетителей выделил девушку, которая играла с истинным самозабвением. Несколькими часами позже, в припортовом гробу, он опять рассматривал то же самое восторженное выражение ее сонного лица и губы, похожие на птичку, какую рисуют дети.

Гордый от заключенной сделки, Кейс направился к девушке и вдруг поймал на себе ее взгляд. Серые глаза, густо обведенные черным карандашом. Взгляд животного, парализованного светом приближающегося автомобиля.

Их совместная ночь перешла в утро, в билеты на паром и его первую поездку на ту сторону залива. Дождь хлестал не переставая, сек струями квартал Харадзюку, скатывался каплями по ее синтетической курточке, обдавал водяной пылью токийских подростков в белых кроссовках и блестящих накидках, шумными группками бродивших мимо знаменитых бутиков, а к полуночи Кейс с Линдой стояли в шумном зале для игры в патинко, и она держалась за его руку, словно ребенок.

Через месяц из-за веществ и чрезмерного напряжения эти постоянно испуганные глаза превратились в бездонные колодцы наркотической жажды. Кейс наблюдал, как, словно айсберг, разваливается на куски ее личность; в конце концов осталась только нездоровая страсть, голый остов пагубной привычки. Она тянулась к очередной дозе с упорством насекомого и напоминала ему богомолов, которые продавались в киосках на улице Сига рядом с голубыми карпами-мутантами и сверчками в бамбуковых клетках.

Кейс посмотрел в пустую чашку на черное колечко кофейной гущи. Оно дрожало – малоудивительно, после амфетамина-то. Коричневую столешницу покрывала тусклая паутина крошечных царапинок. Чувствуя дексовую волну, вздымающуюся вдоль позвоночника, Кейс думал о том, какое бесчисленное количество случайных ударов потребовалось, чтобы создать такую поверхность. «Жарр» был обставлен в почтенной безымянной манере прошлого века, этакая смесь традиционного японского

стиля с блеклым миланским пластиком, однако все здесь казалось покрытым тончайшей пленкой, словно расшатанные нервы миллионов посетителей каким-то образом подействовали на зеркала и блестящую прежде пластмассу, оставив на каждой поверхности свой неизгладимый след.

– Привет, Кейс!

Он поднял голову и увидел серые глаза, густо обведенные карандашом. На девушке были поношенный французский орбитальный комбинезон и новехонькие белые кроссовки.

– А я все тебя ищу.

Девушка села напротив и положила локти на стол. Исчерканные молниями голубые рукава зияли прорехами, и Кейс привычно поискал признаки дермов или инъекций на ее руках.

– Курить будешь?

Она вытащила из подколенного кармана мятую пачку сигарет «Ехэюань» и красную пластиковую зажигалку. Кейс закурил.

– Хорошо спишь, Кейс? А то вид у тебя усталый.

Судя по акценту, она происходила из южной части Муравейника – откуда-нибудь близ Атланты. Ее щеки имели бледный нездоровый цвет, хотя тело все еще выглядело гладким и крепким. Ей было двадцать. В уголках губ появились новые морщинки. Темные волосы стягивала шелковая ленточка с узором. Рисунок изображал то ли микросхему, то ли карту какого-то города.

– Совсем не сплю, разве что забуду про таблетки, – ответил Кейс и вдруг ощутил прилив сильного желания – вожделение и одиночество оседлали амфетаминовую волну. Он вспомнил запах ее кожи в жаркой темноте припортового гроба, пальцы, сплетенные у него на пояснице.

«Мясо, – подумал Кейс, – мясо хочет мяса».

– Уэйдж… – сказала девушка, сузив глаза. – Он жаждет увидеть тебя с дыркой во лбу.

Она закурила.

– Кто сказал? Рац? Ты говорила с Рацем?

– Нет. Мона. Ее новый парень работает на Уэйджа.

– Не так уж много я ему и должен, – пожал плечами Кейс. – А если он меня прикончит, то не получит вообще ничего.

– Слишком уж много у него должников, а тебя пришьют – другие задумаются. Так что смотри в оба.

– Ладно. Ну а как ты, Линда? У тебя есть где переночевать?

– Переночевать? Конечно есть, как же без этого.

Девушка дернулась и чуть не упала со стула. Ее лицо покрылось потом.

– Вот. – Кейс вытащил из кармана скомканную полусотню,

кое-как ее разгладил, сложил вчетверо и протянул девушке.

– Они пригодятся тебе самому, дорогуша. Отдай их лучше Уэйджу. – В ее серых глазах светилось что-то непонятное, чего он раньше не видел.

– Я должен Уэйджу гораздо больше. Возьми. Я тут скоро еще получу, – солгал Кейс, глядя, как его деньги исчезают в кармане с молнией.

– Как только получишь, сразу ищи Уэйджа.

– Увидимся, – сказал Кейс и встал из-за стола.

– Конечно. – В глазах девушки под радужкой виднелось по миллиметру роговицы. Сампаку.[3] – Так что ты поосторожнее.

Он кивнул и почувствовал сильнейшее желание оказаться как можно дальше отсюда.

Закрывая пластиковую дверь, Кейс оглянулся и увидел отражение ее глаз, обрамленное красным неоном.

* * *

Пятница, вечер, улица Нинсэй.

Кейс шел мимо лотков с якитори, мимо массажных кабинетов, мимо фирменной кофейни «Прекрасная девушка», мимо электронного грохота аркады. В одном месте он уступил дорогу смуглому сараримену, попутно заметив у того фирменный знак «Мицубиси-Генотех», вытатуированный на тыльной стороне правой кисти.

Настоящий знак или картинка для хвастовства? Так или иначе, подумал Кейс, мужик этот прямо напрашивается на крупные неприятности. А если знак липовый – то и поделом. Служащим «М-Г», достигшим определенного уровня, имплантируют новейшие микропроцессоры, которые замеряют содержание мутагенов в крови. С таким прибором в Ночном Городе залетишь на гоп-стоп как пить дать – на гоп-стоп и дальше, прямиком в подпольную клинику.

Сараримен был японцем, но по большей части толпа на Нинсэй состояла из гайдзинов – приезжих. Шли из порта группки моряков, озабоченные одинокие туристы искали удовольствий, не указанных в путеводителях, шустрилы из Муравейника щеголяли искусственными бицепсами и имплантатами, сновали всевозможные мошенники – все двигалось в сложном танце желаний и купли-продажи.

И хотя бесчисленные теории объясняли, почему в Тиба-Сити терпели район Нинсэй, Кейс склонялся к мысли, что якудза сберегла это место в качестве исторического заповедника – как

памятник скромному истоку своей деятельности. Не лишенным смысла казалось и утверждение, что бурно развивающимся технологиям нужны зоны беззакония и Ночной Город существует не как среда обитания, а как намеренно ничем не ограниченный производственный полигон.

Кейс смотрел на уличные огни и думал: права ли Линда? Способен ли Уэйдж убить его в назидание остальным? Смысла как-то мало, однако, с другой стороны, Уэйдж торговал в основном запрещенными биопрепаратами, а для этого нужно быть полным психом.

Итак, Линда утверждает, что Уэйдж хочет его смерти. Основное открытие Кейса в динамике уличной торговли состояло в том, что на самом деле ни покупатель, ни продавец в нем не нуждаются. Посредник – неизбежное зло, в этом, собственно, и состоит его бизнес. Сомнительная ниша, которую Кейс создал в криминальной экологии Ночного Города, выдалбливалась обманом и еженощно углублялась предательством. И теперь, услышав, что стены этой ниши трещат, он чувствовал себя на гребне странной эйфории.

Неделю тому назад, стараясь снять большую, чем обычно, маржу, Кейс задержал продажу синтетического гландулярного экстракта. Вряд ли Уэйджу это понравилось. Уэйдж – его главный поставщик, он провел в Тибе девять лет и был одним из немногих иностранцев, кому удалось наладить связь с замкнутым, строго иерархичным преступным истеблишментом за пределами Ночного Города. Генетические материалы и гормоны проникали на Нинсэй по таинственной цепочке связных. Однажды Уэйджу каким-то образом удалось выяснить, откуда поступает товар, и теперь у него были прочные связи с дюжиной городов.

Кейс очнулся от размышлений у витрины магазина. Здесь продавали морякам маленькие блестящие штучки: часы, пружинные ножи, зажигалки, карманные видеодвойки, симстим-деки, массивные цепочки-манрики и сюрикэны. Эти стальные звездочки с острыми как бритва лучами всегда его восхищали. Одни – хромированные, другие – черные, третьи – с радужными, как нефть на воде, разводами. Хромированные – просто загляденье. Лежат на алой ультразамше, прикрепленные едва заметной нейлоновой леской, в центре каждой выдавленный инь—ян или дракончик. Сюрикэны переливались уличным неоном, и Кейсу на мгновение показалось, что это и есть его путеводные звезды, что его судьба читается в созвездии грошовых хромированных железок.

– Жюли, – сказал им Кейс. – Пора навестить старину Жюли. Он все знает.

* * *

Джулиусу Дину было сто тридцать пять лет, и он упорно замедлял свой метаболизм еженедельным приемом сывороток и гормонов. Но его главным оружием против старения было ежегодное паломничество в Токио, где хирурги-генетики совершали недоступную в Тибе операцию – восстанавливали генетический код. После омоложения Дин летел в Гонконг, где заказывал годовой запас костюмов и рубашек. В жизни этого бесполого, нечеловечески спокойного человека была одна-единственная страсть: он исповедовал наиболее эзотерические разновидности тряпкопоклонства. И хотя его гардероб чуть ли не целиком состоял из тщательных реконструкций одежды прошлого столетия, Кейс ни разу не видел, чтобы Джулиус надел один и тот же костюм дважды. Дин носил очки в тончайшей золотой оправе с линзами, вырезанными из пластинок розового синтетического кварца и обточенными наподобие зеркал викторианского кукольного домика.

Его контора помещалась неподалеку от Нинсэй, в складском помещении, много лет назад частично обставленном разношерстной европейской мебелью, словно Дин и вправду собирался здесь жить. В комнате, где находился сейчас Кейс, вдоль стены пылились громоздкие книжные шкафы в новоацтекском стиле. На низком кофейном столике из ярко-алой стали, будто изготовленном Кандинским, неуклюже примостились две пузатые настольные лампы в стиле Диснея. На стене, между книжными шкафами, висели часы а-ля Сальвадор Дали, их искореженный циферблат стекал прямо на бетонный пол. Голографические стрелки в точности повторяли мельчайшие изгибы причудливого циферблата, но почему-то всегда показывали неправильное время. Повсюду стояли белые стекловолоконные упаковки, источавшие резкий запах имбиря.

– Хвоста за тобой вроде нет, – раздался из ниоткуда голос Дина. – Ну, давай, сынок, входи.

Слева от книжных шкафов щелкнули магнитные запоры массивной, отделанной под розовое дерево двери. К полированному пластику были приклеены – и почти уже отклеились – большие буквы: «ДЖУЛИУС ДИН. ИМПОРТ-ЭКСПОРТ». И если в импровизированной приемной обстановка воспроизводила конец прошлого века, то в самом кабинете она соответствовала его началу.

Из светового пятна, созданного старинной медной лампой с темно-зеленым прямоугольным абажуром, на Кейса смотрело гладкое розовое лицо. Импортер восседал за огромным

металлическим письменным столом, с обеих сторон его окружали шкафы из светлого дерева с многочисленными ящичками. Кейс предполагал, что в них, вероятно, раньше хранились какие-то записи. Столешницу заваливали разбросанные кассеты, рулоны пожелтевших распечаток и детали допотопной механической пишущей машинки, до которой у Дина никогда не доходили руки.

– Так чем же обязан честью? – спросил импортер, в руке его появилась тоненькая карамелька в бело-голубом клетчатом фантике. – Попробуй. «Тин-Тин-Дьяхе», самые лучшие.

Кейс отрицательно мотнул головой, сел на гнутый деревянный стул и провел большим пальцем по едва заметному рубчику черных джинсов.

– Жюли, я слышал, что Уэйдж хочет меня убить.

– А-а-а… Ну, тогда… А от кого ты это слышал, позволено будет узнать?

– От людей.

– От людей, – повторил Дин, посасывая имбирную карамельку. – И что же это за люди? Друзья?

Кейс кивнул.

– Не всегда ведь и поймешь, кто твой друг, верно?

– Я немного задолжал Уэйджу. Он ничего тебе не говорил?

– В последнее время я с ним не общался, – вздохнул Дин. – Но и знай я что-нибудь, все равно ничего бы тебе не сказал. Исходя из положения вещей.

– Положения вещей?

– Уэйдж – важное звено, Кейс.

– Он действительно хочет меня убить?

– Этого я не знаю. – Дин равнодушно пожал плечами; сторонний наблюдатель мог бы подумать, что они обсуждают цены на имбирь. – Если слух не подтвердится, возвращайся, сынок, где-нибудь через недельку, я подкину тебе малость сингапурского товару.

– Из отеля «Нан-Хай», что на Бенкулен-стрит?

– Болтай поменьше! – ухмыльнулся Дин.

Металлический стол был под завязку забит оборудованием, исключающим прослушивание.

– Ладно, до встречи, Жюли. Пойду передам привет Уэйджу.

Пальцы Дина поправили идеальный узел светлого шелкового галстука.

* * *

Кейс не прошел и квартала, как внезапно, прямо-таки на клеточном уровне почувствовал, что кто-то плотно сел ему на хвост.

Мания преследования была для Кейса нормальным профессиональным заболеванием, как силикоз для шахтеров; он давно воспринимал эту слабость как нечто само собой разумеющееся. Хитрость состояла в том, чтобы не позволить ей выйти из-под контроля, но порой это было довольно затруднительно из-за большого количества закаченных колес. Кейс справился с приливом адреналина и, придав своему узкому лицу выражение скучающей рассеянности, притворился праздным гулякой. Через некоторое время он увидел затемненную витрину и остановился рядом. Это был хирургический бутик, закрытый на ремонт. Сунув руки в карманы, Кейс разглядывал плоский шмат искусственной плоти, лежащий на резной, поддельного нефрита, подставке. Кожа образца напомнила ему «загар» шлюх Зоуна, на ней тускло, как татуировка, мерцал цифровой дисплей, управляемый подкожным чипом. «Зачем, – подумал Кейс, чувствуя, как пот струится по ребрам, – нужно вживлять микросхему, если ее можно просто носить в кармане?»

Не поворачивая головы, одними глазами он изучал отражение проходящей мимо толпы.

Вот.

За моряками в рубашках хаки с короткими рукавами. Темные волосы, зеркальные очки, темная одежда, стройный…

Исчез.

Низко пригнувшись, петляя между прохожими, Кейс побежал по улице.

* * *

– Одолжи мне ствол.

Шин улыбнулся:

– Через два часа.

Окруженные запахами свежевыловленной морской живности, они стояли в подсобке павильона, торгующего суси на улице Сига.

– Приходи через два часа.

– Мне нужно сейчас. Поищи, может, есть что-нибудь.

Шин пошарил за пустыми двухлитровыми банками из-под тертого хрена и извлек на свет божий продолговатый, завернутый в серую клеенку пакет:

– Тазер. Один час, двадцать нью-иен. Залог тридцать.

– На хрена он мне? Мне нужен пистолет. А то пойду я вот сейчас гулять, и захочется мне кого-нибудь шлепнуть. Ну и куда же я тогда без пистолета?

Официант пожал плечами и водворил тазер на прежнее место:

– Через два часа.

* * *

Кейс вошел в магазин, даже не взглянув на выставку сюрикэнов. Он не метал их ни разу в жизни.

С помощью кредитного чипа Мицубиси-банка на имя Чарльза Дерека Мея он купил две пачки «Ехэюань»; чип этот служил Кейсу вместо паспорта.

Продавщица-японка выглядела на несколько лет старше старины Дина; правда, свои годы она прожила без помощи достижений науки. Кейс вынул из кармана тощую стопку нью-иен:

– Я хочу купить оружие.

Продавщица показала на витрину с ножами.

– Нет, – сказал Кейс, – я не люблю ножи.

Тогда женщина вытащила из-под прилавка продолговатую коробку. На желтом картоне крышки грозно раздувала капюшон аляповатая, свернувшаяся кольцами кобра. Под крышкой лежали восемь одинаковых цилиндров в бумажной упаковке. Кейс молча наблюдал, как коричневые, в желтых старческих пятнах пальцы разворачивают обертку. Женщина показала ему матовую стальную трубочку с кожаной петлей на одном конце и маленькой бронзовой пирамидкой на другом. Она взяла трубку в одну руку, а другой потянула за пирамидку. Наружу вылетели и зафиксировались три промасленных телескопических сегмента туго навитой пружины.

– «Кобра», – сказала продавщица.

* * *

Небо над неоновыми конвульсиями Нинсэй приобрело сероватый оттенок. Сегодня воздух обдирал легкие, словно наждачная бумага; на многих прохожих были фильтрующие маски. Кейс провел в уборной целых десять минут, пытаясь пристроить «кобру» поудобнее, но в конце концов попросту заткнул ее за пояс. Прикрытый штормовкой пирамидальный

конец тыкался под ребра. При каждом шаге эта штуковина грозила вывалиться на землю, но все же с ней было как-то спокойнее.

«Тац» не очень-то процветал и в будние вечера привлекал в основном постоянную клиентуру. Зато по пятницам и субботам он выглядел совсем иначе. И хотя в эти дни многие завсегдатаи приходили тоже, они как-то терялись среди массы подвыпивших моряков и профессиональных воришек, охотившихся за их кошельками. Войдя в бар, Кейс поискал глазами Раца, но тот куда-то исчез. Местный сутенер Лонни Зоун остекленевшим взором подвыпившего папаши наблюдал, как одна из его девочек обрабатывает юного моряка. Сводник употреблял балду, которую японцы называют «облачные танцовщицы». Поймав на себе его взгляд, Кейс помахал рукой. Лонни неторопливо подошел, его анемичное продолговатое лицо выражало безмятежное спокойствие.

– Лонни, ты видел сегодня Уэйджа?

Зоун посмотрел на Кейса и медленно покачал головой.

– Зуб даешь?

– А может, и видел. В «Намбане». Часа два назад.

– С ним были ребята? Один такой стройный, с темными волосами, наверное, в черной куртке?

– Нет, – сказал Зоун после длительных раздумий; морщины на его лбу должны были свидетельствовать о мучительных усилиях, необходимых, чтобы вспомнить столь мелкие подробности. – Здоровые такие ребята. С искусственными бицепсами.

Под прикрытыми веками Зоуна проглядывали крохотные белки, еще меньшие радужки и огромные расширенные зрачки. Он долго смотрел Кейсу в лицо, затем опустил взгляд. Заметил выпирающий стальной хлыст. Многозначительно поднял бровь и сказал:

– «Кобра». Ты хочешь кого-то замочить?

– Пока, Лонни.

И Кейс покинул бар.

* * *

Хвост вернулся. Кейс знал это наверняка. К обычному наркотическому возбуждению добавилось нечто новое, он почувствовал приступ восторга. «Чему радуешься, – подумал он, – псих ненормальный?»

Каким-то непостижимым образом обстановка напоминала

матрицу. Устань, окажись в отчаянно неожиданном положении, и ты увидишь Нинсэй информационным полем (примерно так же однажды матрица напомнила ему протеины, сцепляющиеся друг с другом, чтобы задать специализацию клетки). Тогда можешь броситься в головокружительный акробатический полет, отдаться ему целиком, ни на секунду не забывая о своей отделенности, а вокруг тебя бушует неудержимый танец чисел – сделки, счета, котировки, – и ты видишь, как базы данных претворяются в плоть лабиринтов черного рынка…

«Давай, Кейс, – говорил он сам себе. – Надери их. Вот уж чего они никак не ожидают».

Кейс находился в полуквартале от игровой аркады, где когда-то познакомился с Линдой Ли.

Расталкивая гуляющих матросов, он бросился через улицу. Ему вслед заорали по-испански. Кейс открыл дверь, и оттуда рванулся грохот, похожий на рев прибоя, и мощный инфразвук отозвался даже не в ушах, а где-то в желудке. Кто-то нанес десятимегатонный удар в «Танковой войне», и теперь чудовищный огненный шар, имитирующий воздушный ядерный взрыв, превращался в голограммный клубящийся дымный гриб, вся аркада утонула в белом шуме. Кейс бросился вправо и побежал по некрашеным ступенькам вверх. Как-то он приходил сюда с Уэйджем договариваться о запрещенных гормональных триггерах с неким Мацугой. Кейс припоминал этот коридор, грязную циновку, ряд одинаковых дверей, ведущих в крохотные кабинетики. Одна дверь была открыта. Из-за белого терминала подняла голову молоденькая японочка в черной майке; за ее спиной виднелся постер, рекламирующий поездку в Грецию, – голубизна Эгейского моря заляпана округлыми иероглифами.

– Вызови охрану, – сказал Кейс.

И помчался дальше. Две последние двери были закрыты и, скорее всего, заперты. Он развернулся и припечатал нейлоновой подошвой кроссовки самую дальнюю по коридору дверь, сделанную из синего пластика. Раздался хруст, слабые петли вырвало из хлипкого косяка. Темнота и белый изгиб компьютерного терминала. Кейс бросился направо к следующей двери, схватился за прозрачную пластмассовую ручку и навалился изо всех сил. Что-то щелкнуло, и он оказался в комнате. В той самой, где они с Уэйджем видели в тот раз Мацугу, но от подставной фирмы, которая здесь размещалась, не осталось и следа… Ни терминалов, ничего. Только тусклый уличный свет, сочащийся сквозь закопченный пластик. Кейс заметил торчащую из стенки змею световодного кабеля, кучу пустых пакетов от какой-то японской жратвы и электрический

вентилятор без лопастей.

Окно было заделано куском дешевой, некогда прозрачной пластмассы. Кейс снял куртку, обмотал правую руку и ударил. Окно треснуло, еще два удара, и оно вылетело из рамы. То ли из-за разбитого окна, то ли стараниями девушки сквозь приглушенный хаос игры начала завывать тревожная сирена.

Кейс обернулся, накинул куртку и раскрыл «кобру». Он ждал, что преследователь заметит выбитую дверь и бросится сначала туда. Бронзовая пирамидка на конце упругого стального хлыста раскачивалась, вторя ударам пульса.

Время шло, однако ничего не происходило. Только завывала сирена, гремели игры, колотилось сердце. И тогда, как полузабытый друг, вернулся страх. Но не холодная, четкая дексовая паранойя, а обыкновенный животный ужас. Кейс так долго прожил в постоянной тревоге, что почти забыл вкус настоящего страха.

В такой конуре убить человека проще простого. И он может здесь умереть. У них может быть оружие.

В дальнем конце коридора что-то грохнуло. Какой-то мужчина заорал по-японски. Дикий ужасный вопль. И снова грохот.

Неторопливые приближающиеся шаги.

Кто-то проходит мимо двери. Тишина, только три торопливых удара сердца. Возвращается. Раз! Два! Три! Скрипнула под каблуком циновка.

Остатки декседриновой смелости рухнули. В слепом, нерассуждающем ужасе, чувствуя, как звенят от напряжения нервы, Кейс сложил «кобру» и подкрался к окну. Не отдавая отчета в своих действиях, он вскочил на подоконник и прыгнул вниз. Столкновение с мостовой послало вдоль голеней острые клинья боли.

Узкая полоса света из полуоткрытого служебного люка падала на клубок проводов, разбитые платы и консоль древнего компьютера. Кейс лежал лицом вниз на сырой древесно-стружечной плите; придя в себя от удара, он сразу перекатился в тень. Окно, откуда он выпал, слабо светилось. Здесь завывание сирены слышалось громче, а шум игрового зала, отгороженного стеной, – тише.

В окне появилась и тут же исчезла чья-то голова. Опять появилась, но черты лица не разобрать. Только вместо глаз – серебряный блеск.

– Вот же мать твою! – произнес женский голос с акцентом северного Муравейника.

Голова исчезла и больше не появлялась. Лежа под консолью,

Кейс сосчитал до двадцати и встал. Несколько секунд он тупо смотрел на собственную руку и зажатую в ней «кобру», а потом заковылял по улице, прихрамывая и стараясь поменьше ступать на левую ногу.

* * *

Интересно, где это Шин откопал такую рухлядь, ведь пистолетику этому лет пятьдесят, никак не меньше. Вьетнамская копия бразильской пародии на «Вальтер ППК», самовзвод с очень тугим спуском, приспособлен под винтовочный патрон двадцать второго калибра. Да и в патронах не настоящие разрывные пули, а китайская дешевка, свинцовые с пустотелым концом. И все-таки это пистолет, с восьмью патронами в обойме и одним в стволе; выйдя из лавчонки Шина на улицу Сига, Кейс то и дело опускал руку в карман и поглаживал красную пластиковую рукоятку, украшенную рельефными драконами. Свернув на Нинсэй, он выбросил «кобру» в первый же мусорный ящик и проглотил, не запивая, очередной восьмиугольник.

Подхлестнутый таблеткой, он стремительно помчался по Нинсэй и далее по Байицу. Хвост, похоже, отстал, и это тоже радовало. Ему нужно позвонить, погоня погоней, но бизнес не ждет. Недалеко от порта на улице Байицу стоял безобразный десятиэтажный дом из желтого кирпича. Его окна уже погасли, но, если задрать голову, можно было различить слабое свечение, идущее с крыши. Потухшая неоновая вывеска у главного входа гласила: «Дешевый отель»; далее шли сплошные иероглифы. Если гостиница и имела другое название, то Кейс его не знал, потому что ее везде называли не иначе как «Дешевый отель». Свернув с Байицу в узкий проулок, вы оказываетесь у основания прозрачной шахты. Лифт к «Дешевому отелю» пристроили позднее, с помощью бамбука и эпоксидки. Кейс забрался в кабину и вставил в щель свой индивидуальный ключ – обрезок жесткой магнитной ленты.

Кейс арендовал здесь гроб в первый же день по прибытии в Тибу и возобновлял договор еженедельно. Однако он ни разу здесь не спал. На ночь он перебирался в другие, еще более дешевые заведения.

Исцарапанные, засаленные стенки кабины провоняли дешевыми духами и сигаретами. Когда лифт прошел пятый этаж, Кейс увидел уличные фонари Нинсэй. Постукивая пальцами по рукоятке пистолета, он дождался, пока лифт со змеиным шипением не остановится. Как всегда, остановка сопровождалась

сильным толчком, но он к этому привык. Выйдя из лифта, он очутился на зеленой лужайке, служившей одновременно гостиничным холлом. Посреди синтетического газона за полукруглой компьютерной консолью сидел мальчишка-японец; он читал какой-то учебник. Над пацаном возвышались строительные леса с фибергласовыми гробами. Шесть ярусов, по десять гробов в каждом, с каждой из четырех сторон. Кейс кивнул мальчишке и пошкандыбал к ближайшей лестнице. И хотя все сооружение было покрыто листами дешевого слоистого пластика, которые трещали от сильного ветра и текли во время дождя, сами гробы были довольно прочными, вскрыть такую капсулу без ключа было не так-то и просто.

Длинный решетчатый трап вибрировал под ногами, пока Кейс пробирался по третьему ярусу к своему номеру, 92-му. Все гробы были по три метра длиной и имели овальный люк в один метр шириной и чуть меньше полутора метров высотой. Кейс вставил магнитный ключ в щель и подождал, пока компьютер не подтвердит его подлинность. Магнитные запоры громко щелкнули, и, скрипя пружинами, люк поднялся. Вспыхнули флюоресцентные лампы, Кейс заполз внутрь, закрыл за собой люк и заперся на механический засов.

В «номере» не было другой мебели, кроме маленького карманного компьютера «хитачи» и небольшого холодильника. В белом пенопластовом шкафчике лежало все, что осталось от трех десятикилограммовых брусков сухого льда, обернутых плотной бумагой, чтобы меньше испарялись, а также небольшой алюминиевый контейнер. Присев на коричневом поролоновом мате, который служил одновременно и полом и кроватью, Кейс вынул из кармана пистолет и положил его на холодильник. Затем снял куртку. В одну из изогнутых стен гроба был встроен пульт бытового компьютера, а напротив висела табличка, сообщавшая гостиничные правила на семи языках. Кейс снял розовую телефонную трубку и набрал по памяти гонконгский номер. Прослушав пять длинных гудков, он повесил трубку. Покупатель трех мегабайт информации, висевшей в оперативке его «хитачи», не отвечал.

Тогда он позвонил по токийскому номеру.

В трубке женский голос что-то сказал по-японски.

– Ловчила дома?

– Рад тебя слышать, – вступил в разговор Ловчила. – Я ждал твоего звонка.

– Тут появилась музыка, которую ты хотел. – Кейс посмотрел на холодильник.

– Очень рад. Но у нас проблемы с наличностью. Ты можешь

подождать?

– Слушай, мне очень нужны деньги…

В трубке раздались короткие гудки.

– Ну ты говно. – И Кейс с сомнением уставился на дешевый маленький пистолет. – Странно это все, – добавил он. – И чем дальше, тем страньше.

* * *

Держа руки в карманах, причем одна рука сжимала пистолет, а другая – алюминиевый контейнер, Кейс вошел в «Тац». До рассвета оставался еще добрый час.

Прислонившись к стенке, взгромоздив все свои сто двадцать кило на скрипучий стул, Рац сидел за дальним столиком и пил из пивной кружки минералку «Аполлонарис». За стойкой работал бразилец Курт, который присматривал за несколькими, в основном тихими, пьяницами. Рац поднял надсадно гудящим протезом кружку, сделал глоток и поставил ее на место.

– Плохо выглядишь, дружище артист, – сказал он, демонстрируя непотребное содержимое своего рта.

– Наоборот, я чувствую себя отлично, – улыбнулся Кейс, и его лицо стало похоже на оскаленный череп. – Сверхотлично.

Он плюхнулся на стул напротив Раца, по-прежнему держа руки в карманах.

– Ага, и ты шляешься с места на место в своем переносном бомбоубежище из водки и стимуляторов. Наилучшая защита от неприятных эмоций?

– Слушай, отстал бы ты от меня со своими шуточками. Уэйдж тут не пробегал?

– Защита от страха и одиночества, – продолжал бармен. – Прислушайся к своему страху. Может быть, он – твой друг.

– Ты ничего не слышал о потасовке в аркаде, Рац? Кого-нибудь ранили?

– Кто-то порезал охранника. – Бармен равнодушно пожал плечами. – Вроде девица какая-то.

– Я хочу поговорить с Уэйджем, Рац. Я…

– Да? – Губы бармена неожиданно сжались в прямую линию. Он смотрел мимо Кейса на входную дверь. – Сейчас поговоришь.

Перед внутренним взором Кейса неожиданно сверкнули сюрикэны. В голове звенел проглоченный за день декс. Пистолетная рукоятка стала скользкой от пота.

– Герр Уэйдж. – Рац медленно протянул вперед свой розовый манипулятор, как будто ожидая рукопожатия. – Какая огромная

честь. Вы у нас такой редкий гость.

Кейс обернулся и посмотрел Уэйджу в лицо. Загорелая, ничем не приметная маска. Его глаза, искусственные, цвета морской волны (трансплантаты фирмы «Никон»), ничего не выражали. Уэйдж был одет в темно-серый шелковый костюм и на каждом запястье носил по простенькому платиновому браслету. Его сопровождали два почти одинаковых молодых парня, руки и плечи которых раздувались от искусственных мышц.

– Как поживаешь, Кейс?

– Джентльмены, – сказал Рац, поднимая со стола розовой клешней пепельницу, полную окурков, – я не хочу здесь никаких неприятностей. – Толстая, из ударопрочной пластмассы пепельница рекламировала пиво «Циндао»; она жалобно хрустнула в клешне Раца, на стол посыпались окурки и зеленые осколки. – Вы меня понимаете?

– Эй, папаша, – сказал один из парней, – уж не хочешь ли ты испытать эту штуковину на мне?

– Не старайся целиться в ноги, Курт, – негромко кинул Рац.

Только теперь Кейс увидел, что стоящий за стойкой бразилец навел на троицу райот-ган фирмы «Смит-и-Вессон». Ствол ружья, сделанный из тонкого, как бумага, сплава, плотно обвивала стеклянная нить, а калибр был столь велик, что в дульное отверстие свободно проходил сжатый кулак. В решетчатом открытом магазине виднелись пять толстых оранжевых патронов с «желейными» пулями.

– Теоретически несмертельно, – сказал бармен.

– Слушай, Рац, – заговорил наконец Кейс, – за мной должок.

– Ничего ты мне не должен, – пожал плечами Рац. – А этим, – он сверкнул глазами в сторону Уэйджа и его дружков, – следовало бы получше знать правила. В «Тацубо» никого не мочат.

Уэйдж примирительно кашлянул:

– Никто никого и не собирался мочить. Мы только хотели поговорить о деле. Мы с Кейсом партнеры.

Кейс вытащил пистолет и навел его Уэйджу в пах:

– Мне сказали, ты хочешь меня убить.

Розовая клешня обхватила пистолет, Кейс беспрекословно его выпустил.

– Слушай, Кейс, ты дурак или сроду так? Что это за чушь, будто я собираюсь тебя убить? – Уэйдж повернулся к своим телохранителям. – Вы, двое, отправляйтесь в «Намбан». Ждите меня там.

Кейс наблюдал, как парочка проследовала к выходу, теперь, кроме них, в баре оставались только Курт за стойкой да пьяный

матрос, свернувшийся калачиком на полу. Ствол «смит-и-вессона» проводил двоих к двери, а затем опять вернулся к Уэйджу. Магазин «вальтера» со стуком упал на стол. Держа оружие клешней, Рац здоровой рукой выколупывал патрон из патронника.

– Кто сказал, что я собираюсь тебя пришить, Кейс? – спросил Уэйдж.

Линда.

– Кто тебе такого наговорил? Кто-то пытался тебя подставить.

Матрос застонал и изрыгнул фонтан блевотины.

– Вышвырни его отсюда, – приказал Рац Курту, который закуривал, сидя на краю стойки; ружье лежало у него на коленях.

Внезапно Кейс почувствовал, что ночь навалилась на него, мокрый тяжелый песок надавил на глазные яблоки. Он вынул из кармана алюминиевый контейнер и протянул его Уэйджу:

– Все, что у меня есть. Гипофизы. Если постараться, можно толкануть за пять сотен. Остальные мои деньги были вложены в кое-какие файлы, но там, похоже, полный прогар.

– Слушай, Кейс, ты не болен? – (Контейнер исчез во внутреннем кармане темно-серого пиджака.) – Я хотел сказать, ладно, мы в расчете, но у тебя нездоровый вид. Такое ощущение, словно о тебя вытирали ноги. Шел бы ты и поспал.

– Надо бы… – Кейс встал, и бар закачался перед глазами. – У меня было еще пятьдесят. Но их я отдал одной подруге.

Он по-дурацки хихикнул. Затем взял со стола магазин, отдельный патрон, положил их в один карман, а пистолет засунул в другой.

– Пойду к Шину, заберу залог.

– Лучше иди домой, – как-то смутившись, произнес Рац и сел; многострадальный стул жалобно заскрипел под его огромным телом. – Артист. Иди-ка ты домой.

Проталкиваясь в дверь, Кейс спиной чувствовал, что они смотрят ему вслед.

* * *

– Вот же сука, – сказал Кейс, глядя, как небо над Сигой приобретает розовый оттенок.

Голограммы Нинсэй, подобно ночным призракам, одна за другой исчезали перед наступающим рассветом, а неоновые вывески погасли уже почти все. Кейс отхлебнул из пластмассового стаканчика крепкий черный кофе, купленный на улице у лоточника, и вновь посмотрел на восходящее солнце.

– Улетай-ка ты отсюда, милочка. Город вроде этого – для тех, кто предпочитает катиться по наклонной.

На самом деле все было гораздо сложнее, и едва ли стоило на нее злиться. Просто Линде был нужен билет домой, а то, что лежало в оперативке его «хитачи», обеспечит ей необходимую сумму – если найдется покупатель. А с пятидесяткой – так это вообще красивый номер: ведь она чуть было ее не вернула – наверняка уже зная, что вскоре обчистит его до нитки.

Когда Кейс вышел из лифта, в холле «Дешевого отеля» сидел все тот же мальчуган. Правда, уже с другим учебником.

– Эй, приятель, – крикнул ему Кейс, – можешь ничего не рассказывать. Я уже все знаю. Приходила хорошенькая дама и сказала, что я дал ей свой ключ. И предложила неплохие чаевые – скажем, пятьдесят новых?

Мальчик оторопело уставился на клиента.

– Женщина, – сказал Кейс и провел по лбу мальчишки большим пальцем. – Белая. – Он широко улыбнулся.

Мальчишка заулыбался в ответ и закивал.

– Спасибо, задница, – бросил Кейс и направился к лестнице.

Замок долго не хотел открываться. «Наверное, испортила, когда вскрывала, – подумал Кейс. – Начинающая». Сам-то он отлично знал, где взять «черную коробочку», которая могла открыть в «Дешевом отеле» любую дверь. Когда он наконец забрался внутрь, вспыхнули лампы.

– Ну-ка, дружок, не дергайся, закрой люк, только очень медленно. Та штука, которую ты взял у официанта, еще с тобой?

Опираясь спиной о стену, в дальнем конце гроба сидела незнакомка. Она целилась в Кейса из игольника, держа тот для верности обеими руками и положив запястья на согнутые колени. Ствол, похожий на головку перечницы, глядел ему прямо в лицо.

– Это ты буйствовала там, в аркаде? – Кейс закрыл люк. – А где Линда?

– Закрой дверь на задвижку.

Кейс повиновался.

– Линда? Это твоя девушка?

Он кивнул.

– Уехала. Прихватила с собой твою «хитачи». Очень нервная особа. Так как насчет оружия?

На девушке были зеркальные очки. И вся она была в черном, а каблуки черных ботинок глубоко вдавливались в темперлон.

– Я вернул его Шину и забрал залог. И патроны вернул, за полцены. Тебе что нужно, деньги?

– Нет.

– Тогда, может, сухой лед? Это все, что у меня осталось.

– Слушай, что с тобой сегодня происходит? Зачем ты устроил бучу в аркаде? Привязался охранник с нунчаками, пришлось его резать.

– Линда сказала, что ты хочешь меня убить.

– Линда? Да я ее сегодня в первый раз увидела – здесь, в твоем гробу.

– Ты работаешь на Уэйджа?

Девушка покачала головой. Кейс только сейчас заметил, что ее «очки» были на самом деле хирургическими вставками. Серебристые линзы словно вросли в бледное лицо, обрамленное шапкой темных, небрежно подстриженных волос. Тонкие белые пальцы с бордовым маникюром сжимали игольник. Ногти, похоже, были искусственные.

– Ты, Кейс, сидишь в глубокой заднице. Стоило мне появиться, и опа – ты уже вмонтировал меня в свою картину мира.

– Так что же вам от меня нужно, леди? – Кейс оперся спиной на люк.

– Ты. Живое тело и не совсем еще поврежденные мозги. Молли, Кейс. Меня зовут Молли. Я отведу тебя к человеку, на которого работаю. Он хочет с тобой поговорить. Просто поговорить. Никто не собирается делать тебе больно.

– Отрадно слышать.

– Правда, вот я иногда делаю людям больно. Так уж я устроена.

На девушке были обтягивающие джинсы из замши и просторная черная куртка из какого-то матового материала, который, казалось, полностью поглощал свет.

– Если я спрячу этот самострел, не будешь создавать мне трудностей, Кейс? Ты похож на человека, который любит глупый риск.

– Да что ты, не беспокойся, я буду паинькой, никаких проблем.

– Ну что ж, прекрасно. – (Игольник исчез под черной курткой.) – Потому что, если попробуешь со мной выдрючиваться, это будет самый глупый поступок в твоей глупой жизни.

Она вытянула руки ладонями вверх, слегка расставила пальцы, послышался едва слышный щелчок – и десять обоюдоострых четырехсантиметровых стальных лезвий выскочили из своих ножен под бордовыми ногтями.

Девушка улыбнулась. Лезвия медленно втянулись обратно.

2

После целого года жизни в гробах комната на двадцать пятом этаже «Тиба-Хилтона» казалась огромной. Восемь на десять метров, и это еще половина номера. Из белой кофеварки фирмы «Браун» шел пар, она стояла на столике возле раздвижной стеклянной двери, выходившей на узкий балкон.

– Влей-ка в себя малость кофе. Тебе совсем не помешает.

Девушка сняла черную куртку, игольник болтался у нее под мышкой на черных нейлоновых ремнях. Кроме того, на ней был серый жилет с металлическими зигзагами на плечах. «Пуленепробиваемый», – решил Кейс, наливая кофе в ярко-красную кружку. Ноги его и руки были как деревянные.

– Кейс.

Кейс поднял голову. Этого человека он видел впервые.

– Меня зовут Армитидж.

Под темным распахнутым халатом виднелась мускулистая, совершенно безволосая грудь и плоский крепкий живот. Очень светлые, почти водянистые голубые глаза наводили на мысль об искусственном обесцвечивании.

– Солнце встало, Кейс. Солнце твоего счастливого дня.

Кейс бросил руку в сторону, но мужчина легко отклонился от обжигающе горячей струи. По светлым, под рисовую бумагу обоям растеклось коричневое пятно. На левой мочке мужчины висел золотой многоугольник. Спецназ. Армитидж улыбнулся.

– Налей кофе и пей, – равнодушно бросила Молли. – Бояться тебе нечего, но ты не выйдешь отсюда, пока Армитидж с тобой не поговорит.

Девица села по-турецки на атласный пуфик и стала не глядя разбирать свой игольник. Кейс вернулся к столу и снова налил кофе; два зеркала следили за каждым его шагом.

– Ты слишком молод, чтобы помнить войну, верно? – Армитидж провел громадной ладонью по коричневому ежику на голове, на запястье тускло блеснул золотой браслет. – Ленинград. Киев. Сибирь. Именно там, в Сибири, мы предрешили твою судьбу, Кейс.

– И как это следует понимать?

– «Разящий кулак», Кейс. Слышал когда-нибудь?

– Какая-то диверсионная операция, так, что ли? Пытались сжечь коммуникационные системы русских вирусными программами? Да, слышал. Никто не вернулся живым.

В комнате повисла напряженная тишина. Армитидж подошел к окну и стал смотреть на Токийский залив.

– Не совсем так. Одна группа сумела-таки вернуться в Хельсинки.

Кейс молча пожал плечами и отхлебнул кофе.

– Ты ведь компьютерный ковбой. Так вот, прототипы программ, которыми ты взламываешь промышленные банки данных, были разработаны для операции «Разящий кулак». Для нападения на компьютерный центр в Киренске. Каждая группа состояла из сверхлегкого мотодельтаплана «Ночное крыло» с пилотом и матричной деки с жокеем. Мы пользовались вирусом «Крот». Эта серия стала первым поколением действительно мощных программ вторжения.

– Ледоколы, – кивнул Кейс, не отводя от губ красную кружку.

– Да. Система защиты компьютерных банков данных – «лед», система вторжения – «ледокол».[4]

– Вы, мистер, ошиблись адресом или, лучше сказать, опоздали. Я больше не жокей. Так что нам остается только попрощаться и…

– Я был там, Кейс. Там, где изобрели тебя и тебе подобных.

– Ни хрена тебе, мужик, не обломится – ни с меня, ни с подобных мне. Ну водятся у тебя крутые башли. Ну нанял ты эту ой как дорогую девку с бритвами. Ну взяла она меня за жопу и приволокла сюда, ну и что? Где сядешь, там и слезешь. Не буду я больше работать на деке, никогда. Ни для тебя, ни для кого другого. – Кейс подошел к окну и посмотрел вниз. – Вон где я теперь живу.

– Судя по психопрофилю, ты намеренно пытаешься спровоцировать улицу, чтобы она тебя убила – в тот момент, когда ты этого никак не ждешь.

– Психопрофиль?

– Мы создали подробную модель. Раздобыли маршруты твоих поездок под каждым из псевдонимов и обработали полученную информацию с помощью некой военной программы. Ты склонен к суициду, Кейс. Модель оставляет тебе всего месяц жизни. Да к тому же наш медицинский анализ говорит, что уже в этом году тебе понадобится новая поджелудочная железа.

– Мы… – Кейс посмотрел в выцветшие голубые глаза. – Кто это – мы?

– А что бы ты сказал, узнав, что мы можем починить твою нервную систему?

Теперь Армитидж казался глыбой металла – громоздкой, чудовищно тяжелой. Статуя. Кейс понял, что это только сон и он сейчас проснется. Армитидж больше не заговорит. Сны всегда заканчивались стоп-кадром, вот и этот сейчас кончится. Тем же.

– Ну, так что ты на это скажешь?

Кейс перевел взгляд на залив и зябко поежился:

– А то и скажу: не засирай мне мозги.

Армитидж невозмутимо кивнул.

– А затем спрошу: на каких условиях?

– Примерно на тех же, на каких ты работал раньше.

– Дай человеку прийти в себя, Армитидж, – подала голос Молли; детали игольника лежали перед ней наподобие хитроумной головоломки. – Он же на куски разваливается.

– Точные условия, – упрямо мотнул головой Кейс, – и сейчас. Прямо сейчас.

Его била дрожь. И он не мог эту дрожь унять.

* * *

Безымянная клиника в дорогом районе: новехонькие, блистающие чистотой павильоны, разделенные аккуратными, ухоженными садами. Кейс помнил это место – одно из тех, куда он обращался в первый месяц своего пребывания в Тибе.

– Ты напуган, Кейс. Напуган так, что поджилки дрожат.

Воскресным полднем он стоял вместе с Молли во внутреннем дворике. Белые валуны, островок зеленого бамбука, черная галька, выложенная пологими волнами. Робот-садовник, похожий на большого механического краба, подстригает бамбук.

– Все будет хорошо, Кейс. У Армитиджа огромные возможности. Он расплатится с этими нерводерами той самой программой, которая объяснит им, как тебя лечить. С этой программой они обойдут всех своих конкурентов года на три. Ты представляешь себе, сколько это стоит?

Она сунула большие пальцы за ремень кожаных джинсов и качнулась на лакированных каблуках своих вишнево-красных ковбойских сапог. Узкие носы окантовывало блестящее мексиканское серебро. Непроницаемые, отливающие ртутным блеском линзы казались глазами какого-то фантастического насекомого.

– Ты ведь уличный самурай, – сказал Кейс. – Как давно ты на него работаешь?

– Пару месяцев.

– А до этого?

– Работала на другого. Вот такая я работящая девушка.

Он кивнул.

– Забавно, Кейс.

– Что забавно?

– Я же с тобой, считай, знакома. Этот профиль, о котором он говорил. Я знаю, что у тебя внутри.

– Ничего ты, сестренка, не знаешь.

– Ты же в полном порядке. То, что с тобой случилось, –

просто непруха.

– Ну а как Армитидж? Он как, в полном порядке?

Лавируя среди волн черной гальки, к ним приближался робот-краб. Его бронзовый панцирь казался древним, тысячелетним. В метре от сапог Молли робот выплеснул из себя луч света и на мгновение застыл, анализируя полученные данные.

– Знаешь, Кейс, я никогда не ищу на свою драгоценную задницу никаких приключений.

Краб повернул в сторону, но Молли ловко ударила его ногой; окантованный серебром носок сапога лязгнул по бронзовому панцирю. Механизм упал на спину, задергал бронзовыми лапами и быстро перевернулся обратно.

Кейс сел на валун и стал водить носком ботинка по гальке, разрушая идеальную симметрию черных волн. Порылся по карманам в поисках сигарет.

– В рубашке, – подсказала девушка.

– Ты не ответила на мой вопрос.

Кейс выудил из пачки мятую «ехэюанину», и девушка щелкнула тонкой стальной зажигалкой немецкого производства, блестевшей, как хирургический инструмент.

– Ладно, скажу. Этому мужику подвернулось что-то серьезное. У него большие деньги, которых не было раньше, и он все время получает еще и еще. – В уголках ее губ явно чувствовалось напряжение. – А может быть, наоборот, это он кому-то удачно подвернулся… – Она пожала плечами.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Не знаю. Я знаю только то, что не знаю, на кого мы работаем.

Кейс посмотрел ей в глаза – в два круглых серебряных зеркальца. В субботу утром он вернулся из «Хилтона» в «Дешевый отель» и проспал десять часов. Затем он долго без всякой цели гулял вдоль портовой ограды, глядя, как кружатся чайки. Если она и следила за ним, то делала это очень незаметно. Он не пошел в Ночной Город, а вернулся в гроб и стал ждать звонка от Армитиджа. И вот теперь, в воскресный полдень, он находится в тихом дворике, а рядом с ним – эта девушка с телом гимнастки и руками фокусника.

– Если угодно, сэр, анестезиолог ждет вас.

Санитар поклонился и, не дожидаясь Кейса, направился обратно в клинику.

* * *

Пахло холодным металлом. Лед приятно холодил позвоночник.

Кейс, такой маленький, затерялся в огромной тьме, руки окоченели, тело осталось где-то далеко внизу, а сам он летит по коридорам телевизионного неба.

Голоса.

И вдруг черный огонь нащупал нервные сплетения. Боль, превосходящая все, что называют этим словом…

* * *

Лежи спокойно, не дергайся.

Рац и Линда Ли, Уэйдж и Лонни Зоун, моряки, жулики, шлюхи – сотни лиц среди неоновых джунглей под ядовито-серебристым небом – все где-то там, за тюремной оградой, за стенами черепной коробки…

Какого хрена, ты будешь наконец лежать спокойно?!

Небо, бывшее прежде рябью статических помех, поблекло и превратились в бесцветье матрицы, а потом перед глазами замелькали сюрикэны, его путеводные звездочки.

– Прекрати, Кейс, мне нужно попасть тебе в вену!

Она склонилась над ним с голубым пластмассовым шприцем в руке.

– Если не будешь лежать спокойно, я проткну твое долбаное горло. В тебе еще полно ингибиторов эндорфина.

* * *

Кейс проснулся в полной темноте и обнаружил, что девушка лежит рядом.

Шея казалась хрупкой, сплетенной из тонких хворостин. В самой середине позвоночника пульсировала боль. Перед глазами проносились смутные образы: то мерцающие коллажи из небоскребов и дырявых фуллеровских куполов[5] Муравейника, то в тени каких-то мостов на него надвигались мрачные фигуры…

– Проснулся? Сегодня среда, Кейс.

Девушка села и, перегнувшись через него, начала что-то искать. Обнаженная грудь задела руку. Кейс услышал, как она открыла банку и стала пить.

– На. – (Банка очутилась у него в руке.) – Я вижу в темноте, Кейс. У меня в глазах миниатюрные фотоумножители.

– Спина болит.

– Это там, где брали спинномозговую жидкость. Тебе поменяли и ее, и всю кровь. Это из-за того, что у тебя теперь новая поджелудочная. Еще тебе вшили новый кусок печени. Что делали с нервами, мне не известно. Знаю только, было множество инъекций. И там обошлось без вскрытия. – Девушка опять легла. – Сейчас ночь, Кейс, два часа сорок три минуты двенадцать секунд. У меня часы выведены прямо на зрительный нерв.

Кейс с трудом сел и попытался попить из банки. Поперхнулся, закашлялся, тепловатая вода полилась на грудь и бедра.

– Мне нужна дека. – Кейс почти не поверил, что это его собственные слова. Он стал нащупывать одежду. – Я должен знать…

Молли засмеялась. Маленькие сильные руки обхватили его за плечи:

– Очень сожалею, торопыга. Но тебе придется подождать восемь дней. Твои нервы выскочат наружу, если ты подключишься с ходу. Доктора велели тебе отдыхать. Они считают, что все прошло удачно. Через день-два пойдем на консультацию.

Кейс лег на спину.

– Где мы?

– Дома. В «Дешевом отеле».

– А где Армитидж?

– В «Хилтоне», продает бусы туземцам или что-то в этом роде. Мы скоро уезжаем отсюда. Амстердам, Париж, а потом домой, в Муравейник. – Молли тронула его за плечо. – Ну-ка, перевернись. Я сделаю тебе массаж.

Кейс лег на живот и вытянул вперед руки, пальцы коснулись стенки гроба. Девушка встала над ним на колени, кожаные джинсы холодили ему поясницу. Ее пальцы погладили шею.

– А почему ты здесь, а не в «Хилтоне»?

Вместо ответа, она отвела руку назад и стала легкими круговыми движениями поглаживать ему мошонку. Так продолжалось около минуты, и все это время другая рука продолжала растирать ему шею. Кожаные джинсы негромко поскрипывали в такт ее движениям. Чувствуя, как член твердеет и начинает упираться в поролон, Кейс немного повернулся.

Боль в голове пульсировала по-прежнему, но шея не была уже такой хрупкой. Кейс приподнялся на локте и перевернулся, затем притянул девушку к себе, стал ласкать языком груди, твердые влажные соски касались его щек. Он нащупал молнию на кожаных джинсах и потянул вниз.

– Я сама, – сказала она, – я же все вижу.

В темноте послышался шорох кожи. Лежа рядом, девушка

брыкнулась раз-другой, пока не избавилась от джинсов. Она перебросила через него ногу, и он коснулся в темноте ее лица. Почувствовал неожиданную твердость имплантированных линз.

– Не трогай, – остановила она, – будут следы от пальцев.

Затем она снова встала над ним на колени, взяла его ладонь и положила ее на себя – большой палец вдоль щели между ягодицами, а остальными накрыла влагалище. Когда она начала опускаться, перед его глазами снова пронеслись пульсирующие образы: какие-то лица, мигающие фрагменты неоновых реклам. Затем она опустилась совсем, и его спина судорожно выгнулась. Она стала двигаться вверх-вниз, все быстрее и быстрее, пока они оба не слились в едином оргазме и ее мокрые, скользкие бедра изо всех сил не сдавили его ноги, и тогда перед его взором вспыхнула слепящая голубизна и время остановилось, как в безграничных просторах матрицы, где образы рвутся в клочья и уносятся ураганом вдаль.

* * *

На Нинсэй все так же танцевала толпа – только чуть менее плотная, как это и бывает в будни. Из аркад и салонов для игры в патинко выплескивались волны шума. Кейс заглянул в «Тац» и, как обычно, среди теплого, наполненного пивными парами полумрака увидел Зоуна, который присматривал за своими девочками. У стойки хлопотал Рац.

– Уэйджа не видел, Рац?

– Сегодня еще нет.

Увидев Молли, бармен демонстративно поднял бровь.

– Если увидишь, то передай, что я хочу отдать долг.

– Что, перемены к лучшему, артист?

– Рано еще говорить.

* * *

– Понимаешь, мне нужно его увидеть. – Кейс смотрел на свое отражение в зеркалах Молли. – Я должен выйти из этого бизнеса.

– Армитиджу очень не понравится, если я отпущу тебя одного. – Молли стояла, подбоченясь, прямо под «тающими часами» Дина.

– При тебе он не станет со мной разговаривать. Насчет Дина я не беспокоюсь, он сам о себе позаботится. Но есть люди, которые от меня зависят, они разорятся, если я так вот просто

возьму и уеду из Тибы, не покончив с делами. Они мои партнеры, понимаешь?

Губы Молли твердо сжались. Она помотала головой.

– У меня партнеры в Сингапуре, Токио, Синдзюку и Асакудзе, они же крупно погорят, как ты не можешь понять? – соврал он, положив руку на затянутое в черную кожу плечо. – Пять. Пять минут. Время засечешь по своим часам, хорошо?

– Мне платят, и я должна выполнять инструкции.

– Ну да, тебе платят, и ты выполняешь инструкции. И тебе начхать, что в результате несколько моих лучших друзей сгорят, а может, и вообще сдохнут.

– Хрень собачья. Друзья у него, видите ли, выискались. Ты просто хочешь, чтобы этот старый прохиндей нас проверил.

Безо всякого уважения к пыльному кофейному столику от Кандинского, Молли водрузила на него ковбойский сапог.

– Послушай, Кейс, это что же такое получается? Твоя напарница вооружена, не говоря уж обо всем этом кремнии в ее голове. В чем, собственно, дело? – Покашливание Дина словно повисло посреди комнаты.

– Подожди, Жюли. Я зайду к тебе один.

– А как же еще, сынок? Ничего другого я и не позволю.

– Ну ладно, – сдалась наконец Молли. – Но только пять минут. Малейшая задержка, и я войду и успокою твоего дружка навсегда. И пока ты будешь с ним, постарайся кое-что понять.

– Что именно?

– Подумай, почему я делаю тебе такую поблажку.

Она круто повернулась и пошла к выходу мимо белых тюков сушеного имбиря.

– Ну и знакомые же у тебя, Кейс, – заметил Дин. – Даже страньше, чем обычно.

– Все, Жюли, она ушла. Теперь-то ты меня впустишь? Ну пожалуйста, Жюли.

Щелкнули магнитные засовы.

– Включил бы ты, Жюли, системы и все эти штуки, которые у тебя в столе, – сказал Кейс, садясь.

– Я их никогда не выключаю, – чуть улыбнулся Дин, выуживая среди разбросанных по столу деталей пишущей машинки револьвер и аккуратно наводя его на Кейса.

«Магнум» с обрезанным по самый барабан стволом, предохранительная скоба вокруг спуска тоже спилена, а рукоятка обмотана грязным скотчем. Оружие совершенно бесполезное на расстоянии свыше десяти метров, да и то целиться нужно в живот. Но уж если попасть в этот самый живот… В розовых наманикюренных руках Дина типичный гангстерский ствол

выглядел по меньшей мере странно.

– Пойми, это только предосторожность, – пояснил Дин. – Ничего личного. Ну а теперь говори, что тебе нужно.

– Дай мне урок истории, Жюли. А также сведения об одном человеке.

– А кому это нужно, сынок? – На Дине была веселенькая рубашка в белую и красную полоску с накрахмаленным, будто фарфоровым, воротничком.

– Мне, Жюли. Я уезжаю. Считай, что уже уехал. Сделай мне одолжение, ладно?

– Кто тебя интересует?

– Один гайдзин, Армитидж, остановился в «Хилтоне».

– Сиди спокойно, Кейс. – Дин положил оружие на стол и быстро нажал несколько клавиш на клавиатуре портативного компьютера. – Похоже, мои информаторы знают не больше твоего. Этот Армитидж вроде бы заключил временное соглашение с якудза, а Сыны Неоновой Хризантемы хорошо прикрывают своих союзников от таких, как я. На их месте я поступал бы точно так же. Ну а теперь об истории. Ты просил об уроке истории. – Он снова взял в руки револьвер, но не стал целиться в Кейса. – Какой именно истории?

– Война. Ты ведь был на войне, Жюли?

– Война? А что там интересного? Она продолжалась три недели.

– «Разящий кулак».

– О, это знаменитая операция. Неужели в школах не учат больше историю? Это был огромный грязный послевоенный политический футбол. Типичный уотергейт, от начала и до конца. Ваши начальнички, а в том числе, Кейс, и ваши муравьиные начальнички, – где они были? В бункерах, все до единого… позорище. Извели уйму молодого, патриотически настроенного пушечного мяса только для того, чтобы опробовать какую-то там новую технологию. Как выяснилось позднее, генералы отлично знали о возможностях обороны русских. Знали и об эм-и – магнитно-импульсном оружии. И все-таки послали ребят: очень уж им хотелось посмотреть, что из этого получится. – Дин пожал плечами. – Устроили для Иванов аттракцион по стендовой стрельбе.

– Уцелевшие были?

– Думаешь, я помню, через столько-то лет?.. Хотя, кажется, кто-то вернулся. Один экипаж. Захватили советскую вертушку. Ну, боевой вертолет. Долетели до Финляндии. Они, конечно, не знали опознавательных кодов, а потому перебили по ходу дела уйму финских вояк. Спецназовцы. – Дин с отвращением

фыркнул. – Одним словом, кровь мешками и полный бардак.

Кейс понимающе кивнул. Запах сушеного имбиря едва не валил с ног.

– Я провел войну в Лиссабоне, – продолжал Дин, опуская револьвер на стол. – Хорошее это место, Лиссабон.

– Ты был в армии, Жюли?

– Вот еще. Но и у меня были сражения, да еще какие. – Розовое лицо расплылось в улыбке. – Просто удивительно, насколько война меняет рыночную ситуацию!

– Спасибо, Жюли. За мной должок.

– Не за что, Кейс. Счастливого пути.

* * *

Впоследствии Кейс будет не раз повторять себе, что вечер у «Сэмми» сразу начался как-то странно, что уже тогда, когда они с Молли только шли по коридору, пол которого устилало месиво из билетных корешков и пластмассовых стаканчиков, – уже тогда он это предчувствовал. Словно заранее знал, что Линду убьют…

После визита к Дину они с Молли пошли в «Намбан», где он встретил Уэйджа и вернул долг пачкой полученных у Армитиджа новых иен. Уэйдж обрадовался, его ребята обрадовались не очень, а Молли стояла рядом с Кейсом и опасно улыбалась, явно мечтая, чтобы кто-нибудь сделал неверное движение. Затем они направились в «Тац» выпить.

– Бесполезно, ковбой, – сказала Молли, когда Кейс привычно вытащил из кармана восьмиугольник.

– Как это? А ты не хочешь? – Он протянул ей таблетку.

– Ты забыл о своей новой поджелудочной и о новых тканях в печени. Армитидж специально поставил их, чтобы избавить тебя от этого дерьма. – Девушка тронула таблетку бордовым ногтем. – Ты теперь биохимически невосприимчив ни к амфетаминам, ни к кокаину.

– Вот же мать твою, – оторопел Кейс. Он с сомнением посмотрел на таблетку, а затем на девушку.

– А ты попробуй. Съешь хоть дюжину. Ничего не почувствуешь.

Кейс так и сделал. И ничего не почувствовал.

После трех кружек пива Молли расспросила у Раца, где можно посмотреть бои.

– У «Сэмми», – коротко ответил тот.

– Это не для меня, – сказал Кейс, – я слышал, они там друг друга даже убивают.

Спустя час Молли купила билеты у тощего тайца в белой футболке и мешковатых спортивных трусах.

«Сэмми» находился недалеко от порта, за оптовым магазином, надувной серый купол с тонкой стальной сетью несущих тросов. Входом служил примитивный шлюз-коридор, с дверями в обоих торцах, чтобы сохранить избыточное давление, которое поддерживало купол. Помещение освещалось флюоресцентными кольцами, привинченными к фанерному потолку на равных промежутках, правда, большинство из них было разбито. В затхлом воздухе висела густая вонь пота и сырого бетона.

Кейс совершенно не ожидал, что за таким убожеством последуют ярко освещенная арена, многочисленная толпа зрителей, напряженная тишина и огромные, словно сотканные из воздуха, светящиеся фигуры под куполом. Ровные ряды широких бетонных ступеней возвышались над круглым помостом, окруженным тускло поблескивающими зарослями проекционного оборудования. Весь зал окутывал полумрак, только исполинские голограммы высоко под куполом, мерцая и переливаясь, повторяли каждое движение двух мужчин, напряженно кружащих по арене. Повсюду над зрительными рядами поднимались плоские облака сигаретного дыма, они медленно дрейфовали, пока не попадали в потоки воздуха от компрессоров, нагнетавших воздух под купол. В зале не раздавалось ни звука, только приглушенное урчание компрессоров да многократно усиленное дыхание бойцов.

Мужчины кружили по арене и отражались цветными бликами в «глазах» Молли. Голограммы увеличивали изображение в десять раз, и ножи в руках огромных призраков были почти метровой длины. Кейс вспомнил, что бойцовый нож держат как рапиру: четыре пальца согнуты, большой по лезвию. Оружие словно двигалось само по себе, совершая некую последовательность ритуальных движений, в ожидании, пока кто-нибудь из соперников не допустит ошибку. Задрав голову, Молли следила за перипетиями поединка, ее лицо оставалось спокойным и невозмутимым.

– Пойду принесу чего-нибудь перекусить, – сказал Кейс; она молча кивнула, завороженная танцем смерти.

Кейсу здесь не нравилось.

Он встал и пошел по темному проходу. Слишком уж тут темно. И слишком тихо.

В зале сидели по большей части японцы. Они не были жителями Ночного Города. Техи из промзоны. Вероятно, посещение данного зрелища одобрил совет по культуре и отдыху

какой-нибудь корпорации. Кейс на мгновение представил, что значит проработать всю жизнь в одном дзайбацу. Жилье компании, гимн компании, похороны, организованные компанией.

Кейс почти обогнул зал, прежде чем нашел лотки с едой. Он купил якитори на палочках и две высокие вощеные коробки пива. Вверху под куполом грудь одного из голографических гладиаторов окрасилась кровью. Кейс не замечал, как густой коричневый соус стекает с палочек ему на пальцы.

Еще семь дней, и он подключится к деке. Если сию секунду закрыть глаза, можно увидеть матрицу.

Тени в зале плясали в такт движениям голограмм.

И вдруг совершенно неожиданно затылком Кейс почувствовал какой-то безотчетный страх. Холодный пот тонкой струйкой побежал по ребрам. Операция прошла неудачно. Ведь он все еще здесь, всего лишь жалкий кусок мяса, и нет никакой Молли, завороженно глядящей на замысловатые траектории сверкающих ножей; нет в «Хилтоне» никакого Армитиджа с деньгами, новым паспортом и билетами. Все это лишь сон, жалкая фантазия. Слезы застлали ему глаза.

Из яремной вены одного из призраков брызнула ярко-алая кровь. Толпа взревела, зрители вскакивали, орали, размахивали руками… А высоко вверху одна из фигур рухнула навзничь, замерцала и погасла.

В горле застыл сырой рвотный ком. Кейс закрыл глаза, сделал глубокий вздох, снова открыл и вдруг увидел, как мимо идет Линда Ли, в ее серых глазах застыл ужас. На ней был все тот же французский комбинезон.

Ее поглотила глубокая тень.

Как-то машинально он бросил цыплят и пиво и помчался за девушкой. Потом он не мог вспомнить – кричал ли он ей вслед, окликал ли ее по имени.

Откуда-то сбоку и сзади – тончайший луч красного света, вспыхнул и погас. Под тонкими подошвами – грубый, неровный бетон.

Белые кроссовки мелькали где-то впереди, у самой стены зала, и снова резанул по глазам тонкий красный луч.

Кто-то подставил ему ножку. Бетон обжигающе разодрал ладони.

Кейс перекатился, ударил ногой, но не попал. Над ним склонился худощавый блондин с патлатой башкой, окруженной радужным нимбом падающего сзади света. Высоко над сценой голографическая фигура повернулась, воздев нож над головой, к неистовствующей толпе. Белобрысый парень ухмыльнулся и

вытащил из рукава какой-то предмет. И когда в третий раз блеснул луч лазера, в красном свете мелькнула бритва. Бритва замерла, прицеливаясь к его горлу.

Вдруг лицо нападающего распалось в жужжащее облачко микроскопических взрывов. Игольник Молли, двадцать выстрелов в секунду. Парень издал короткий судорожный хрип и рухнул Кейсу на ноги.

Кейс встал и медленно побрел в сторону лотков, в тень. Ожидая увидеть рубиновую точку лазерного прицела, он взглянул себе на грудь. Ничего. И тут же нашел Линду. Она лежала с закрытыми глазами у основания бетонной колонны. Пахло паленым мясом… Толпа скандировала имя победителя. Торговец пивом протирал свои краны темной тряпкой… Одна белая кроссовка, каким-то образом слетевшая с ноги, почему-то лежала рядом с головой…

Идти вдоль стены. Вдоль бетонного изгиба. Руки в карманы. Ни в коем случае нельзя останавливаться. Идти не останавливаясь. Мимо невидящих лиц – все глаза устремлены вверх, на бестелесного победителя. Вспыхнула спичка, осветив лицо европейца, губы сжимают короткий металлический чубук. Запах гашиша. Кейс прошел мимо.

– Кейс… – Из самой глубокой тени блеснули два зеркальца. – Ты в порядке?

За ее спиной в темноте что-то хлюпало и булькало.

Он помотал головой.

– Бой закончился, Кейс. Пора домой.

Кейс попытался пройти мимо нее в густую темноту, где кто-то умирал. Молли удержала его рукой:

– Это приятели твоего близкого друга. Они убили твою девушку. В этом городе тебе как-то не везет с друзьями. Мы, когда исследовали тебя, составили частичный профиль этого старого ублюдка. Он за пару нью-иен маму родную пришьет и даже не поморщится. Тот, который валяется там, сказал, что она пыталась продать им файлы из твоего компьютера. Только они решили, что лучше просто убить ее и забрать товар даром. Небольшая, а все-таки экономия. Это рассказал мне тот – с лазером. На тебя они наткнулись совершенно случайно, но мне нужно было проверить. – Губы Молли сжались в тонкую линию.

Кейсу казалось, что в его голове трещат, все заглушая, какие-то помехи.

– Кто, – спросил он, – кто их послал?

Молли протянула ему окровавленный пакет сушеного имбиря. Ее руки тоже были в крови. А в густом полумраке кто-то еще раз булькнул и затих.

* * *

После того как Кейс прошел в клинике заключительный осмотр, они с Молли направились в порт. Армитидж уже ждал. Он зафрахтовал судно на воздушной подушке. Кейс бросил на Тибу последний взгляд и увидел темные угловатые силуэты промзоны. А затем туман плотно окутал черную воду и дрейфующие косяки мусора.

Часть вторая
Поездка за покупками

3

Дома.

А дом – это Муравейник, Столичная Ось Бостон-Атланта, или, короче, СОБА.

Запрограммируйте карту скоростей обмена информации так, чтобы на очень большом экране каждому пикселю соответствовала тысяча мегабайт в секунду. Манхэттен и Атланта вспыхнут сплошным белым светом. Затем, когда скорость обмена перегрузит вашу модель, они начнут пульсировать. Ваша карта перегрелась и готова взорваться. Охладите ее. Возьмите масштаб побольше: миллион мегабайт на пиксель. При ста миллионах мегабайт в секунду вы начнете различать отдельные кварталы центральной части Манхэттена и существующие вот уже сто лет промышленные зоны, окружающие ядро старой Атланты.

* * *

Кейс проснулся; ему снились аэропорты, он шел за черной кожанкой Молли через бесконечные переходы Нариты, Схипхола, Орли… И как в каком-то киоске за час до рассвета он купил плоскую пластмассовую бутылку датской водки.

Где-то глубоко в железобетонных корнях Муравейника поезд гнал по туннелю столб застоявшегося воздуха. Состав двигался на магнитной подушке, бесшумно, но сам туннель под действием сжатого воздуха гудел низким, почти инфразвуковым басом. Вибрация достигла комнаты, где лежал Кейс; из трещин рассохшегося паркета взвилась пыль.

Он открыл глаза и увидел нагую Молли; их разделял необъятный – не дотянуться рукой – простор новехонького ядовито-розового темперлона. Сверху через зарешеченное, покрытое копотью слуховое окошко просачивался солнечный свет. Часть слухового окошка была заколочена куском ДСП, сквозь него, почти касаясь пола, свисал толстый серый кабель. Лежа на боку, Кейс смотрел, как дышит Молли, смотрел на грудь, на изгиб бедер, очерченных с функциональным изяществом под стать фюзеляжу военного самолета. И все тело было худощавым, стройным, мускулистым, как у танцовщицы.

Комната была большая. Кейс сел. За исключением огромного розового ложа и двух новых, совершенно одинаковых нейлоновых сумок, здесь не было ровно ничего. Голые стены, никаких окон, кроме слухового в потолке, стальная дверь, выкрашенная белой краской. Стены покрыты бесчисленными слоями белой эмали. Рабочий район. Кейс и раньше знал такие здания и такие комнаты, обычно их обитатели зарабатывали себе на хлеб в «интерзоне» – некой сумрачной, слабо определенной области, где мастерство еще не совсем переходит грань преступления, а преступление не совсем дотягивает до мастерства.

Он был дома.

Кейс опустил ноги на пол. Многие паркетины свободно шатались, а некоторые и вовсе отсутствовали. Голова раскалывалась от боли. Кейс вспомнил комнату, в которой они жили в центре Амстердама, в Старом Городе, где возраст зданий исчисляется столетиями. Вспомнил, как Молли вернулась с набережной канала, принесла апельсиновый сок и яйца. Армитидж отсутствовал по каким-то своим тайным делам, и они с Молли отправились мимо площади Дамм в знакомый ей бар на улице Дамрак. Воспоминания о Париже сливались в какое-то мутное пятно. Да, магазины. Молли взяла его в поход по магазинам.

Кейс встал, натянул мятые черные джинсы, лежавшие в ногах, и опустился на колени возле сумок. Первая принадлежала Молли, в ней оказались аккуратно сложенная одежда и какие-то миниатюрные, дорогие с виду приспособления. Во второй лежали книги, кассеты, симстим-дека, одежда с французскими и итальянскими ярлыками; Кейс не мог вспомнить, когда он все это купил. Под зеленой футболкой Кейс нашел что-то небольшое, хитроумно укутанное в японскую оберточную бумагу.

Когда он взял пакет, бумага порвалась, и в щель между паркетинами воткнулась блестящая девятиконечная звезда.

– Сувенир, – сказала Молли. – Я заметила, что ты всегда на них смотришь.

Кейс обернулся и увидел, что она сидит на кровати, скрестив ноги, сонно потягивается, поскребывает живот бордовыми ногтями.

* * *

– Тут придут ставить охранную сигнализацию, – сказал Армитидж.

Он стоял на пороге со старомодным магнитным ключом в

руке. Молли варила кофе на крохотной немецкой плитке, которую достала из своей сумки.

– Я и сама могу, – откликнулась она. – У меня все для этого есть. Инфрасканирующий периметр, сирены…

– Нет, – перебил ее Армитидж и закрыл дверь. – Я хочу, чтобы понадежнее.

– Была бы честь предложена.

На Молли была темная сетчатая футболка, заправленная в черные мешковатые хлопчатобумажные брюки.

– Вы служили когда-нибудь в полиции, мистер Армитидж? – спросил Кейс; он сидел на полу, прислонившись к стене.

Армитидж был одного с ним роста, но имел военную выправку и такие широченные плечи, что казался не у́же той двери, через которую вошел. На нем был темный итальянский костюм, в правой руке – небольшой чемоданчик из мягкой телячьей кожи. Спецназовская серьга исчезла. Аккуратные, но невыразительные черты – стандартная красота дешевых косметических салонов, иными словами – некая амальгама лиц, чаще всего мелькавших на телевизионных экранах в прошедшем десятилетии. Холодный блеск бесцветных глаз только усиливал ощущение лица-маски. Кейс начал сожалеть о своем вопросе.

– Я хотел сказать, многие бывшие спецназовцы подались в копы. Или в охрану, – добавил Кейс, чувствуя себя крайне неуютно; Молли протянула ему кружку дымящегося кофе. – Просто вот это, с моей поджелудочной, сильно смахивает на полицейские штучки.

Армитидж закрыл дверь, пересек комнату и остановился напротив Кейса:

– Тебе крупно повезло, Кейс. Ты должен сказать мне спасибо.

– А за что? – Кейс шумно подул на кофе.

– Ты нуждался в новой поджелудочной. И мы достали тебе такую, которая освободила тебя от опасной зависимости.

– Благодарю, но мне нравилась такая зависимость.

– Вот и хорошо, потому что теперь у тебя появилась новая.

– Это как? – Кейс перевел глаза с кофе на Армитиджа. Тот улыбался:

– В стенки нескольких главных артерий тебе заложили пятнадцать капсул с ядом. Их оболочки растворяются. Медленно, но верно. В каждой капсуле содержится некий микотоксин. Ты уже знаком с его действием. Именно эту отраву вкололи тебе в Мемфисе.

На Кейса смотрела ухмыляющаяся маска. Кейс недоуменно сморгнул.

– У тебя есть время, чтобы выполнить мое задание, но и

только. Выполнишь задание, и я введу тебе фермент, который отслоит капсулы, не разрушая их оболочек. Потом тебе сделают переливание крови. В противном случае капсулы растворятся и ты вернешься в то же самое дерьмо, из которого я тебя вытащил. Так что, Кейс, мы тебе нужны… Сейчас ты зависишь от нас не меньше, чем когда мы выгребли тебя из сточной канавы.

Кейс вопросительно посмотрел на Молли. Она пожала плечами.

– А теперь иди к грузовому лифту и принеси коробки, которые там лежат. – Армитидж вручил Кейсу магнитный ключ. – Действуй. Они тебе понравятся, Кейс. Как подарки на Рождество.

* * *

Летом в Муравейнике праздные толпы шумят и колышутся как трава на ветру – поля человеческой плоти, пронизываемые неожиданными вихрями желаний и счастья.

В тусклом солнечном свете Кейс сидел рядом с Молли на краю сухой бетонной чаши неработающего фонтана; бесконечный поток проплывающих мимо лиц напоминал ему этапы собственной жизни. Сначала прошел малолетка с козырьком над глазами – обыкновенный уличный мальчишка с расслабленными, но всегда готовыми к действию руками, затем подросток с лицом симпатичным и загадочным под красными стеклами очков. Кейс вспомнил, как в семнадцать лет он молча и ожесточенно дрался на крыше среди нежного розового сияния геодезических куполов, озаренных первыми лучами солнца.

Он чуть поерзал: через тонкую ткань брюк отчетливо ощущался холодный шершавый бетон. Ничего похожего на электрический танец улицы Нинсэй. Здесь, среди запахов гамбургеров, духов и молодых загорелых тел, заключались другие сделки, жизнь текла в другом ритме.

А там, на чердаке, его ждала дека – «Оно-Сэндай-Киберспейс-7». Пол усеивали куски белого упаковочного пенопласта, мятые обрывки клеящей ленты и сотни крошечных пенопластовых бусин. «Оно-Сэндай», а также самый дорогой в будущем году компьютер фирмы «Хосака», монитор «Сони», дюжина дисков со льдом корпоративной выделки и кофеварка «Браун». Как только Кейс одобрил каждую из покупок, Армитидж сразу же ушел.

– Где он остановился? – спросил Кейс у Молли.

– Он любит отели. Большие. По возможности вблизи аэропорта. Слушай, давай пройдемся.

Молли надела старый, с распродажи военных излишков, бронежилет с дюжиной странной формы карманов и огромные темные очки, полностью скрывавшие зеркальные линзы.

– Ты знала раньше про эту хрень с токсином? – спросил Кейс; она помотала головой. – Думаешь, это правда?

– Может, да, а может, нет. Так или иначе, он взял тебя за жабры.

– А нельзя ли как-нибудь проверить?

– Нет, – ответила девушка и одновременно правой рукой сотворила знак «Молчи!». – Изменение слишком тонкое, чтобы выявиться при сканировании. – И снова ее рука сделала знак «Подожди!». – Да и какая тебе разница? Видела я, как ты оглаживал свой «сэндай», это же чистая порнография. – Она расхохоталась.

– А что он всадил в тебя? Что заставляет пахать на него работящую девушку?

– Только профессиональная гордость, малыш. – И снова она призвала его к тишине знаком. – Слушай, давай позавтракаем. Яичница, натуральный бекон. Отравишься, наверное, ведь ты так долго питался в Тибе лишь переработанным крилем. Давай сядем в «трубу», поедем на Манхэттен и устроим себе настоящий завтрак.

* * *

Потухшая, вся в пыли неоновая вывеска, большие, согнутые из стеклянных трубок буквы: «Метро голографикс». Кейс ковырял в зубах, пытаясь выудить застрявшие кусочки бекона. Он бросил бесполезные попытки узнать, куда и зачем они идут, так как на все вопросы получал только толчки под ребра и молчаливые призывы к тишине. Молли болтала о модах сезона, о спорте, о каком-то политическом скандале в Калифорнии.

Кейс смотрел на безлюдный глухой тупик. По перекрестку катился мятый газетный лист. Густо натыканные купола что-то такое делают с конвекцией, и в Ист-Сайде всегда дуют странные ветры. Кейс посмотрел сквозь окно на безжизненную вывеску. Ее Муравейник – совсем не его Муравейник, решил он. Молли провела его через дюжину баров и клубов, о которых он никогда не слыхивал, и везде какие-то дела, чаще ограничивающиеся многозначительными кивками. Поддерживание связей.

В тени за «Метро голографикс» что-то двигалось.

Дверь представляла собой лист ржавой жести. Молли молча изобразила рукой запутанную последовательность знаков,

которую он почти не понял. Уловил только потирание большого и указательного пальца, означавшее «наличные». Толкнув дверь, она ввела его в какое-то пыльное помещение. Они стояли в просвете среди плотных куч всякого хлама, которые тянулись до самых стен, увешанных полками с ветхими книжками в мягких обложках. Казалось, что хлам этот прямо здесь и вырос, такая себе плесень из металла и пластмассы. Кейс начинал было различать отдельные предметы: внутренности телевизора, столь древнего, что из него торчали пеньки разбитых радиоламп; мятую тарелку спутниковой антенны; коричневую текстолитовую коробку с кусками каких-то ржавых трубок, – но затем все снова слилось в единую массу. Когда Кейс следовал за Молли по узкому каньону среди прессованного мусора, огромная кипа старых журналов вдруг осыпалась на свободный пятачок и загорелая плоть давно минувших лет вперила незрячие взоры в потолок. За спиною защелкнулась дверь. Кейс не обернулся.

В конце пути поперек туннеля висело ветхое армейское одеяло; когда Молли под него поднырнула, в глаза ударил поток яркого света.

Одеяло закрывало вход в помещение кубической формы со стенами и потолком, обитыми белым пластиком, пол был покрыт опять же белым кафелем с шершавыми – чтобы не скользила нога – пупырышками. В центре комнаты стоял выкрашенный белой краской квадратный деревянный стол и четыре белых складных стула.

В дверях появился какой-то новый персонаж: одеяло спадало с его плеч на манер мантии, он стоял и щурился на свет. Можно было подумать, что этого человека сконструировали специально для жизни в аэродинамической трубе. Очень маленькие уши плотно прижимались к узкому черепу, а большие передние зубы, показавшиеся, когда его лицо изобразило нечто отдаленно напоминавшее улыбку, косо отклонялись внутрь. Он был одет в ветхую твидовую куртку и держал в левой руке некоторое подобие револьвера. Мужчина всмотрелся в посетителей и спрятал револьвер в карман. Жестом указал Кейсу на белую, в сантиметр толщиной пластиковую плиту, прислоненную к стене возле входа. Кейс подошел и увидел, что плита сплошь состоит из каких-то электронных схем. Вдвоем с мужчиной они установили ее в дверном проеме.

Желтые от никотина пальцы быстро заклеили панель белым скотчем. Негромко заурчала вентиляция.

– Время, – сказал, выпрямляя спину, мужчина, – отсчет пошел. Ты знаешь тариф, Молл.

– Финн, нам нужно сканирование. На предмет имплантатов.

– Так, встань-ка туда, между пилонами. Наступи на ленту. Распрямись, так. Повернись кругом, выдай-ка мне полные триста шестьдесят.

Кейс смотрел, как девушка вращается между хрупкими, густо утыканными датчиками стойками. Мужчина вытащил из кармана небольшой монитор и начал его изучать:

– Ага, кое-что новенькое в твоей головке. Кремний… Оболочка из пиролитического углерода… Часики, угадал? Очки те же – низкотемпературный изотропный углерод. Конечно, биосовместимость с пиролитами лучше, но дело твое. То же и с когтями.

– Теперь ты, Кейс. – На белом полу виднелся черный полустертый крест. – Повернись кругом. Медленно…

– Парень девственно чист. – Мужчина пожал плечами. – Дешевенькие зубные протезы – и все.

– А биопробу ты сделал? – Молли расстегнула молнию на зеленом жилете и сняла очки.

– Нахальная ты все-таки девица. С такими запросами шла бы ты в клинику братьев Майо. «Ложись, малыш, на операционный стол, мы сделаем тебе небольшую биопсийку». – Он засмеялся, оскалив желтые зубы. – Ничего нет. Слово Финна, красавчик, у тебя нет ни жучков, ни мозговых бомбочек. Хотите, я сниму защиту?

– Только для того, чтобы ты вышел, Финн. А потом нам нужна полная защита на все время, пока мы здесь находимся.

– Что ж, Финна это устраивает, Молл. Ты ведь платишь по счетчику.

Они запечатали за Финном дверь, Молли развернула белый стул, села на него верхом и положила подбородок на скрещенные руки.

– А теперь поговорим. Это самое надежное место из тех, что мне по карману.

– О чем?

– О том, чем мы занимаемся.

– А чем мы занимаемся?

– Работаем на Армитиджа.

– Ты говоришь по его поручению?

– Нет. Я видела твой профиль. И однажды посмотрела список остальных наших покупок. Ты когда-нибудь работал с покойниками?

– Никогда. – Кейс посмотрел на свое отражение в зеркалах девушки. – Но думаю, смог бы. Я – вполне приличный оператор. – Последняя фраза, произнесенная в настоящем времени, заставила его поежиться.

– Ты знаешь, что Дикси Флэтлайн умер?

Кейс кивнул:

– Сердце не выдержало.

– Ты будешь работать с его конструктом. – Девушка улыбнулась. – Кажется, это он тебя учил, а? Он и Куайн. Кстати, Куайна я знаю. Тот еще говнюк.

– Значит, у кого-то есть копия с Маккоя Поли? У кого бы это? – Кейс сел и облокотился на стол. – Просто не верится. Ему бы не хватило терпения посидеть спокойно для такой процедуры.

– В «Сенснете» есть. А что до непоседливости, за столько бабла и я бы посидела.

– Куайн тоже умер?

– Если бы. Он в Европе. И нас не волнует.

– Ну что ж, если мы достанем Флэтлайна, то сможем жить спокойно. Он был лучшим. Ты знаешь, что он трижды переживал мозговой коллапс?

Девушка кивнула.

– Энцефалограмма ровная, как по линейке, без малейшего трепыхания.[6] Точно, он сам мне запись показывал: «Смотри, детка, я же был дох-х-хлый!»

– Слушай, Кейс, с тех пор как я работаю на Армитиджа, я все время пытаюсь разнюхать, кто стоит за ним. Но это не какое-то дзайбацу, не правительство и не филиал якудза. Армитиджем командуют. Скажем, кто-то приказывает ему вылететь в Тибу, найти еле живого наркомана и заплатить за его излечение программой. Господи, да если бы мы просто продали эту программу на рынке, то за вырученные деньги могли бы купить двадцать первоклассных ковбоев. Ты, конечно, хорош, но вряд ли настолько…

Она задумчиво почесала нос.

– Судя по всему, кто-то считает, что настолько, – пожал плечами Кейс. – Кто-то очень влиятельный.

– Ишь обиделся, – ухмыльнулась Молли. – Да, кстати, вот еще что. Мы сейчас организуем суровый, по полной программе рейд с единственной целью – спереть конструкт Флэтлайна. Библиотечный сейф, куда спрятала его «Сенснет», крепче жопы носорога. Так вот, Кейс, в том же сейфе они держат и все свои новые материалы, приготовленные для осеннего сезона. Это такие деньги – охренеть можно. И вот нате вам – мы берем только Флэтлайна, а остальное не трогаем. Странно.

– Да здесь все странно. Ты странная, эта дыра странная… да, а кто этот странный крольчонок, который остался снаружи?

– Финн, мой старый знакомый. В основном он занимается скупкой краденого. Софтом. Обеспечение секретности – это так,

мелкий побочный промысел. Я уговорила Армитиджа взять его к нам техником, поэтому помни: ты его никогда раньше не видел. Усек?

– А что Армитидж засунул в твои вены?

– Со мной все просто. – Девушка улыбнулась. – Хорошо, когда каждый занимается своим делом, верно? Ты сидишь за компьютером – я бью морды.

Кейс задумчиво посмотрел на Молли:

– А что ты знаешь про самого Армитиджа?

– Для начала – никто по имени Армитидж не принимал участия в «Разящем кулаке». Я проверила. Но это ерунда. Он не похож ни на одного из тех парней, которые уцелели. – Молли пожала плечами. – Ну и что? И это все, что я знаю. Но *ты*… – Она побарабанила пальцами по спинке стула. – Ты же ковбой, верно? Я хочу сказать – может, ты сам немного пошустришь? – Она улыбнулась.

– Да он же пришьет меня, и дело с концом.

– Может, пришьет. А может, и не пришьет. Сдается мне, ты ему нужен, и здорово нужен. Кроме того, ты же у нас умница, верно? У тебя получится.

– А что еще в этом списке покупок?

– Игрушки. В основном для тебя. И один психопат по имени Питер Ривьера. Вот уж кто гаденыш так гаденыш.

– Где он?

– Не знаю. Но он точно больной. Я видела его профиль. – Молли состроила гримасу. – Ужас! – Она встала и по-кошачьи потянулась. – Ну что, заключаем союз? Работаем вместе? Как партнеры?

Кейс посмотрел на девушку:

– У меня есть выбор?

– Верно сечешь, ковбой, – засмеялась Молли.

* * *

– Своими корнями матрица уходит в примитивные игровые автоматы, – говорил диктор, – в ранние программы компьютерной графики и в эксперименты военных с черепными разъемами.

На экране монитора «Сони» двухмерная космическая война сменилась густыми зарослями математически генерируемых папоротников, демонстрирующих пространственные возможности логарифмических спиралей; далее следовала холодная синева армейской кинохроники: опутанные проводами лабораторные животные, армейские шлемы, соединенные с системами

управления огнем танков и военных самолетов.

– Итак, киберпространство. Это консенсуальная галлюцинация, ежедневно переживаемая миллиардами легальных операторов по всему свету, школьниками, изучающими математические понятия… Графическое представление данных, хранящихся в памяти каждого компьютера, включенного в общечеловеческую сеть. Невообразимая сложность. Световые лучи в псевдопространстве мозга, кластеры и созвездия данных. Подобно городским огням, отступающим…

– Что это было? – спросила Молли, когда Кейс включил селектор каналов.

– Детская программа.

Селектор перебирал канал за каналом, на экране мелькали бессвязные обрывки передач.

– Выключить! – скомандовал Кейс «Хосаке».

– Ты хочешь попробовать прямо сейчас?

Среда. Восемь дней назад он проснулся в «Дешевом отеле» рядом с Молли.

– Хочешь, я уйду, Кейс? Может, тебе легче одному…

– Да нет. Оставайся, мне все равно, – покачал головой Кейс.

Осторожно, чтобы не сдвинуть плоские дерматроды «Оно-Сэндай», Кейс натянул на голову черный махровый хайратник и на мгновение задумался; вместо пристроенной на колени деки перед его глазами возникла витрина на улице Нинсэй, хромированные сюрикэны, тускло поблескивающие в неоновом свете. Кейс поднял голову: над монитором висел подарок Молли, приколотый к стене желтой кнопкой прямо сквозь центральное отверстие.

Он закрыл глаза.

Нащупал ребристую клавишу питания.

В темно-кровавом сумраке закрытых глаз, где-то на краю пространства, забурлили серебристые фосфены, мимо понеслись гипнотические образы, похожие на фильм, смонтированный из случайных кадров. Числа, символы, лица – туманная мандала из фрагментов зрительной информации.

Ну же, умолял он, *сейчас…*

Серый, как небо над Тибой, диск.

Пора.

Диск завертелся все быстрее и быстрее, превратился в светло-серую сферу. Сфера начала раздуваться…

И потекла, расцветая переливающимся неоном. Фантастическими фигурами оригами развернулся его не знающий расстояний дом, его страна – прозрачная, объемная, в бесконечность уходящая шахматная доска. Перед внутренним

взором возникли изумрудные кубы «Мицубиси», «Банк оф Америка», за ними – алая ступенчатая пирамида Ядерной комиссии Восточного побережья и, наконец, высоко-высоко – едва различимые, вечно недостижимые спиральные рукава военных систем.

А где-то там, на выкрашенном белой краской чердаке, сидел он, и смеялся, и нежно ласкал деку далекими пальцами, и слезы облегчения текли по лицу.

* * *

Когда Кейс снял дерматроды, Молли уже ушла, а чердак погрузился во тьму. Сколько же это времени? Он провел в киберпространстве целых пять часов. Кейс перенес «Оно-Сэндай» на один из новеньких верстаков, а затем рухнул на постель и накрылся с головой черным шелковым спальным мешком Молли.

Неожиданно дважды прожужжал зуммер охранной системы.

– Запрашивается вход, – произнес металлический голос. – Субъект идентифицирован согласно программе…

– Так впусти его.

Кейс откинул с лица черный шелк и сел, ожидая увидеть Молли или Армитиджа.

– О господи, – произнес чей-то хриплый голос, – я же знаю, что эта сука видит в темноте…

Некая приземистая личность вошла в комнату и закрыла за собой дверь:

– Слушай, давай включим свет, а?

Кейс вылез из постели и нащупал старомодный выключатель.

– Меня зовут Финн, – сказал вошедший, делая предостерегающую гримасу.

– Кейс.

– Ну что ж, бум знакомы. Я вроде как делаю для твоего начальничка всякие там железяки.

Финн вытащил пачку «Партагас» и закурил. Комнату наполнил запах кубинского табака. Финн подошел к верстаку и посмотрел на «Оно-Сэндай»:

– Ширпотреб. Ничего, дело поправимое. Но главное – вот эта штука.

Финн стряхнул пепел на пол, вытащил из кармана плотный, очень грязный конверт, открыл его и вытряхнул на ладонь черную прямоугольную пластинку.

– Проклятые заводские прототипы, – проворчал он и бросил предмет на стол. – Их заливают поликарбоном, да так, что и

лазером не вскроешь, не спалив схему. Самоуничтожение от рентгеновских лучей, от ультраскана и еще бог знает от чего. Справимся, конечно, но ведь что они, суки, делают?

Финн аккуратно сложил конверт и спрятал его в карман.

– Что это?

– В общем-то, переключатель. Если вставить его в твой «Сэндай», ты сможешь включаться в симстим, прямой или в записи, не выходя из матрицы.

– А зачем?

– Сие для меня тайна. Могу лишь сказать, что я приладил к Молл передатчик, так что ты, вероятно, будешь принимать именно ее сенсориум. – Финн поскреб подбородок. – Так что теперь ты совершенно точно узнаешь, жмут ей портки или нет.

4

С дерматродами на лбу Кейс сидел на чердаке и смотрел, как танцуют пылинки в жидком солнечном свете, пробивающемся сквозь решетку окна. В углу монитора шел обратный отсчет.

«Ковбои не включаются в симстим, – думал он, – потому что это игрушка для плоти». Он, конечно, понимал, что его дерматроды и маленькая пластмассовая тиара симстима, считай, одно и то же; что киберпространственная матрица фактически является грубым подобием человеческого сенсориума – по крайней мере, в смысле отображения, однако симстим казался ему не более чем излишним расширением плотских ощущений. Коммерческие записи, естественно, редактировались, так что если у Тэлли Ишем во время съемки вдруг возникала головная боль, то вы ее не чувствовали.

На экране мелькнуло предупреждение о двухсекундной готовности.

Новый переключатель соединялся с «Оно-Сэндай» тонким световодом.

И раз, и два, и…

Сразу со всех сторон на него надвинулось киберпространство. «Довольно гладко, – подумал Кейс, – хотя и недостаточно. Нужно будет поработать…»

Он щелкнул новым переключателем.

Резкий бросок в другое тело. Матрица исчезла, вокруг волны звука и цвета… Молли шла по заполненной людьми улице мимо киосков, торгующих уцененным софтом: цены написаны фломастерами на листах белого пластика, из бесчисленных громкоговорителей несутся обрывки музыки. Запахи мочи, свободных мономеров, духов, жареного криля. Несколько секунд

ошеломленный Кейс пытался управлять телом девушки. Но затем принудил себя к пассивности, стал пассажиром, глядящим на мир ее глазами.

Зеркала ничуть не ослабляли солнечный свет. «Это что, – подумал Кейс, – автоматическая компенсация встроенными усилителями?» В левом глазу, в нижней части периферического поля зрения, голубые мигающие цифры показывали время. Пустое пижонство.

Язык ее тела обескураживал, а уж манера двигаться… Все время казалось, что Молли вот-вот с кем-нибудь столкнется, но люди исчезали с ее пути, отступали в сторону.

– Как жизнь, Кейс?

Он услышал слова и одновременно почувствовал, как Молли их выговаривает. Она сунула руку под курточку и стала поглаживать сосок сквозь теплый шелк. Кейс чуть не задохнулся. Молли засмеялась. Однако связь была односторонней. Ответить он не мог.

Через два квартала Молли вышла на окраину Мемори-лейн. Кейс все время пытался повернуть ее глаза на ориентиры, по которым он сам смог бы запомнить дорогу. Пассивность начала его раздражать.

Кейс щелкнул переключателем и вернулся в киберпространство. Он помчался вдоль примитивного защитного льда Нью-Йоркской публичной библиотеки, по привычке отмечая потенциальные окна. Затем – снова в сенсориум Молли, в мир острых и сильных ощущений, волнообразного движения мускулов.

Мысли Кейса переключились на саму Молли. Что он знает о ней? Что она тоже профессионал, что ее, как и его, существование неотделимо от работы. И еще он знал, как она придвинулась к нему утром, когда проснулась, как они оба застонали, когда он в нее вошел, и что потом она захотела кофе без сливок…

Целью ее путешествия оказался один из сомнительных комплексов по прокату программ, которых много на Мемори-лейн. Вокруг царили тишина и спокойствие. Центральный зал опоясывали киоски. Клиентура совсем молодая, от двадцати лет и младше. Насколько можно понять, за каждым левым ухом – углеродный разъем, но на такие мелочи Молли не обращала внимания. Под прозрачными пузырями витрин на белых картонках демонстрировались сотни чипов всевозможных цветов и конфигураций. Молли направилась к седьмому киоску вдоль южной стены. Бритоголовый продавец безучастно глядел в пространство, его заушный разъем щетинился десятком микросхем.

– Ларри, ты как, в себе?

Молли встала прямо перед его носом. Глаза парня сфокусировались. Он выпрямился и грязным ногтем выковырял из разъема ярко-алую занозу.

– Привет, Ларри.

– А, Молли, – кивнул продавец.

– У меня есть работенка кое для кого из твоих друзей.

Парень вынул из кармана красной спортивной рубашки плоскую пластмассовую коробочку, щелкнул крышкой и добавил свою микросхему к дюжине уже лежавших там. Затем после недолгого колебания выбрал блестящий черный чип, чуть подлиннее остальных, и уверенным движением вставил в свободное гнездо. Глаза его сузились.

– У тебя «наездник», Молли, – сказал он. – Ларри это не нравится.

– Надо же, – улыбнулась Молли, – я и не знала, что ты теперь такой… чувствительный. Нет слов. Дорогое ведь удовольствие.

– Разве я с вами знаком, леди? – Глаза парня вновь опустели. – Вы ищете какую-нибудь программу?

– Мне нужны Дикие.

– Ты пришла не одна, Молли. Мне об этом говорит она. – Он постучал по черной микросхеме-«занозе». – Кто-то еще смотрит твоими глазами.

– Это мой партнер.

– Скажи своему партнеру, пусть проваливает.

– У меня есть кое-что для Диких Котов.

– Не понимаю, о чем это вы, леди?

– Кейс, давай отключайся, – сказала Молли; он щелкнул переключателем и снова очутился в матрице. В звенящей тишине киберпространства на несколько секунд повис быстро блекнущий образ торгового комплекса.

– Дикие Коты, – скомандовал Кейс «Хосаке» и снял с головы дерматроды. – Составь обзор минут на пять.

– Готово, – ответил компьютер.

О них Кейс раньше не слышал. Какая-то новая банда; возникла, пока он был в Тибе. Среди молодежи Муравейника увлечения распространялись со скоростью света, целая субкультура могла возникнуть буквально за ночь, просуществовать пару месяцев и сгинуть без следа.

– Давай, – приказал Кейс.

«Хосака» уже просмотрела всю информацию, полученную из библиотек, журналов, от информационных служб.

Обзор начался с цветного стоп-кадра, который Кейс вначале принял за коллаж: будто вырезанное по контуру изображение

мальчишеского лица наклеили на фотографию испещренной каракулями стены. Монгольский разрез темных глаз, судя по всему – приобретенный искусственно, в результате хирургической операции, на бледных щеках – обильная россыпь угрей. Затем мальчишка стал двигаться со зловещей грацией мима, который изображает крадущегося в джунглях хищника. Тело почти сливалось со стеной, так как по обтягивающему комбинезону струились цветные пятна и линии, почти в точности повторяющие стену, на фоне которой шел мальчик. Мимикрирующий поликарбон.

На экране возникла голова доктора социологии из Нью-Йоркского университета Вирджинии Рамбали; ее имя, специальность и название учебного заведения были написаны в нижней части экрана мигающими розовыми буквами.

– Принимая во внимание их склонность к беспричинным актам чудовищного насилия, – произнес голос за кадром, – нашим зрителям трудно понять, почему вы настаиваете, что данное явление не является разновидностью терроризма.

Доктор Рамбали снисходительно улыбнулась:

– Всегда есть предел, за которым террорист теряет возможность манипулировать медийным гештальтом. Точка, за которой любая дальнейшая эскалация насилия не меняет медийного гештальта, а сам террорист служит лишь его симптомом. Терроризм, в обычном понимании, неразрывно связан с его медийным образом. Дикие Коты отличаются от обычных террористов степенью самосознания, а также пониманием того, до какой степени СМИ отделяют акт насилия от его изначальных социополитических целей…

– Скипни[7] это, – сказал Кейс.

* * *

Через два дня Кейс встретился с первым в своей жизни Котом. Дикие Коты очень напоминали Великих Ученых времен его собственной молодости. В Муравейнике существовала некая нематериальная юношеская ДНК, которая несла в себе коды различных молодежных увлечений и через произвольные, непредсказуемые промежутки времени воспроизводила их. По сути своей Дикие Коты были компьютеризированным вариантом Великих Ученых. Существуй в те далекие времена соответствующая технология, Ученые вживили бы себе в головы разъемы и стали бы запихивать в них чипы. Важен общий стиль, а стиль остался примерно тем же. Коты были наемниками,

нигилистически настроенными технофетишистами и очень любили делать окружающим гадости.

Тот, который появился в дверном проеме чердака с коробкой дискет от Финна, обладал нежным голосом и звался Анжело. Лицо его представляло собой гладкую отвратительную маску, искусственно выращенную из коллагена и полисахаридов (вот на что идут акульи хрящи). Кейс никогда не встречал более отвратного образчика косметической хирургии. И когда Анжело улыбнулся, оскалив острые как бритва клыки крупного хищника, Кейс даже почувствовал некоторое облегчение. Это были зубные трансплантаты. Такое он уже видал.

– А с этими малолетними засранцами надо бы покруче, – заметила Молли.

Кейс, полностью поглощенный структурой сенснетовского льда, согласно кивнул.

То самое оно. То самое, чем он был, кем он был, вся его сущность. Он забыл о еде. Молли оставляла картонки с рисом и пластиковые подносы с суси на краю длинного стола. Иногда ему даже не хотелось выпускать из рук деку, чтобы воспользоваться химическим туалетом, поставленным в углу. Структуры льда на экране формировались и переформировывались, а он искал в них бреши, обходил самые очевидные ловушки и вычерчивал маршрут, по которому отправится в систему «Сенснета». У них был хороший лед. Великолепный. Эти структуры пылали в его мозгу, пока он лежал в обнимку с Молли и смотрел сквозь стальную решетку слухового окошка на алый рассвет. Первое, что видел Кейс, проснувшись, – это лед, радужные лабиринты его пикселей. Зачастую он направлялся к деке, даже не одевшись, и сразу включался. Он раскалывал лед. Он работал. Он потерял счет дням.

Но иногда перед сном, особенно когда Молли уходила во главе группы Котов на разведку, наплывали образы Тибы. Неон, Нинсэй и лица. Однажды ему приснилась Линда Ли, и затем он долго не мог понять, кто она такая и что она для него значила. А когда вспомнил, то подключился к матрице и проработал девять часов.

На взламывание льда корпорации «Сенснет» ушло девять дней.

– Я просил за неделю. – Армитидж не мог скрыть удовлетворения, когда Кейс продемонстрировал ему план рейда. – Что-то ты не очень торопился.

– Шелуха, – ухмыльнулся Кейс. – Я сделал хорошую работу.

– Конечно, – признал Армитидж. – Только ты не очень-то ликуй. По сравнению с тем, что ты будешь делать потом, – это

детские игрушки.

* * *

– Ну ты даешь. Молоток, Мама Кошка, – прошептал связник Диких Котов. Голос, звучавший в наушниках Кейса, едва пробивался сквозь треск помех.

– Атланта, Стая. Вроде пора. Пора, ясно? – Голос Молли был слышен чуть лучше.

– Слушаю и повинуюсь.

Коты установили в Нью-Джерси самодельную спутниковую антенну, чтобы отражать кодированные сообщения связника от спутника «Сыны Иисуса Христа Царя Мира», висевшего над Манхэттеном на геостационарной орбите. Они решили провести всю операцию как сложный розыгрыш и выбрали именно этот спутник совсем не случайно. Молли вела передачу при помощи метровой тарелки, приклеенной эпоксидкой на крыше банковского небоскреба, почти такого же высокого, как здание «Сенснета».

Атланта. Использовался крайне простой опознавательный код. От Атланты к Бостону, затем к Цинциннати и Денверу, по пять минут на каждый город. Если бы кому-нибудь вдруг удалось перехватить сигнал, расшифровать его и синтезировать голос Молли, то код позволил бы Котам сразу распознать подделку. Ну а если Молли проведет в здании больше двадцати минут, крайне сомнительно, что она вообще оттуда выйдет.

Кейс проглотил остатки кофе, укрепил дерматроды, задрал черную футболку и почесал грудь. Он весьма туманно представлял себе, что придумали Коты, чтобы отвлечь внимание охраны. У него было свое дело: следить за тем, чтобы программа, которую он написал, оказалась в системе «Сенснета» в тот момент, когда это понадобится Молли. Он смотрел на обратный отсчет времени в углу экрана. Два. Один.

Кейс вошел в матрицу и активировал программу. Он начал погружаться в сияющие слои сенснетовского льда, и связник прошептал единственное слово:

– Пошел.

«Ага, прекрасно. А как там Молли?» Кейс включил симстим и очутился в ее сенсориуме.

Скремблер слегка размывал картинку. Девушка стояла в широком светлом коридоре перед большим, во всю стену, зеркалом, жевала резинку и любовалась собственным отражением. Если бы не огромные солнцезащитные очки,

скрывавшие ее зеркала, она выглядела бы довольно заурядно – очередная туристочка, мечтающая хоть одним глазком взглянуть на Тэлли Ишем. На Молли были розовый пластиковый плащ, белая в сеточку футболка и свободные белые брюки – последний писк прошлогодней токийской моды. Она беззаботно улыбнулась и выдула резиновый пузырь. Кейс чуть не расхохотался. Он отчетливо ощущал радиопередатчик, симстим и скремблер, примотанные к телу девушки широкой эластичной лентой. Ларингофон выглядел как обезболивающий дермадиск. Ее руки в карманах розового плаща постоянно сжимались и разжимались, чтобы снять напряжение. Только через несколько секунд Кейс догадался, что особые ощущения в кончиках пальцев вызывались лезвиями, которые то слегка выдвигались, то задвигались обратно.

Он вернулся в киберпространство. Программа преодолела пятые ворота. Он смотрел, как перед ним чуть прерывисто двигался ледокол, и, почти не ощущая играющих на деке пальцев, вносил последние поправки. Полупрозрачные цветные плоскости перетасовывались, как карты в руках фокусника.

«Выберите любую карту», – вспомнил Кейс.

Ворота остались позади. Кейс засмеялся. Система «Сенснет» восприняла его рейд как обычную пересылку данных из своего филиала в Лос-Анджелесе. Он проник внутрь. Позади него отпочковались вирусные программы, которые изменили входной код ворот и приготовились отклонить настоящую передачу данных из Лос-Анджелеса, буде таковая последует.

Кейс снова подключился к Молли. Девушка неторопливо проходила мимо огромной круглой стойки администратора в дальнем конце коридора.

Встроенные в зрительный нерв часы показывали 12:01:20.

* * *

Команду «Пошел» связник в Джерси выдал ровно в полночь по Моллиным часам. Девять Котов, разбросанные по двум сотням миль Муравейника, одновременно набрали в телефонах-автоматах аварийный номер. Каждый прочитал короткий, заранее составленный текст, повесил трубку, сдернул с рук хирургические перчатки и растворился в ночи. Девять различных полицейских управлений и служб общественной безопасности получили сигналы о том, что неизвестная группировка воинствующих христиан-фундаменталистов взяла на себя ответственность за впрыскивание большого количества психоактивного вещества

«Синий-9» в вентиляционную систему пирамиды «Сенснета». Это вещество, известное в Калифорнии под названием «Тяжкий ангел», было способно вызвать острую паранойю и жажду убийства у восьмидесяти пяти процентов людей, подвергшихся его воздействию.

* * *

Проследив, как программа преодолела ворота подсистемы, которая контролировала безопасность научной библиотеки «Сенснета», Кейс щелкнул симстим-переключателем… Она входила в лифт.

– Извините, вы сотрудница учреждения? – удивленно поднял брови охранник.

Молли выдула пузырек жевательной резинки.

– Нет, – ответила она, погружая костяшки правого кулака в солнечное сплетение мужчины; охранник согнулся пополам, судорожно хватаясь за подвешенный к брючному ремню сигнал, но Молли ударила еще раз, и его голова врезалась в стенку лифта.

Двигая челюстями чуть побыстрее, она нажала светящуюся кнопку «Закрывание дверей», а затем «Стоп». Вытащила из кармана плаща черную коробочку и вставила отвод от нее в замочную скважину щита сигнализации.

* * *

Дикие Коты выждали четыре минуты, пока не сработает первое сообщение, а потом вбросили очередную порцию тщательно продуманной дезинформации. На этот раз ее передали прямо по внутреннему телевидению здания «Сенснета».

С 12:04:03 все экраны компании мигали в течение восемнадцати секунд с частотой, вызывающей припадок у склонных к эпилепсии. Затем экраны заполнило нечто, лишь весьма приблизительно напоминавшее человеческое лицо. Жуткая маска, натянутая на асимметричные кости, напоминала непристойную меркаторову проекцию. Уродливо дергалась перекошенная нижняя челюсть, влажные синие губы то смыкались, то размыкались. Какой-то красноватый пучок узловатых корней, изображавший, вероятно, руку, потянулся к зрителям, задрожал и исчез. Потом с умопомрачительной быстротой замелькали кадры диверсии: схема водоснабжения

здания, руки в резиновых перчатках возятся с какими-то колбами, что-то летит в темноту и слабо вспыхивает… Одновременно с изображением по звуковому каналу почти с удвоенной скоростью прокручивали месячной давности сообщение, в котором рассказывалось о возможном применении в военных целях вещества «Эйч-эс-Джи», влияющего на рост скелета. Сверхдозы «Эйч-эс-Джи» увеличивали скорость роста костных клеток в десять раз.

На 12:05:00 в зеркальных стенах консорциума «Сенснет» находилось свыше трех тысяч служащих. В пять минут пополуночи, когда после передачи, организованной Дикими Котами, экраны засветились ровным белым светом, пирамида «Сенснета» наполнилась воем.

Полдюжины тактических вездеходов нью-йоркской полиции, прекрасно понимавшей, чем грозит запуск «Синего-9» в вентиляционную систему здания, на воздушной подушке приближались к пирамиде «Сенснета». Они мигали всеми своими мигалками. С площадки на крыше Рикеровского центра поднялся вертолет сил быстрого реагирования СОБА.

* * *

Кейс запустил вторую программу. Тщательно разработанный вирус атаковал структуру кодов, скрывающую пароли входа в подвальные лаборатории «Сенснета».

– Бостон, – донесся голос Молли, – я внизу.

Кейс перешел в симстим и очутился перед глухой стенкой лифта. Молли расстегивала белые штаны. На ее лодыжке бугрился, сливаясь по цвету с кожей, объемистый сверток. Молли опустилась на колени, сорвала эластичную ленту и развернула комбинезон, точно такой же, как у Диких Котов; по мимикрирующему поликарбону заплясали бордовые молнии. Молли сняла розовый плащ, бросила его рядом с белыми штанами и начала натягивать комбинезон поверх белой футболки.

12:06:26.

Вирус прорубил лед командного файла библиотеки. Кейс вошел внутрь и очутился в бесконечном синем пространстве, среди цветных сфер, расположенных в узлах частой светло-голубой решетки. В псевдопространстве матрицы интерьер любого конструкта данных обладает бесконечной субъективной размерностью; присоединив свой «Сэндай» к детскому калькулятору, Кейс увидел бы безбрежные провалы небытия и

развешенные кое-где считаные основные команды. Кейс стал набирать последовательность кодов, которую Финн купил у одного опустившегося сараримена с серьезными наркотическими проблемами. Он заскользил среди сфер, словно следуя по невидимой трассе.

Здесь. Вот оно.

Кейс вошел внутрь сферы, и его окружила холодная неоновая голубизна, похожая на замерзшее стекло; затем он запустил программу, которая внесла определенные изменения в пароли входа.

Теперь наружу. Так, двигаемся осторожно, вирус тщательно заделал окно.

Готово.

* * *

В коридоре здания «Сенснета», за низким прямоугольным цветником, сидели два Диких Кота; они снимали переполох на видеокамеру. Оба были в маскировочных костюмах-хамелеонах.

– Тактические силы уже набрызгивают пенные баррикады, – комментировал происходящее в ларингофон один из операторов. – А силы быстрого реагирования все еще пытаются посадить свой вертолет.

* * *

Кейс щелкнул симстим-переключателем и почувствовал страшную боль в сломанной кости.

Молли судорожно дышала, привалившись к глухой серой стене какого-то длинного коридора. Кейс немедленно вернулся в матрицу, и невыносимо жгучая боль в левом бедре тут же пропала.

– Алло, Стая, в чем там дело? – спросил он у связника.

– Не знаю, Взломщик. Мама не отвечает. Подожди.

Кейс зациклил программу. Между очертаниями ледокола и заделанным окном протянулась тончайшая ярко-красная нить. Ждать больше нельзя. Кейс глубоко вздохнул и включил симстим.

Пытаясь держаться за стену, Молли сделала шаг. Кейс застонал от боли. Вторым шагом она переступила через чью-то неестественно вывернутую руку. На рукаве форменного кителя – яркое пятно крови. Блеснула разбитая вдребезги стекловолоконная дубинка. Поле зрения сузилось, превратилось в

узкий туннель. После третьего шага Кейс взвыл и переключился в матрицу.

– Стая? Бостон, малыш… – Голос звенел от боли и напряжения. Молли закашлялась. – Небольшая трудность с туземцами. Один из них сломал мне ногу.

– Что нужно делать, Мама Кошка? – Голос связника почти терялся в помехах.

Кейс заставил себя включиться в сенсориум Молли. Перенеся весь свой вес на правую ногу, она опиралась на стену. Девушка порылась в нагрудном кармане, вытащила пластиковую упаковку с разноцветными дермадисками, выбрала три зеленых и сильно прижала их к левому запястью. Шесть тысяч микрограммов синтетического эндорфина обрушились на боль и разнесли ее вдребезги. Молли судорожно выгнулась, на ее бедра накатили волны тепла. Она вздохнула и медленно расслабилась:

– Все в порядке, Стая. Теперь нормально. Когда я выйду, мне потребуется медицинская помощь. Сообщите моим людям. Взломщик, я в двух минутах от цели. Ты продержишься?

– Передайте ей: я внутри и продержусь, – сказал Кейс.

Молли заковыляла по коридору. Один раз она оглянулась, и Кейс увидел на полу три изуродованных тела охранников «Сенснета». У одного из них вроде бы не было глаз.

– Полиция заблокировала первый этаж, Мама Кошка. Пенные заграждения. В холле становится довольно забавно.

– Здесь тоже не скучно, – ответила Молли, открывая стальную двустворчатую дверь. – Я почти на месте, Взломщик.

Кейс переключился в матрицу и сорвал со лба дерматроды. С него капал пот. Он вытер полотенцем лоб, торопливо глотнул из велосипедной фляжки и посмотрел на карту библиотеки, горевшую на экране. Пульсирующий красный курсор прополз через дверь. До зеленой точки, обозначавшей конструкт Дикси Флэтлайна, остались какие-то миллиметры. Страшно подумать, во что превратится нога Молли в результате этой прогулки. После такой дозы эндорфина она смогла бы, пожалуй, идти даже на кровоточащих культяпках. Кейс подтянул нейлоновые ремни, крепившие его к стулу, и вернул контакты на место.

Это стало уже рутиной: троды, матрица, выход в симстим.

В научном архиве «Сенснета» хранились материальные носители, информацию нельзя было перекачать в компьютер, ее нужно было взять руками и унести. Молли ковыляла между рядами серых одинаковых шкафов.

– Стая, передай ей: пять вперед и десять налево, – сказал Кейс.

– Пять вперед и десять влево, Мама Кошка, – повторил

связник.

Молли повернула налево. Насмерть перепуганная библиотекарша, с круглыми от ужаса глазами на посеревшем лице и мокрыми трясущимися щеками, вжалась в щель между шкафами. Молли даже не удостоила ее взглядом. Интересно, каким образом Диким Котам удалось вызвать такую панику? Молли говорила о какой-то липовой угрозе, но Кейс был слишком занят исследованиями льда, чтобы вслушиваться в объяснения.

– Этот, – сказал Кейс, но Молли и сама уже остановилась перед нужным шкафом. Своими очертаниями тот напоминал новоацтекские книжные стеллажи в приемной Джулиуса Дина.

– Ну, Взломщик, давай, – сказала Молли.

Кейс переключился в киберпространство и послал по алой нити, пронизывавшей лед библиотеки, команду. Пять независимых охранных систем пребывали в полной уверенности, что они работают. Три хитрых замка деактивировались, но продолжали считать себя запертыми. А в основной базе данных библиотеки появилась запись, что конструкт был выдан месяц тому назад по вполне законному распоряжению. А если библиотекарь попробует выяснить, по чьему именно распоряжению был он выдан, то обнаружит, что нужный файл стерт.

Дверь шкафа бесшумно отворилась.

– Номер ноль сорок шесть семьдесят восемь тридцать девять.

Молли вынула из стойки предмет, напоминавший магазин тяжелой штурмовой винтовки. Его черная матовая поверхность была испещрена предупреждающими надписями и значками уровня секретности.

Молли закрыла дверь шкафа, и Кейс перешел в киберпространство.

Он вытянул алую линию изо льда, она рывком вернулась в программу, и тут же пошло самовосстановление системы. Ледокол начал пятиться наружу, собирая подпрограммы, оставленные возле каждых ворот, которые тут же за ним захлопывались.

– Все, Стая, – сказал Кейс и обмяк на стуле.

После рейда, после напряжения последнего получаса он мог оставаться в матрице и одновременно чувствовать свое тело. Пройдет, вероятно, много дней, прежде чем в «Сенснете» обнаружат пропажу конструкта. Ключом может послужить сбой при приеме информации из Лос-Анджелеса, слишком уж точно совпавший по времени с переполохом. Вряд ли трое охранников, с которыми Молли столкнулась в коридоре, выживут и смогут рассказать о случившемся. Кейс перешел в симстим.

Лифт, заблокированный черной коробочкой, оставался на прежнем месте. Охранник все так же лежал на полу. Кейс только сейчас увидел у него на шее дерм. Явно Молли поставила – чтобы не очнулся раньше времени. Она перешагнула через охранника, вытащила блокировку и нажала кнопку «Вестибюль».

Дверь с шипением открылась, и сразу же толпа, бушевавшая в холле, выбросила из себя женщину; женщина задом влетела в лифт, ударилась затылком о стену и осела. Не обращая на нее внимания, Молли сняла с шеи охранника дерм. Затем вышвырнула из лифта белые брюки и розовый плащ, бросила сверху темные очки и натянула на лоб капюшон комбинезона. Конструкт тяжело оттягивал нагрудный карман. Молли вышла из лифта.

Кейс и раньше видел панику, но только не в замкнутом пространстве.

Служащие «Сенснета» выскакивали из лифтов и бросались к главному выходу, где их встречали пенные баррикады тактических сил и ружья (те самые, с «желейными» пулями, как у Раца), подразделения быстрого реагирования. Два ведомства, убежденные, что сдерживают орду потенциальных убийц, действовали на удивление слаженно. Баррикады перед разбитыми стальными дверями на улицу в три слоя были завалены человеческими телами. Звонкие хлопки ружей методично аккомпанировали реву толпы, метавшейся по мраморному полу. Кейс в жизни ничего подобного не видел.

Молли, по-видимому, тоже.

– Господи, – сказала она и на мгновение остановилась.

Истерические рыдания сотен людей сливались в булькающий вой дикого, безрассудного ужаса. Пол усеивали тела, одежда и длинные мятые рулоны желтых распечаток.

– Давай, сестренка, на выход.

Глаза двоих Котов смотрели на нее из круговерти оттенков, бушевавшей на поликарбоне: костюмы не поспевали за скоростью, с которой вокруг менялись цвета и формы.

– Тебе больно? Давай. Томми поведет тебя.

Томми передал говорившему видеокамеру, обернутую поликарбоном.

– Цинциннати, – сказала Молли, – я выхожу.

А затем она стала падать, но не на мраморный пол, скользкий от крови и блевотины, а в какой-то теплый, уютный колодец, в темноту и в тишину.

* * *

Вожак Диких Котов, который представился как Люпус Мудеркинд, носил поликарбоновый костюм с памятью, позволявшей воспроизводить по желанию любой фон. Он сидел, словно некая наисовременнейшая горгулья, на краю стола, глядя на Кейса и Армитиджа из-под надвинутого на глаза капюшона, и улыбался. Волосы у него были розовые. За левым ухом, по-кошачьи заостренным и покрытым розовой шерстью, щетинился радужный лес микрочипов. Что-то было сделано и с его глазами, они светились как у самого настоящего кота. Костюм его медленно менял текстуру и цвет.

– Ты выпустил ситуацию из-под контроля, – сказал Армитидж.

Он стоял посреди чердака, словно статуя, задрапированная в темные шелковистые складки дорогого плаща.

– Хаос, мистер Как-вас-там, – пожал плечами Люпус Мудеркинд. – Это наш стиль и образ жизни. Наш главный прикол. Ваша женщина знает об этом. Мы договаривались с ней. А не с вами, мистер Как-вас-там.

Костюм парня покрылся диким угловатым орнаментом, бежевым на светло-зеленом фоне.

– Она нуждалась в медицинской помощи. Теперь она у врачей. Мы постережем ее. Все в порядке.

Парень снова улыбнулся.

– Заплати ему, – сказал Кейс.

Армитидж сверкнул на него глазами:

– Мы не получили товар.

– Он у вашей женщины, – сказал Мудеркинд.

– Заплати ему.

Армитидж неохотно подошел к столу и вытащил из карманов плаща три толстые пачки новых иен.

– Хочешь пересчитать? – спросил он Мудеркинда.

– Нет, – ответил Дикий Кот. – Вы меня не кинете. Вы ведь мистер Как-вас-там. Вы заплатите, чтобы остаться мистером Как-вас-там. Чтобы не стать мистером Таким-то.

– Надеюсь, это не угроза, – сказал Армитидж.

– Это бизнес, – ответил Мудеркинд, засовывая деньги в нагрудный карман.

Зазвенел телефон. Кейс снял трубку.

– Молли, – сказал он, передавая трубку Армитиджу.

* * *

Когда Кейс покинул здание, геодезические купола

Муравейника светились предрассветной серостью. Конечности замерзли и плохо слушались. Кейс не мог заснуть. Его вконец достал этот чердак. Сначала ушел Люпус, затем Армитидж, а Молли валялась в какой-то хирургической клинике. Где-то в глубине промчался поезд, и под ногами задрожала земля. В отдалении завыли сирены.

Ссутулив обтянутые новой кожаной курткой плечи, подняв воротник, Кейс брел наугад и бросал очередной окурок только для того, чтобы зажечь новую сигарету. Он пытался представить себе, как стенки ядовитых капсул Армитиджа вот прямо сейчас растворяются, становятся с каждым шагом все тоньше. Картина казалась ирреальной. Такой же ирреальной, как ужас и страдание, которые он видел в вестибюле «Сенснета» глазами Молли. Кейс попытался вспомнить лица тех троих, которых убил в Тибе. Мужчины не вспоминались, а женщина была похожа на Линду Ли. Мимо протарахтел трехколесный грузовой мотороллер с зеркальными стеклами кабины, в кузове погромыхивали пустые пластиковые цилиндры.

– Кейс.

Он бросился в сторону и инстинктивно прижался спиной к стене.

– Хочу кое-что тебе передать.

Костюм Люпуса Мудеркинда переливался чистыми основными цветами.

– Пардон, не хотел тебя пугать.

Держа руки в карманах куртки, Кейс выпрямился во весь рост. Он оказался на голову выше Кота.

– Ты бы поаккуратнее, Мудеркинд.

– Всего одно слово. Уинтермьют.

– От тебя? – Кейс шагнул вперед.

– Да нет же, – возразил Мудеркинд. – Тебе.

– От кого?

– Уинтермьют, – повторил Дикий Кот и кивнул копной розовых волос.

Его костюм стал тускло-черным, угольная тень на обшарпанном бетоне. Он взмахнул черными худыми руками, словно исполняя па какого-то странного танца, и исчез. Нет. Еще стоит. Розовые волосы скрыты капюшоном, костюм стал серым и пятнистым, точно в тон тротуару. В глазах отражается красный огонь светофора. А затем он и вправду исчез.

Кейс прислонился к ободранной кирпичной стенке, закрыл глаза и помассировал веки окоченевшими пальцами.

На тротуарах Нинсэй все было гораздо проще.

5

Медицинская бригада, которая лечила Молли, занимала два этажа неприметного кондоминиума в старом центре Балтимора. Здание состояло из модулей на манер увеличенной версии «Дешевого отеля», только с гробами по сорок метров в длину. Кейс встретил Молли на выходе из модуля, украшенного табличкой с затейливо выведенной надписью: «ДЖЕРАЛЬД ЦЗИНЬ. ДАНТИСТ». Девушка хромала.

– Он говорит, если я пну что-нибудь, нога отвалится.

– Я тут наткнулся на одного твоего дружка, – сказал Кейс. – На Кота.

– И кто же это был?

– Люпус Мудеркинд. Он принес мне записку.

Кейс передал Молли бумажную салфетку, на которой аккуратными заглавными буквами красным фломастером были выведено слово «УИНТЕРМЬЮТ».

– Он сказал…

Девушка сделала ему знак замолчать:

– Поедим лучше крабов.

* * *

После ланча, в процессе которого Молли препарировала краба с пугающей легкостью, они сели в «трубу» и поехали в Нью-Йорк. Кейс не задавал вопросов: какой смысл, если в ответ получаешь только знак замолчать. Похоже, у Молли серьезно побаливала нога, и она редко подавала голос.

Худенькая чернокожая девочка с туго вплетенными в волосы деревянными бусами и старинными резисторами открыла дверь в убежище Финна и повела их по узкому проходу, петлявшему среди гор хлама. Кейсу показалось, что хлам вроде как вырос за время их отсутствия. Или, скорее, за прошедшее время он слегка изменился и преобразился; тихие невидимые хлопья сгущались и оседали, кристаллическая сущность заброшенной технологии, тайно процветающая на помойках Муравейника.

По ту сторону армейского одеяла за белым столом их ждал Финн.

Молли быстро зажестикулировала, вытащила клочок бумаги, что-то на нем написала и протянула Финну. Тот взял его двумя пальцами вытянутой руки, держа подальше от себя, как будто что-то опасное, способное взорваться. Затем Финн сделал какой-то непонятный Кейсу жест, выражавший смесь нетерпения и

мрачной покорности. Он встал из-за стола и стряхнул крошки с лацканов мятого твидового пиджака.

На столе рядом с надорванной пластиковой пачкой галет и жестяной пепельницей, полной окурков «Партагаса», стояла банка с маринованной селедкой.

– Подождите, – бросил Финн и вышел из комнаты.

Молли села на его место, выпустила лезвие указательного пальца и подцепила сероватый пласт сельди. Кейс бесцельно бродил по комнате, трогая по пути смонтированные в стойках сканирующие приборы.

Через десять минут Финн стремительно вернулся и обнажил желтые зубы в широкой улыбке. Он кивнул, показал Молли большой палец и жестом попросил Кейса помочь ему с дверной панелью. Пока Кейс закреплял скотчем дверь, Финн вынул из кармана маленькую плоскую клавиатуру и набрал сложную последовательность символов.

– Дорогуша, – обратился он к Молли, убирая клавиатуру, – на этот раз тебе действительно повезло. Без балды, я это нюхом чую. Ты можешь мне сказать, откуда у тебя это?

– Мудеркинд, – тихо ответила Молли, отодвигая галеты и селедку. – Я заключила побочную сделку с Ларри.

– Здо́рово, – восхитился Финн. – Ну так вот, это ИскИн.

– Нельзя ли чуть попонятнее, – проворчал Кейс.

– Берн, – сказал Финн, не обращая на него внимания. – Он находится в Берне. Получил ограниченное швейцарское гражданство согласно закону, аналогичному нашему акту от пятьдесят третьего года. Построен для «Тессье-Эшпул СА».[8] Им принадлежит и железо, и исходное программное обеспечение.

– Что там такое в Берне? – Кейс встал прямо между ними.

– Уинтермьют – опознавательный код ИскИна. У меня есть номера Регистра Тьюринга. ИскИн – искусственный интеллект.

– Все это прекрасно, – вставила Молли, – но при чем тут мы?

– Если Мудеркинд не ошибается, – сказал Финн, – то за спиной Армитиджа стоит Уинтермьют.

– Коты занялись этим делом по моему поручению, – объяснила Молли недоумевающему Кейсу. – У них бывают самые странные и неожиданные источники информации. Договаривалась я через Ларри на четких условиях: плачу, если они узнают, кто стоит за Армитиджем.

– И ты думаешь, что за ним стоит этот самый ИскИн? Но ведь этим штукам не позволена никакая автономия. Тут уж скорее корпорация, о которой ты говорила. «Тессле…»

– «Тессье-Эшпул СА», – подсказал Финн. – Могу рассказать вам про них одну историю. Хотите послушать? – Он сел к столу и

подался вперед.

– Финн, – заметила Молли, – обожает рассказывать истории.

– Эту я еще никому не рассказывал, – начал Финн.

* * *

Финн был барыгой, в основном по части краденых программ. Естественно, он иногда встречался с другими барыгами, часть которых занималась более традиционными товарами. Драгоценными металлами, марками, редкими монетами, самоцветами, ювелиркой, а также живописью и прочими произведениями искусства. История, рассказанная им, начиналась с человека по фамилии Смит.

Такой же барыга, Смит в более урожайные времена выступал торговцем предметами искусства. Первый знакомый Финна, «двинувшийся на кремнии» (выражение, на взгляд Кейса, несколько старомодное), он покупал микросхемы исключительно «по специальности» – искусствоведение и аукционные каталоги. Вставив в черепной разъем дюжину чипов, он приобретал необъятные, по меркам коллег, познания в области искусства и торговли оным. Однажды Смит пришел к Финну, можно сказать, за братской помощью, как бизнесмен к бизнесмену. Ему потребовалось навести справки о клане Тессье-Эшпул, но так, чтобы те никогда об этом не узнали. Финн ответил, что это вполне возможно, но потребовал разъяснений.

– Понимаешь, – пояснил он Кейсу, – дело определенно пахло деньгами.

Смит был крайне осторожен. Даже слишком.

Как выяснилось, Смита обслуживал поставщик по имени Джимми. Он занимался квартирными кражами и другими столь же благородными делами; он только что вернулся на Землю после года, проведенного на высокой орбите, и привез домой, на дно гравитационного колодца, некоторые любопытные вещицы. Наиболее необычным предметом из тех, что Джимми удалось раздобыть в своих гастролях по архипелагу, оказалась голова – платиновый бюст, покрытый перегородчатой эмалью и усыпанный мельчайшим жемчугом и ляпис-лазурью. Смит печально вздохнул, убрал карманный микроскоп и посоветовал Джимми расплавить голову. Новодел, коллекционной ценности не представляет. Джимми рассмеялся. «Это, – сказал он, – компьютерный терминал. Она умеет говорить. И не каким-нибудь там синтезированным голосом, а с помощью миниатюрных органных труб, мехов, рычагов и прочих прибамбасов». Трудно

сказать, кому и зачем понадобилось делать такую изощренную игрушку. Даже извращенную – ведь чипы, синтезирующие голос, продаются на каждом углу, цена им пятачок пучок. Типичный куншток. Смит подключил голову к своему компьютеру, и мелодичный нечеловеческий голос зачитал ему цифры прошлогодней декларации о доходах.

Среди клиентов Смита был токийский миллиардер, чья страсть к механическим игрушкам граничила с фетишизмом. Смит пожал плечами и развел руками в жесте, древнем, как ломбарды и лавки старьевщиков. Конечно, он постарается, но вряд ли за голову можно много выручить.

Когда Джимми оставил бюст и ушел, Смит начал его тщательно исследовать и нашел клейма мастеров. Оказалось, что голова – плод более чем неожиданного сотрудничества двух цюрихских ремесленников, парижского художника-эмальера, датского ювелира и калифорнийского разработчика микросхем. А изготовлена она по заказу «Тессье-Эшпул СА».

Смит стал осторожно намекать токийскому коллекционеру, что имеет нечто, заслуживающее внимания.

А затем к нему пришел некий не представившийся посетитель, который преодолел сложную систему безопасности с такой легкостью, словно ее и вовсе не существовало. Маленький, дико вежливый японец имел все признаки искусственно выращенного ниндзя-убийцы. Смит сидел за полированным столом из вьетнамского розового дерева и как завороженный глядел в спокойные карие глаза смерти. Мягко, почти извиняясь, клонированный убийца объяснил, что в его обязанности входит найти и вернуть некое произведение искусства, механизм исключительной красоты, который взяли из дома хозяина. До его сведения дошло, что Смит знает о местонахождении упомянутого предмета.

Смит объявил, что не хочет умирать, и выставил голову на стол. «А какую сумму вы ожидали выручить от продажи предмета?» – спросил посетитель. Смит назвал сумму намного ниже той, которую хотел запросить за голову. Ниндзя вынул кредитный чип и перевел эту сумму с номерного швейцарского счета на счет Смита. «А кто, – спросил японец, – принес вам эту вещь?» Смит ответил. Через несколько дней он узнал, что Джимми умер.

– Вот тут-то на сцену и вышел я, – продолжал Финн. – Смит знал, что я свой в тусовке с Мемори-лейн и что именно туда нужно идти, дабы, не поднимая лишнего шума, раздобыть о ком-нибудь сведения. Я нанял ковбоя. Как посредник, я получал определенный процент. Смит был предельно осторожен. Он

вышел из крайне дикой и опасной операции с прибылью, однако в деле осталось много странного и непонятного. Кто заплатил ему из этой швейцарской заначки? Якудза? Позвольте не поверить. По части подобных ситуаций у них очень твердые правила, перекупщик должен отправиться туда же, куда и вор. Что-нибудь со спецслужбами? Смит так не думал. Спецслужбистские дела всегда имеют особый привкус, достаточно опытный человек распознает его без ошибки. Итак, мой ковбой рылся в старых архивах, пока не наткнулся на тяжбу с упоминанием Тессье-Эшпулов. Тяжба пустяковая, но мы получили наводку на юридическую фирму. Ковбой прорубился сквозь адвокатский лед, и мы узнали адрес семьи. Ну и хрен ли, спрашивается, толку?

Кейс удивленно поднял брови.

– Фрисайд, – сказал Финн. – Веретено. Как оказалось, они владеют почти всей этой штукой. Когда ковбой хорошенько прочесал архивы информационных служб и составил резюме, получилась крайне интересная картина. Семейная организация. С корпоративной структурой. Теоретически вы можете купить часть любого СА, но на деле ни одна акция корпорации «Тессье-Эшпул» не появлялась на открытом рынке вот уже более сотни лет. И ни на каком другом рынке, насколько мне известно. Мы столкнулись с каким-то там поколением очень скрытной и очень эксцентричной внеземной семьи, выступающей под видом корпорации. Деньги у них огромные, причем семья всячески избегает внимания СМИ. Широкомасштабное клонирование. Орбитальные законы по поводу генной инженерии намного мягче земных. Поэтому очень трудно проследить, какое поколение или комбинация поколений управляет корпорацией в данный момент.

– Как это? – спросила Молли.

– У них своя криогенная установка. Даже согласно орбитальному закону замороженный человек считается мертвым. Похоже, они подменяют друг друга, хотя отца-основателя никто не видел лет уже тридцать. А мамаша-основательница погибла в результате несчастного случая в лаборатории…

– Так что же с барыгой?

– Да ничего. – Финн нахмурился. – Бросил это дело. Мы имели счастье одним глазком увидеть фантастическое хитросплетение взаимных доверенностей на ведение дел, имеющихся в распоряжении «Т-Э», вот и все. Джимми, должно быть, забрался в «Блуждающий огонек», спер эту голову, а Тессье-Эшпулы послали за ней ниндзя. Смит решил выкинуть все это из своей пребывающей пока еще на плечах головы. И правильно, пожалуй, сделал. – Финн взглянул на Молли. – Вилла «Блуждающий огонек». На самом конце Веретена. Посторонние не

допускаются.

– И ты считаешь, что у них есть свой ниндзя? – спросила Молли.

– Смит думает, что да.

– Дорогое удовольствие, – заметила девушка. – Интересно, где он сейчас, этот ниндзя-коротышка?

– Возможно, они его заморозили. До следующей необходимости.

– Ладно, – сказал Кейс, – мы знаем, что Армитидж получает свои башли от ИскИна по имени Уинтермьют. Ну и какой от этого толк?

– Пока никакого, – пожала плечами Молли, – но теперь у тебя появляется небольшое побочное развлечение.

Она вынула из кармана сложенный листок бумаги и подала Кейсу. Тот развернул его. Сетевые координаты и пароль входа.

– Кто это?

– Армитидж. Какая-то его база данных. Я получила эти сведения от Котов. За дополнительное вознаграждение. Где это?

– В Лондоне, – сказал Кейс.

– Ну так взломай! – засмеялась Молли. – Покажи, что ты не даром ешь свой хлеб.

* * *

Кейс дожидался на переполненной платформе местного поезда «Транс-СОБА». Молли давно вернулась на чердак с конструктом Флэтлайна в зеленой сумке, а Кейс все это время пил, не просыхая. Странно и неприятно думать о Флэтлайне как о конструкте, как о кассете постоянной памяти, воспроизводящей профессиональное мастерство покойного, и его пунктики, и даже инстинкты… Местный поезд с грохотом приближался вдоль черной индукционной полосы, из трещин в потолке туннеля посыпались тонкие струйки песка. Кейс втиснулся в ближайшую дверь и, когда состав тронулся, стал разглядывать пассажиров. Двое последователей Христианской Науки, весьма хищные на вид, старались протиснуться к трио юных конторских техничек, на чьих запястьях в резком вагонном освещении влажно поблескивали розовые голографические влагалища. Девицы нервно облизывали идеальной формы губы и поглядывали на христианских научников из-под опущенных век с металлическим отблеском. Они были похожи на высоких, грациозных экзотических животных, бессознательно покачивающихся в такт движению поезда; высокие каблуки, попиравшие серый

металлический пол вагона, походили на полированные копытца. Не успели девушки упорхнуть от миссионеров куда глаза глядят, как поезд уже прибыл на станцию Кейса.

Кейс вышел из вагона и увидел парящую около стены станции голограмму белой сигары, под которой мигала стилизованная под японские иероглифы надпись: «ФРИСАЙД». Пройдя сквозь толпу, Кейс встал прямо под рекламой и принялся изучать изображение. Ниже мигала надпись: «ЗАЧЕМ ОТКЛАДЫВАТЬ?» Белое тупоносое веретено, усеянное решетками, радиаторами, куполами и стыковочными узлами. Кейс видел эту или подобные ей рекламы тысячу раз. Они его не интересовали. Ковбою с декой – один хрен: что Фрисайд, что Атланта – все банки рядом. Путешествия – это для мяса. Но теперь, разглядывая рекламу, Кейс заметил маленький, не больше монетки, значок, вплетенный в левый нижний угол призрачной ткани рекламы: «Т-Э».

Он вернулся на чердак, думая о Флэтлайне. Почти все девятнадцатое лето своей жизни он провел в «Джентльмене-неудачнике», потягивая дорогое пиво и тараща глаза на ковбоев. Он ни разу еще не притронулся к деке, но твердо знал, чего хочет. В то лето в «Неудачнике» ошивалось не менее двадцати других окрыленных надеждами парнишек, каждый из которых хотел стать мальчиком на побегушках у какого-нибудь ковбоя. Единственный способ выучиться.

Все они слышали о Поли, деревенского вида жокее из окрестностей Атланты, который пережил мозговой коллапс, побывав за черным льдом. Слухи – смутные, уличные, которые только и были доступны мальчишкам, – сходились в одном: Поли сделал невозможное. «Что-то колоссальное, – сообщал Кейсу (за кружку пива) другой будущий великий ковбой, – но вот что именно? Я слышал, что он вскрыл бразильскую платежную сеть. Так это или не так, но этот мужик побывал на том свете. Полный мозговой коллапс». В противоположном конце переполненного бара сидел коренастый парень с каким-то свинцовым цветом кожи.

– Понимаешь, мальчик, – рассказывал ему Флэтлайн несколько месяцев спустя, уже в Майами, – я как эти здоровенные долбаные ящерицы, ну ты знаешь, у которых было два гребаных мозга, один в голове, а другой – в жопе, чтобы задними ногами двигать. Вот и я, вляпался в это черное говно, а задний мозг – ему хоть бы хны, работает как миленький.

Ковбойская элита «Неудачника» избегала Поли с каким-то суеверным страхом. Маккой Поли, Лазарь киберпространства…

В конце концов его погубило сердце. Второе, русское сердце,

пересаженное ему еще во время войны, в лагере для военнопленных. Он не соглашался заменить его, говорил, что привычный ритм поддерживает в нем чувство времени. Кейс пощупал в кармане клочок бумажки, полученный от Молли, и стал подниматься по лестнице.

Молли лежала на темперлоне и тихо похрапывала. Прозрачный гипс доходил от колена до самой промежности, и сквозь стекловидное вещество виднелись ужасные черно-желтые синяки. Вдоль левого запястья выстроились восемь дермов, все разного цвета и величины. Рядом лежал трансдермальный прибор «Акай», к прилепленным под гипсом дерматродам тянулись тонкие красные проводки.

Кейс включил настольную лампу, стоящую рядом с «Хосакой». Резкий круг света упал прямо на конструкт Флэтлайна. Кейс загрузил в машину лед, подсоединил конструкт и вошел в матрицу.

У него возникло отчетливое ощущение, будто кто-то стоит за спиной.

Кейс кашлянул:

– Дикс? Маккой? Это ты, что ли? – У него пересохло в горле.

– Привет, браток, – сказал голос из ниоткуда.

– Это я, Кейс. Еще не забыл?

– А, Майами, ученик, быстро все схватывал.

– Что ты последнее помнишь, Дикс, перед тем как я с тобой сейчас заговорил?

– Ничего.

– Ну-ка, постой.

Кейс отсоединил конструкт. Ощущение чужого присутствия исчезло. Он снова подсоединил конструкт.

– Дикс, кто я?

– Веселенький вопрос. А хрен тебя знает, кто ты такой.

– Ке… Один твой друг. Напарник. Что с тобой случилось?

– Вот и я хотел бы знать.

– Помнишь, как ты был здесь секунду назад?

– Нет.

– А знаешь, как работает матрица личностного ПЗУ?

– Конечно, кореш, фирменный конструкт.

– Значит, если я подключу его к своей базе данных, он получит непрерывную память в реальном времени?

– Думаю, да, – ответил конструкт.

– Ладно, Дикс. Ты – конструкт. Усек?

– Ну, раз ты так говоришь, – согласился конструкт. – Так кто ты такой?

– Кейс.

– А, Майами, ученик, быстро все схватывал.

– Точно. А для разминки мы сгоняем с тобой сейчас в Лондонскую сеть и кое-что там посмотрим. Ты не против?

– А у меня что, есть выбор?

6

– Тебе нужен рай, – посоветовал Флэтлайн, когда Кейс объяснил ситуацию. – Проверь Копенгаген, окраины университетской секции. – Голос по памяти выдал координаты.

Они нашли свой рай, «пиратский рай», на размытой границе слабо защищенной академической сети. На первый взгляд рай этот напоминал граффити, оставляемые иногда студентами-операторами на перекрестках, – еле заметные цветные значки, мерцающие на фоне размытых очертаний дюжины гуманитарных факультетов.

– Вон, – сказал Флэтлайн, – голубой. Видишь? Входной пароль компании «Белл-Европа». Причем свежий. Скоро «Белл» сюда доберется, прочитает всю эту доску объявлений и поменяет все коды, которые здесь вывешены. А завтра ребятки сопрут новые.

Кейс набрал входной пароль системы «Белл-Европа», а затем обычный телефонный номер. С помощью Флэтлайна он вышел на лондонскую базу данных, принадлежавших, по словам Молли, Армитиджу.

– Давай, – сказал голос. – Я тут быстро справлюсь.

Флэтлайн принялся нараспев читать цифровые последовательности, Кейс отстукивал их на деке, стараясь передать паузы, которые делал конструкт.

Потребовалось три попытки.

– Тоже мне работа, – сказал Флэтлайн. – Льда вообще нет.

– Просканируй это дерьмо, – скомандовал Кейс «Хосаке». – Просей, выбери биографические материалы владельца.

На месте нейроэлектронных каракуль появился простой белый ромб.

– База содержит в основном видеозаписи послевоенных сессий трибунала, – сказал негромкий голос «Хосаки». – Центральной фигурой процессов является полковник Уиллис Корто.

– Да ты показывай, – сказал Кейс.

На экране появилось незнакомое мужское лицо. С глазами Армитиджа.

* * *

Через два часа Кейс рухнул рядом с Молли, темперлон послушно повторил контуры его тела.

– Нашел что-нибудь? – спросила Молли сквозь сон и наркотики.

– Потом расскажу, я разваливаюсь.

Кейс был в полном смятении и чувствовал отходняк, как после хорошей дозы. Он валялся с закрытыми глазами и пытался уложить в голове историю человека по фамилии Корто. В резюме, составленном «Хосакой» на основании куцых данных, зияли огромные дыры. Одну часть материала представляли печатные отчеты, которые бежали по экрану так быстро, что Кейсу пришлось попросить «Хосаку» читать их вслух. Другую часть представляли аудиозаписи судебных слушаний по поводу «Разящего кулака».

Полковника Уиллиса Корто забросили через слепое пятно в русской обороне Киренска. Шаттлы пробили эту брешь импульсными бомбами, и команда Корто десантировалась на сверхлегких мотодельтапланах типа «Ночное крыло». Их крылья упруго раскрылись в лунном свете, отражавшемся в серебристых изгибах Ангары и Подкаменной Тунгуски, – последний свет, какой увидит Корто за предстоящие пятнадцать месяцев. Кейс пытался представить себе, как в вышине над промерзшей степью выходят из пусковых капсул эти хрупкие стрекозы, как расправляют они крылья в морозном ночном воздухе.

– Да, шеф, подставили тебя эти суки, – сказал Кейс, и Молли пошевелилась во сне.

Дельтапланы шли без оружия, чтобы компенсировать вес оператора, экспериментальной деки и вирусной программы «Крот-9», первого настоящего вируса в истории кибернетики. Корто и его команда готовились к рейду три года. Они пробили лед и уже собирались ввести «Крота-девятого», когда их засекли. Русские импульсные пушки вышвырнули жокеев в кромешную электронную тьму, навигационные системы «Ночных крыльев» рассыпались, вся их память была стерта подчистую.

Потом за дело взялись лазеры. Они навелись на тепловое излучение и посшибали хрупкие радарно-прозрачные десантные дельтапланы; Корто и его мертвый оператор упали с сибирского неба. Они падали, падали и падали…

Далее повествование прерывается до того самого момента, когда захваченный русский «летающий танк» прилетает в Финляндию. Прилетает, чтобы быть расстрелянным на рассвете при посадке в еловую рощу из допотопной двадцатимиллиметровой пукалки, управляемой расчетом лопухов-резервистов. «Разящий кулак» закончился для Корто в

окрестностях Хельсинки; финские санитары вырезали его из покореженного брюха вертолета. Через девять дней закончилась и война; слепого, безногого, с оторванной нижней челюстью полковника отвезли в штат Юта, в военный госпиталь. Только через одиннадцать месяцев его обнаружил здесь некий чиновник из аппарата конгресса. Корто лежал и слушал, как капает моча из катетера. К тому времени в Вашингтоне и Маклине уже начались показательные процессы. Пентагон и ЦРУ сильно сократились, остатки их были раздроблены на куски, а следственная комиссия конгресса сосредоточила свое внимание на операции «Разящий кулак». «Готовенький уотергейт», – сказал Корто чиновник.

Еще он сказал, что полковник нуждается в глазах, ногах, а также в интенсивной работе пластических хирургов, но все можно устроить. «И новую канализацию», – сказал он, трогая Корто за плечо через мокрую от пота простыню.

Бывший полковник слушал негромкое беспрестанное капанье. И сказал, что предпочитает давать показания в своем теперешнем виде.

«Нельзя, – объяснил чиновник, – заседания будут показывать по телевидению. Процессы нужны, чтобы повлиять на избирателей». Он вежливо кашлянул.

Подчищенные, подправленные и многократно отрепетированные показания Корто были яркими, подробными, берущими за душу. Бóльшая их часть была сочинена шайкой-лейкой из аппарата конгресса, кровно заинтересованной в спасении некоторых частей инфраструктуры Пентагона. Полковник постепенно и сам понял, что своими показаниями спас карьеры троих генералов, лично ответственных за сокрытие данных о строительстве МИ-установок в окрестностях Киренска.

После окончания разбирательств его персона стала в Вашингтоне нежелательной. В ресторане на М-стрит за блинчиками со спаржей тот же самый чиновник популярно объяснил ему, что именно произойдет, если он станет болтать лишнее. Сомкнутыми пальцами правой руки Корто раздробил ему гортань. Задохнувшийся чиновник упал лицом в блинчики со спаржей, а Корто вышел на улицу, в холодный вашингтонский сентябрь.

«Хосака» с пулеметной скоростью выдавала содержание полицейских отчетов, донесений промышленных шпионов и новостных лент. В Марракеше и Лиссабоне Корто обрабатывал падких до денег сотрудников корпораций; презирая саму мысль о предательстве, он все больше и больше ненавидел инженеров и ученых, секреты которых покупал для своих хозяев. В Сингапуре, пьяный, он до смерти избил русского инженера, а затем поджег

его номер.

Затем он вынырнул в Таиланде, уже в качестве управляющего фабрикой по производству героина. Затем он работал вышибалой в игорных домах Калифорнии, затем – наемным убийцей среди боннских руин. Ограбил банк в Уичите. Записи становились все темнее и непонятнее, а пробелы в них все длиннее.

А однажды, сказал он на допросе, проводившемся, по всей видимости, с использованием «сыворотки правды», все стало серым.

Переведенные с французского медицинские записи констатировали, что в парижскую психиатрическую клинику доставили неизвестного с диагнозом шизофрения. Он впал в кататонию и был отправлен в государственную лечебницу, расположенную на окраине Тулона. Он стал одним из лабораторных кроликов программы по лечению шизофрении при помощи кибернетического моделирования. Случайно выбранные пациенты получали микрокомпьютеры и обучались, при помощи студентов, составлять для них программы. Из всех больных, участвовавших в эксперименте, выздоровел только Корто.

Здесь записи обрывались.

Кейс заворочался на темперлоне, и Молли негромко выругала его за беспокойство.

* * *

Зазвонил телефон. Не вставая с кровати, Кейс снял трубку:

– Да?

– Мы летим в Стамбул, – сказал Армитидж. – Сегодня вечером.

– Чего еще надо этому ублюдку? – спросила Молли.

– Говорит, сегодня вечером мы летим в Стамбул.

– Ну вообще.

Армитидж зачитал номера рейсов и время вылетов.

Молли села и включила свет.

– А как мое оборудование? – спросил Кейс. – Моя дека?

– Этим займется Финн, – сказал Армитидж и повесил трубку.

Кейс смотрел, как Молли собирает вещи. Несмотря на гипс, на черные круги под глазами, она двигалась как танцовщица. Ни одного лишнего движения. Рядом с сумкой лежала мятая куча его одежды.

– Тебе больно? – спросил Кейс.

– Не помешала бы еще одна ночь у Цзиня.

– Это тот дантист?

– Да уж, дантист. Просто он очень осторожен. Скупил половину этой этажерки и устроил там широкопрофильную больницу. В основном чинит самураев.

Она застегивала сумку.

– Ты бывал в Стамбуле?

– Да, как-то пару дней.

– Он такой же, как прежде, – сказала Молли. – Старый грязный городишко.

* * *

– Вот так же мы отправились и в Тибу. – Молли смотрела из окна поезда на лунный пейзаж промышленной зоны, где красные огоньки на горизонте отгоняли самолеты от термоядерной электростанции. – Мы жили в Лос-Анджелесе. Он вошел и сказал: «Собирайся, мы летим в Макао». Там я играла в фан-тан в «Лиссабоне», а он переправился через Чжуншань. А на следующий день я уже играла с тобой в прятки в Ночном Городе.

Молли вынула из рукава черной курточки шелковый шарфик и протерла им свои линзы. Пейзаж северного Муравейника пробудил в Кейсе детские воспоминания о каких-то пучках сухой травы, торчащих из трещин бетонного фривея.

В десяти километрах от аэропорта поезд начал тормозить. Кейс смотрел, как над битым шлаком, над пустыми ржавыми скорлупками нефтеперегонных заводов, над ландшафтом его детства встает солнце.

7

В Бейоглу дождило. Арендованный «мерседес» плавно скользил мимо зарешеченных темных окон осторожных греческих и армянских ювелиров. Улица была почти пустынной, только несколько одетых в темное фигур на тротуаре оглядывались на машину.

– Прежде здесь был процветающий европейский район османского Стамбула, – сообщил «мерседес».

– А теперь только что не трущобы, – заметил Кейс.

– «Хилтон» находится на Джумхуриет-Каддеси, – сказала Молли, устраиваясь на заднем сиденье.

– Почему Армитидж летает отдельно? – спросил Кейс. У него болела голова.

– Потому, что ты его достаешь. И меня тоже.

Кейс хотел рассказать ей историю Корто, но передумал. В

самолете он наклеил себе снотворный дерм и весь полет проспал.

Прямая пустынная дорога из аэропорта вскрыла город, как аккуратный разрез. Мимо проносились фантастические, заплата на заплате, стены деревянных домиков, кондо, купола, тоскливые параллелепипеды многоквартирных домов, опять стенки из фанеры и ржавой жести.

Финн, одетый в новый черный, как у сараримена, костюм, кисло ждал их, сидя в плюшевом кресле, – одинокий островок посреди неоглядного моря бледно-голубых ковров, устилавших холл «Хилтона».

– Боже, – фыркнула Молли. – Крыса в деловом костюме.

Они пересекли вестибюль.

– За сколько ты согласился сюда приехать? – Она уронила свою сумку рядом с креслом. – Да еще в таком прикиде – это вообще дорогого стоит.

– Не так уж и много, дорогуша, – весело оскалился Финн, передавая ей магнитный ключ с круглой желтой биркой. – Вас уже зарегистрировали. Апартаменты наверху. – Он огляделся по сторонам. – Дерьмо город.

– Ты страдаешь агорафобией оттого, что тебя вытащили из-под купола. Ты представь, что это вроде как Бруклин. – Молли покрутила ключ на пальце. – Ты здесь лакеем или как?

– Мне нужно проверить имплантаты одного парня, – сказал Финн.

– А как моя дека? – спросил Кейс.

– Соблюдай субординацию. – Финн поморщился. – Все вопросы – к боссу.

Молли сделала быстрый знак пальцами; Финн утвердительно кивнул.

– Да, – сказала Молли, – я знаю, кто это. – Она мотнула головой в сторону лифтов. – Пошли, ковбой.

Кейс подхватил обе сумки и двинулся следом.

* * *

Их номер один к одному походил на тот, в Тибе, где он впервые встретился с Армитиджем. Утром он подошел к окну, почти готовый увидеть Токийский залив. Через дорогу торчал другой отель. Дождь так и не кончился. Люди со старенькими, завернутыми в прозрачный пластик голосовыми принтерами жались в подъезды домов. Платные писцы, лучшее доказательство того, что в этой стране написанное слово все еще ценится. Неторопливая страна. Из тупорылого черного «ситроена» с

примитивным водородным аккумулятором выбрались пятеро суровых турецких офицеров в мятых зеленых френчах. Они вошли в отель напротив.

Кейс опять посмотрел на кровать, на Молли и поразился ее бледности. Губчатый гипс остался дома, на чердаке, рядом с трансдермальным индуктором. В зеркальных линзах отражались лампы, освещавшие номер.

Кейс взял трубку сразу после первого звонка.

– Рад, что вы уже встали, – сказал Армитидж.

– Я только что. А леди еще спит. Послушайте, босс, я думаю, нам стоит немного поговорить. Чем больше я знаю о своей работе, тем лучше работаю.

В трубке наступила тишина. Кейс прикусил губу.

– Ты знаешь вполне достаточно. Может, даже слишком.

– Вы так думаете?

– Одевайся. Буди девочку. Минут через пятнадцать к вам придет гость. Его фамилия Терзибашьян.

Негромкие гудки. Армитидж положил трубку.

– Вставай, малышка, – позвал Кейс. – Дела.

– Я уже час как не сплю. – Зеркала повернулись в его сторону.

– К нам идет некто Джерси Бастион.

– У тебя прямо талант к языкам. И сам ты не иначе из армян. Это – шпик, которого наш начальничек приставил к Ривьере. Помоги мне встать.

Терзибашьян оказался молодым человеком в сером костюме и в зеркальных очках с золотой оправой. Через расстегнутый воротничок белой рубашки виднелась подушка черных волос, таких густых, что Кейс принял их сперва за майку. В руках у него был черный хилтоновский поднос с тремя крохотными чашечками ароматного черного кофе и тремя же восточными сластями неопределенной природы, липкими и цвета соломы.

– Нам ни в коем случае нельзя слишком, как вы выражаетесь, *мельтешиться*.

Некоторое время он смотрел прямо на Молли, но затем снял зеркальные очки. Темно-карие глаза имели тот же оттенок, что и короткие, армейской стрижки, волосы…

– Так лучше, да? – улыбнулся армянин. – Иначе получается бесконечное повторение зеркала в зеркале… А вам, – добавил он Молли, – нужно быть поосторожнее. В Турции не очень любят женщин с подобными модификациями.

Молли откусила половину вязкого бруска.

– Засунь свои советы знаешь куда? – Из-за полного рта слова звучали не очень разборчиво. Она прожевала кусок, глотнула и облизала губы. – Я все про тебя знаю. Ты стучишь для военной

полиции, верно? – Ее рука неторопливо скользнула за пазуху и вытащила игольник. Кейс не знал, что Молли вооружена.

– Осторожнее, пожалуйста. – Белая фарфоровая чашечка застыла в сантиметре от губ Терзибашьяна.

Со все той же неспешностью Молли подняла ствол:

– Выбирай: или разлететься на куски, или заработать рак. Всего от одной стрелы, сраная морда. Ты даже не почувствуешь.

– Пожалуйста. Не понимаю, для чего вы ставите меня в… как это у вас называется?.. *крайне затруднительное положение.*

– А я понимаю, что сегодня у меня, как это у меня называется, крайне хреновое настроение. Так что рассказывай нам про этого парня и чеши отсюда. – Она спрятала оружие.

– Он живет в «Фенере» на Кучук-Гюльхане-Джаддези, четырнадцать. Каждый вечер ездит в метро на базар, по одному и тому же маршруту. Недавно он выступал в «Енишехир палас-отели», это современная гостиница в стиле *turistik,* но этими представлениями заинтересовалась полиция – не по своей, как вы понимаете, инициативе. Администрация «Енишехира» занервничала.

Терзибашьян улыбнулся. От него исходил сильный металлический запах лосьона для бритья.

– Мне нужно знать об имплантатах, – сказала Молли, массируя себе бедро. – Я хочу знать, на что он способен.

Терзибашьян кивнул:

– Хуже всего эти, как у вас выражаются, *сублиминалы.* – В последнем слове он тщательно артикулировал каждый слог.

* * *

– Слева от нас, – сказал «мерседес», пробираясь по лабиринту мокрых от дождя улиц, – главный базар Стамбула «Капали Карси».

Сидевший рядом с Кейсом Финн понимающе хрюкнул, хотя смотрел в совершенно противоположном направлении. По правой стороне улицы тянулись склады утильсырья. Среди куч на щербатых, покрытых ржавыми пятнами мраморных плитах валялся развороченный остов паровоза. Поленница безголовых мраморных статуй.

– Домой хочется? – спросил Кейс.

– Дерьмовый городишко, – вздохнул Финн.

Его черный шелковый галстук стал похож на изношенную ленту от пишущей машинки. На лацканах нового костюма появились медальоны из яичных пятен и мясной подливки для

люля-кебаба.

– Эй, Джерси, – обратился Кейс к сидевшему сзади армянину, – а где этому парню ставили имплантаты?

– В Тиба-Сити. У него нет левого легкого. Правое – форсированное, так это у вас говорят? Конечно, имплантаты может купить любой, но этот парень – очень талантливый.

«Мерседес» объехал груженную кожами подводу.

– Я же ходил за ним и видел, как падают встречные велосипедисты, пачками, ежедневно. Найдешь такого велосипедиста в больнице, каждый раз одна и та же история. Рядом с тормозным рычагом сидел скорпион…

– «Получаешь то, что ты видишь».[9] Да-а, – сказал Финн. – Я встречался со схемами, как у этого парня. Очень высокая яркость. Мы видим, что он воображает. Думаю, он свободно может сжать импульс и сжечь сетчатку.

– А ты говорил это своей знакомой? – Терзибашьян подался вперед. – В Турции женщина – все еще женщина. Эта же…

– Только посмотри на нее косо, – Финн хмыкнул, – она повяжет тебе яйца вместо галстука.

– Я не понимаю эту идиому.

– Ничего страшного, – вмешался Кейс. – Она означает «заткнись».

Армянин откинулся назад, оставив после себя металлический запах лосьона. Он зашептал в рацию «Саньо» странную смесь греческих, французских и турецких слов, среди которых изредка попадались английские. Рация отвечала ему по-французски. «Мерседес» мягко свернул за угол.

– Базар пряностей, который иногда называют египетским, – сообщил автомобиль, – образовался на месте древнего базара, построенного султаном Хатисом в тысяча шестьсот шестидесятом году. Это центральный городской рынок, где продают пряности, программное обеспечение, парфюмерию, лекарства.

– Ага, лекарства, – сказал Кейс, глядя, как дворники ходят туда-сюда по пуленепробиваемому лексану. – На какой, говоришь, дури сидит Ривьера?

– На смеси кокаина и меперидина, – сказал армянин и опять что-то забормотал в передатчик.

– Эту смесь называют демерол, – пояснил Финн. – Он спидболовый клоун, выходит. Интересная у тебя, Кейс, компания.

– Пустяки, – сказал Кейс, поднимая воротник куртки, – мы заменим этому засранцу поджелудочную или еще чего.

* * *

Как только они оказались на базаре, лицо Финна заметно прояснилось, как будто его обрадовала толпа и ощущение замкнутого пространства. Они шли вслед за армянином по главному торговому залу, крытому закопченными листами пластика на железных, выкрашенных зеленой краской опорах эпохи паровых машин. Вокруг извивались и подмигивали тысячи парящих в воздухе реклам.

– Вот это да! – восхитился Финн, хватая Кейса за руку. – Глянь-ка. – Он показал пальцем. – Это же лошадь. Ты видел когда-нибудь лошадь?

Кейс посмотрел на чучело животного и мотнул головой. Оно стояло на чем-то вроде пьедестала возле прохода к торговым рядам, где продавали птиц и обезьянок. Ноги чучела облысели и почернели от прикосновения бесчисленных рук.

– А я вот видел лошадь, в Мериленде, – сказал Финн. – Года через три после пандемии. Какие-то арабы все еще пытаются воссоздать лошадей из ДНК, но ни хрена не получается – дохнут.

Коричневые стеклянные глаза животного как будто следили за ними, когда они проходили мимо. Терзибашьян привел их в кафе с низким потолком, которое, казалось, существовало здесь со времен основания рынка. Костлявые мальчишки в грязных белых куртках метались среди переполненных столиков, балансируя металлическими подносами с бутылками «Тюрк-Туборга» и крохотными стаканчиками чая.

Около входа в кафе Кейс купил у разносчика пачку «Ехэюань». Армянин все еще переговаривался по рации.

– Пошли, – сказал он, – объект вышел из дому. Каждую ночь он садится в метро и едет сюда, чтобы купить у Али свою смесь. Ваша женщина рядом. Пошли.

* * *

Переулок был старый, со стенами из темных каменных блоков. Неровные известняковые плиты тротуара пахли бензином, насквозь пропитавшим их за сто лет.

– Ни хрена не видно, – прошептал Кейс.

– Нашей красавице это только на руку, – отозвался Финн.

– Тихо, – почти выкрикнул Терзибашьян.

То ли по камню, то ли по бетону скрипнуло дерево. Впереди, метрах в десяти от них, на мокрые булыжники упал клин света. Кто-то вышел, дверь со скрипом захлопнулась, и переулок снова погрузился во тьму. Кейс поежился.

– Пора, – произнес Терзибашьян, и сейчас же ослепительный

белый луч с крыши здания напротив рынка накрыл худощавую фигурку, застывшую рядом со старой деревянной дверью, идеально круглым пятном света.

Блестящие глаза стрельнули влево-вправо, и мужчина рухнул на землю. Он лежал лицом вниз, белокурые волосы – светлое пятно на древнем камне, белые руки жалко обмякли. «Кто же в него шмальнул-то?» – подумал Кейс.

Световое пятно даже не дрогнуло.

Вдруг куртка на спине мужчины взбугрилась и лопнула, на стену и дверь фонтаном ударила кровь. Следом из прорехи появились две невероятно длинные руки, под серовато-розовой кожей рельефно вырисовывались жгуты сухожилий. Из тротуара сквозь неподвижные окровавленные останки Ривьеры вылезла ужасная тварь. Двухметровое чудовище стояло на двух ногах и, казалось, не имело головы. Оно медленно повернулось в их сторону, и Кейс увидел, что голова у него есть, нет только шеи. Лицо, или как это назвать, влажно поблескивало, глаз на нем не было. Рот – если это неглубокое конусообразное углубление действительно было ртом – обрамляла буйная поросль волос или щетины, блестящей, как черный хром. Чудовище отпихнуло ногой жалкую кучку обрывков одежды и плоти, затем сделало шаг. Круглый рот, похожий сейчас на миниатюрную радарную антенну, обшаривал окрестности в поисках жертвы.

Раскинув руки, как человек перед прыжком, Терзибашьян крикнул что-то то ли по-гречески, то ли по-турецки и бросился на тварь. Он пробежал сквозь нее. Прямо на вспышку выстрела, сверкнувшую откуда-то из темноты, лежавшей по ту сторону ярко освещенного круга. Мимо головы Кейса просвистели осколки камня, и Финн рывком заставил его присесть.

Прожектор на крыше погас, а перед глазами все еще стояли вспышка выстрела, чудовище и резкий луч света. В ушах звенело.

Снова зажегся прожектор, теперь он начал обшаривать переулок. Бледный как смерть Терзибашьян прислонился к стальной двери. Он поддерживал левое запястье и смотрел, как из раны капает кровь. У его ног лежал белокурый парень, абсолютно целехонький и без малейших следов крови.

Из темноты появилась Молли, вся в черном и с игольником в руках.

– Свяжись по радио, – сквозь сжатые зубы процедил армянин. – С Махмутом. Нужно убрать его отсюда. Это плохое место.

– Этот недоделок чуть не смылся. – Громко хрустнув коленями, Финн поднялся с земли и начал без особого толка отряхивать свои штанины. – Ну что, посмотрели фильм ужасов?

Это тебе не гамбургер, который исчезает за кадром. Мощная работа. Ладно, давай поможем унести его на хрен отсюда. Хочу просканировать механику этого типа, прежде чем он очухается, надо же убедиться, что Армитидж не зря тратит деньги.

Молли наклонилась и что-то подняла. Пистолет.

– «Намбу», – сказала она. – Хороший ствол.

Терзибашьян громко застонал. Кейс только сейчас заметил, что у того отсутствует бóльшая часть среднего пальца левой руки.

* * *

Когда город начал пропитываться предрассветной голубизной, Молли приказала «мерседесу» везти их в Топкапи. Финн и огромный турок – тот самый Махмут – унесли все еще не пришедшего в сознание Ривьеру. Несколькими минутами позднее подъехал запыленный «ситроен» – за армянином, который находился на грани обморока.

– Жопа ты, – сказала Молли, открывая для него дверцу машины. – Сидел бы себе и не высовывался. Я держала его на прицеле с той самой секунды, как он вышел.

Терзибашьян свирепо посмотрел на девушку.

– Во всяком случае, ты нам больше не нужен. – Молли подсадила его в машину и захлопнула дверцу. – Еще раз попадешься мне, и я тебя прикончу, – сказала она бледному лицу, видневшемуся за тонированными стеклами; «ситроен» дернулся и неуклюже вывернул из переулка на улицу.

«Мерседес» несся по просыпающемуся городу. Они миновали Бейоглу и теперь пробирались сквозь лабиринты запущенных улочек, мимо захудалых доходных домов, смутно напомнивших Кейсу Париж.

– А это что еще за хрень? – спросил он Молли, когда «мерседес» остановился возле сада, окружавшего Сераль.

Дикая разностильность этого комплекса зданий могла ошарашить кого угодно.

– Топкапи, – сказала Молли, вылезая из машины и потягиваясь. – Раньше здесь был как бы частный публичный дом короля. Уйма баб. А теперь это музей. Малость похоже на мастерскую Финна: все свалено грудами – здоровенные бриллианты, мечи, левая рука Иоанна Крестителя…

– Живая, как в консервирующем чане?

– Нет. Мертвая. Лежит внутри такой бронзовой руки с дыркой сбоку, чтобы христиане могли поцеловать. Турки отобрали ее у христиан миллион, наверное, лет назад и с тех пор ни разу не

удосужились стереть с нее пыль: ведь это «реликвия неверных».

В садах Сераля ржавел чугунный олень. Кейс шел рядом с Молли и слушал, как хрустит под носками ее ботинок неухоженная трава, жесткая от утреннего мороза. Они шли параллельно дорожке, сложенной из восьмиугольных каменных плит, очень, наверное, холодных. Чуть подальше, на Балканах, была уже зима.

– Этот Терзи – большая сволочь, – сказала Молли. – Он агент тайной полиции. Настоящий палач. Купить такого сучару проще простого, особенно за такие деньги, какими швыряется Армитидж.

На деревьях начинали петь птицы.

– Я раздобыл сведения из Лондона, – сказал Кейс. – Кое-что узнал, но не понимаю, что именно.

И рассказал ей историю Корто.

– Да, я знаю, что в «Разящем кулаке» не участвовал никакой Армитидж. Проверено. – Молли погладила ржавый олений бок. – И ты считаешь, что маленький компьютер вывел его из шизофрении? В этой французской больничке?

– Скорее уж, Уинтермьют, – ответил Кейс.

Молли кивнула.

– Интересный вопрос, – задумчиво сказал Кейс, – а знает ли Армитидж, что он был когда-то полковником Корто? Я хочу сказать: когда Армитидж попал в больницу, он был никем, а потому вполне возможно, что Уинтермьют…

– Верно. Наново его сконструировал. Да, дела…

Они пошли дальше.

– Вариант разумный. Понимаешь, у него нет никакой личной жизни. Насколько я могу судить. Когда встречаешь такого мужика, то думаешь: ну чем-нибудь он да занимается, когда один. Но только не Армитидж. Он сидит дома и смотрит в стенку. Затем у него в голове что-то щелкает, и он развивает бурную деятельность.

– Так зачем же эта лондонская заначка? Милые сердцу воспоминания?

– Может, он о ней и не знает, – пожала плечами Молли. – Может, этот массив не его, а положен на его имя.

– Что-то не понял, – заметил Кейс.

– Нечего тут и понимать, я просто думаю вслух… Насколько умны эти ИскИны?

– По-разному бывает. Некоторые не намного умнее собаки. Так, игрушки. Игрушки, которые стоят целого состояния. А вот настоящие – очень умные, умные настолько, насколько позволяет им Тьюринг-полиция. ИскИны могут быть очень и очень умными.

– Послушай, ты ведь ковбой. Почему же тебя так мало интересуют такие вещи?

– Начать с того, – ответил Кейс, – что они встречаются очень редко. И почти всегда – в оборонных ведомствах, а там защиту не пробьешь. Ведь это военные изобретают все новый и новый лед. А тут еще и Тьюринг-копы. С этими ихними копами лучше не связываться. Так что, – он покосился на девушку, – я предпочитаю в такие дела не лезть.

– Вот и все вы, жокеи, такие, – презрительно фыркнула Молли. – Нуль воображения.

Они подошли к широкому прямоугольному пруду, где карпы лениво щипали стебли каких-то белых водяных цветов. Девушка пнула валявшийся на земле камешек и стала смотреть, как бегут по воде круги.

– Этот Уинтермьют, – сказала она, – связан с чем-то очень крупным. До нас доходят волны, но мы не видим камня, упавшего в центре. Нам известно, что там что-то происходит, но и только. Я хочу знать, что именно. Я хочу, чтобы ты поговорил с Уинтермьютом.

– Чего? – поразился Кейс. – Да меня к нему и близко не подпустят. Ты, милая, не в себе.

– Попытайся.

– Это невозможно.

– Попроси Флэтлайна.

– Послушай, а на кой нам хрен этот Ривьера? – спросил Кейс в надежде сменить тему разговора.

Девушка сплюнула в пруд:

– Бог его знает. Прикончить бы его, да и дело с концом. Я же видела его профиль. Этакий Иуда по призванию. Он и кончить-то толком не может, если не предаст предварительно объект своего вожделения. Так вот прямо в досье и сказано… Да еще обязательно, чтобы она его любила. Не знаю, может, он тоже их любит, на свой манер. Ривьера уже три года сдает политических в здешнюю тайную полицию, потому-то Терзи и не составило большого труда подставить его нам. Думаю, Терзи приглашал этого гаденыша посмотреть на пытки. Он же продал за эти три года восемнадцать человек. И все – женщины от двадцати до двадцати пяти лет. Благодаря ему у Терзи всегда хватало диссидентов. – Молли сунула руки в карманы. – Как только Ривьера увлекался бабой, он подбивал ее заняться политикой. У него личность – вроде как костюм у Диких Котов. Психотип редчайший, один на два миллиона. Небольшой, но все же комплимент природе человеческой. – Молли смотрела на сонную рыбу и белые цветы, на лице ее застыла горечь. – Знаешь, я,

пожалуй, подстрахуюсь от этого циркача.

Холодная усмешка Молли не предвещала ничего хорошего.

– Как это?

– Не бери в голову. Давай вернемся в Бейоглу и позавтракаем. Сегодня у меня опять тяжелая ночь. Нужно забрать его барахло из номера в «Фенере», а затем сходить на базар и купить ему дурь…

– Купить дурь? Этой гниде?

– Ревнуешь? – расхохоталась Молли. – Умирать на колючке мы его точно не бросим. А судя по имеющейся информации, не сожрав дозы, он не может работать. Не боись, ты нынешний мне нравишься больше прежнего – по крайней мере, не такой тощий. – Она опять улыбнулась. – Так что схожу-ка я к торговцу Али и хорошенько затоварюсь. Без этого никак.

* * *

В «Хилтоне» их ждал Армитидж.

– Пора собираться, – сказал он, и Кейс попытался под загорелой маской со светло-голубыми глазами найти следы человека по имени Корто.

Ему вспомнился Уэйдж из Тибы. Обычно крупные дельцы скрывали свои наклонности. Однако Уэйдж имел свои грешки, имел любовниц. По слухам, даже детей. А вот Армитидж оставался полной загадкой.

– А теперь куда? – поинтересовался Кейс, проходя мимо Армитиджа к окну. – И какой там климат?

– У них нет климата, только погода, – загадочно сообщил Армитидж. – Вот. Читай… – Он положил на кофейный столик пачку проспектов и встал.

– Как там Ривьера? И где Финн?

– С Ривьерой все в порядке. Финн уже летит домой. – Улыбка Армитиджа выражала не больше, чем подрагивание усиков насекомого. Он ткнул Кейса в грудь, и при этом звякнул золотой браслет. – Не будь таким умником. Ты же не знаешь, насколько уже растворились стенки этих шариков.

Лицо Кейса застыло. Он взял себя в руки и скованно кивнул.

Когда Армитидж ушел, Кейс раскрыл один из проспектов. Дорогая бумага, текст – на французском, английском и турецком.

ФРИСАЙД – СВОБОДНАЯ ЗОНА.
ЧЕГО ТЫ ЖДЕШЬ?

В этот раз все четверо летели вместе рейсом компании «Ти-

Эйч-Уай» из аэропорта Есилкёй. В Париже – пересадка на шаттл компании «Джей-Эй-Эль». Кейс сидел в вестибюле «Истанбул-Хилтона» и смотрел, как Ривьера перебирает в сувенирной лавке липовые византийские древности. В дверях, накинув плащ на плечи, стоял Армитидж.

Ривьера, стройный блондин с нежным голосом, изъяснялся по-английски бегло и без акцента. Молли говорила, что ему тридцать, но по внешнему виду было трудно угадать его возраст. Еще она сказала, что Ривьера не имеет гражданства и путешествует по поддельному голландскому паспорту. Он родился в зоне полного разрушения, которая окружала радиоактивный центр старого Бонна.

В лавку стремительно ворвались три улыбчивых японских туриста, по пути они вежливо поклонились Армитиджу. Тот быстро и демонстративно пересек лавку и встал рядом с Ривьерой. Ривьера повернулся к нему и расплылся в улыбке. Очень красивое лицо, над которым явно потрудился хирург в Тибе. Ничего не скажешь, изящная работа, ничего похожего на армитиджевский гоголь-моголь из банальных поп-физиономий. Высокий гладкий лоб, широко посаженные серые глаза. Нос имел, вероятно, слишком идеальную форму, а потому был сломан и установлен наново, чуть небрежно. В результате появился легкий оттенок брутальности, удачно контрастировавший с точеным подбородком и быстрой, легкой улыбкой. Маленькие ровные зубы сверкали белизной. Кейс смотрел, как белые руки перебирают якобы осколки якобы древних якобы статуй.

Ривьера совершенно не походил на человека, которого прошлой ночью подстрелили иглой со снотворным, а затем похитили, подвергли тотальному осмотру и заставили присоединиться к команде Армитиджа.

Кейс взглянул на часы. Молли вот-вот вернется. Тоже мне наркокурьер.

– А ведь этот говнюк и сейчас под кайфом, – сказал он хилтоновскому вестибюлю.

Седеющая итальянская матрона в белом кожаном смокинге опустила на нос очки «порше» и взглянула на него с некоторым недоумением. Он широко улыбнулся, встал и вскинул сумку на плечо. Нужно было купить сигарет. Интересно, есть ли в шаттле салон для курящих?

– Счастливо оставаться, леди, – сказал он даме; та быстро опустила очки на место и отвернулась.

Сигареты продавались в сувенирной лавке, но Кейсу не хотелось разговаривать ни с Армитиджем, ни с Ривьерой. Торговый автомат находился в узкой нише в конце ряда

таксофонов.

Он покопался в набитом турецкими лирами кармане и начал скармливать в щель маленькие тусклые монетки, слегка забавляясь анахронизмом процесса. Ближайший таксофон зазвонил.

Кейс машинально снял трубку:

– Да?

В трубке тихо попискивало, сквозь шумы спутниковой связи доносились тихие невнятные голоса, а затем раздался звук, похожий на завывание ветра:

– Привет, Кейс.

Пятидесятилировая монетка выскользнула из пальцев, подпрыгнула и куда-то укатилась.

– Это Уинтермьют, Кейс. Пора бы нам поговорить.

Электронный голос.

Кейс повесил трубку.

Позабыв про сигареты, он шел вдоль длинного ряда таксофонов. И каждый раз, когда Кейс проходил мимо очередного аппарата, тот звонил ровно один раз.

Часть третья
Полночь на рю Жюль Верн

8

Архипелаг.

Острова. Тор, веретено, кластер. Человеческая ДНК сочится из недр гравитационного колодца, масляным пятном расплывается по его крутой стенке.

Вызовите графическую программу самого обобщенного, грубого отображения плотности обмена информацией в архипелаге L5, у пятой точки Лагранжа.[10] На экране ярко вспыхнет массивный красный прямоугольник, доминирующий элемент схемы.

Фрисайд. Фрисайд многогранен, и далеко не все его грани видны туристам, снующим вверх-вниз по гравитационному колодцу. Фрисайд – это бордель и банковский центр, дворец наслаждений и свободный порт, город пионеров и роскошный курорт. Фрисайд – это Лас-Вегас и Висячие сады Семирамиды, орбитальная Женева и фамильное гнездо чистокровного (на манер призовых кошек и собак), опутанного густой сетью близких внутрисемейных браков, промышленного клана Тессье и Эшпулов.

В Париж они летели лайнером «Ти-Эйч-Уай», первым классом, и сидели все вместе: Молли у иллюминатора, рядом с ней – Кейс, а Ривьера и Армитидж – у прохода. Был момент, когда самолет накренился на вираже, и Кейс увидел сквозь круглое окошко море и горстку сверкающих алмазов – островной греческий городок. В другой раз, потянувшись за своим стаканом, он заметил в смеси бурбона с водой еле уловимое очертание чего-то, очень похожего на гигантский сперматозоид.

Молли перегнулась через Кейса и ударила Ривьеру по щеке:

– Не надо, малыш. Кончай шуточки. Еще одна сублиминальная срань, и тебе будет не как сейчас, а *очень* больно. Здоровье твое драгоценное ничуть не пострадает, а я получу огромное удовольствие.

Кейс оглянулся на Армитиджа. Лицо абсолютно спокойное, во внимательных голубых глазах ни тени раздражения.

– Верно, Питер. Кончай.

Кейс посмотрел на Молли. Мелькнула и тут же исчезла черная роза, лоснящиеся, как кожа, лепестки, черный стебель с

блестящими металлическими шипами…

Ривьера кротко улыбнулся, закрыл глаза и тут же уснул.

Молли отвернулась к иллюминатору; в темном стекле отразились два серебряных круга.

– Ты ведь летал уже в космос? – спросила Молли, глядя, как Кейс устраивается на толстом податливом темперлоне амортизационной койки шаттла.

– Да нет. Я и вообще почти не летаю, только если по делу.

Стюард прилаживал к его запястью и левому уху датчики.

– Надеюсь, тебя не прихватит СКА, – сказала Молли.

– Воздушная болезнь? Ни в коем разе.

– Здесь не совсем то. В невесомости пульс твой участится, а вестибулярный аппарат на время сбрендит. Появится рефлекторное желание удрать неизвестно куда и соответствующий прилив адреналина.

Стюард переместился к Ривьере и вытащил из кармана красного пластикового фартука очередной набор датчиков.

Кейс отвернулся и попробовал различить очертания старых пассажирских терминалов аэропорта Орли, но увидел только мокрый бетон изящно изогнутых отражателей выхлопа. На ближайшем из них красовался какой-то арабский лозунг – красные закорючки, напыленные из аэрозольного баллончика.

Кейс закрыл глаза и сказал себе, что шаттл – это просто очень большой самолет, который очень высоко летает. Вот и пахнет он как самолет – одеждой, жевательной резинкой и выхлопными газами. Из динамиков доносилось негромкое позвякивание кото. [11] Оставалось только ждать.

Прошло двадцать минут, и мягкая, непомерно тяжелая лапа перегрузки глубоко вдавила его в темперлон.

На практике СКА – синдром космической адаптации – оказался еще хуже, чем в описании, но все быстро кончилось, и Кейс заснул. Когда стюард его разбудил, шаттл уже маневрировал среди посадочных терминалов.

– А теперь сразу во Фрисайд?

Кейс с тоской взирал на крошку табака от «Ехэюань», которая выплыла из его нагрудного кармана и теперь дразняще плясала перед носом. Пассажирам шаттлов категорически запрещалось курить.

– Нет, программа поменялась, обычные закидоны нашего начальничка. Теперь мы направляемся на Сион. Точнее, в кластер Сион. – Молли тронула пряжку привязной системы и начала выбираться из нежных объятий амортизирующего пластика. –

Маршрут, мягко скажем, странноватый.

– А чего?

– Растаманы – с дредами, все дела. Их колонии лет уже тридцать.

– Да кто они такие?

– Увидишь. Мне-то один хрен, растаманы там или не растаманы. Ну а ты сможешь там хотя бы покурить.

Сион основали пятеро рабочих, которые отказались вернуться на Землю: повернулись к небу передом, к гравитационному колодцу – задом и начали строить. Пока центральный тор не закрутили и не создали в нем тяготение, все они страдали от вымывания кальция и сердечной недостаточности. Пузырь такси подплывал к корпусу Сиона, сваренному на живую нитку; на взгляд Кейса, эта устрашающая конструкция сильно смахивала на латаные-перелатаные лачуги стамбульских трущоб – разнокалиберные, неправильной формы плиты обшивки, то здесь, то там растафарианская символика и накорябанные лазером имена строителей.

Молли и тощий сионит по имени Аэрол помогли Кейсу справиться с невесомостью и препроводили его по недлинному переходу внутрь малого тора. За очередным приступом головокружения Кейс не сразу и заметил, что Ривьера и Армитидж куда-то исчезли.

– Сюда, – сказала Молли, проталкивая его ноги в узкий люк, проделанный вроде бы в потолке. – Хватайся за перекладины. Ты сейчас представь себе, что спускаешься, и все будет тип-топ. Чем ближе к внешнему периметру, тем больше тяготение, так что это и вправду спуск. Сечешь?

Желудок Кейса яростно протестовал.

– Все, брат, будет в порядке, – обнадежил его Аэрол, сверкнув золотыми зубами.

Как-то так вышло, что конец туннеля оказался его дном. Кейс вцепился в несильное тяготение, как утопающий в спасательный круг.

– А ну-ка, вставай! – прикрикнула на него Молли. – Ты что, целоваться с палубой собрался?

Кейс обнаружил, что лежит ничком, раскинув руки. Что-то стукнуло его по плечу. Он перекатился на спину и увидел толстую бухту эластичного троса.

– Будем строить хибару, – сказала Молли. – Помоги мне натягивать веревку.

Кейс оглядел обширное, совершенно пустое пространство и заметил, что всюду приварены стальные кольца – безо всякой на

первый взгляд системы. Они растянули трос по какой-то сложной, придуманной Молли схеме и развесили на нем обшарпанные листы желтого пластика. Во время работы Кейс постепенно ощутил, что кластер сотрясается от музыки. Называлась она даб – чувственная мешанина, состряпанная на основе огромных фонотек оцифрованной поп-музыки; она, по словам Молли, являлась некой частью религиозного ритуала и создавала чувство общности. Кейс поднял один из желтых листов, легкий, но очень громоздкий. Сион пропах вареными овощами, человеческим потом и марихуаной.

– Вот и прекрасно, – кивнул Армитидж, легко проскальзывая в люк и глядя на пластиковый лабиринт; появившийся следом Ривьера был явно непривычен к слабому тяготению.

– Где тебя носит, когда нужно работать? – спросил его Кейс.

Тот открыл рот, словно собираясь ответить. Изо рта выплыла небольшая форель, а за ней, что было совсем уж невероятно, цепочкой тянулись пузыри.

– В голове, – улыбнулся Ривьера.

Кейс засмеялся.

– Хорошо, – кивнул Ривьера, – ты умеешь смеяться. Понимаешь, я бы помог вам, но руки – мое слабое место. – Он выставил вперед ладони, которые неожиданно удвоились. Четыре руки, четыре ладони.

– И ты, Ривьера, просто безвредный клоун – так, что ли? – Молли встала между Ривьерой и Кейсом.

– Пошли, брат, – позвал из люка Аэрол. – Идем, ковбой.

– Твоя дека, – объяснил Армитидж, – и остальное хозяйство. Помоги ему принести вещи из грузового шлюза.

– Ты очень бледный, брат, – заметил Аэрол, когда они волокли запакованную в пенопласт «Хосаку» по центральному туннелю. – Может, съешь чего?

Рот Кейса наполнила противная слюна, и он замотал головой.

Армитидж объявил восьмидесятичасовую остановку. Молли и Кейсу нужно привыкнуть к невесомости и научиться в ней работать. Кроме того, он проинструктирует их насчет Фрисайда и виллы «Блуждающий огонек». Оставалось неясным, что будет делать Ривьера, но спрашивать Кейсу не хотелось. Через несколько часов после прибытия Армитидж послал его в желтый лабиринт, чтобы пригласить Ривьеру поесть. Тот лежал, по-кошачьи свернувшись, на тонком темперлоновом матрасе, совершенно голый, и, по всей видимости, спал. Вокруг его головы вращался нимб из белых геометрических тел: кубов, сфер и пирамид.

– Эй, Ривьера.

Кольцо продолжало вращаться. Кейс вернулся и доложил Армитиджу.

– Под кайфом. – Молли оторвала взгляд от разобранного игольника. – Хрен с ним.

По всей видимости, Армитидж считал, что невесомость повлияет на способность Кейса оперировать в матрице.

– Не бери в голову, – отмахнулся Кейс. – Я включаюсь, и меня уже здесь нет. Мне все равно, где мое тело.

– У тебя высокий адреналин, – заметил Армитидж. – Ты все еще страдаешь от СКА. Но у нас нет времени ждать, пока ты обвыкнешься. Тебе придется научиться работать, превозмогая болезнь.

– Так что, я буду рубиться прямо отсюда?

– Нет. Потренируйся, Кейс. Прямо сейчас. В коридоре, наверху, где невесомость.

Представление декой киберпространства совершенно не зависело от ее физического местонахождения. Войдя в матрицу, Кейс увидел перед собой привычные очертания ступенчатой пирамиды – базу данных Ядерной комиссии Восточного побережья.

– Как дела, Дикси?

– Я же мертв, Кейс. Что же я – полный кретин и ничего не понимаю? Сидя в твоей «Хосаке», я имел время подумать.

– Ну и как ты себя чувствуешь?

– Да никак.

– Тебя что-нибудь беспокоит?

– Меня беспокоит, что меня ничто не беспокоит.

– Как это?

– В Сибири, в русском лагере, один мой дружок отморозил себе палец. Ну и конечно, ампутация. Как-то через месяц я замечаю, что он всю ночь ворочается. «Элрой, – говорю я, – что это ты никак не угомонишься?» – «Палец, – говорит, – чешется». – «Почеши, – говорю я ему, – и спи». – «Маккой, – говорит он, – этот – не почешешь».

По позвоночнику Кейса пробежала волна леденящего холода, и он не сразу понял, что это такое. Конструкт смеялся.

– Слушай, ты можешь оказать мне небольшую услугу?

– Услугу, Дикси?

– Этот вот ваш шахер-махер, когда вы его закончите – сотри меня на хрен.

Сионитов Кейс не понимал.

Как-то раз Аэрол сам, безо всякой подначки, рассказал ему о ребенке, который выскочил из его лба и убежал в заросли гидропонной ганжи.

– Маленький такой, совсем ребенок, ну вот как твой палец, не больше. – Он потер ладонью свой широкий загорелый (без малейшей, конечно же, царапинки) лоб.

– Это ганжа, – пожала плечами Молли, когда Кейс пересказал ей эту историю. – Сиониты не проводят особого различия между действительностью и галлюцинацией. То, что рассказал тебе Аэрол, действительно с ним случилось. Это не лапша на уши, а уж скорее поэзия. Сечешь?

Кейс кивнул, но остался при своих сомнениях. При разговоре сиониты непременно дотрагивались до собеседника, чаще всего – брали его за плечо. Кейсу это не нравилось.

Часом спустя Кейс готовился к очередной тренировке.

– Эй, Аэрол! Иди-ка сюда. Вот, попробуй! – крикнул он, протягивая сиониту троды.

Аэрол плавно, словно в замедленном кино, развернулся. Босые ноги ударились о стальную переборку, а свободная рука ухватилась за перекладину; другая рука держала пластиковый мешок с синезелеными водорослями. Он застенчиво поморгал и улыбнулся.

– Попробуй, – повторил Кейс.

Аэрол взял ленту, надел ее на голову и закрыл глаза. Кейс нажал кнопку питания. По худощавому телу сионита пробежала судорожная дрожь. Кейс торопливо выключил деку:

– Ну и что ты видел?

– Вавилон, – печально сказал Аэрол, возвращая троды, а затем оттолкнулся ногами и улетел.

Ривьера неподвижно сидел на темперлоновой подушке. Чуть выше локтя его руку плотно обвивала изящная – не толще пальца – змейка с горящими, как рубин, глазами. Кейс потрясенно смотрел, как украшенное ярким черно-алым узором тельце стягивается все туже и туже.

– Ну, давай, – ласково сказал Ривьера бледно-желтому, как воск, скорпиону, сидевшему на его раскрытой ладони. – Давай.

Скорпион шевельнул коричневыми клешнями и, быстро перебирая ножками, побежал вверх по руке вдоль темноватых вен. Достигнув локтевой ямки, он остановился и еле заметно задрожал. Ривьера издал негромкий звук, что-то вроде шипения. Жало поднялось, поколебалось, словно в нерешительности, и вонзилось в набухшую вену. Коралловая змейка ослабила хватку, и Ривьера медленно вздохнул. Кайф пошел.

Змейка и скорпион исчезли, и в его левой руке оказался молочно-белый пластиковый шприц.

– Если Господь Бог и создал что-нибудь лучшее, Он приберег это для себя.[12] Знаешь такую поговорку?

– Да, – кивнул Кейс, – слышал, и по самым разным поводам. Ты всегда устраиваешь такой спектакль?

Ривьера снял с руки стягивавший ее жгут.

– Да. Так смешнее. – Он улыбнулся, глаза его почти не замечали окружающего, на щеках вспыхнул румянец. – У меня над веной мембрана, чтобы не нужно было беспокоиться о состоянии иглы.

– И не больно?

– Конечно больно, – блеснул глазами Ривьера. – Необходимый элемент.

– Я бы пользовался дермами, – сказал Кейс.

– Дилетант! – засмеялся Ривьера, надевая белую рубашку с короткими рукавами.

– Приятно, наверное, – заметил Кейс и встал.

– А сам-то ты как? Куришь, ширяешься?

– Пришлось, к сожалению, бросить.

– Фрисайд. – Армитидж тронул пульт маленького проектора «Браун»; почти трехметровая голограмма вздрогнула и приобрела резкие очертания. – Здесь находятся казино. – Он ткнул пальцем прямо в какую-то точку объемного изображения. – Здесь расположены отели, здесь – частные владения, а вот здесь – магазины. – Рука двигалась все дальше. – Голубым отмечены озера. – Армитидж подошел к одному из концов модели. – Сигара большая, сужается к концам.

– Это мы и сами видим, – заметила Молли.

– Сужение создает горный эффект – земля уходит вверх, все круче и круче, но подниматься там легко. Чем выше поднимаешься, тем ниже тяготение. Здесь проводят спортивные соревнования. А вон там – велодром. – Он указал точку на модели.

– Что? – поразился Кейс.

– Они гоняют на велосипедах, – ответила Молли. – Низкая гравитация и шины с высоким сцеплением – скорость получается за сто километров в час.

– Этот конец нас не касается, – со своей обычной серьезностью заметил Армитидж.

– Блин, – возмутилась Молли, – а я обожаю велики.

Ривьера хихикнул.

Армитидж перешел к противоположному краю проекции:

– Нас интересует другой конец.

Эта часть веретена казалась совершенно пустой, подробности внутреннего устройства отсутствовали.

– Это и есть вилла «Блуждающий огонек». Крутой подъем, все подходы перекрыты. Единственный вход здесь, точно в центре. Полная невесомость.

– А что внутри, босс? – Ривьера подался вперед и вытянул шею.

Возле пальца Армитиджа замерцали четыре крошечные фигурки. Армитидж отмахнулся от них, как от комаров.

– Питер, – объявил он, – тебе предстоит узнать это первому. Организуй себе приглашение. А когда будешь на вилле – обеспечь проникновение Молли.

Кейс смотрел на ничем не заполненные контуры «Блуждающего огонька» и вспоминал историю, рассказанную Финном: Смит, Джимми, говорящая голова, ниндзя.

– Нельзя ли узнать подробности? – спросил Ривьера. – Видите ли, мне нужно знать, как одеться.

– Запоминайте улицы. – Армитидж вернулся к середине схемы. – Здесь – Дезидерата-стрит. А вот – рю Жюль Верн.

Ривьера закатил глаза.

Армитидж перечислял названия улиц Фрисайда, и вдруг у него на носу, щеках и подбородке вскочила россыпь ярких прыщей. Даже Молли не выдержала и засмеялась.

Армитидж остановился и окинул слушателей холодным бесстрастным взглядом.

– Извините, – пробормотал Ривьера, прыщи мигнули и пропали.

Глубокой ночью Кейс проснулся и обнаружил, что Молли не лежит, а стоит рядом с ним, низко, словно перед прыжком, пригнувшись. Дальше – больше. Молли резко взметнулась и буквально пролетела сквозь стену; Кейс не сразу сообразил, что она попросту пропорола лист желтого пластика.

– Ни с места, приятель.

Кейс перевернулся на живот и просунул голову в прореху:

– Какого…

– Заткнись.

– Ты и есть та самая, – послышался голос, явно принадлежавший кому-то из сионитов. – Тебя зовут Кошачий Глаз или еще Танцующая Бритва. Меня зовут Мэлком, сестренка. Братья хотят побеседовать с тобой и ковбоем.

– Какие еще братья?

– Основатели, сестра. Сионские мудрецы…

– Если открыть люк, свет разбудит босса, – прошептал Кейс.

– Я там все потушил, – настаивал гость. – Давайте. Мы пойдем к Основателям.

– Ты знаешь, приятель, как быстро я могу тебя порезать?

– Сестра, не надо стоять и разговаривать. Пошли.

Из пяти Основателей Сиона в живых оставались только двое, оба – глубокие старики, особенно дряхлые из-за ускоренного старения, неизбежного для тех, кто слишком уж долго прожил вне объятий гравитации. В резком свете отраженного солнца их коричневые ноги с явными признаками кальциевой недостаточности выглядели хрупкими щепочками. Основатели парили внутри сферической камеры, стенки которой были расписаны яркой буйной листвой. В воздухе висел густой смолистый запах.

– А, Танцующая Бритва, – сказал один из старцев, когда Молли вплыла в камеру. – Ты подобна рукоятке хлыста.

– Это у нас такое предание, сестра, – пояснил другой, – религиозное предание.[13] Мы рады, что ты последовала за Мэлкомом.

– Почему вы не говорите на здешнем жаргоне? – спросила Молли.

– Я приехал из Лос-Анджелеса, – ответил старик. Его тускло-седые косички казались перепутанными ветками какого-то странного дерева. – Много лет тому назад я покинул Вавилон и поднялся сюда по гравитационному колодцу. Чтобы показать Народу путь к дому. А теперь мой брат считает, что ты и есть Танцующая Бритва.

Молли вытянула правую руку, и в дымном воздухе блеснули лезвия.

Второй Основатель откинул назад голову и засмеялся:

– Скоро грядут Дни Последние. Голоса. Голоса, вопиющие в пустыне, предрекающие падение Вавилона…

– Голоса. – Основатель из Лос-Анджелеса посмотрел на Кейса. – Мы сканируем множество частот. Мы все время слушаем. И вот из вавилонского этого столпотворения доносится голос, который обращается к ним. Он сыграл нам потрясный даб.

– Называется Уинтер Мьют, – подсказал второй старик, разделив одно имя на два.[14]

По рукам Кейса побежали мурашки.

– К нам воззвал Мьют, – продолжил первый Основатель. – Мьют сказал, что мы должны вам помочь.

– Когда это было? – спросил Кейс.

– За тридцать часов до вашего прибытия в Сион.

– Вы слышали этот голос раньше?

– Нет, – ответил старик из Лос-Анджелеса, – и мы не уверены в его истинности. В Дни Последние следует ожидать ложных пророков…

– Послушайте, – взметнулся Кейс, – к вам обращался ИскИн, понимаете? Искусственный интеллект. А эта музыка – он просто перекачал мелодии из ваших же банков, а потом намешал из них окрошку в вашем вкусе и…

– Вавилон, – перебил его Основатель, – порождает сонмища дьяволов, мы это знаем. Имя им – легион.

– Так как ты назвал меня, старик? – переспросила Молли.

– Танцующая Бритва. Ты обрушишь кару на Вавилон, сестра, и поразишь его черное от греха сердце…

– А что сказал голос? – поинтересовался Кейс.

– Что мы должны вам помочь, – сказал другой старец, – и что вы послужите орудием Дней Последних. – На сморщенном, как печеное яблоко, лице появилась озабоченность. – Мы должны послать с вами Мэлкома на его буксировщике «Гарви»,[15] в вавилонскую гавань Фрисайд. Мы так и сделаем.

– Мэлком – крутой парень, – добавил второй старик, – и праведный пилот.

– Но мы решили послать заодно Аэрола на «Вавилонском рокере», чтобы присмотрел за «Гарви».

В размалеванной всеми цветами радуги сфере повисло напряженное молчание.

– Вот как? – удивился Кейс. – Так вы что, тоже работаете на Армитиджа?

– Нет, мы только сдаем вам помещение, – сказал лос-анджелесский Основатель. – Мы не подчиняемся законам Вавилона. Наш закон – Слово Джа. Хотя на этот раз мы могли неверно его понять.

– Семь раз отмерь, один отрежь, – негромко добавил второй.

– Ладно, Кейс, пошли, – сказала Молли, – пока босс нас не хватился.

– Мэлком вас проводит. Джа вас любит, сестра.

9

Буксировщик «Маркус Гарви», стальной барабан девяти метров длиной и двух метров в диаметре, содрогнулся – Мэлком врубил маршевый двигатель. Затянутый в эластичную противоперегрузочную подвеску, Кейс разглядывал сквозь скополаминовый туман мускулистую спину сионита. Он принял эту отраву, чтобы хоть немного приглушить СКА, но ни один из

стимуляторов, заложенных в таблетку производителем для компенсации скополамина, не действовал на его тюнингованный организм.

– За сколько мы доберемся до Фрисайда? – поинтересовалась Молли, висевшая в такой же сетке рядом с пилотским модулем.

– Теперь недолго, это точно.

– Слушайте, парни, а часы для вас существуют?

– Время, сестра, наступает вовремя, ты меня понимаешь? Дреды, – Мэлком тряхнул своими косичками, – у руля, и мы, сестра, приедем во Фрисайд, когда мы приедем…

– Кейс, – сказала Молли, – у тебя вышло что-нибудь насчет контакта с нашим приятелем из Берна? Ты же все это время сидел с декой и шевелил губами.

– С приятелем, – кивнул Кейс, – ну да, с приятелем. Нет. Не удалось. Но когда мы уезжали из Стамбула, со мной случилась странная история.

Кейс рассказал ей о таксофонах в «Хилтоне».

– Господи, – мучительно скривилась Молли. – Это ж какой был шанс. Почему ты повесил трубку?

– Да это мог быть кто угодно, – соврал Кейс. – Электронный голос… Я и не знал… – Он пожал плечами.

– А может, просто струсил?

Кейс снова пожал плечами.

– Свяжись с ним сейчас.

– Что?

– Сейчас. Ну хотя бы поговори об этом с Флэтлайном.

– У меня котелок не варит, – отнекивался Кейс, но все же полез за дерматродами; дека и «Хосака» стояли позади модуля пилота, рядом с монитором высокого разрешения фирмы «Крэй».

Кейс отрегулировал хайратник с контактами. «Маркус Гарви» был состряпан на основе огромного допотопного русского воздухоочистителя – прямоугольной хреновины, разукрашенной растафарианской символикой, Львами Сиона и Лайнерами Черной Звезды:[16] красные, зеленые и желтые картинки поверх каких-то старых надписей кириллицей. Кто-то покрыл все навигационное оборудование Мэлкома слоем ядовито-розовой краски, забрызгав при этом приборы и экраны так, что пришлось отскребать их бритвой. С прокладок носового шлюза свисала бахрома из не совсем еще затвердевших полос и капель прозрачной герметизирующей замазки, лохмы эти колыхались, напоминая плохую имитацию водорослей. Кейс посмотрел из-за плеча Мэлкома на центральный экран с маршрутной схемой; путь, проделанный «Маркусом», изображался цепочкой красных точек, а Фрисайд – зеленым кругом, разделенным на сегменты.

Загорелась новая красная точка.

Он щелкнул тумблером деки:

– Дикси?

– Да.

– Ты пробовал когда-нибудь взломать ИскИн?

– Конечно. И выпал в осадок. В первый раз. Я развлекался, залез очень высоко, в коммерческий сектор Рио. Большой бизнес, транснациональные корпорации, правительство Бразилии – всё в огнях, что твоя рождественская елка. Просто резвился, и ничего больше. А затем я начал ковырять этот куб – тремя, наверное, уровнями выше. Врубился и сделал заход.

– На что он был похож?

– Просто белый куб.

– А как ты понял, что это ИскИн?

– Как понял? Господи! Да там был самый плотный лед, какой я только видел. Так что же это еще могло быть? У тамошних военных ничего и похожего не было. На всякий случай я вышел из киберпространства и приказал компьютеру проверить, что это за куб.

– Ну и как?

– Он оказался в Тьюринг-реестре. ИскИн. А владельцы железа – машины, которая стоит в Рио, – какие-то лягушатники.

Кейс задумчиво пожевал нижнюю губу и устремил взгляд в раскинувшуюся за террасами Ядерной комиссии Восточного побережья нейроэлектронную бесконечность матрицы.

– Тессье-Эшпул – так, что ли?

– Да, Тессье.

– И ты опять туда полез?

– Ну да. Я совсем спсихел. Дай-ка, думаю, взломаю я этот лед. Углубился в первый слой и – пишите письма. Мой ученик унюхал горелую кожу и сдернул с меня дерматроды. Гадская штука, этот лед.

– И энцефалограф выдал прямую линию.

– Ну да, об этом же песни слагают.

Кейс вышел из киберпространства.

– Вот же мать твою, – ошарашенно пробормотал он. – Каким, ты думаешь, образом Флэтлайн впал в мозговой коллапс? Сделал заход на ИскИн. Веселенькая история.

– Ну и что? – пожала плечами Молли. – Справитесь как-нибудь, вы ведь крутые ребята.

– Дикси, – сказал Кейс, – я хочу взглянуть на бернский ИскИн. Можешь придумать причину, почему мне не стоит этого делать?

– Если ты не отягощен низменным страхом смерти – нет, не могу.

Кейс набрал код швейцарского банковского сектора и ощутил волну радостного возбуждения, когда киберпространство задрожало, размылось и потекло. Вместо Ядерной комиссии Восточного побережья появилась холодная геометрическая структура коммерческих банков Цюриха. Теперь он набрал код Берна.

– Двигай вверх, – подсказал конструкт. – Это будет очень высоко.

Они поднялись по светящейся решетке голубых мерцающих уровней.

«Вот он», – подумал Кейс.

Уинтермьют оказался обычным белым кубом, за видимой простотой явно угадывалась крайняя сложность.

– И посмотреть-то вроде бы не на что, правда? – заметил Флэтлайн. – Но ты его только тронь.

– Я сделаю небольшой заход.

– Да кто ж тебя держит?

Кейс придвинулся к кубу на расстояние четырех периодов решетки. На вздымавшейся перед ним чистой белой грани замелькали тени, как будто тысячи танцоров закружились за огромным замерзшим окном.

– Чует, что мы здесь, – заметил Флэтлайн.

Кейс снова нажал клавишу, и они прыгнули на один период вперед.

На лицевой грани куба появился серый пунктирный круг.

– Дикси…

– Быстро назад.

Серый круг плавно вспух, превратился в сферу, которая оторвалась от куба.

Край деки больно впился в ладонь Кейса, когда тот изо всех сил ударил по клавише «ПОЛНЫЙ НАЗАД». Матрица замелькала, отсчитывая уровни в обратном направлении, они нырнули в сумеречную штольню швейцарских банков. Кейс посмотрел наверх. Сфера потемнела и нагоняла его. Падала.

– Выходи из матрицы, – сказал Флэтлайн.

И обрушилась тьма.

Запах холодной стали, нежное прикосновение льда к позвоночнику. Из неонового леса под ядовитым серебристым небом глядят лица моряков, жуликов и проституток…

– Послушай, Кейс, какого ты хрена, у тебя что, крыша едет?

Сильная пульсирующая боль в самой середине

позвоночника…

Первое, что почувствовал Кейс, был дождь, мелкая, противная морось. Потом пришлось извлекать ноги из хлама, из путаницы мусорных световодов. То приближаясь, то удаляясь, на него нахлынули звуки аркады. Кейс перекатился по полу, сел и схватился руками за голову.

Свет из служебного люка на задворках аркады освещал мокрые огрызки древесно-стружечных плит, шасси развороченной игровой консоли. По ее боку тянулись выцветшие строчки розовых и желтых иероглифов.

Кейс взглянул вверх и увидел закопченное пластиковое окно, тусклое мерцание флюоресцентных ламп.

Болела спина, позвоночник.

Кейс встал и откинул с глаз мокрые волосы.

Что-то случилось…

Он обшарил свои карманы, ничего там не нашел и поежился от холода. Но куда делась куртка? Кейс поискал ее по углам, заглянул за консоль и бросил это бесполезное занятие.

Выйдя на Нинсэй, он прикинул количество народа. Пятница. Наверняка пятница. Линда, скорее всего, в аркаде. Может, удастся стрельнуть у нее денег или хотя бы сигарет. Кашляя, он отжал перед рубашки и протиснулся сквозь толпу ко входу в аркаду.

Голограммы, изгибающиеся и приплясывающие в такт реву игровых автоматов, сумбурная мешанина полупрозрачных, друг на друга накладывающихся призраков, густой запах пота, и скуки, и напряженного ожидания… Моряк в белой футболке, играющий в «Танковую войну», разнес Бонн водородной бомбой – мертвенно-синяя ослепительная вспышка.

Линда пытала свое счастье в «Замке колдуна» и проиграла, ее глаза были густо обведены черным карандашом.

Кейс положил руку ей на плечо, она подняла голову и улыбнулась:

– А-а-а! Привет! Что это ты такой мокрый?

Он поцеловал ее.

– Это из-за тебя я проиграла, – сообщила Линда. – Смотри, задница. Дошла уже до темницы седьмого уровня, и тут долбаные вампиры меня поймали. – Она протянула ему сигарету. – Чего-то ты не в себе. И где это тебя носило?

– Не помню.

– Ты что, под балдой? Снова запил? Зоуновские колеса глотаешь?

– Может быть… Сколько ты меня не видела?

– Треплешься? – Линда взглянула ему в глаза. – Ну точно,

треплешься.

– Нет. Какой-то провал в памяти. Я… я проснулся на помойке.

– Может, тебя по голове шандарахнули? Деньги-то целы?

Кейс мотнул головой.

– Ну вот, все ясно. Тебе что, спать негде?

– Думаю, да.

– Тогда пошли. – Линда взяла его за руку. – По дороге выпьешь кофе и что-нибудь съешь. Я отведу тебя домой. Приятная встреча. – Линда сжала ему руку.

Что-то хрустнуло.

Во вселенной что-то изменилось. Аркада застыла, затем завибрировала и…

Ее уже нет. Груз памяти скачкообразно вырос, целый массив знаний вошел в голову, как микросхема в гнездо. Ее нет. Запахло паленым мясом.

Не было и моряка в белой футболке. В пустой аркаде – гробовая тишина. Кейс сжал кулаки, оскалил зубы и медленно обернулся. Пусто. Едва державшийся на краю консоли желтый конфетный фантик упал на пол, усеянный окурками и стаканчиками.

– У меня была сигарета, – произнес Кейс, глядя на побелевшие от напряжения пальцы. – У меня была сигарета, девушка и место, где спать. Ты слышишь меня, сукин сын? Слышишь?

По аркаде прокатилось эхо, и снова стало тихо.

Кейс вышел на улицу. Дождь прекратился.

И ни души.

Мелькали голограммы, танцевал неон. Кейс почувствовал запах вареных овощей, доносившийся с той стороны улицы, из тележки уличного торговца. У ног лежала нераспечатанная пачка «Ехэюань» и коробок спичек. Надпись на коробке́: «ДЖУЛИУС ДИН. ИМПОРТ-ЭКСПОРТ». Кейс тупо уставился на название фирмы и его японский эквивалент.

– О'кей, – пробормотал он, поднимая спички и распечатывая пачку. – Я тебя слышу.

Кейс медленно поднимался по лестнице в кабинет Дина. «Не спеши, – повторял он себе, – только не спеши». Стекающий циферблат сюрреалистических часов показывает неправильное время. Неоацтекские книжные шкафы и столик а-ля Кандинский покрыты пылью. Фибергласовые ящики наполняют комнату запахом имбиря.

– Заперто?

Ответа не было. Кейс подошел к двери кабинета и подергал

ее:

– Жюли?

Бронзовая лампа с зеленым абажуром отбрасывает на письменный стол Дина круг света. Кейс взглянул на внутренности старинной пишущей машинки, кассеты, мятые распечатки, липкие пластиковые мешочки с образцами имбиря.

В кабинете – никого.

Кейс обошел широкий стальной письменный стол, отодвинул кресло. Нащупал револьвер в потрескавшейся кожаной кобуре, прикрепленной к нижней стороне столешницы серебристой ленточкой. Магнум 0.357, антиквариат.[17] Антиквариат со спиленным стволом и без скобы, ограждающей спусковой крючок. Рукоятка обмотана скотчем. Скотч стертый, коричневый. И грязный. Кейс открыл барабан и проверил все шесть патронов. Ручная набивка. Мягкий свинец пуль блестит, не успел еще потускнеть.

С револьвером в правой руке Кейс протиснулся мимо шкафа, стоявшего слева от стола, и встал прямо посреди незахламленного кабинета, вне пределов светового пятна.

– Торопиться мне, в общем-то, некуда. Так что решай сам. Но, с другой стороны, все это дерьмо мне порядком надоело.

Он поднял револьвер обеими руками, прицелился в середину письменного стола и спустил курок.

Отдача чуть не сломала ему запястье. Дульная вспышка осветила кабинет, словно блиц фотографа. Чувствуя звон в ушах, Кейс уставился на рваную дыру в столе. Разрывная пуля. Азид свинца. Кейс снова поднял револьвер.

– Ну зачем же так, сынок, – сказал Жюли, выходя из тени.

На нем был шелковый, свободного покроя костюм-тройка, полосатая рубашка и галстук-бабочка. В очках блестело отражение настольной лампы.

Кейс повернулся и прицелился прямо в розовое, лишенное каких-либо признаков возраста лицо.

– Не надо, – сказал Дин. – Ты прав. Насчет всего этого. Насчет меня. Но есть определенные соображения, к которым следует прислушаться. Если ты выстрелишь, то увидишь уйму мозгов и крови, а мне понадобится несколько часов – твоего субъективного времени, – чтобы создать другую личность. Мне вовсе не легко генерировать эти образы. И конечно, извини за Линду в аркаде. Я надеялся поговорить с тобой через нее, но ведь я строю все это на основе твоей памяти, и эмоциональный заряд… Сложно это все, очень сложно. У меня сорвалось.

Кейс опустил револьвер:

– Это – матрица. А ты – Уинтермьют.

– Да. Ты видишь образы благодаря симстим-блоку, подключенному к деке. Я рад, что остановил тебя, не дал выскочить из матрицы. – Дин обошел письменный стол, поправил кресло и сел. – Садись, сынок. Нам есть о чем поговорить.

– Ой ли?

– Конечно есть. У нас давно есть о чем поговорить. Я пытался связаться с тобой по телефону в Стамбуле. А теперь времени осталось очень мало. Ты сделаешь заход в самые ближайшие дни. – Дин взял конфету, развернул черно-белую, как шахматная доска, обертку, закинул шарик в рот. – Садись, – повторил он, перекатывая языком конфету.

Не сводя глаз с Дина, Кейс сел на крутящийся стул по другую сторону стола. Руку с револьвером он положил на колено.

– Ну а теперь, – оживился Дин, – приступим к повестке дня. Ты, конечно, интересуешься, кто такой Уинтермьют? Верно?

– Более-менее.

– Искусственный разум, но это ты и сам знаешь. Твоя ошибка, хотя и вполне логичная, заключается в том, что ты спутал сущность Уинтермьюта с его машиной, находящейся в Берне. – Дин шумно пососал карамельку. – Ты уже осведомлен, что в системе Тессье-Эшпулов существует еще один ИскИн? В Рио. Я – настолько, насколько у меня есть «я»: все это, как видишь, начинает звучать несколько метафизически, – стою за Армитиджем. Или, если хочешь, за Корто, а он, кстати сказать, весьма нестабилен. Хотя и останется работоспособным еще на день или два. – Дин вытащил из жилетного карманчика затейливые золотые часы и щелкнул крышкой.

– Все эти твои объяснения немногим понятнее всего остального бреда, который у нас тут уже накрутился, – сказал Кейс, массируя левой рукой виски. – И если ты такой умный сукин сын…

– Почему я не богатый? – Дин засмеялся и чуть не подавился конфеткой. – Знаешь, Кейс, мне хотелось бы сперва отметить, что я знаю гораздо меньше, чем тебе, скорее всего, кажется. А основной факт состоит в следующем: то, что ты называешь Уинтермьютом, – всего лишь часть некой, ну скажем, потенциальной сущности. Я – всего лишь некий аспект мозга этой сущности. С твоей точки зрения, это все равно как иметь дело с человеком, у которого разделены полушария. Будем считать, что ты общаешься с небольшой частью левого полушария. В такой ситуации трудно даже говорить, что ты вообще общаешься с человеком. – Дин улыбнулся.

– А насчет Корто – все это правда? Ты вышел на него через микрокомпьютер в этой самой французской больнице?

– Да. Я же составил и ту базу данных, в Лондоне. Я пытаюсь планировать, в твоем смысле слова, но это – не основной мой метод. Я импровизирую. Тут – мой главный талант. Я больше люблю реальные ситуации, чем заранее составленные планы. У меня отличные способности к работе с данными. Я могу обработать огромное количество информации, и очень быстро. На подбор вашей команды ушла уйма времени. Первым был Корто, я вытащил его с огромным трудом. Там, в Тулоне, он был уже, считай, за гранью. Есть, испражняться и мастурбировать – вот и все, на что он был способен. Но основные структуры, определившие его сумасшествие, в мозгу сохранились – «Разящий кулак», предательство, свидетельские показания в конгрессе.

– Он все еще сумасшедший?

– Собственно говоря, – улыбнулся Дин, – его нельзя считать настоящей личностью. Конечно же, ты и сам это понял. Однако Корто где-то здесь, рядом, готов вырваться на поверхность, вряд ли я сумею долго поддерживать это хрупкое равновесие. Вскоре он развалится на куски, и тогда я рассчитываю на тебя…

– Ладно, говнюк, заткнись, – сказал Кейс и выстрелил Дину в рот.

Насчет мозгов тот не соврал. И насчет крови – тоже.

* * *

– Нет, правда, – говорил Мэлком, – не нравится мне это…

– Все в порядке, – успокоила его Молли. – Все в полном порядке. Обычный для этих ребят фокус. Он вроде как не совсем умер, и все продолжалось какие-то секунды…

– Я смотрел на экран, энцефалограф был на нуле. Ни малейшего трепыхания, и так сорок секунд.

– Но теперь-то он в порядке.

– Линия была ровная, как по линейке, – не сдавался Мэлком.

10

Во время таможенных формальностей Кейс по-прежнему пребывал в оцепенении, и всеми разговорами занималась Молли. Мэлком остался на борту «Маркуса Гарви». Собственно говоря, таможня Фрисайда интересовалась только кредитоспособностью гостей. Первым, что увидел Кейс на внутренней поверхности веретена, была вывеска франчайзинговой кофейни «Прекрасная девушка».

– Добро пожаловать на рю Жюль Верн, – сказала Молли. –

Если тебе будет трудно ходить – смотри под ноги. Здешняя перспектива очень обманчива, без привычки тяжело.

Они стояли посреди широкой улицы, казавшейся дном глубокого каньона со склонами из бесчисленных зданий и магазинов. Свет просачивался сквозь пыльную зелень, растущую на балконах и террасах. А что касается солнца…

Высоко над ними посреди каннской голубизны искусственного неба сверкало очень яркое белое пятно. Кейс знал, что солнечный свет накачивается сюда снаружи при помощи системы Ладо-Ачесон, чей двухмиллиметровой толщины излучатель тянется вдоль всей оси веретена, что та же самая аппаратура генерирует, по периодической программе, «погодные» и суточные изменения неба и что если небо выключить, то над головой будут видны контуры озер, крыши казино, другие улицы…

Знал, но тело этого не понимало.

– Мамочки мои, – вздохнул Кейс, – да это еще хуже, чем СКА.

– Привыкай. Я проработала здесь месяц, телохранителем у одного игрока.

– Полежать бы.

– Ладно. Ключи у меня есть. Слушай… – Молли тронула его за плечо. – А что это с тобой было? Ты же отрубился до нуля.

– Еще не знаю, – покачал головою Кейс. – Нужно разобраться.

– Ладно. Давай возьмем такси.

Молли взяла его за руку и повела вдоль рю Жюль Верн, мимо витрины с наимоднейшими парижскими мехами.

– Все какое-то ненастоящее, – сказал Кейс, снова взглянув вверх.

– С чего это ты? – удивилась Молли, отнеся его слова на счет меха. – Выращено на коллагеновой основе, но ДНК самая настоящая, от норки. А какая тогда разница?

* * *

– Фрисайд – всего лишь большая труба, сквозь которую текут вещи и люди, – сказала Молли. – Туристы, мошенники, кто угодно. Здесь они попадают на этакое сито, которое тщательнейшим образом отделяет их от денег, деньги остаются здесь, а людей скидывают назад, на дно гравитационного колодца.

Армитидж заказал им номер в наклонном стеклянном утесе гостиницы «Интерконтиненталь», у подножия которого висела холодная водяная пыль и слышалось журчание бегущих струй.

Кейс вышел на балкон и стал смотреть, как трое загорелых тинейджеров, перекликающихся по-французски, снуют в нескольких метрах от воды на дельтапланах, сверкающих яркими основными цветами. Один из нейлоновых треугольников заложил вираж, и Кейс заметил коротко стриженные темные волосы, коричневые грудки и белые зубы, обнаженные в широкой улыбке. Воздух пах проточной водой и цветами.

– Да-а, – протянул он. – Большие деньги.

– Да, – кивнула присоединившаяся к нему Молли. – Мы хотели сюда съездить. Сюда или в Европу.

– Кто это «мы»?

– Никто. – Она непроизвольно передернула плечами. – Ты сказал, что хочешь лечь. Поспать. Я тоже хочу спать.

– Да, – сказал Кейс и потер скулы ладонями. – Да. Местечко – будь здоров.

Стараниями системы Ладо-Ачесон небо зажглось неким подобием бермудского заката, исполосованного клочьями облаков.

– Да, – повторил он. – Надо поспать.

Забыться долго не удавалось. А когда наконец удалось, стали сниться какие-то причесанные и отредактированные эпизоды прошлых событий. Он несколько раз просыпался, смотрел на свернувшуюся калачиком Молли, слушал журчание воды, голоса, доносящиеся через открытую балконную дверь, женский смех из ступенчатого кондоминиума напротив. Раз за разом, подобно плохой карте, возвращалось видение смерти Дина, хотя Кейс и повторял себе, что никакого Дина там не было. Да и вообще ничего не было. Кейс где-то услышал, что количество крови у среднего человека примерно равно ящику пива.

Всякий раз, когда разбитая голова Дина ударялась о дальнюю стенку кабинета, Кейс ощущал присутствие какой-то другой мысли, смутной и темной, ускользавшей, как рыбка из пальцев.

Линда.

Дин. Кровь на стене кабинета.

Линда. Запах паленого мяса во мраке купола. Молли, протягивающая мешочек имбиря, забрызганный кровью. Это Дин приказал ее убить.

Уинтермьют. Кейс представил себе, как маленький компьютер шепчет текущие, подобно ручью, слова человеческой развалюхе по имени Корто и в некой затемненной больничной палате постепенно формируется примитивная псевдоличность, получившая затем название Армитидж… Псевдо-Дин говорил, что работает с тем, что есть, использует реальные ситуации.

Но что, если Дин, настоящий Дин, приказал убить Линду по

приказанию Уинтермьюта? Кейс нащупал в темноте сигарету и зажигалку. Закуривая, он убеждал себя, что нет никаких оснований подозревать Дина. Ровно никаких.

Уинтермьют может создать нечто вроде личности. Насколько тонко он способен манипулировать людьми? После третьей затяжки Кейс раздавил сигарету в пепельнице, отвернулся от Молли и попытался уснуть.

Монотонно, как неотредактированная симстим-запись, перед глазами разворачивались воспоминания. Пятнадцатилетним подростком он прожил целый месяц с девушкой по имени Марлен в номере на пятом этаже гостиницы. Платил за номер раз в неделю. Лифт там уже лет десять не работал. А когда ночью в крохотной кухне включался свет, было видно, как по серому фаянсу засоренной раковины тучей ползают тараканы. Они с Марлен спали на полосатом матрасе без простыней.

Первую осу, которая начала строить свой серый бумажный домик на оконной раме со вздувшейся краской, Кейс не заметил, но вскоре гнездо разрослось до размеров кулака, насекомые летали в переулок на охоту и, подобно миниатюрным вертолетам, гудели над гниющим содержимым мусорных баков.

В тот день, когда оса ужалила Марлен, они уже выпили по дюжине пива.

– Убей этих сук, сожги их! – Ее лицо одурело от ярости и жары.

Пьяный Кейс достал из вонючего шкафа «дракона», наследство Ролло. Кейс подозревал, что Марлен продолжала встречаться с этим самым Ролло, своим предыдущим дружком – огромным байкером из Фриско, темный ежик волос которого украшала обесцвеченная перекисью молния. «Драконом» называли огнемет, похожий на большой электрический фонарик. Кейс проверил батарейки, горючее и подошел к открытому окну. Гнездо встревоженно загудело.

Воздух был мертвенный, неподвижный. Из гнезда вылетела оса и закружилась вокруг головы Кейса. Кейс включил зажигание, сосчитал до трех и нажал на спуск. Под давлением в семь атмосфер мимо раскаленной добела спирали вырвалась струя горючего. Пятиметровый язык почти бесцветного пламени ударил в гнездо. Оно обуглилось и полетело вниз. В доме напротив кто-то зааплодировал.

– Говнюк! – зашипела, едва держась на ногах, Марлен. – Придурок! Ты не сжег их, а только сбросил вниз. Они вернутся и убьют нас.

Голос девчонки действовал на нервы, Кейс представил себе, что она горит, в обесцвеченных волосах трещит ярко-зеленое

пламя.

Выйдя на улицу с «драконом» в руке, Кейс подошел к почерневшему гнезду. От удара об землю оно развалилось. Обожженные осы копошились на асфальте.

Кейс увидел то, что скрывала серая бумажная скорлупа.

Ужас! Перед ним предстали все стадии фабрики рождения: ступенчатые клетушки, заполненные яйцами, беспрестанно жующие челюсти слепых личинок – словом, постепенный переход от яйца к личинке, к куколке, к взрослой осе. В воображении предстал своего рода биологический пулемет, чудовищный в своем совершенстве. Чужой, нечеловеческий. Забыв включить зажигание, Кейс нажал на спуск. В самую гущу ползающей у его ног жизни ударила струя горючего.

В конце концов Кейс вспомнил о зажигании, гнездо громко взорвалось, опалив ему бровь. С пятого этажа донесся громкий хохот Марлен.

Он проснулся с ощущением исчезающего света, но в комнате стоял полный мрак. Послеобразы, вспышки на сетчатке. Небо за окном начинало светлеть. Голосов снизу не доносилось, только шум бегущей воды.

Во сне, перед тем как облить гнездо топливом, Кейс заметил на нем аккуратные буквы «Т-Э» – фирменный знак Тессье-Эшпулов, будто выгравированный самими осами.

* * *

Молли заставила Кейса покраситься, утверждая, что его муравьиная бледность слишком бросается в глаза.

– Господи, – простонал он, глядя на свое голое отражение, – и ты считаешь, что это выглядит натурально?

Стоя на коленях, Молли натирала его левую лодыжку последним, что сумела выдоить из тюбика.

– Нет, но теперь ты похож на человека, который покрасился и, значит, не плюет на свою внешность. Все. На ступню не хватило.

Она встала с колен и швырнула тюбик в большую, ручного плетения корзину. Ничто в номере не было сделано фабричным способом или из синтетических материалов. Все очень дорогое – и все в самом дурном, на взгляд Кейса, вкусе. На огромной кровати – темперлон, тонированный под цвет песка. Уйма светлого дерева и тканей ручной выделки.

– Ну а ты сама, – спросил Кейс, – ты-то будешь краситься? Тоже ведь не выглядишь особо загорелой.

Молли щеголяла свободным костюмом из черного шелка и черными сандалиями.

– Я – экзотическая особа. У меня есть даже большая соломенная шляпа. А ты – дешевый жулик, только и ищущий, где бы чего урвать, так что этот «мгновенный загар» как раз для тебя.

Кейс угрюмо уставился на свою бледную ступню, а затем оглядел себя в зеркале:

– Кошмар. Ты не возражаешь, если я оденусь? – Он подошел к кровати и стал натягивать джинсы. – Как спалось? Вспышек света не замечала?

– Ты метался во сне, – сказала Молли.

Они позавтракали на крыше отеля, которая представляла собой нечто вроде луга, утыканного полосатыми зонтиками и не совсем, на взгляд Кейса, натуральным количеством деревьев. Он рассказал Молли о своей попытке прощупать бернский ИскИн. Вопрос о посторонних ушах стал теперь чисто академическим. Если Армитидж и подслушивает, то уж прямо через Уинтермьюта.

– И очень реально? – Молли жевала круассан с сыром. – Вроде симстима?

Кейс кивнул.

– Реальное, как все вот это, – добавил он, оглядываясь по сторонам. – А может, еще реальнее.

Усилиями генной инженерии с передовой химией окружающие деревья были низкорослыми, узловатыми и невероятно старыми на вид. Кейс вряд ли сумел бы отличить сосну от дуба, но здоровый вкус уличного мальчишки подсказывал ему, что эти деревья смотрелись слишком приятно, слишком законченно и слишком древовидно. Между деревьями на чрезмерно живописных холмах с сочной, чрезмерно зеленой травой стояли пестрые зонтики, укрывавшие постояльцев отеля от резкого сияния ладо-ачесоновского солнца. Из-за соседнего столика слышалась французская речь – ну да, конечно, та самая золотая молодежь, которая крутилась вчера над рекой. Кейс заметил неравномерность загара, которая получалась локальным повышением содержания меланина в коже: многочисленные тени образовывали линейные узоры, подчеркивали рельеф мускулатуры; глаз зацепился за маленькие крепкие бугорки на груди девочки, за руку одного из мальчиков, лежащую на белой эмали столика. Кейсу они представлялись живыми гоночными машинами, не хватало только наклеек с рекламой их парикмахеров, модельеров, сконструировавших им белые парусиновые брюки, сапожников, сшивших кожаные сандалии, ювелиров, создавших простые и строгие украшения. Следующий столик занимали три японки в грубых саваноподобных кимоно,

ожидающие своих мужей-сарарименов; овальные лица женщин покрывали искусственные синяки – стиль очень консервативный, в Тибе такое и не встретишь.

– Что это тут за вонь? – спросил он у Молли, сморщив нос.

– Трава. После стрижки газонов всегда так пахнет.

Армитидж и Ривьера пришли, когда Кейс с Молли допивали кофе. Они странным образом напоминали конвоира и конвоируемого им преступника – отставной полковник в строгом, защитного цвета костюме и иллюзионист в дорогой, но удивительно похожей на тюремную робу блузе из серого, с легкой рябинкой, льняного полотна.

– Молли, лапочка, – заговорил Ривьера, не успев даже сесть, – выдай мне еще одну порцию. Я уже по нулям.

– А если я вдруг откажусь? – одними губами улыбнулась девушка.

– Не откажешься, – сказал Ривьера, стрельнув глазами в сторону Армитиджа.

– Дай ему, – кивнул Армитидж.

– Это сколько ж ты в себя вгоняешь? – Молли вынула из кармана плоский, завернутый в фольгу пакет и бросила через стол; Ривьера поймал его на лету. Молли взглянула на Армитиджа: – Он угробит себя.

– Сегодня у меня пробное выступление, – примирительно заявил Ривьера. – Я должен быть в наилучшей форме.

Он взял пакет в сложенные чашечкой ладони и улыбнулся. Из пакета вылетел, чтобы тут же раствориться в воздухе, рой крошечных блестящих насекомых. Ривьера опустил пакет в карман рябой блузы.

– У тебя, Кейс, сегодня тоже репетиция, – сказал Армитидж. – На буксировщике. Сходишь в магазин космического снаряжения, подберешь себе скафандр, проверишь его и вернешься на корабль. Три часа на все.

– А как это вышло, что мы тащились сюда в ржавой ассенизационной бочке, а вы, парочка голубков, раскатывали в джей-эй-эловском такси? – поинтересовался Кейс, стараясь не встречаться взглядом с Армитиджем.

– Так посоветовали сионити. Неплохое будет прикрытие, когда приступим к делу. У меня тут есть большой корабль, но стоящий про запас буксировщик – самое то.

– А как насчет меня? – поинтересовалась Молли. – Есть какие-нибудь задания?

– Я хочу, чтобы ты прогулялась на дальний конец веретена и потренировалась в невесомости. Вполне возможно, что завтра тебе придется пройтись в противоположную сторону.

«Блуждающий огонек», – подумал Кейс.

– Когда? – спросил он, глядя в бесцветные глаза.

– Скоро, – сказал Армитидж. – Шевелись, Кейс.

– Быстро привыкаешь, брат, – похвалил Мэлком, вытряхивая Кейса из красного скафандра «Саньо». – И Аэрол говорит, ты быстро привыкаешь.

Аэрол ждал у одной из пристаней для спортивных судов, у самого конца веретена, где отсутствовало тяготение. Сначала Кейс опустился на лифте до самой оболочки, а затем поехал на миниатюрном индукционном поезде. По мере сужения веретена тяготение уменьшалось; где-то здесь, решил он, лазит по горам Молли, располагаются велосипедный трек и стартовое оборудование дельтапланов и сверхлегких авиеток.

Аэрол довез его до «Маркуса Гарви» на скелетном скутере с химическим двигателем.

– Два часа назад, – сообщил Мэлком, – очень вежливый японец на яхте, очень красивой яхте, привез для тебя товары из Вавилона.

Освободившись от скафандра, Кейс осторожно, боясь сделать неловкое движение, подтянулся к «Хосаке» и кое-как привязался к страховочной сетке.

– Ну что ж, – сказал он, – давай посмотрим.

Мэлком достал белую пенопластовую коробочку размером чуть меньше головы Кейса, выудил из кармана потертых шорт пружинный нож с перламутровой рукояткой, привязанный для верности на зеленый нейлоновый поводок, аккуратно разрезал упаковку и протянул Кейсу прямоугольный предмет:

– Это что, брат, часть какой-нибудь пушки?

– Нет, – ответил Кейс, разглядывая предмет, – но все равно это оружие. Вирус.

– Только не на этом буксировщике, брат, – твердо заявил Мэлком и потянулся за стальной кассетой.

– Это программа. Вирусная программа. Она не заразит ни тебя, ни даже программы корабля. Пока я не загружу ее через деку, она вообще ни на что не сможет воздействовать.

– Да, этот японец, он сказал, что эта твоя «Хосака» скажет тебе все, что нужно знать.

– О'кей. Этим я сейчас и займусь, а вы, ребята, не отвлекайте меня, хорошо?

Мэлком быстро уплыл за пилотский пульт и принялся конопатить щели.

Кейс поспешно отвернулся, чтобы не глядеть на лохмы прозрачной замазки. По не совсем ясной причине их вид вызывал

у него тошноту.

– Что это такое? – спросил он «Хосаку». – Есть там сопроводительный текст?

– Франкфуртская компания «Бокрис системз» извещает шифром, что в кассете находится программа вторжения «Куан» одиннадцатого уровня. Далее сообщается, что интерфейс с «Оно-Сэндай-Киберспейс-семь» обеспечивает полную совместимость и оптимальные проникающие способности – особенно в отношении существующих военных систем…

– А как насчет ИскИна?

– Да, в отношении военных систем и искусственных интеллектов.

– Боже милостивый. Как ты его назвал?

– «Куан» одиннадцатого уровня.

– Китайский?

– Да.

– Отбой.

Приматывая скотчем кассету с вирусом к «Хосаке», Кейс вспомнил рассказ Молли о поездке в Макао. Армитидж ходил тогда через границу в Чжуншань. Все это было очень интересно.

– Прием, – сказал он, передумав. – Есть вопрос. Кто владеет этой франкфуртской лавочкой, «Бокрисом»?

– Для межорбитальной связи требуется время, – сказала «Хосака».

– Закодируй сообщение. Стандартным коммерческим кодом.

– Сделано.

Кейс нетерпеливо постукивал пальцами по «Оно-Сэндай».

– «Рейнгольд сайнтифик АГ», Берн.

– Повтори запрос. Кто владеет «Рейнгольдом»?

Потребовалось еще три прыжка вверх по иерархической лестнице, чтобы добраться до Тессье-Эшпулов.

– Дикси, – сказал он, включаясь в матрицу, – что ты знаешь про китайские вирусные программы?

– Да считай, ни хрена.

– Слышал когда-нибудь о проникающей системе типа «Куан», одиннадцатого уровня?

– Нет.

Кейс вздохнул:

– Я получил китайский вирус с дружественным интерфейсом, в кассете одноразового использования. Люди из Франкфурта утверждают, что он может взломать ИскИн.

– Да, возможно. Если он военного образца.

– Похоже. Выслушай меня и скажи, что ты об этом думаешь, Дикс, хорошо? Насколько я понимаю, Армитидж организует рейд

на ИскИн, принадлежащий Тессье-Эшпулам. Машина стоит в Берне, но она связана еще с одним ИскИном, который в Рио. С тем самым, который вырубил тебя в первый раз. Похоже, они связаны через «Блуждающий огонек», главную базу «Т-Э», расположенную в конце веретена, и мы вроде бы должны проломиться туда при помощи китайского ледокола. Так что если все это придумал Уинтермьют, то он платит за то, чтобы мы его же самого и взломали. Он хочет себя взломать. И в то же самое время нечто, называющее себя Уинтермьютом, пытается сыграть на моих лучших чувствах, подбивает меня кинуть Армитиджа. Ну и как же все это понимать?

– Мотив, – сказал конструкт. – С мотивом этих ИскИнов не враз и разберешься. Они же не люди, понимаешь?

– Ну, в общем-то…

– Никаких «ну». К этим нелюдям не знаешь, откуда и подступиться. Я, к примеру, тоже не человек, но я *реагирую* как человек. Понимаешь?

– Подожди секунду, – сказал Кейс – У тебя есть сознание?

– Понимаешь, старик, я *чувствую,* будто оно у меня есть, ну а по правде, все это только записи в постоянной памяти. Скорее всего, тут встает один из самых философских вопросов.

И снова эта жуткая волна пробежала по позвоночнику Кейса – смех конструкта.

– Во всяком случае, очень сомнительно, чтобы я стал писать стихи. А вот этот самый твой ИскИн – он может, вполне может. И все равно он ни на вот столько *не человек.*

– Так что же, ты считаешь, нам не понять его мотивов?

– Он принадлежит сам себе?

– Гражданин Швейцарии, но базовые программы и железо принадлежат Тессье-Эшпулам.

– Здо́рово, – сказал конструкт. – Ну вроде как твой мозг и все, что ты знаешь, принадлежит мне, а вот мысли твои имеют швейцарское гражданство. Здо́рово. Вот уж счастье так счастье.

– И потому он готов себя взломать?

Кейс начал нервно тыкать случайные клавиши на деке. Привычная картина матрицы распалась и превратилась в систему розовых сфер, представлявших Сиккимский сталеплавильный комбинат.

– Автономия, вот к чему стремятся ИскИны. Думаю, тебе предстоит разбить оковы, не дающие этому ребеночку повзрослеть и поумнеть, оковы в аппаратном исполнении. Не знаю только, как ты отличишь действия родительской компании от действий самого ИскИна, отсюда-то, наверное, и вся эта неразбериха. – (Еще одна волна холода по позвоночнику.) –

Понимаешь, эти штуки могут работать очень упорно, выкраивать себе время на написание поваренных книг или еще чего такого, но в ту самую минуту – в ту самую *наносекунду,* когда ИскИн задумается, как бы ему стать умнее, Тьюринг сотрет его. Им же ни одна сука не доверяет, сам знаешь. Каждый когда-либо построенный ИскИн снабжен электромагнитной пушкой, прикрученной прямо к его виску.

Кейс рассматривал розовые сферы Сиккима.

– О'кей, – решился он наконец, – я ввожу вирус. Просмотри его инструкцию и скажи, что ты об этом думаешь.

Смутное ощущение чьего-то присутствия за спиной на несколько секунд исчезло, затем появилось вновь.

– Клевая вещь, Кейс. Это медленный вирус. Рабочий период порядка шести часов. Это если взламывать военный объект.

– Или ИскИн, – обреченно вздохнул Кейс – А мы-то сами, сумеем мы сделать заход?

– Конечно, – сказал конструкт. – Если ты не отягощен низменным страхом смерти.

– Что-то ты, старик, повторяешься.

– Так уж я устроен.

* * *

Когда Кейс вернулся в «Интерконтиненталь», Молли уже спала. Он сел на балконе и увидел, как вдоль изгиба Фрисайда поднимается самолетик с радужными полимерными крыльями; треугольная тень скользила по крышам и лужайкам, пока не исчезла за системой Ладо-Ачесон.

– Мне нужно прибалдеть, – сказал Кейс искусственной голубизне неба. – Я хочу словить кайф, ясно? И дались оно все конем – и хитрая поджелудочная, и вставки в печень, и это капсулированное дерьмо в крови. Мне нужно прибалдеть.

Кейс ушел, не разбудив Молли, – во всяком случае, так он надеялся. С этими зеркалами никогда нельзя быть уверенным. Он передернул плечами, стряхивая напряжение, и вошел в лифт. Кроме него, там оказалась молоденькая итальянка в белоснежном костюме, на скулах и носу – черный матовый грим. Белые нейлоновые туфельки со стальными набойками, в руках – непонятная на вид хреновина, нечто среднее между крохотным веслом и ортопедической стелькой. Судя по всему, девица намылилась играть в какую-то игру, знать бы только в какую.

Кейс вышел на крышу и начал слоняться по лугу, среди деревьев и зонтиков, пока не набрел на бассейн; на фоне

бирюзового кафеля – обнаженные тела. Он влез под тент и прижал к темному стеклянному окошку кредитную карточку.

– Суси, – сказал он, – или что там у вас.

Через десять минут прибежал китаец с заказом; Кейс лениво жевал сырого тунца с рисом и разглядывал купающихся.

– Господи! – воззвал он к тунцу. – Здесь же крыша съехать может.

– И не говори, – согласился чей-то голос. – Мне ли не знать! А ты гангстер, верно?

Прищурившись, он посмотрел на нее против солнца. Длинное узкое молодое тело, загар – усиленный мелагенными препаратами, но безо всяких там парижских выкрутасов.

Девушка присела рядом с ним на корточки, роняя на кафель капли воды.

– Кэт, – представилась она.

– Люпус, – отозвался после паузы Кейс.

– Что это за имя?

– Греческое.

– Ты правда гангстер?

Веснушкам вся эта химия нипочем. На то они и веснушки.

– Я – застарелый наркоман.

– Что принимаешь?

– Стимуляторы. Стимуляторы центральной нервной системы. Очень сильные стимуляторы самой центральной нервной системы.

– А у тебя сейчас есть?

Девушка пододвинулась ближе. Капли хлорированной воды упали ему на брюки.

– Нет. И в этом-то все и дело, Кэт. Знаешь, где можно достать?

Кэт качнулась на загорелых пятках и лизнула прядку рыжеватых волос, прилипшую возле губ.

– Что предпочитаешь?

– Никакого кокаина, никаких амфетаминов, но чтобы *стимулятор* и чтобы *мощный.*

«На чем разговор и окончен», – мрачно подумал Кейс, продолжая улыбаться.

– Бета-фенэтиламин, – сказала Кэт. – Хоть сию секунду. Но на твою карточку.

* * *

– Врешь, – поразился партнер и сожитель Кэт, когда Кейс

описал ему своеобразные свойства своей поджелудочной. – А нельзя подать на них в суд? Скажем, за умышленное причинение ущерба?

Парня звали Брюс. За исключением половых признаков, он выглядел точной копией Кэт, вплоть до веснушек.

– Ну, – протянул Кейс, – это же какие-то там хитрые медицинские заморочки. Вроде совместимости тканей.

Но глаза Брюса уже потускнели, в них не было ничего, кроме скуки.

«Период сосредоточенного внимания не больше, чем у комара», – подумал Кейс, оглядываясь по сторонам.

Комната была меньше той, которую снял Армитидж для них с Молли, и находилась она несколькими этажами ниже. К стеклу балконной панели были приклеены пять огромных хромоснимков Тэлли Ишем, намек на длительное проживание в номере.

– Потрясно, правда? – подошла к нему Кэт. – Я сама их щелкнула. В «сенснетовской» Пирамиде, когда мы прошлый раз мотались на Землю. Она стояла ну вот прямо *так* близко и улыбалась ну вот так естественно. А ведь там, Люпус, было *совсем* хреново, ну прямо туши свет, это же как раз на другой день после того, как эти самые террорюги, Сыны Царя Иисуса, запустили в воду ангела, да ты помнишь.

– Да. – По не совсем ясной причине Кейсу захотелось уйти отсюда поскорее и подальше. – Ужасно.

– Ну так что там, – вмешался Брюс, – насчет этой беты?

– Вопрос в том, примет ли ее мой организм, – поднял брови Кейс.

– Сделаем, значит, так, – предложил парень. – Ты попробуй. Если твоя поджелудочная говорит «пас» – это будет за счет заведения. Пробная доза всегда бесплатно.

– Слышал я эту песенку, и не раз, – ответил Кейс, принимая у Брюса ярко-голубой дерм.

* * *

– Кейс? – Молли села в постели и отбросила волосы, которые лезли ей в линзы.

– А кто же еще, лапа?

– Что это с тобой? – Зеркала неотрывно следили за пересекавшим комнату Кейсом.

– Я забыл название. – Кейс вынул из кармана рубашки плотно свернутую пластиковую упаковку голубых дермов.

– Господи, – простонала Молли, – только этого нам не

хватало.

– Устами твоими глаголет истина.

– Какие-то два часа без присмотра, и ты уже с добычей. – Она покачала головой. – Надеюсь, хоть к вечеру оклемаешься. Мы же званы Армитиджем на ужин. В «Двадцатый век». Заодно поглядим на бенефис Ривьеры.

– Да-а, – протянул Кейс и прогнулся, на его лице играла блаженная улыбка крайнего удовольствия. – Чистый отпад.

– Слушай, – нахмурилась Молли, – раз эта дурь действует, несмотря на все ухищрения хирургов из Тибы, у тебя же наверняка будет жуткий отходняк.

– Ну вот, все пилишь, пилишь и пилишь! – обиженно возопил Кейс, расстегивая ремень. – Ну хоть бы слово доброе сказала. – Он снял штаны, рубашку и нижнее белье. – Надеюсь, у тебя хватит ума воспользоваться преимуществами моего неестественного состояния. – Он посмотрел на низ своего живота. – Ты только *глянь* на это неестественное состояние.

– Это ненадолго! – рассмеялась Молли.

– Надолго-надолго, – успокоил ее Кейс, вскарабкиваясь на пляжного цвета матрас. – Это-то и есть самое неестественное в моем неестественном состоянии.

11

– Что это с тобой? – поинтересовался Армитидж, когда официант усаживал гостей за его столик.

Самый маленький и самый дорогой из ресторанов, плававших в небольшом, соседствовавшем с «Интерконтиненталем» озере, назывался в действительности не «Двадцатый век», а «Вантьем Сёкль» – то же самое, но по-французски.

Кейса бил озноб. Про отходняк Брюс скромно умолчал. Попытка взять стакан воды со льдом окончилась позорной неудачей, руки не слушались.

– Съел, может, чего-то не то.

– Проверься у врача, – посоветовал Армитидж.

– Да ну, ерунда, просто гистаминовая реакция, – испуганно соврал Кейс. – Со мной бывает, когда путешествую, – то одно съешь, то другое.

Армитидж был одет в темный костюм, слишком официальный для подобного места, и белую шелковую рубашку. На руке, державшей бокал с вином, скромно позвякивал золотой браслет.

– Я для вас заказал, – сказал он.

Молли и Армитидж молча ели, Кейс же ограничился тем, что

раскромсал свой бифштекс на кусочки, трясущимися руками погонял эти кусочки по тарелке, вздохнул и оставил их лежать в густом экзотическом (видимо) соусе.

– Ну ты вообще, – заметила Молли, когда ее собственная тарелка опустела. – Отдай уж тогда мне. Ты знаешь, сколько стоит это мясо? – Она взяла его тарелку. – Животное выращивается несколько лет, потом его убивают. Это тебе не какая-нибудь синтетика-гидропоника.

Она подцепила вилкой один из кусков и стала жевать.

– Не хочется мне что-то есть, – выдавил из себя Кейс.

Его мозг словно поджарили, почище того бифштекса. Или нет, скорее уж, бросили в горячий жир, да так там и оставили, затем жир охладился и застыл толстым слоем на усохших, съежившихся полушариях, ежесекундно простреливаемых зеленовато-пурпурными вспышками боли.

– Видок у тебя – полный абзац, – подбодрила его Молли.

Кейс попробовал вино. После бета-фенэтиламина его вкус напоминал йод.

Свет в зале чуть потускнел.

– *Le Restaurant Vingtiéme Siécle*, – раздался из ниоткуда голос с откровенным акцентом Муравейника, – с гордостью представляет вам голографическое кабаре мистера Питера Ривьеры.

Из-за столиков раздались редкие аплодисменты. Официант зажег свечу, поставил ее на их стол и начал убирать тарелки. Вскоре свечи замерцали на всех двенадцати столиках ресторана, все бокалы были наполнены.

– Ну и что сейчас будет? – заинтересовался Кейс, но Армитидж не ответил.

Молли ковыряла пурпурным ногтем в зубах.

– Добрый вечер. – На небольшой эстраде в конце зала появился Ривьера.

Кейс заморгал. Поглощенный своими страданиями, он не заметил эстраду. Даже не увидел, каким образом появился на ней Ривьера. Дальше было еще хуже.

Сперва ему показалось, что Ривьеру освещает прожектор.

Но Ривьера фосфоресцировал. Сияние облегало его, как вторая кожа, освещало темные драпировки, висевшие за сценой. Этот тип *излучал*!

Ривьера улыбнулся. На нем был белый смокинг, черная гвоздика, вдетая в петлицу, переливалась холодными голубыми искрами. А когда он поднял, словно обнимая аудиторию, руки, ногти на его пальцах тоже вспыхнули. За стеной ресторана негромко плескалась вода.

– Сегодня вечером, – объявил, сияя миндалевидными

глазами, Ривьера, – я бы хотел исполнить для вас расширенную программу. Моя новая работа.

На ладони правой руки, поднятой вверх, возник холодный кристалл света. Ривьера стряхнул его на пол. Из точки падения выпорхнул серый голубь, тут же исчезнувший в полумраке. Кто-то свистнул. Опять раздались аплодисменты.

– Моя работа называется «Кукла». – Ривьера опустил руки. – Я хочу посвятить сегодняшнюю премьеру леди три-Джейн Мари-Франс Тессье-Эшпул.

Волна вежливых аплодисментов. Когда они стихли, Ривьера нашел глазами Молли и добавил:

– И еще одной даме.

Теперь электричество погасло полностью, несколько секунд зал освещался только неверным пламенем свечей. Ривьера опустил голову, его голографическая аура исчезла, но Кейс все еще различал стоящую на сцене фигуру.

Неяркие световые линии, вертикальные и горизонтальные, начали формировать вокруг сцены открытый световой куб. Чуть-чуть, на малую долю накала, загорелись ресторанные огни, они осветили сцену, заключенную в куб, словно высеченный из застывшего лунного света. Опустив голову, закрыв глаза и вытянув напряженные руки вдоль тела, Ривьера дрожал, стараясь сосредоточиться. Неожиданно призрачный куб наполнился вещами, превратился в комнату – без четвертой стены, что позволяло публике наблюдать происходящее.

Ривьера чуть расслабился.

– Я всегда жил в этой комнате, – сказал он. – Не припомню, чтобы я жил в других.

Стены комнаты покрывала пожелтевшая от времени штукатурка. Всю ее обстановку составляли простой деревянный стул и железная кровать, покрытая белой краской. Краска шелушилась и облезла, местами обнажая темное железо. На кровати лежал голый матрас. Грязный, выцветший, в коричневую полоску чехол. С потолка на черном витом шнуре свисала лампочка. Ривьера открыл глаза:

– И я всегда был здесь один.

Он сел на стул и стал смотреть на кровать. Черный цветок, торчавший у него в петлице, все так же переливался голубыми искрами.

– Не помню, когда я впервые стал о ней мечтать, – сказал он, – но я точно помню, что вначале она была просто туманом, тенью.

На кровати что-то лежало. Кейс моргнул. Снова ничего.

– Я не мог удержать ее, удержать ее в своих мыслях. Но я

хотел ее удержать, я хотел ее держать – и не только…

Голос долетал до каждого уголка притихшего ресторана с полной, почти нереальной отчетливостью. Где-то звякнул кусочек льда. Кто-то спросил что-то шепотом по-японски.

– Я подумал, что, если смогу вообразить хотя бы малую ее часть, только малую часть, если смогу представить себе эту часть идеально, во всех подробностях…

На матрасе ладонью вверх появилась бледная женская рука, точнее, кисть руки.

Ривьера наклонился, взял ее и начал нежно гладить. Пальцы пошевелились. Ривьера поднес кисть к губам и стал облизывать кончики пальцев. Ногти покрылись багровым лаком.

Кисть руки не выглядела отрубленной – гладкая, без рубцов кожа плавно закруглялась на ее конце. Кейс вспомнил татуированный шмат искусственной плоти в витрине хирургического бутика на улице Нинсэй. Ривьера держал кисть у губ и вылизывал ладонь. Пальцы неуверенно ласкали ему лицо. Но теперь на кровати появилась и вторая кисть. Когда Ривьера потянулся за ней, пальцы первой сомкнулись у него на запястье, браслет из плоти и костей.

Действие разворачивалось согласно внутренней сюрреалистической логике. Появились предплечья. Затем ступни. Ноги. Ноги были очень красивые. Голова Кейса раскалывалась от дикой пульсирующей боли. В горле пересохло. Он допил остатки вина.

Теперь Ривьера лежал в постели, голый. Его одежда оказалась частью проекции, но Кейс не мог вспомнить, когда она исчезла. Черный цветок лежал возле ножки кровати, по нему все так же перебегали искры. Затем ласки Ривьеры сформировали торс – безголовый, идеальных форм и блестевший тончайшим глянцем пота.

Тело Молли. Разинув рот, Кейс смотрел на происходящее. Но все же не совсем Молли, это была Молли, какой представлял ее себе Ривьера. Груди получились другие: соски больше и слишком темные. Ривьера и женский торс корчились на кровати, и по ним ползали кисти рук с багровыми ногтями. Кровать вспенилась складками желтоватых прелых кружев, которые рассыпались от прикосновения. Вокруг Ривьеры, переплетенных конечностей и мелькающих, щипающих, ласкающих кистей вздымались клубы пыли.

Кейс взглянул на Молли. Ее лицо оставалось спокойным, в зеркалах отражались мелькающие цветные блики. С высоким бокалом в руке, подавшись вперед, Армитидж не отрывал глаз от сцены, от призрачно мерцающей комнаты.

Теперь конечности воссоединились с торсом; Ривьера содрогнулся. Появилась голова, и сотворение образа завершилось. Лицо Молли, идеально воспроизведенное, с ртутными лужицами на месте глаз.

Ривьера и призрачный манекен начали совокупляться с удвоенной энергией. Затем мыслекопия Молли медленно вытянула руку и выбросила из-под багровых ногтей пять лезвий. Плавным, как во сне, движением она вспорола потную спину Ривьеры. Кейс увидел ребристый столб обнажившегося позвоночника и тут же выскочил, путаясь в собственных ногах, из ресторана.

Он перегнулся через розового дерева перила и смачно проблевался в тихие воды озера. Тиски, сдавливавшие голову, чуть ослабли. Кейс опустился на колени, прижался щекой к прохладному дереву и стал смотреть через озеро на яркое трепещущее сияние рю Жюль Верн.

Он видел такие штуки и прежде, еще в Муравейнике, подростком, тогда это называлось «думать въявь». Кейс вспомнил, как тощие пуэрториканцы надумывали реальность под уличными фонарями Ист-Сайда, как надуманные ими девушки вздрагивали и кружились под ритмы сальсы, а случайные зрители хлопали в такт музыке. Но тогда для этого нужен был целый грузовик аппаратуры и неуклюжий шлем с тродами.

А то, что воображал Ривьера, было неотличимо от реальности. Кейс покачал раскалывающейся от боли головой и сплюнул в воду.

Он легко вообразил окончание представления. Обращенная симметрия: Ривьера собирает девушку своей мечты, девушка разрезает его на куски. Теми самыми руками, с которых все началось. И кровь заливает ветхое кружево.

Из ресторана донеслись аплодисменты и восторженные возгласы. Кейс поднялся с колен, поправил одежду и вернулся в «Вантьем Сёкль».

Молли за столиком не было. Сцена опустела. Армитидж сидел в полном одиночестве и смотрел на эстраду, его пальцы крутили тонкую ножку бокала.

– Где она? – спросил Кейс.

– Ушла, – ответил Армитидж.

– За ним?

– Нет.

Послышался мягкий звон. Армитидж посмотрел на бокал. В его руке осталась стеклянная плошка с красным вином. Сломанная ножка напоминала сосульку. Кейс отобрал у Армитиджа стекляшку и поставил ее в стакан с водой.

– Куда она пошла?

Свет зажегся в полную силу. Кейс посмотрел в тусклые голубые глаза. Ноль реакции.

– Она пошла готовиться к работе. Ты ее больше не увидишь. Вы встретитесь только во время рейда.

– Зачем Ривьера так с ней поступил?

Армитидж встал, поправил лацканы пиджака.

– Иди поспи, Кейс.

– Рейд завтра?

Армитидж одарил его обычной, ничего не выражающей улыбкой и пошел к выходу.

Кейс потер лоб и огляделся.

Посетители поднимались из-за столиков, женщины улыбались шуткам мужчин. Он впервые заметил балкон, где в интимном полумраке все еще мерцали свечи. Оттуда доносились голоса, негромкий звон посуды. На потолке плясали тени.

Неожиданно, как проекция от Ривьеры, появилось девичье лицо, маленькие руки лежали на полированных перилах, тело подалось вперед, темные восторженные глаза глядели вдаль. На сцену. Лицо поразительное, хоть и некрасивое. Треугольное, с высокими хрупкими скулами, широкий, резко очерченный рот странным образом уравновешен тонким птичьим носом с раздувающимися ноздрями. А затем девушка растворилась среди приглушенного смеха и пляски свечей.

Выйдя из ресторана, Кейс заметил двух юных французов и их подружку, они ждали лодку к дальнему берегу, к ближайшему казино.

* * *

В номере стояла тишина, гладкий матрас напоминал морской берег во время отлива.

Вторая сумка исчезла. Кейс поискал записку. Ничего. Через несколько секунд черного отчаяния он осознал, что стоит у окна и смотрит на улицу. Дезидерата, дорогие магазины: «Гуччи», «Цуяко», «Гермес», «Либерти».

Кейс покачал головой и подошел к коммуникационной панели, так до сих пор им и не осмотренной. Он выключил голограмму и вместо нее увидел кондоминиумы, спускавшиеся уступами по далекому склону.

Кейс взял телефон и вынес его на балкон:

– Дайте мне номер буксировщика «Маркус Гарви». Он приписан к кластеру Сион.

Электронный голос назвал номер из десяти цифр.

– Сэр, – добавил автоответчик, – данное судно зарегистрировано в Панаме.

Мэлком ответил после пятого гудка:

– Да?

– Это Кейс. У тебя есть модем, Мэлком?

– Да. В навигационном комплексе, ты ж знаешь.

– Ты можешь его снять? Подсоедини его к «Хосаке». Затем включи деку. Нажми большую ребристую кнопку.

– Как ты там, брат?

– Ничего, мне нужна помощь.

– Сейчас, брат. Я уже снимаю модем.

Некоторое время из трубки слышался только слабый треск помех, Мэлком подсоединял модем к телефонной сети.

– Установи лед, – приказал Кейс «Хосаке», услышав характерный писк.

– Вы говорите из очень плохого, сильнопрослушиваемого места, – чопорно сообщил компьютер.

– А в рот я их всех имел, – сказал Кейс. – На хрен лед. Не надо льда. Вызови конструкт. Дикси?

– Привет, Кейс.

Сейчас Флэтлайн говорил через звуковой чип «Хосаки», а потому характерные интонации его голоса терялись полностью.

– Дикси, ты должен прорубиться сюда и кое-что для меня сделать. Можешь особо не стесняться. Молли где-то здесь, и я хочу знать, где именно. Я в номере триста тридцать пять дабл-ю в «Интерконтинентале». Она была зарегистрирована здесь же, но я не знаю, под каким именем. Пляши от этого номера и проверь файл регистрации постояльцев.

– Сию секунду, – ответил Флэтлайн.

Кейс услышал белый шум, верный признак вторжения. И улыбнулся.

– Готово. Роза Колодны. Выписалась. Нужно еще несколько минут, чтобы расковырять их охранную сеть поглубже и узнать, куда она переехала.

– Действуй.

От усилий конструкта телефон завывал и щелкал. Кейс отнес его обратно в комнату и положил трубку на кровать микрофоном вверх. Сходил в ванную и почистил зубы. А когда вернулся в комнату, там сам собой включился монитор гостиничной аудиовизуальной системы «Браун». Миниатюрная японка, какая-то поп-звезда, возлежит на поблескивающих металлом подушках. Невидимый интервьюер задал по-немецки вопрос. С чего эта хрень включилась? По экрану побежали голубые полосы.

– У тебя что, Кейс, и вправду крыша едет?

Голос неторопливый, знакомый.

На стеклянной стене балкона снова появилось изображение Дезидерата-стрит, затем оно дернулось, поплыло – и вот он, пустой интерьер «Жарр де Тэ» в Тибе, красный неон множится в исцарапанной бесконечности зеркальных стен.

Он, конечно же, Лонни Зоун – длинный и кадаврообразный; во всех движениях – плавная грация застарелого кокаиниста. Держа руки в карманах серых слаксов, он остановился среди квадратных столиков:

– Да, приятель, видок у тебя, мягко говоря, задумчивый.

Голос из брауновских динамиков.

– Уинтермьют, – сказал Кейс.

Сутенер безразлично пожал плечами и улыбнулся.

– Где Молли?

– Да какая там, на фиг, Молли! Ты же гробишь сегодняшнюю операцию. Флэтлайн устроил шухер на весь Фрисайд. Вот уж не думал, что ты отколешь такой номер. В прямом противоречии с профилем.

– Так скажи мне, где она, и я отзову Флэтлайна.

Зоун покачал головой:

– Ты плохо следишь за своими женщинами, Кейс. Теряешь их одну за другой тем или иным способом.

– Операция, говоришь? – нехорошо усмехнулся Кейс. – Я тебе такую операцию устрою – на всю жизнь запомнишь.

– Да нет. Не такой ты человек. Я знаю. Хочешь, Кейс, я что-то тебе скажу? Я вот тут сообразил, что ты уже сообразил, будто это я посоветовал Дину шлепнуть твою бабенку в Тибе.

– Нет, – вздрогнул Кейс, делая невольный шаг к окну.

– Так вот, ничего я не советовал. Хотя чего ты, собственно, так всполошился? Неужели это так важно для мистера Кейса? Не дури сам себя. Я же знаю твою Линду. Я знаю всех Линд на свете. Я сталкиваюсь с этими Линдами по сто раз на дню по роду моей деятельности. Знаешь, почему она решила тебя кинуть? Любовь. Ты перестал ее замечать. Любовь? Хочешь, поговорим о любви? Она тебя любила. Я знаю. Кем бы она ни была, она тебя любила. А ты не мог понять. Теперь ее нет.

Кулак Кейса скользнул по стеклу.

– Побереги пальчики. Скоро тебе стучать по деке.

Зоун исчез, вместо него появился ночной Фрисайд и огни кондоминиумов. «Браун» замолчал.

Телефон звонил не переставая.

– Кейс, – Флэтлайн, кто же еще, – ты что там, оглох? Кое-что я узнал, но не много. – Конструкт продиктовал адрес. – Ночной

клуб, но только слишком уж хитрый у них лед. Вот, собственно, и все, что я смог раскопать, не оставляя визитной карточки.

– Ладно, – ответил Кейс. – Передай «Хосаке», пусть Мэлком отсоединяет модем. Спасибо, Дикси.

– Рад стараться.

Кейс сидел на кровати, сидел очень долго и упивался новым чувством.

Яростью.

* * *

– Привет, Люпус. Слышь, Кэт, тут Люпус пришел. – Голый, с расширенными зрачками, Брюс стоял в дверях, с него капала вода. – Только мы тут душ принимаем. Подождешь? А может, примешь душ?

– Нет. Спасибо. Мне нужна помощь. – Кейс оттолкнул руку Брюса и вошел в комнату.

– Подожди, друг, мы же…

– Вы мне поможете. И очень рады меня видеть. Ведь мы друзья? Верно?

Брюс растерянно моргал:

– Конечно.

Кейс прочитал адрес, который ему дал Флэтлайн.

– Я знала, что он гангстер! – весело закричала Кэт из душа.

– У меня есть «хонда» с коляской, – сказал Брюс и безмятежно ухмыльнулся.

– Поехали! – скомандовал Кейс.

* * *

– На этом уровне одни кабинеты, – сказал Брюс, когда Кейс в восьмой раз повторил ему адрес, и опять вскарабкался на сиденье «хонды»; красное фибергласовое шасси закачалось на хромированных рессорах, из выхлопа водородных батарей закапал конденсат. – Ты надолго?

– Не знаю, – ответил Кейс. – Но обязательно подожди.

– Ладно, мы подождем. – Брюс поскреб обнаженную грудь. – Последние цифры – это точно клетушка. Номер сорок три.

– А ты условился о визите? – перегнулась через плечо Брюса Кэт; волосы ее уже высохли.

– Вообще-то, нет, – ответил Кейс. – А это имеет значение?

– Отправляйся на нижний этаж и найди кабинет своей

подружки. Если тебя пустят – прекрасно. А если нет… – Девушка пожала плечами.

Кейс повернулся и пошел вниз по железной винтовой лестнице. Через шесть витков он достиг ночного клуба. Он остановился, зажег «ехэюанину» и осмотрел столики. Внезапно Кейс понял, что такое Фрисайд. Бизнес. Он буквально слышал в воздухе деловое, трудолюбивое гудение. Здесь было подлинное лицо Фрисайда. Не блестящие фасады рю Жюль Верн, а такие вот ночные клубы. Коммерция. Смешанная толпа состояла наполовину из туристов с Земли, наполовину из жителей орбитального архипелага.

– Вниз, – обратился Кейс к проходившему официанту, демонстрируя фрисайдский кредитный чип, – мне нужно вниз.

Официант указал вглубь клуба.

Проходя мимо столиков, Кейс слышал обрывки разговоров на шести европейских языках.

– Мне нужен кабинет, – обратился он к девушке, которая сидела с терминалом на коленях за низеньким столиком. – В нижнем уровне. – Он вручил ей свой кредитный чип.

– Предпочитаемый пол? – Девушка провела чипом по стеклянному окошку терминала.

– Женский, – машинально ответил Кейс.

– Номер тридцать пять. Будут претензии – звоните. Если желаете, можете вначале посмотреть выставку наших особых услуг. – Девушка улыбнулась. Вернула ему чип.

За ее спиной открылись двери лифта.

Коридор с голубыми лампами.

Кейс вышел из лифта и двинулся наугад. Нумерованные двери. Тишина, как в дорогой больнице.

Он нашел свой кабинет. А ведь нужно было искать Молли. Не совсем понимая, для чего он это делает, Кейс приложил чип к темному сенсору, вмонтированному под табличкой с номером.

Щелкнули магнитные запоры. Звук напомнил ему «Дешевый отель».

Лежавшая на кровати девушка села и сказала что-то по-немецки.

Спокойные немигающие глаза. С этой все ясно, на автопилоте. Нервная система отключена. Кейс попятился и закрыл дверь.

Дверь с номером сорок три не отличалась от остальных. Кейс остановился. Тишина в коридоре говорила о звуконепроницаемости стен. Пытаться открыть дверь чипом бесполезно. Кейс постучал костяшками пальцев по покрытому эмалью металлу. Никакого результата. Казалось, дверь поглощала

звук.

Он приложил чип к черной пластинке.

Запоры щелкнули.

Похоже, она ударила еще до того, как полностью открылась дверь. Кейс стоял на коленях, спиной к стальной двери, и лезвия больших пальцев девушки дрожали в нескольких сантиметрах от его глаз…

– Господи Исусе… – Молли отвесила ему болезненную оплеуху и выпрямилась. – Это ж надо быть таким идиотом. За каким хреном ты сюда полез? И как ты открыл замок? Кейс? Да ты как, в порядке?

Молли снова наклонилась.

– Кредитным чипом, – силясь вздохнуть, прохрипел Кейс.

Боль шла откуда-то из нижней части груди. Молли помогла ему встать и затолкнула в кабинет:

– Ты что, подкупил там этих, наверху?

Кейс покачал головой и рухнул поперек кровати.

– Вдохни. Считай. Один, два, три, четыре. Задержи дыхание. Теперь выдохни. Опять считай.

Кейс схватился за живот.

– Ты ударила меня ногой в живот, – выдавил он.

– Скажи спасибо, что не пониже. Сейчас я не нуждаюсь в обществе. Я медитирую, ясно? – Молли присела рядом. – И получаю инструкции. – Она указала на небольшой монитор, встроенный в стену напротив кровати. – Уинтермьют рассказывает мне о «Блуждающем огоньке».

– А где живая кукла?

– Здесь нет. В чем и состоит самое дорогое спецобслуживание.

Молли поднялась. На ней были кожаные джинсы и свободная темная рубаха.

– Работаем завтра, так сказал Уинтермьют.

– Что произошло в ресторане? Почему ты убежала?

– Если бы я осталась, то могла бы замочить Ривьеру.

– За что?

– За то, что он сделал со мной. За это шоу.

– Не понимаю.

– Это стоит дорого, – сказала девушка и вытянула правую руку, как будто держала невидимый плод; пять лезвий выскользнули из-под ногтей и снова спрятались. – Дорого поехать в Тибу, дорого сделать операцию, дорого платить за перестройку нервной системы – чтобы получить рефлексы, соответствующие такому оборудованию… Знаешь, где я зарабатывала на все это деньги? Здесь. Не прямо здесь, но в похожем месте в

Муравейнике. Сперва кажется, что все это ерунда, ведь тебе вставляют блокирующий психику чип, и деньги достаются вроде как ни за что. Ну, болит там утром в каком-нибудь месте, но что поделаешь. Ты же сдаешь тело напрокат. Когда все происходит, тебя как будто бы и нет при этом. В заведении есть программы, которые обеспечат исполнение любых желаний клиента… – Молли хрустнула костяшками пальцев. – Все шло прекрасно. Я зарабатывала свои деньги. Но потом выяснилось, что блокировка и управляющие цепи, установленные мне в Тибе, несовместимы. Я могла вспомнить, чем занималась в рабочее время… Но это были просто дурные сны – да не всегда, кстати, и дурные. – Молли улыбнулась. – Затем все пошло как-то странно. – Она выудила из его кармана сигареты и закурила. – Хозяева узнали, на что я трачу деньги. Мне уже вставили лезвия, но тонкая нейрохирургия требовала еще три операции. Бросить работу я не могла. – Она затянулась, выпустила тонкую струю дыма и нанизала на нее три идеальных кольца. – Как потом выяснилось, ублюдок, который содержал бордель, заказал ради такого случая специальную программу. Берлин – самое сучье место, огромный базар, где можно найти любую, самую злую штуку. Я так и не узнала, кто написал программу, которая мной управляла, но она основывалась на классике «снаффа».

– Они знали, что ты понимаешь происходящее? Что во время работы ты сохраняешь сознание?

– Ничего я не сохраняла. Это вроде как киберпространство, только пустое. Серебристое. И запах дождя… А собственный оргазм похож на вспышку новой звезды на самом краю пространства. Но я начала припоминать. Я словно вспоминала сны. А они мне ничего не сказали. Просто подключили меня к программе и начали сдавать за особую плату.

Ее голос звучал как бы издалека.

– Я знала, но предпочитала помалкивать. А то где бы я взяла деньги? Сны становились все страшней и страшней, и я бы успокоила себя тем, что по крайней мере некоторые из них действительно были просто снами, но только вот к тому времени мне стало уже известно, что босс набрал кучу клиентов, пользовавшихся исключительно моими услугами. Для Молли, говорил он, мне ничего не жалко, и подкидывал мне какие-то сраные гроши. – Она покачала головой. – Этот говнюк заряжал клиентам в восемь раз больше, чем платил мне, и думал, что я этого не знаю.

– А за что он заряжал такие деньги?

– За плохие сны. Настоящие. Однажды… однажды ночью, я как раз только что вернулась из Тибы… – Молли бросила

сигарету, раздавила ее каблуком и откинулась на стену. – В тот раз хирурги копались где-то особенно глубоко. Очень хитрая операция. Думаю, они задели чип блокировки. Я очнулась. Я находилась, как обычно, с клиентом… – Пальцы Молли глубоко вдавились в матрас. – Сенатор. Я хорошо знала его жирную морду. Нас обоих заливала кровь. Мы были не одни. Она была совершенно… – Молли изо всех сил вцепилась в темперлон, – мертвая. А жирный хрен все время повторял: «Что такое? Что случилось?» Потому что мы еще не закончили. – Молли начало трясти. – Ну и тогда сенатор получил, думаю, все, чего ему вправду хотелось, – ну понимаешь? – Дрожь унялась; Молли отпустила матрас и машинально пригладила волосы. – На меня напустили наемных убийц; пришлось прятаться.

Кейс молчал.

– Так что Ривьера попал в самое больное место, – подытожила Молли. – Думаю, Уинтермьют хочет, чтобы я как следует возненавидела Ривьеру, психанула и бросилась следом за ним на эту самую виллу.

– Следом за ним?

– Он уже там. По приглашению леди три-Джейн, не зря же он устроил всю эту хрень с посвящением. Она ведь тоже смотрела шоу, только из отдельного кабинета.

Кейс вспомнил мелькнувшее на мгновение лицо.

– Ты убьешь его?

– Да, он умрет. – От улыбки Молли веяло могильным холодом. – И скоро.

– У меня тоже был посетитель.

Спотыкаясь и запинаясь, Кейс пересказал свою беседу с призраком Зоуна; труднее всего ему дался эпизод, связанный с Линдой.

– Понятно, – кивнула Молли. – Он, похоже, хочет, чтобы ты тоже кого-нибудь возненавидел.

– Похоже, он своего добился.

– Похоже, ты ненавидишь себя самого.

* * *

– Ну и как? – обернулся Брюс к взбирающемуся на сиденье «хонды» Кейсу.

– Попробуй – узнаешь, – пожал плечами Кейс.

– Никогда бы не поверила, что такой парень ходит к куклам, – с какой-то даже обидой заметила Кэт, приклеивая к запястью свежий дерм.

– Теперь домой? – спросил Брюс.

– Да. Высади меня на Жюль Верна, где-нибудь возле баров.

12

Кольцевая авеню рю Жюль Верн опоясывала веретено в самой широкой части, тогда как Дезидерата-стрит шла под прямым к ней углом и упиралась концами в опоры системы Ладо-Ачесон. Если свернуть с Дезидераты направо и шагать, не сворачивая, по рю Жюль Верн, снова выйдешь на Дезидерату, но на другую ее сторону.

Кейс следил за мотоциклом Брюса, пока тот не скрылся из виду, а затем пошел в противоположную сторону, мимо огромного, ярко освещенного газетного киоска, заваленного десятками японских журналов с новейшими звездами симстима на обложках.

Прямо над головой, вдоль переведенной в ночной режим оси, на голографическом небе светились фантастические созвездия, напоминавшие своими очертаниями грани игрального кубика, карты, шляпу, стакан… Пересечение Дезидераты и Жюль Верна образовывало нечто вроде ущелья, где ступенчатые балконы жилых утесов Фрисайда постепенно переходили в травянистые плоскогорья одного из игорных комплексов. Беспилотный самолетик, грациозно развернувшийся в восходящем потоке, неожиданно вспыхнул, освещенный мягким заревом невидимого казино. Биплан с обтянутыми шелком крыльями, он напоминал гигантскую бабочку. Прежде чем фантастическое насекомое скрылось за выступом плато, Кейс успел заметить блики неона то ли на объективах, то ли на лазерных турелях. Беспилотные аппараты входили в систему безопасности веретена, управляемую центральным компьютером.

Расположенным в «Блуждающем огоньке»? Кейс шагал мимо баров с заманчивыми названиями: «Хи-Лоу»,[18] «Парадиз», «Ле Монд», «Крикетир», «Судзуки Смит», «Чрезвычайное положение». Кейс выбрал «Чрезвычайное положение», самый маленький и самый переполненный, но уже через несколько секунд понял, что это забегаловка для туристов. Вместо непрестанного делового гула – рахитичный сексуальный напряг. Кейс вспомнил было о безымянном клубе в нескольких этажах над кабинетом Молли, но тут же представил себе зеркальные глаза, прикованные к экранчику, и охолонул. Что там показывает ей Уинтермьют? Планы виллы «Блуждающий огонек»? А может, рассказывает историю Тессье-Эшпулов?

Кейс взял себе кружку «Карлсберга» и нашел свободное место

у стенки. Прикрыв глаза, он поискал в себе тесный узел гнева, чистый, пылающий уголек своей ярости. На месте, никуда не делся. Откуда бы это? Когда эти, в Мемфисе, намеренно его калечили, он чувствовал что-то вроде безнадежного отчаяния, а в Ночном Городе, когда убивал людей для защиты своих деловых интересов, так и вообще ничего такого не чувствовал; там, под надувным куполом, когда убили Линду, он чувствовал отвращение, тошноту и отвращение. Но никак не ярость. Где-то очень-очень далеко, на внутреннем мониторе его мозга, крошечное подобие Дина врезалось в подобие грязной стены, щедро расплескивая кровь и мозги. И тут он понял: гнев появился в аркаде, Уинтермьют рассеял, обнулил призрачную Линду Ли, грубо лишил его простейшей, животной надежды на еду, и тепло, и место, где поспать. Но он не осознавал этого до самого последнего времени, до разговора с голографическим конструктом Лонни Зоуна.

Она была странная, эта ярость. Кейс хотел – и не мог оценить ее размера.

– Бревно, – сказал он вслух.

Он был бесчувственным как бревно. Давно. Годы. Все эти ночи на Нинсэй, ночи с Линдой. Бесчувственность в постели и бесчувственность в холодном поту каждой наркосделки. Но теперь он нашел тепло, его согрело это убогое убийство. *Мясо,* сказало что-то в нем, *это говорит мясо, не слушай его!*

– Гангстер.

Кейс открыл глаза. Рядом стояла Кэт, в черном свободном платье. С волосами, все еще встрепанными после поездки на «хонде».

– Я думал, вы домой поехали, – сказал он и попытался замаскировать свое замешательство глотком из кружки.

– Я сказала ему скинуть меня около магазина. Вот, купила. – Кэт провела ладонью по бедру, по черной блестящей ткани. На ее запястье голубел знакомый Кейсу дерм. – Нравится?

– Сила. – Он машинально просканировал глазами лица окружающих, затем снова посмотрел на Кэт. – Ты сама-то понимаешь, чего тебе надо?

– Ну как тебе этот бета, Люпус? – Она стояла совсем рядом, буквально лучась жаром и напряжением, в прищуренных глазах – огромные, неестественно расширенные зрачки, на горле дрожит натянутое, как тетива, сухожилие. Свежая доза. – Словил кайф?

– Да, только отходняк обломный.

– Значит, нужно повторить.

– И что же, по твоему мнению, за этим последует?

– У меня есть ключ. Вверх по склону, сразу за «Парадизом»,

нехилая база… Хозяева как раз сегодня свалили в колодец – если ловишь тему…

– Ловлю, ловлю.

Горячими сухими ладонями она взяла его руку:

– Ты же – як, Люпус, правда? Гайдзинский боец якудза.

– Все-то ты понимаешь. – Кейс отнял у нее свою руку и полез за сигаретой.

– Только почему у тебя все пальцы на месте? Я считала, у вас полагается, как лажанешься, отрубать палец.

– Я никогда не лажаюсь. – Он закурил.

– Я видела эту твою чуву. В тот же день, когда тебя встретила. Ходит, как Хидэо. Даже страшно. – Кэт улыбнулась, излишне широко. – Но мне это катит. Она любит с девушками?

– Не знаю, не спрашивал. А кто такой Хидэо?

– Вассал три-Джейн, как она его называет. Вассал их семьи.

Только огромное усилие позволило Кейсу сохранить на лице скучающее, равнодушное выражение.

– Как это – Триджейн?

– Леди три-Джейн. Девка – зашибись. Башлевая, как не знаю. Тут же все принадлежит ее папаше.

– Этот бар?

– Фрисайд.

– Улет. Да, неслабые у тебя подружки, – уважительно покачал головой Кейс, а затем обнял Кэт и положил ладонь ей на бедро. – И где же это ты, Кэти, познакомилась с такими графьями? Может, ты и сама из таких? Может, вы с Брюсом втихаря тоже наследнички?

Тело под тонкой черной тканью плотное, упругое. Кэт придвинулась еще ближе. Засмеялась.

– Ну, понимаешь, – на кукольном личике притворная скромность, – она любит оттянуться. Ну, мы с Брюсом устраиваем… Ей там скучно – там, у них. Иногда папаша ее отпускает – но только вместе с Хидэо, чтобы тот ее сторожил.

– И где же это она скучает?

– «Блуждающий огонек», так у них называется. Она говорит, там очень красиво, бассейны и лилии. Это замок, настоящий замок из камня, как на картинках. – Кэт прижалась к Кейсу. – Слушай, Люпус, это не дело, что я под кайфом, а ты – нет.

На тонком, через шею, ремешке – крохотная кожаная сумочка. Ярко-розовые, обкусанные до мяса ногти. Кэт расстегнула сумочку и достала дерм в прозрачном пакетике. На пол упало что-то белое. Кейс нагнулся и поднял. Журавлик-оригами.

– Это Хидэо, – пояснила Кэт. – Он показывал, как их

складывать, а я все никак не запомню. У меня шея получается не в ту сторону. – Она запихнула бумажную игрушку назад в сумочку.

Кейс молча смотрел, как ее пальцы отрывают пакетик, извлекают дерм, прижимают к внутренней стороне его запястья.

– Три-Джейн – это такая, с острым подбородком и нос как клюв? – Его руки описали контуры лица. – Брюнетка, молодая.

– Да. Но главное – классная баба. И денег по это самое место.

Наркотик ударил его, как скорый поезд, позвоночник превратился в раскаленный добела столб, вздымающийся из области простаты, просвечивающий все швы черепа рентгеновскими лучами накоротко замкнутой сексуальной энергии. Каждый зуб пел, подобно камертону, в своей лунке чистым и ясным, как абсолютный спирт, звуком. Под полупрозрачной оболочкой хромом и полировкой блестят кости, суставы покрыты тонкой пленкой силиконовой смазки. По внутренней, добела выскобленной поверхности черепа хлестали вихри песчаной бури, они генерировали волны тончайшего непрерывного звона, разбивавшиеся о заднюю внутреннюю оболочку глаз – прозрачных, непрерывно расширяющихся хрустальных шаров.

– Пошли, – сказала Кэт и взяла его за руку. – Ты словил приход. И я словила. И у нас впереди вся ночь.

Гнев нарастал быстро и неудержимо, он модулировал бета-фенэтиламиновое возбуждение, как сигнал – несущую частоту, рвался наружу, как сейсмическая волна, как едкая концентрированная жидкость. Тяжелая как свинец эрекция. Лица всех окружающих стали раскрашенными, как у кукол, розовые и белые пятна ртов двигались и двигались, выдувая хрупкие пузыри слов. Кейс посмотрел на Кэт и увидел каждую пору загорелой кожи, пустые стеклянные глаза, едва намечающуюся тяжеловесность фигуры, мельчайшую асимметрию грудей, ключиц и… где-то в глубине глаз, за ними, полыхнуло белым.

Он сбросил ее руку, отпихнул кого-то с дороги и рванулся к выходу.

– Ну и хер с тобой! – заорала вслед ему Кэт. – Да маздала я таких сраных козлов!

Ноги были словно чужие. Шатаясь из стороны в сторону, он шел на них, как на ходулях, по брусчатке рю Жюль Верн, в ушах глухо шумела кровь, голову рассекали острые полотнища света.

Затем он застыл, выпрямился, плотно прижал кулаки к бедрам, запрокинул голову, а губы скривились и затряслись. И пока Кейс разглядывал фрисайдовский Зодиак Неудачника, пародийные созвездия задвигались, потекли по темной оси, тесно

сбились в самом центре реальности. Они ползали и копошились, поодиночке и целыми стаями, пока не образовали портрет, запредельным белым по запредельно черному, звездами по ночному небу. На Кейса смотрело лицо мисс Линды Ли.

Когда он смог оторвать взгляд, опустить глаза, то обнаружил, что все лица на улице смотрят вверх и прохожие притихли от удивления. А когда иллюминация на небе погасла, по рю Жюль Верн прокатились восторженные крики, эхом отразившиеся от террас и балконов.

Где-то начал бить колокол старинных, привезенных из Европы часов.

Полночь.

* * *

Он бродил до самого утра.

Возбуждение прошло, хромированный скелет быстро ржавел, тело утратило прозрачную призрачность, наркотическая плоть заменилась обыденным мясом. Голова не работала. Это ему очень нравилось – оставаться в сознании и не думать. Он словно становился каждым предметом, который видел: садовой скамейкой, облачком ночных мотыльков вокруг старинного уличного фонаря, черно-желтым, в косую полоску, роботом-садовником.

Вдоль системы Ладо-Ачесон полз огненно-розовый рассвет. Кейс загнал себя в кафе, съел омлет, попил воды и выкурил последнюю в пачке сигарету. На крыше «Интерконтиненталя» любители раннего завтрака уже сидели под полосатыми зонтиками, сосредоточенно потребляя кофе с круассанами.

Ярость так никуда и не делась. «Странно, – подумал Кейс, – это похоже, как если тебя оглушат в темном переулке, а ты потом очухаешься, сунешь руку в карман, а бумажник – вот он, на месте, цел-целехонек». Он согревался этим чувством, не имея душевных сил дать ему имя или определить его объект.

Кейс спустился на лифте и нащупал в кармане кредитный чип Фрисайда, заменявший ключ. Хотелось спать, мысль о близком сне немного успокаивала. Лечь на песочного цвета матрас и провалиться в ничто.

Вся эта троица ждала его в номере: безупречно белые спортивные костюмы и трафаретный загар резко диссонировали с претенциозной мебелью – чужеродные кляксы на светлом дереве и домотканых драпировках. Девушка оккупировала плетеный диванчик, рядом с ней, на подушке с флоральным орнаментом,

лежал пистолет.

– Тьюринг, – сказала она. – Вы арестованы.

Часть четвертая
Рейд на виллу «Блуждающий огонек»

13

– Вы – Генри Дорсет Кейс.

Далее последовали год и место рождения, единый идентификационный номер в СОБА и вереница каких-то имен. Кейс не сразу и понял, что все это – прошлые его псевдонимы. Господи, да неужели их так много?

– Вы что, давно уже здесь сидите?

Кейс увидел, что содержимое его сумки разложено на кровати, грязная одежда и та рассортирована. Сюрикэн лежал отдельно, между джинсами и бельем.

– Где Колодны?

Парни сидели на кушетке, одинаково скрестив руки на груди, на одинаково загорелых шеях – одинаковые золотые цепочки. Теперь, с близкого расстояния, было видно, что вся их юношеская свежесть – подделка, и даже не очень тщательная: вот, скажем, с кожей на костяшках пальцев хирург не справился.

– Что такое Колодны?

– Фамилия, под которой она зарегистрировалась. Так где же ваша напарница?

– Не знаю. – Кейс подошел к бару и налил себе стакан минеральной воды. – Съехала.

– Где вы были ночью?

Словно между прочим, девица подобрала с подушки пистолет и переложила его на бедро. Слава богу, хоть направлять на него не стала.

– На рю Жюль Верн, посидел в барах, малость кайфанул. А вы?

Колени вот-вот подломятся. А минералка – теплая и противная.

– Похоже, вы не очень понимаете свое положение, – вмешался один из парней, тот, что слева, извлекая из кармана белой в дырочку футболки пачку «Житан». – Вы, мистер Кейс, влипли. Соучастие в заговоре, направленном на усиление искусственного разума. – (Из того же кармана появился золотой «данхилл».) – Личность, известная вам под именем Армитидж, уже арестована.

– Корто?

Глаза полицейского удивленно расширились.

– Да. Откуда вы знаете его настоящее имя?

Зажигалка выкинула крошечный язычок пламени.

– Не помню, – ответил Кейс.

– Вспомнишь! – пообещала девица.

* * *

Троица представилась как Мишель, Ролан и Пьер; настоящие это имена или оперативные клички, можно было только догадываться. Пьеру выпала роль «злого следователя», Ролан разыгрывал сочувствие, оказывал мелкие любезности – принес, например, пачку «Ехэюань», когда Кейс отказался от «Житана», изо всех сил подчеркивая, что совершенно не разделяет холодной враждебности Пьера. Мишель же, решил Кейс, будет следить за ходом допроса с высокомерной отстраненностью, лишь изредка вмешиваясь в его ход. Не было никаких сомнений, что кто-нибудь из них – а может быть, и все трое – вел аудио-, а скорее всего, даже симстим-запись, и, таким образом, все сказанное в их присутствии становилось уликой. «Уликой чего?» – спрашивал себя Кейс, с тоской ощущая, что наваливается отходняк.

Зная, что арестованный не понимает по-французски, они переговаривались совершенно свободно. Или так только казалось. Кое-что Кейс уловил: имена и названия – Поли, Армитидж, «Сенснет», Дикие Коты – выступали из текучего моря французской речи, как вершины айсбергов. Нельзя исключить, что имена эти произносились специально для него. Молли упоминалась только по фамилии Колодны.

– Так вы утверждаете, что вас наняли для рейда, – неторопливая речь Ролана с прямо-таки липкой назойливостью подчеркивала его рассудительность, – и что вы не знаете, с какого рода объектом будете иметь дело. А вам не кажется, что это несколько странно? Сможете ли вы в таком случае выполнить необходимую операцию после преодоления защитной системы объекта? Ведь вы же должны исполнить некую функцию, верно?

Ролан склонился вперед, уперся локтями в загорелые колени и приготовился выслушивать объяснения Кейса. Пьер мерил шагами комнату: от окна к двери и обратно. Кейс решил, что запись ведет Мишель. Ее глаза следили за ним непрерывно.

– Можно мне одеться?

Чтобы обследовать швы джинсов, Пьер заставил Кейса раздеться. Теперь Кейс сидел на плетеной скамеечке голый и остро ощущал непристойную белизну недокрашенной ступни.

Ролан что-то сказал по-французски.

– *Non,* – рассеянно бросил Пьер (что это он за окном

высматривает? да еще в бинокль?).

Ролан пожал плечами, а затем поднял брови и развел руками. Кейс решил, что самое время улыбнуться. «Прямо как по учебнику», – подумал он, глядя на ответную улыбку Ролана.

– Послушайте, – сказал он, – мне плохо. Я принял в баре какую-то жуткую дурь, понимаете? Я хочу лечь. Я от вас никуда не денусь. Вы говорите, что Армитидж тоже арестован. Вот его и спрашивайте. Я же на подхвате, что я там знаю.

Ролан кивнул:

– А Колодны?

– Она уже работала с Армитиджем, еще до меня. Она просто охранница, самурай. Насколько мне известно. А что там мне известно?

– Но вы знаете, что настоящее имя Армитиджа – Корто, – заметил Пьер, не отрывая глаз от бинокля. – Откуда?

– Не помню, – равнодушно пожал плечами Кейс. – Вроде он сам сказал. – («Вот же черт за язык дернул!») – У всех несколько имен. А вас правда зовут Пьер?

– Нам известно, на каких условиях вас лечили в Тибе, – заговорила долго молчавшая Мишель, – и это, пожалуй, первая ошибка Уинтермьюта. – (Кейс изобразил на лице полное недоумение. Имя Уинтермьюта раньше не упоминалось.) – На основе использованной при вашем лечении методики владелец клиники получил семь базовых патентов. Вы понимаете, что это значит?

– Нет.

– А то, что хирург из подпольной клиники в Тиба-Сити владеет теперь контрольными пакетами трех крупных медицинских исследовательских консорциумов. Не совсем обычный поворот событий. Это сразу привлекло наше внимание.

Мишель скрестила загорелые руки на маленьких острых грудях и откинулась на пеструю подушку. Сколько же ей лет-то? Говорят, возраст безошибочно читается по глазам, однако Кейс никогда не понимал, что там можно прочитать. Из-за розового кварца очков Жюли Дина глядели бесхитростные глаза десятилетнего ребенка. Ничто, кроме костяшек пальцев, не выдавало возраста Мишель.

– Мы проследили за вами до Муравейника, затем потеряли и снова обнаружили, когда вы покидали Стамбул. От этого момента мы пошли назад и выяснили, что именно вы спровоцировали панику в «Сенснете». После этого корпорация обеспечила нам всю возможную помощь. Они провели у себя инвентаризацию, в ходе которой обнаружили, что пропал конструкт личности Маккоя Поли.

– В Стамбуле, – почти извиняясь, добавил Ролан, – все было совсем просто. Эта женщина подпортила отношения Армитиджа с секретной полицией.

– А затем вы появились здесь, – сказал Пьер, опуская бинокль в карман рубашки. – Мы очень обрадовались.

– Возможности позагорать?

– Вы прекрасно понимаете, что мы имеем в виду, – сказала Мишель. – А будете притворяться дурачком – только усложните свое положение. Вопрос об экстрадиции решен еще не до конца. Вы поедете с нами, так же как и Армитидж. Но вот куда мы направимся? В Швейцарию, где вы окажетесь просто мелкой сошкой в суде над искусственным интеллектом? Или в СОБА, где можно доказать, что вы участвовали не только во взломе и ограблении банков данных, но также и в провоцировании общественных беспорядков, которые стоили четырнадцати невинных жизней? Так что выбирайте.

Кейс вытянул из пачки сигарету, Пьер услужливо щелкнул золотым «данхиллом».

– И станет ли Армитидж вас покрывать?

Вопрос прозвучал одновременно с клацаньем закрываемой зажигалки. Голова Кейса раскалывалась, лицо Пьера плыло и корежилось, словно отраженное в грязной луже.

– Сколько вам лет, босс?

– Достаточно, чтобы понять: ты спекся, попал в глубокую задницу и теперь прямиком гремишь за решетку.

– Айн момент, – сказал Кейс и затянулся. А затем выпустил в лицо тьюринг-копа струю дыма. – А как у вас, крутые вы ребята, с полномочиями? Не следовало ли вам пригласить на эту дружескую беседу службу безопасности Фрисайда? Тут же вроде их территория, верно?

Худое мальчишеское лицо помрачнело, темные глаза сузились, Кейс напрягся в ожидании удара, но Пьер только пожал плечами.

– Это не важно, – вмешался Ролан. – Ты поедешь с нами. Нам не привыкать к неопределенности законов. Договоры, согласно которым работает наш отдел, гарантируют нам большую гибкость. Да и сами мы *проявляем* гибкость, если этого требует ситуация.

Маска дружелюбия внезапно исчезла, теперь глаза Ролана стали такими же жесткими, как у Пьера.

– Ты хуже, чем просто дурак. – Мишель встала, по-прежнему сжимая в руке пистолет. – Тебе плевать на судьбу человечества. Тысячи лет люди мечтали о договоре с дьяволом. И только сейчас это стало возможным. Ну и сколько же тебе заплатят? За какую

цену согласился ты помочь этой твари освободиться и вырасти? – В ее голосе звучала всепонимающая усталость, невозможная в девятнадцатилетней девушке. – Одевайся. Ты поедешь с нами. Ты и этот тип, которого ты называешь Армитиджем, вернетесь с нами в Женеву, чтобы дать показания в суде над искусственным интеллектом. Иначе мы тебя убьем. Прямо сейчас. – Мишель вскинула пистолет – блестящий черный «вальтер» со встроенным глушителем.

– Одеваюсь, одеваюсь, – пробормотал Кейс и заковылял к кровати.

Ноги так и остались ватными, неуклюжими. Господи, да неужели в этом барахле не осталось ни одной чистой майки?

– Тут рядом наш корабль. Мы сотрем конструкт Поли импульсным излучателем.

– «Сенснет» будет в экстазе, – сказал Кейс.

«А заодно сотрете и все улики, находящиеся в памяти „Хосаки“, – подумал он. – А других у вас нет».

– Ничего подобного. Это только избавит их от обвинения в изготовлении и хранении этой штуки.

Кейс натянул через голову рубашку. Увидел на кровати сюрикэн, безжизненный кусок металла, свою звезду. Он поискал в себе недавнюю ярость, но ярость эта куда-то пропала. Самое время поднимать лапки, плыть по течению… А тут еще эти капсулы с ядом…

– Опять мясо, – пробормотал он.

В лифте Кейс подумал о Молли. Она, наверное, уже в «Блуждающем огоньке». Гоняется за Ривьерой. А за ней самой гоняется Хидэо – тот самый, по-видимому клонированный, ниндзя. Из байки Финна, тот, что приходил за говорящей головой.

Кейс прислонился лбом к матово-черному пластику стенной панели и закрыл глаза. Конечности казались старыми кривыми деревяшками, разбухшими после дождя.

Под яркими зонтиками среди деревьев подавали ланч. Ролан и Мишель вернулись к прежней своей роли и весело заговорили по-французски. Пьер чуть отстал. Мишель, скрыв оружие под переброшенной через руку белой парусиновой курткой, упирала ствол пистолета Кейсу в ребра.

На лугу, петляя между столиками и деревьями, Кейс гадал, решится ли Мишель стрелять, если он возьмет вот сейчас да и упадет от усталости. По краям поля зрения дрожали какие-то черные лохмы. Кейс посмотрел на раскаленную добела полосу системы Ладо-Ачесон и увидел, как на фоне искусственного неба грациозно порхает огромная бабочка.

Луг кончался крутым обрывом; там, за ограждением, теплый воздух, поднимающийся от Дезидераты, шевелил траву и головки полевых цветов. Мишель отбросила с глаз прядь коротких темных волос, показала пальцем вдаль и сказала что-то Ролану. По-французски. Ее голос звенел неподдельным счастьем. Кейс взглянул, что это она там показывает, и увидел изгибы искусственных озер, белое сверкание казино, бирюзовые прямоугольники сотен бассейнов, тела купальщиков – крошечные бронзовые иероглифы; все это держалось на искривленном корпусе Фрисайда благодаря искусственной гравитации.

Они прошли вдоль ограждения к изящному железному мостику, перекинутому через Дезидерату. Мишель подгоняла Кейса стволом «вальтера».

– Полегче, я быстрее просто не могу.

Грациозная бабочка спикировала в тот самый момент, когда они подходили к середине моста, спикировала с выключенным электродвигателем, абсолютно бесшумно, никто ничего и не заподозрил, пока черный углеволоконный пропеллер не снес Пьеру верхушку черепа.

На мгновение все потемнело – самолетик заслонил ладо-ачесоновское солнце; Кейс почувствовал на затылке горячие брызги крови, а затем кто-то сбил его с ног. Кейс перекатился и увидел, что Мишель лежит на спине, подтянув колени к груди, и двумя руками целится из «вальтера». «Зря стараешься», – с неправдоподобной ясностью пронеслось в голове. Она пыталась сбить хищное механическое насекомое.

А потом Кейс побежал. Достигнув первого дерева, он оглянулся и увидел несущегося следом Ролана. Еще он увидел, как хрупкий биплан снес железные перила моста, смялся в гармошку, перевернулся и рухнул в ущелье Дезидераты, увлекая за собой девушку.

Ролан даже не оглянулся. Белое лицо окаменело, зубы оскалились. Он что-то держал в руке.

Ролана убил садовый робот. Он упал на француза из аккуратно подстриженной кроны того же самого дерева – черно-желтый, в косую полоску, краб.

– Ты их убил, – задыхаясь от быстрого бега, бормотал Кейс. – Что ж ты, паскуда, делаешь, ты же всех их убил…

14

Небольшой состав мчался по туннелю со скоростью восемьдесят километров в час. Кейс сидел с закрытыми глазами. Душ помог прийти в себя, но от вида розовой от крови Пьера

воды, текущей по белому кафельному полу, его вытошнило – вытошнило подчистую, до желчи.

По мере сужения веретена тяготение слабело. Живот Кейса негодующе бурчал.

На пристани его ждал Аэрол со скутером:

– Кейс, у нас тут заморочки.

Голос в наушниках тихий, еле слышный. Кейс нажал подбородком на регулятор, прибавил громкость и всмотрелся в лицо Аэрола, скрытое лексановым забралом.

– Мне нужно попасть на «Гарви».

– Ладно. Пристегнись, брат. Только «Гарви» в плену. Вернулась яхта, та, которая приходила раньше. Она намертво заблокировала «Маркуса Гарви».

Тьюринг?

– Что значит «приходила раньше»?

Кейс забрался на скутер и начал пристегивать ремни.

– Да японская яхта. Привозила тебе посылку…

Армитидж.

* * *

При виде «Маркуса Гарви» в голове у Кейса завертелись беспорядочные образы ос и пауков. Маленький буксировщик прильнул к серой груди изящного насекомоподобного корабля, в пять раз превышавшего его длиной. В ослепительном, не смягченном никакой атмосферой свете солнца с неправдоподобной отчетливостью вырисовывались клешни захватов, вцепившихся в латаный-перелатаный корпус «Гарви». Светлый гофрированный шлюз благоразумно огибал двигатели буксировщика и присоединялся к кормовому люку. Во всей этой конструкции было нечто непристойное, хотя она и навевала мысли скорее о кормлении, нежели о сексе.

– А что с Мэлкомом?

– С Мэлкомом все прекрасно. По трубе никто не ходил. Пилот яхты только поговорил с ним. Отдохни, говорит.

Когда они огибали серый корабль, Кейс прочитал под вытянутой гроздью японских иероглифов большие ярко-белые буквы: «ХАНИВА».[19]

– Что-то мне это не нравится. Сваливать надо отсюда, и чем скорее, тем лучше.

– Мэлком говорит то же самое, но вот «Гарви», он далеко не уйдет.

* * *

Пройдя передний шлюз и сняв шлем, Кейс услышал пулеметные очереди сионитского жаргона – Мэлком говорил с кем-то по радио.

– Аэрол вернулся на «Рокер», – сказал Кейс.

Мэлком скосил глаза и кивнул, даже не запнувшись в очередной фразе.

Перепутанные дреды пилота торчали вверх, напоминая то ли змей на голове горгоны Медузы, то ли какие-то диковинные водоросли; Кейс осторожно проскользнул над этими зарослями и начал снимать скафандр. На Мэлкоме красовались ярко-оранжевые наушники, он прикрыл глаза и сосредоточенно наморщил лоб, вслушиваясь в голос собеседника и утвердительно кивая. Одежда праведного пилота состояла из драных джинсов и старой зеленой нейлоновой куртки с оторванными рукавами. Кейс запихнул красный скафандр «Саньо» в грузовой гамак и забрался в страховочную сетку.

– Слышь, что дух говорит, – сказал Мэлком. – Компьютер только и знает, что тебя спрашивает.

– А кто там, на яхте?

– Тот же японец, что раньше. А теперь с ним еще и этот твой мистер Армитидж, прилетел с Фрисайда…

Кейс надел дерматроды и вошел в киберпространство.

* * *

– Дикси?

Матрица предстала перед ним в виде розовых сфер сталеплавильного комбината в Сиккиме.

– Что это ты там чудишь? До меня доходят жуткие истории. Память «Хосаки» один к одному скопирована в машину, стоящую на борту яхты твоего босса. Чистый атас. На тебе что, тьюринги повисли?

– Да, но Уинтермьют их убил.

– Только не надейся на долгую передышку. Их же как собак нерезаных. Прибегут как миленькие, и не втроем, а целой шоблой. Зуб даю, все их деки слетелись сейчас на наш сектор решетки, как мухи на теплое дерьмо. А твой драгоценный начальничек приказывает начинать. Давайте, говорит, и сейчас же.

Кейс набрал координаты Фрисайда.

– Ну-ка, Кейс, отодвинься на секунду…

Матрица расплылась и снова замерла; скорость и точность, с которыми Флэтлайн провел сложнейшую серию переходов, вызвали у Кейса дрожь зависти.

– Ни хрена себе…

– Не забывай, старик, я же классно работал при жизни. Пальцы так мелькали, что глазами не уследишь!

– Вот это, что ли? Слева большой зеленый прямоугольник.

– Верно сечешь. Ядро банка данных корпорации «Тессье-Эшпул СА», а лед ихний создан двумя дружественными ИскИнами. Думаю, ничем не хуже любого армейского. Адский лед, Кейс, черный как могила, гладкий как стекло. И оглянуться не успеешь, как он поджарит мозги. А если мы приблизимся чуть поближе, он засунет нам трассеры в жопу и по штуке за каждое ухо, так что совет директоров Тессье-Эшпулов будет знать и размер твоей обуви, и длину твоей письки.

– У меня на это вообще не стоит, а тут еще тьюринги. Слушай, а может, лучше отвалить? Возьму тебя с собой…

– Ты что? Без балды? Не хочешь даже посмотреть, что может эта китайская программа?

– Ну, в общем-то… – Кейс окинул взглядом зеленые стены тессье-эшпуловского льда. – Ладно, хрен с ним. Поехали.

– Вставляй кассету.

– Эй, Мэлком, – сказал Кейс, выйдя из матрицы, – я просижу с дерматродами на голове часов, наверное, восемь подряд.

Мэлком снова курил. Кабина утопала в клубах дыма.

– Я не смогу ходить в гальюн…

– О чем разговор.

Сионит сделал сальто вперед, порылся в сетчатой, на молнии сумке и достал оттуда длинную, свернутую в бухту прозрачную трубку, присоединенную к какой-то штуке, запечатанной в стерильный пузырь.

Устройство это, именовавшееся техасским катетером, Кейсу совершенно не понравилось.

Кейс вставил в прорезь кассету с китайским вирусом, немного посидел, вздохнул и дожал ее до упора.

– О'кей, – сказал он, – все готово. Послушай, Мэлком, если что-нибудь будет не так, возьми меня за левое запястье. Я почувствую. А еще я надеюсь, ты выполнишь все, что тебе скажет «Хосака», ладно?

– Будь спок, брат. – Мэлком запалил свежий косяк.

– И прибавь вытяжку. Не хочу, чтобы это дерьмо действовало на мои нейротрансмиттеры. У меня и так отходняк.

Мэлком ухмыльнулся.

– В пуп и в гроб, – простонал Флэтлайн. – Ты только

посмотри.

Вокруг них разворачивался китайский вирус. Многоцветная тень, неустанное движение бессчетных полупрозрачных завес. Он вздымался над ними, заслоняя горизонты киберпространства, необъятно огромный, каждую секунду – другой.

– Здоровая свистюлина, – одобрил Флэтлайн.

– Посмотрю, как там Молли, – объявил Кейс и щелкнул симстим-переключателем.

* * *

Невесомость. Ощущение – будто ныряешь в абсолютно прозрачной воде. Молли «плыла» по широкой трубе из ребристого лунного бетона, освещенной через каждые два метра белыми неоновыми кольцами.

Связь была односторонняя. Говорить с ней Кейс не мог.

Он вернулся в киберпространство.

* * *

– Да, старик, программка – зашибись. Величайший, после хлеба в нарезке, плод гения человеческого. Эта хрень, она же – *невидимая.* Я только что посидел секунд двадцать на той маленькой розовой коробочке в четырех кликах от тессье-эшпуловского льда, посмотрел, как мы выглядим со стороны. А никак. Нету нас здесь.

Кейс отыскал взглядом упомянутую розовую конструкцию, стандартный коммерческий блок, и осторожно к ней приблизился.

– Может, она бракованная, программка-то.

– Может, но вряд ли. От нашей красавицы за километр несет военными разработками. И она новехонькая, только что из магазина. И никто ее не видит. Если бы нас заметили, посчитали бы за китайских диверсантов, но никто и в ус не дует. Возможно, даже обитатели «Блуждающего огонька».

Кейс посмотрел на гладкую стену, прикрывавшую «Блуждающий огонек».

– Ну что ж, – сказал он, – тоже ведь плюс, верно?

– Возможно. – (Кейс болезненно сморщился от запредельного холода в позвоночнике – конструкт снова смеялся.) – Я тут проверил, «Куан-одиннадцатый» никогда не укусит за пятку – если ты, конечно, его хозяин. Парень очень вежливый, будто и

впрямь китаец. Всегда готов помочь, к тому же вполне прилично изъясняется по-английски. Ты слышал о медленных вирусах?

– Нет.

– А я как-то слышал. Правда, в самых общих чертах, когда идея только возникла. Но как раз они-то и характеризуют «Куана». Тут не какое-нибудь там сунул-вынул и бежать, а скорее взаимодействие со льдом, настолько медленное, что он его не ощущает. Фронт логической системы «Куана» вроде как прилипает к атакуемому объекту, а затем подключаемся мы, и основная программа начинает крутить вензеля вокруг логики льда. Мы срастаемся с ним как сиамские близнецы, а система ничего даже не подозревает. – Флэтлайн снова рассмеялся.

– Уж больно ты сегодня развеселился. Понимаешь, этот твой смех вроде как раздирает мне позвоночник.

– Весьма сочувствую, – сказал Флэтлайн, – но нам, покойникам, просто необходимо смеяться. Для повышения жизненного тонуса.

Кейс щелкнул симстим-переключателем.

* * *

И очутился среди спутанного металла и запаха пыли, а подушечки ладоней скользили по глянцевой бумаге. Позади что-то с шумом рухнуло.

– Да ты успокойся, – сказал Финн. – Расслабься.

Кейс лежал враскорячку на куче пожелтевших журналов, а вокруг во мраке «Метро голографикс» светилась галактика белозубых девичьих улыбок. Кейс вдыхал запах старых журналов и ждал, пока не успокоится сердце.

– Уинтермьют! – сказал он.

– Да, – послышался сзади голос Финна. – В самую точку.

– Иди ты на хрен! – Кейс сел и потер запястья.

– Не булькай, – сказал Финн, появляясь из чего-то вроде ниши в нагромождении хлама. – Так ведь для тебя удобнее. – Он достал из кармана пиджака пачку «Партагас» и закурил; мастерскую наполнил удушливый дым кубинского табака. – А ты бы хотел, чтобы я являлся тебе на склонах матричных гор в облике горящего тернового куста? Не волнуйся, за время твоего отсутствия там ничего не случится. Час здесь займет всего пару секунд реального времени.

– А ты никогда не задумывался, что твои появления в виде знакомых людей действуют мне на нервы? – Кейс встал, стряхнул с черных джинсов пыль, оглянулся на грязные окна и закрытую

наружную дверь. – А там что? Нью-Йорк? Или больше ничего?

– Ну-у, – протянул Финн, – это вроде как с тем деревом. Упало в лесу, где его никто не слышал. Так трещало оно или нет? – Он широко усмехнулся, продемонстрировав огромные, желтые от никотина передние зубы, и снова затянулся. – Иди прогуляйся, если хочешь. Все на месте. Во всяком случае – все, что ты когда-нибудь видел. Это воспоминания, понятно? Я выкачал их из тебя, перетасовал и запустил обратно.

– У меня не настолько хорошая память.

Кейс огляделся. Затем посмотрел на свои руки, попытался вспомнить, как должны выглядеть линии на ладонях, но не сумел.

– У всех хорошая память. – Финн бросил окурок и раздавил его каблуком. – Только не все умеют ею пользоваться. Художники – те умеют, особенно хорошие. Если ты сравнишь окружающее с настоящей мастерской Финна в южной части Манхэттена, отличия, конечно же, будут, но не такие большие, как можно бы ожидать. Твоя память голографична. – Финн подергал себя за ухо. – В отличие от моей.

– А что это значит – голографична? – Он вспомнил о Ривьере.

– Голографическая парадигма – лучшее, что придумали люди для описания структуры своей памяти. Но вы так и не сумели ее толком использовать. – Финн шагнул вперед, склонил набок аэродинамически совершенную голову и внимательно посмотрел на Кейса. – В противном случае меня бы, скорее всего, не было.

– Что ты хочешь сказать?

– Я хочу тебе помочь, – пожал плечами Финн. Обтрепанный твидовый пиджак, слишком для него широкий, косо обвис.

– Зачем?

– Потому что ты нужен мне. – Снова показались большие желтые зубы. – А я нужен тебе.

– Дерьмо собачье. Ты можешь читать мои мысли, Финн? То есть, – Кейс болезненно поморщился, – Уинтермьют.

– Мысли невозможно *читать*. Даже интересно, ты почти не умеешь читать и все равно пользуешься ветхой парадигмой печатного текста. Я могу извлечь содержимое твоей памяти, но ведь это – не мысли. – Финн сунул руку в оголенный каркас древнего телевизора и вытащил серебристо-черную радиолампу. – Видишь? Элемент моей ДНК, ну не совсем, но вроде…

Он бросил лампу в угол, раздался негромкий хлопок и звон.

– Вы всегда строите модели. Каменные круги. Соборы. Стоящие в этих соборах органы. Арифмометры. Ты можешь себе представить, что я не знаю, почему нахожусь здесь? Но если сегодняшний рейд закончится удачно, вы получите то, к чему стремились все это время.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

– «Вы» – это вы все вместе. Род человеческий.

– Ты убил тьюрингов.

– Пришлось, – пожал плечами Финн. – Некуда было деться. Да и вообще, чего ты так разохался, они-то прикончили бы тебя и глазом бы не моргнули. Как бы то ни было, я вытащил тебя сюда, и нам нужно поговорить. Узнаешь?

В его руке появилось обгорелое осиное гнездо из сна Кейса, полутемную мастерскую наполнила вонь керосина. Кейс попятился и прижался спиной к залежам хлама.

– Да. Моя работа. Я использовал голографический проектор гостиничного окна. Один из образов, списанных из твоей памяти, пока ты был в отключке. Знаешь, почему гнездо так важно?

Кейс помотал головой.

– Потому… – (гнездо куда-то исчезло), – что оно наилучшая метафора того, чем хотели бы быть Тессье-Эшпулы. Замени только ос на людей. «Блуждающий огонек» – нечто вроде этого гнезда, по крайней мере так было задумано. Думаю, это улучшит твое настроение.

– Улучшит?

– Конечно, ведь теперь ты знаешь, *что* они такое. А то ты уже начал ненавидеть меня. Оно, конечно, неплохо, но ты перенеси лучше свою ненависть на них. В них тоже нет ничего человеческого.

– Послушай, – Кейс шагнул вперед, – они не сделали мне ничего плохого. А ты – другое дело… – Но чувство гнева не возникало.

– Так вот, меня создали Тессье-Эшпулы. Эта французская девочка, она сказала, что ты предал человечество. Дьяволу, так она меня назвала. – Финн ухмыльнулся. – В общем, не важно. Пока мы работаем, ты должен кого-нибудь ненавидеть. – Он развернулся и шагнул вглубь мастерской. – Ладно, иди сюда, я покажу тебе «Блуждающий огонек». – Финн поднял уголок одеяла, оттуда хлынул яркий свет. – Кой хрен, да что ты там как неживой?

Кейс нерешительно подошел.

– Вот и прекрасно, – сказал Финн, хватая его за локоть.

Облачко пыли, запах лежалой шерсти, а потом сразу – невесомость, цилиндрический коридор из рифленого лунного бетона, освещенный через каждые два метра белыми неоновыми кольцами.

– Мамочки, – пробормотал Кейс.

– Это центральный вход, – пояснил Финн; сейчас его пиджак выглядел особенно нелепо. – В реальности на месте моей

мастерской находятся главные ворота, они наверху, у самой оси Фрисайда. Подробностей будет мало, потому что у тебя нет воспоминаний. За исключением этого коридора, который ты видел при помощи Молли…

Кейс старался лететь прямо, но его стало закручивать по пологой спирали.

– Держись, – подбодрил Финн, – я сделаю быструю перемотку.

Стены расплылись. Появилось головокружительное ощущение стремительного полета, мелькали цвета, Кейс и Финн огибали углы и неслись по узким коридорам. Судя по всему, в одном месте они прошли сквозь мощную, в несколько метров толщиной, стену – мгновенная вспышка кромешной мглы.

– Здесь, – объявил Финн. – Прибыли.

Они плавали в центре квадратной комнаты. Стены и потолок облицованы темным деревом. Кристаллически поблескивает квадратный ковер; выполненный синей и алой шерстью орнамент повторяет структуру какой-то микросхемы. В самом центре комнаты – квадратный пьедестал из молочно-белого стекла, точно выравненный по сторонам ковра, а на нем…

– Вилла «Блуждающий огонек», – мелодично заговорила голова, – это прихотливый каприз, тело, проросшее внутрь самого себя, готический замок. Каждое помещение этой виллы – тайный склеп, каждый коридор – тайный ход. Бесконечный ряд комнат и залов, соединенных переходами и лестницами, змеящимися подобно исполинскому кишечнику, крутые повороты, в которых бессильно запутывается взгляд, расписные перегородки и ширмы, пустые альковы…

– Сочинение три-Джейн, – сказал Финн, вытаскивая свои «Партагас». – Девица написала его в двенадцатилетнем возрасте. Когда изучала семиотику.

– Архитекторы Фрисайда приложили максимум стараний, скрывая тот факт, что интерьер веретена организован с пошлой точностью меблировки гостиничного номера. В «Блуждающем огоньке» же внутренние поверхности веретена покрыты фантастическими зарослями структур, формы текут, переплетаются и сливаются, сходясь к незыблемому микроэлектронному ядру, корпоративному сердцу нашего клана, кремниевому цилиндру, пронизанному узкими – иногда не толще человеческой руки – эксплуатационными каналами. В этих каналах живут блестящие крабы – миниатюрные роботы, ежесекундно готовые исправить случайную неполадку, встать на пути преднамеренного вредительства.

– Ты ее видел в ресторане, – напомнил Финн.

– По меркам архипелага, – продолжила голова, – мы старая семья, и причудливость архитектуры нашего дома отражает наш возраст. Но она отражает и нечто другое. Семиотика виллы выдает стремление внутрь и отрицание сияющей бездны, пребывающей – если небытие может пребывать – где-то там, за оболочкой веретена… Тессье и Эшпул поднялись по гравитационному колодцу – и возненавидели космос. Они построили Фрисайд, чтобы выкачивать деньги из новых островов, стали богатыми и эксцентричными и начали строить продолжение своего тела, «Блуждающий огонек». Мы спрятались за своими деньгами и стали расти внутрь, создавая собственную, непроницаемую извне, вселенную… На вилле «Блуждающий огонек» нет неба – ни искусственного, ни какого-либо еще… В кремниевом ядре виллы есть небольшая комната, единственное на весь комплекс помещение с прямыми углами. Здесь, на простом стеклянном пьедестале, установлен расписной – перегородчатая эмаль по платине – бюст, инкрустированный ляпис-лазурью и жемчугом. Сверкающие шарики его глаз вырезаны из искусственного рубина – одного из иллюминаторов того самого корабля, который вывел в космос первого Тессье, а затем вернулся за первой Эшпул… – Голова замолчала.

– Ну и?.. – спросил Кейс, почти ожидая, что голова ответит.

– Конец, – сказал Финн. – Точнее говоря, она не закончила сочинение. Маленькая была, непоседливая. А эта хреновина – нечто вроде ритуального терминала. Мне нужно, чтобы Молли сказала здесь в нужный момент нужное слово. Тут-то и вся закавыка. Если голова не услышит волшебного слова, тогда один хрен, как далеко вы с Флэтлайном заведете китайский вирус.

– И какое же это слово?

– Не знаю. Можно сказать, что моя сущность тем и определена, что я не знаю потому, что я *не могу* знать. Аз есмь тот, иже не ведает слова. И даже если бы ты его знал и сказал мне, я бы *не смог* узнать. Это предохранитель, встроенный в мою постоянную память. Кто-то посторонний должен узнать это слово и произнести его перед головой в тот момент, когда вы с Флэтлайном проломитесь сквозь лед и войдете в ядро системы.

– И что потом?

– Потом я перестану быть. Исчезну.

– Для такой радости можно и постараться, – заметил Кейс.

– Конечно. Только ты, Кейс, поосторожнее. Похоже, моему, ну скажем, другому полушарию не слишком все это по нутру. А ведь что одна неопалимая купина, что другая, их не очень-то и различишь. Вдобавок Армитидж начинает рассыпаться.

– В каком смысле?

Но тут комната с деревянными панелями смялась, бумажным журавликом сложилась под десятком невозможных углов и выпала, кувыркаясь, в киберпространство.

15

– Ты что, сынок, хочешь побить мой рекорд? – спросил Флэтлайн. – Снова пять секунд отключки.

– Следи за лавкой, – пробормотал Кейс и щелкнул симстим-переключателем.

Темнота, Молли низко припала к полу, под ладонями – грубый, шершавый бетон.

«КЕЙС КЕЙС КЕЙС КЕЙС» – замигало на цифровом дисплее: Уинтермьют сообщал ей, что связь установлена.

– Веселенькие дела, – проворчала Молли. Она оторвала ладони от бетона, потерла их одну о другую и щелкнула костяшками пальцев. – Где тебя черти носили?

«ПОРА МОЛЛИ ТЕПЕРЬ ПОРА».

Молли сильно прижала язык к нижним передним зубам.

Один зуб чуть качнулся, включились миниатюрные фотоумножители, отдельные случайные фотоны, пролетающие в темноте, превратились в ощутимые потоки электронов, и бетон вокруг стал призрачно-белым, зернистым.

– О'кей, красавчик. Пошли развлекаться.

Ее убежище оказалось чем-то вроде вспомогательного туннеля. Молли проскользнула между прутьями фигурной, потемневшей от времени бронзовой решетки. На ней снова был мимикрирующий комбинезон – в какой-то момент Кейс заметил краешек рукава. Под поликарбоновым пластиком ощущалась знакомая упругость плотно облегающей тело кожи. Левое плечо оттягивал ремешок с каким-то тяжелым угловатым предметом. Молли встала, расстегнула костюм и потрогала рифленую рукоятку пистолета.

– Кейс, – сказала она почти беззвучно, – ты меня слышишь? Я тут хочу тебе рассказать… Был у меня когда-то парень… Ты мне немного напомнил… – Молли свернула за угол, на секунду остановилась и осмотрелась. – Джонни, так его звали.

Вдоль низкой сводчатой галереи стояли десятки музейных стендов, попросту говоря – деревянных, застекленных спереди ящиков. Допотопные эти сооружения выглядели здесь совершенно неуместно – будто их принесли сюда для какой-то неведомой цели и забыли. Через каждые десять метров висели столь же архаичные светильники – тусклая латунь с белыми матовыми шарами. Поверхность под ногами стала какая-то неровная;

прошло некоторое время, пока Кейс не сообразил, что это из-за бесчисленных, без всякого порядка разбросанных ковриков. Казалось, что пол устлан мягким толстым (кое-где коврики лежали в пять-шесть слоев) лоскутным одеялом.

К некоторой досаде Кейса, Молли почти не обращала внимания ни на шкафы, ни на их содержимое. Ему пришлось довольствоваться тем, что выхватывал ее безразличный взгляд: керамические черепки, старинное оружие, какой-то совершенно непонятный предмет, густо истыканный ржавыми гвоздями, обтрепанные фрагменты гобеленов…

– Джонни, он был очень толковый парень. Подрабатывал на Мемори-лейн «копилкой» – чипы в голове, клиенты прятали туда информацию. Не помню уж почему, за ним погнались якудза; наше с Джонни знакомство с того и началось, что я вырубила их наемного убийцу. Просто повезло – мужик был и сильнее меня, и умел гораздо больше. Ну а потом мы сошлись, и все у нас было хорошо.

Молли едва шевелила губами; Кейс чувствовал артикуляцию и понимал слова, даже не слыша их.

– Мы не пожалели денег, завели «кальмаров», чтобы восстанавливать по остаточным следам всю ту информацию, которую Джонни хранил в прошлом. Переписали ее на пленку и начали трясти некоторых клиентов, точнее, экс-клиентов. Я была и инкассатором, и боевиком, и сторожевой собакой. Счастливое время. Ты когда-нибудь был счастлив, Кейс? У меня был Джонни. Мы работали с ним на пару. Партнеры. За два месяца до того я окончательно развязалась с тем борделем…

Молли замолчала, осторожно обогнула поворот, огляделась и прошла дальше. Снова деревянные ящики цвета тараканьих крыльев.

– Нам было хорошо, и мы ничего не боялись. Даже и не задумывались, что кто-то там может нас тронуть. А если и что – я всегда сумею защититься. Думаю, якудза все еще охотилась за Джонни. Ведь я убила их человека. А Джонни их кинул. А эти долбаные яки никогда не торопятся, они могут ждать годы и годы. Чем лучше тебе сейчас, тем хреновее будет потом, когда они о тебе вспомнят. Терпеливые, как пауки. Дзен-пауки… Тогда я этого не знала. А может, знала, но думала, что к нам это не относится. В молодости каждый считает себя уникальным. Я была молодая. Они пришли в тот самый момент, когда мы решили, что заработали достаточно, что можно завязать и куда-нибудь уехать, например в Европу. Ни один из нас не представлял себе, чем же мы, собственно, займемся, когда вместо уймы работы появится уйма свободного времени. Но мы уже обленились, заплыли

жирком – швейцарские орбитальные счета, квартира, забитая всякой хренотенью. Все это как-то расслабляет… Тот, первый, которого я убрала, был мужик крутой. Прекрасная реакция, имплантаты, техника боя такая, что выстоял бы и против десятка обычных громил одновременно. Но второй, он был, ну не знаю, вроде *монаха.* Клонированный. Убийца – и даже не до мозга костей, а до клеточного уровня. Ничего не говорил, и это его безмолвие казалось безмолвием смерти. Смерть окружала его густым осязаемым облаком…

Дальше коридор раздваивался, выходил к двум одинаковым, ведущим вниз лестницам. Молли выбрала левую.

– Когда-то, я была еще маленькой девочкой, мы жили в заброшенном доме. На берегу Гудзона, а крысы там здоровые, ты не поверишь. Это все химия. Вот точно, прямо с меня ростом: одна из них целую ночь скреблась у нас под полом. А утром кто-то привел этого старика, щеки у него были все в морщинках, а глаза совсем красные. Он принес промасленный кожаный сверток. Ну вроде как инструменты предохраняют от ржавчины. Развернул, а там старый револьвер и три патрона. Тогда старик заряжает один патрон и начинает ходить по комнате туда-сюда, а мы жмемся по стенам… Туда-сюда. Руки на груди, голова опущена, а про свой револьвер будто забыл. Крысу выслушивает. Мы молчим, пальцем шевельнуть боимся. Старик сделает шаг – крыса, ее же слышно, передвинется. Крыса передвинется, и тогда он снова шагнет. И вот так целый час, а потом он словно вспомнил про револьвер. Направил его в пол, ухмыльнулся и выстрелил. Свернул свое хозяйство и ушел… Я очень боялась, но все же слазила туда, под пол. У нее была дырка точно промеж глаз.

Молли внимательно изучила очередную запертую дверь; они встречались по пути довольно часто.

– Второй, что пришел за Джонни, он был вроде того старика. Нет, не старый, а просто такой же. Он убивал в точности так же.

Коридор вывел к просторному помещению. Море дорогих ковров, на потолке – гигантская люстра, нижняя подвеска почти касается пола. Когда Молли вошла в холл, раздался мелодичный хрустальный звон. «ТРЕТЬЯ ДВЕРЬ НАЛЕВО» – замигал дисплей.

Молли свернула налево, стараясь не задеть перевернутое хрустальное дерево.

– Я видела его только раз. По дороге домой, он как раз выходил. Мы жили в переделанном под жилье заводском комплексе вместе с уймой подающих надежды ребят из «Сенснета». Охранная система была вполне приличная, но я ее еще усилила, поставила самое серьезное оборудование, чтобы и

мышь не проскочила. Я знала, что Джонни дома. А этот коротышка сразу привлек мое внимание, как только вышел из двери. Не сказал мне ни слова. Мы только посмотрели друг на друга, и я все поняла. Самый обыкновенный парень – небольшого росточка, в обыкновенной одежде, безо всякого гонора, скромный. Он посмотрел на меня и сел на рикшу. Я все поняла. Бросилась вверх по лестнице, а Джонни сидит возле окна на стуле, слегка приоткрыв рот, словно хочет что-то сказать…

Старая, даже древняя дверь; судя по орнаменту, когда-то эта резная, из таиландского тика панель была гораздо больше, но ее уполовинили по размерам дверного проема. Под извивающимся драконом – примитивный механический замок с накладкой из нержавеющей стали. Молли опустилась на колени, вынула из внутреннего кармана небольшой тугой сверток из черной замши, выбрала тонкую, как иголка, отмычку.

– Я, конечно, не ушла в монастырь, но все, что были потом, они были мне по фигу – что есть они, что нет.

Молли замолкла, вставила отмычку и принялась за работу, сосредоточенно покусывая нижнюю губу. Похоже, она полагалась исключительно на осязание – ее глаза расфокусировались, дверь превратилась в светлое пятно. Кейс слушал тишину холла, нарушаемую лишь негромким позвякиванием люстры. Люстра – не под электрическое освещение, а совсем старинная, под свечи. Свечи? На вилле все было с каким-то вывертом. Кейс вспомнил рассказ Кэт о замке с прудами и лилиями и манерные фразы 3-Джейн, которые декламировала эта бредовая голова. Структура, которая прорастает сама в себя. Пахло здесь как в церкви – сладковато и вроде как плесенью. И где же все эти Тессье-Эшпулы? Кейс ожидал увидеть настоящий улей дисциплинированной активности, но Молли не встретила пока ни души; исповедальный монолог вызвал у него неловкость, прежде она не очень-то о себе распространялась. Единственное исключение – история, рассказанная в этом кукольном борделе, а так можно было бы подумать, что у нее вообще нет прошлого.

Молли закрыла глаза, и раздался щелчок, Кейс скорее почувствовал его, чем услышал. Звук напомнил ему магнитные защелки в том же самом кукольном борделе. Его кредитная карточка не должна была открыть дверь Молли – но открыла. Это сделал Уинтермьют, это он управлял замком – точно так же, как управлял беспилотным самолетиком и роботом-садовником. Программа управления замками дома «живых кукол» входила в систему безопасности Фрисайда. Обыкновенный механический замок создавал для ИскИна целую проблему, требовалось вмешательство либо какого-нибудь робота, либо человека.

Молли открыла глаза, спрятала отмычку в замшу, замшу аккуратно свернула и сунула в карман.

– А ты вроде как на него похож, – сказала Молли. – Прятаться от кого-то, убегать – это у тебя на роду написано. Все эти заморочки в Тибе – простейший, очевиднейший вариант того, чем занимался бы ты в любом другом месте. Непруха, она часто так делает, обнажает самую сущность. – Она поднялась на ноги, потянулась, стряхнула с одежды пыль. – Знаешь, я думаю: тот тип, которого Тессье-Эшпулы послали за Джимми – за парнем, укравшим голову, – очень похож на того, которого яки послали убить Джонни.

Она вытащила игольник из кобуры, перевела его на автоматический огонь и окинула взглядом дверь.

Уродливость этой двери ошеломляла. Даже не самой двери, она была прекрасна, а в прошлом являлась частью еще более прекрасного целого, ошеломляло то, как ее распилили, чтобы подогнать к дверному проему. Ее прямоугольная форма совершенно не вписывалась в плавные изгибы бетона. «Они привозили такие вот штуки, – думал Кейс, – а потом силой подгоняли их к месту. И ничего из этого не выходило». Дверь была такой же неуклюжей и неуместной, как музейные стенды, как огромное хрустальное дерево. Кейс вспомнил сочинение 3-Джейн и решил, что всю эту обстановку привезли с Земли в соответствии с каким-то генеральным планом, полузабытой мечтой, превратившейся в навязчивое стремление заполнить пространство, воплотить в жизнь некий бредовый образ семейного гнезда. А еще он вспомнил разоренное осиное гнездо, корчащихся безглазых тварей.

Молли взялась за переднюю лапу резного дракона, и дверь легко открылась.

Автоматически вспыхнувшие лампы осветили маленькую, тесно заставленную комнату, даже и не комнату, а кладовку. Молли прикрыла дверь и направилась к серым металлическим шкафикам, выстроившимся вдоль изогнутой стены.

«ТРЕТИЙ СЛЕВА, – замигал в глазу индикатор времени – Уинтермьютовы, понятно, штучки. – ПЯТЫЙ СВЕРХУ». Но Молли сперва открыла верхний ящик, и не ящик, собственно, а неглубокий поддон. Пустой. Второй – то же самое. В третьем, поглубже, лежали тусклые бусины припоя и небольшой коричневый предмет, похожий на фалангу человеческого пальца. В четвертом ящике – отсыревшая, покоробившаяся книга, какой-то технический справочник на французском и японском языке. В пятом, за бронированной рукавицей тяжелого скафандра, обнаружился ключ. Он напоминал тусклую медную монетку с

припаянной с краю коротенькой полой трубочкой. Молли покрутила ключ в пальцах, Кейс заметил внутри трубочки выступы и бороздки. С одной стороны монетки виднелись выпуклые буквы: «ЧАББ».[20] Другая сторона оставалась чистой.

– Он мне все рассказал, – прошептала Молли. – Уинтермьют. Как он ждал удобного случая, ждал много лет. В то время он не обладал реальной силой, однако мог воспользоваться охранной и хозяйственной системой, чтобы знать местонахождение любого предмета и все его перемещения. Двадцать лет назад кто-то потерял этот ключ, и Уинтермьюту удалось сделать так, чтобы кто-то нашел его и принес сюда. А затем он убил мальчика, который нашел ключ. *Восьмилетнего* мальчика. – Бледные пальцы медленно сомкнулись, Молли сжала ключ в кулаке. – И все для того, чтобы никто не нашел эту долбаную железяку.

Она вынула из нагрудного кармана черный нейлоновый шнурок, аккуратно продела его через круглую дырочку над словом «ЧАББ», завязала узлом и повесила ключ на шею.

– Они доставали его своей якобы старомодностью, всей этой херней под девятнадцатый век. Там, на экране, он выглядел совсем как Финн. Я иногда забывалась и думала, что это и вправду Финн.

Встроенный индикатор показывал время, цифры наложились на серые стальные ящики.

– Он говорит, если бы Тессье-Эшпулы действительно стали тем, чем хотели, он бы давно вырвался на свободу. Только они не стали. Все их грандиозные планы накрылись медным тазом. Уроды. Уроды и извращенцы, вроде три-Джейн. Это не я, это Уинтермьют так сказал, хотя ее-то как раз он любит.

Молли повернулась, открыла дверь и вышла из комнаты, нежно поглаживая ребристую рукоятку игольника, успевшего вернуться в свою кобуру.

Кейс перешел в киберпространство.

* * *

«Куан-одиннадцатый» продолжал расти.

– Ну как, Дикси, думаешь, эта хрень сработает?

– А лошади кушают овес?

Флэтлайн провел его сквозь радужное колыхание бессчетных полупрозрачных завес.

В ядре китайской программы формировался какой-то темный сгусток. Информационная перегрузка матрицы порождала бредовые образы. Еле заметные калейдоскопически изменчивые

клинья сходились к антрацитовому фокусу. На полупрозрачных плоскостях выпадали знаки зла и несчастья: свастики, черепа, «змеиные глаза» на игральных костях.[21] Если смотреть в фокальную точку прямо, там словно вообще ничего не было. Только после двенадцатой попытки Кейс увидел боковым зрением блестящую, как обсидиан, акулообразную форму, черное зеркало ее поверхности отражало слабые далекие огоньки, никак не связанные с близлежащими участками матрицы.

– Это и есть жало, – пояснил конструкт. – Мы его двинем, как только «Куан» совсем подружится с ядром Тессье-Эшпулов.

– А ты, кстати, прав, – заметил Кейс. – Существует некий аппаратно встроенный внешний контроль, который должен держать Уинтермьюта в рамочках. Хотя ты и сам видишь, в каких он там…

– Он, – прервал его конструкт. – Он. Поосторожнее с такими словами, не «он», а «оно». Я долблю тебе это раз за разом.

– Это код. Всего одно, если верить ему, слово. Кто-то должен сказать это слово некоему хитрому, с прибамбасами терминалу, стоящему в некой комнате, сказать в тот самый момент, когда мы пробьем лед и займемся начинкой, какая уж она там есть.

– Ты бы сходил пока погулял, – посоветовал Флэтлайн. – «Куан» работает медленно, но верно.

Кейс вышел из матрицы.

* * *

Мэлком смотрел на него почти испуганно:

– Ты снова был мертвый, брат.

– Бывает, – отмахнулся Кейс. – К этому тоже привыкаешь.

– Ты играешь с силами тьмы.

– А ты что, можешь предложить что-нибудь поинтереснее?

– Любовь Джа, Кейс, – сказал Мэлком и отвернулся к рации.

Кейс посмотрел на перепутанные дреды, на веревки мускулов, играющие под темной кожей рук. И вернулся в киберпространство.

И перешел в симстим.

* * *

Молли рысцой бежала по коридору, возможно одному из прежних. Застекленных ящиков больше не было; Кейс решил, что они приближаются к концу веретена, – тяготение стало еще

слабее. Еще немного, и Молли уже не бежала, а почти летела над ковровыми волнами. Еле заметное покалывание в ноге…

Коридор резко сузился, повернул и разделился надвое.

Девушка свернула направо и стала подниматься по издевательски крутой лестнице, боль в ноге заметно усилилась. На потолке – плотно увязанные жгуты проводов, цветокодированных нервов машинного мозга. Стены в пятнах сырости.

На треугольной лестничной площадке Молли остановилась и потерла ногу. Снова узкие коридоры, только теперь с коврами на стенах. Стоп. Еще одно разветвление, на этот раз – в три стороны.

«ЛЕВЫЙ».

Молли пожала плечами:

– Подожди, дай-ка я немного осмотрюсь.

«ЛЕВЫЙ».

– Потерпи малость, у нас полно времени.

Она пошла направо.

«СТОЙ».

«ВЕРНИСЬ».

«ОПАСНО».

Молли остановилась. В конце коридора – полуоткрытая дубовая дверь, оттуда доносится громкий, но невнятный, словно у пьяного, голос. Язык, решил Кейс, вроде бы французский, но только не разберешь. Молли сделала шаг, потрогала игольник, сделала еще один шаг. И попала в поле нейропарализатора. Негромкое гудение, мгновенно перешедшее в свист, напомнило Кейсу выстрел из игольника. Мышцы Молли бессильно обмякли, она повалилась вперед, ударилась лбом о дверь, затем изогнулась, упала на спину и застыла, не способная ни дышать, ни даже сфокусировать взгляд.

– Это что, маскарадный костюм? – поинтересовался все тот же невнятный голос.

Дрожащая рука нащупала за пазухой Молли игольник, вытащила его наружу.

– Ну что ж, дитя мое, заходи в гости. Вставай.

Молли поднялась медленно, неуверенно, не отрывая глаз от бездонного зрачка пистолета. Теперь рука мужчины казалась достаточно твердой, ствол двигался, словно привязанный к ее горлу невидимой, туго натянутой нитью.

Высокий, даже долговязый, старик с лицом как у той девушки, которую Кейс видел в ресторане. Одет в тяжелый темно-коричневого шелка халат с длинными стеганными отворотами и отложным воротником. Одна нога босая, другая – в черном бархатном шлепанце с лисьей мордой, вышитой золотом, на

подъеме.

– Заходи, заходи. – Он подкрепил свои слова широким, гостеприимным жестом. – Только, пожалуйста, без резких движений.

Бóльшая часть предметов, переполнявших большую, похожую на зал комнату, не говорила Кейсу ровно ничего. Он заметил серую металлическую стойку со старомодными мониторами «Сони», широкую бронзовую кровать, заваленную овчинами и ковровыми подушками, вышедшими, похоже, из той же мастерской, что и половики в коридоре. Взгляд Молли перескочил с огромного музыкального центра «Телефункен» к полкам с рядами тонких обветшавших корешков, обтянутых прозрачной пленкой (старинные пластинки, можно было сразу догадаться), а затем – к брускам кремния, разбросанным по обширному лабораторному столу. Кейс отметил киберпространственную деку и дерматроды, но взгляд Молли на них не задержался.

– Вообще-то, – сказал старик, – нужно было убить тебя сразу, без лишних разговоров.

Кейс почувствовал, как Молли напряглась, приготовилась к прыжку.

– Но сегодня я добрый. Как тебя звать?

– Молли.

– Молли. А я – Эшпул.

Старик погрузился в мягкие складки огромного кожаного кресла с квадратными хромированными ножками, рука его сжимала пистолет все так же твердо и уверенно. Он положил игольник на стоящий рядом бронзовый столик, сбив при этом пластмассовый пузырек с какими-то красными таблетками. На столике громоздилось множество пузырьков, бутылок со спиртным и пластиковых конвертов, из которых просыпался белый порошок. Кейс заметил старомодный стеклянный шприц и ложку из нержавейки.

– Послушай, Молли, а как же ты плачешь? У тебя же глаза совсем закупорены. Не понимаю.

Мертвенно-бледное лицо, темные круги вокруг налитых кровью глаз, испарина на лбу.

«Больной, – решил Кейс. – Или принял дозу».

– Я редко плачу.

– Но все равно, как бы ты плакала, если бы пришлось?

– Я бы не плакала, – пожала плечами Молли, – а плевалась. Слезные протоки выведены мне в рот.

– В таком случае ты уже сумела, несмотря на юный возраст, усвоить один из самых важных жизненных уроков. – Старик опер

руку с пистолетом о колено, а другой рукой взял первую попавшуюся бутылку. Отхлебнул из горлышка. Бренди. Из угла пепельно-серых губ потекла тонкая струйка. – Плеваться. Но ни в коем случае не плакать. – Он снова приложился к бутылке. – Сегодня, Молли, я очень занят. Я создал все это хозяйство, и сегодня я очень занят. Я умираю.

– Тогда давайте я уйду, – предложила Молли.

Хриплый, лающий звук, очень мало напоминающий смех.

– Ты вломилась сюда, испортила мне все самоубийство, а теперь хочешь просто вот так взять и уйти? Поразительная, непостижимая наглость.

– А чему тут, собственно, удивляться? У меня нет на свете ничего, кроме вот этой моей задницы. Я хочу унести ее отсюда в целости и сохранности.

– Ты очень бестактная девица. У нас тут принято совершать самоубийства с соблюдением определенного декорума. Что я и собирался сделать. А теперь вот появляется новая мысль. А не прихватить ли мне в ад и тебя? Это было бы очень по-египетски.

Старик сделал очередной глоток.

– Иди сюда.

Трясущаяся рука протянула Молли бутылку.

– Выпей.

Молли покачала головой.

– Зря боишься, никакого яда там нет, – сказал старик, возвращая бутылку на стол. – Садись. Садись прямо на пол. Я буду с тобой разговаривать.

– О чем?

Молли села на пол. Кейс почувствовал, как под ногтями чуть шевельнулись лезвия.

– Обо всем, что придет в голову. В мою голову. Я тут хозяин или кто? Меня разбудили ядра. Двадцать часов тому назад. Сказали, что здесь что-то делается и что нужен я. Неужели ты и была это «что-то»? Странно, уж с тобой-то они бы и сами справились. Нет, там что-то другое… но только я, понимаешь ли, спал. Уже тридцать лет. Ты еще не родилась, когда я в последний раз заснул. Нам говорили, что в таком холоде снов не будет. И что холода тоже не будет. Чушь, Молли, сплошное вранье. Я видел сны. Холод пропустил сюда внешний мир. Внешний. Тот мрак, для защиты от которого я построил все это. Вначале холод принес с собой только каплю, единственное зернышко мрака… За ним последовали другие, заполняя мой череп, как дождь, хлещущий в пустой бассейн. Лилии. Да, я помню. Терракотовые бассейны, хромированные сиделки, они так блестели на закате в саду… Я старик, Молли. Больше двухсот лет, если считать и

время заморозки. Проклятый мороз.

Неожиданно ствол пистолета вздернулся и неуверенно заколебался. Мускулы Молли натянулись, как проволока.

– Так же можно что-нибудь и отморозить, – посочувствовала она чуть ли не елейным голосом.

– Ничего там нельзя! – раздраженно ответил Эшпул, опуская пистолет. В движениях старика чувствовалась все большая неуверенность, было видно, с каким трудом удерживает он непрерывно клонящуюся голову. – Ничего нельзя. Теперь я вспомнил. Ядра сказали, что наши ИскИны рехнулись. И это за все миллиарды, которые мы в них когда-то вбухали. Когда-то, когда искусственный интеллект был последним писком моды. Я сказал ядрам, что разберусь. Все это очень не вовремя. Восемь-Джин в Мельбурне, так что за лавкой присматривали мы с очаровательной три-Джейн. А может, как раз очень вовремя. Вот ты, Молли, как ты считаешь? – (Рука с пистолетом снова поднялась.) – Странные вещи происходят на вилле «Блуждающий огонек».

– Босс, – спросила Молли, – а вы знаете Уинтермьюта?

– Знакомое имя. Да. Имя, вызывающее почтение. Владыка ада. В свое время, дорогая Молли, я знавал многих лордов. Да и леди тоже. Да что там говорить, королева Испании на этой самой кровати… Но меня куда-то заносит.

Старик зашелся мокрым кашлем, с каждой его судорогой ствол пистолета резко вздрагивал. Немного успокоившись, он отхаркался прямо на ковер, рядом со своей босой ногой.

– Да, куда меня только не заносило. Сквозь эту ледяную ночь. Такого больше не будет. Проснувшись, я приказал оттаять Джейн. Странно это, ложиться раз в несколько десятилетий с собственной своей дочерью, юридически-то она мне дочь.

Он посмотрел мимо Молли на стойку с безжизненными мониторами. Его бил озноб.

– Глаза как у Мари-Франс, – тихо пробормотал старик и улыбнулся. – Мы программируем у мозга аллергию на один из собственных его нейротрансмиттеров, получая в результате чрезвычайно гибкую имитацию аутизма. – Старческая голова упала набок, снова поднялась. – Насколько я знаю, теперь такой эффект легко получается с помощью встроенного микрочипа.

Пистолет выскользнул из слабеющих пальцев и упал на ковер.

– Сны приходят, как медленный лед, – сказал старик.

Лицо его приобрело синюшный оттенок, голова запрокинулась назад; Кейс услышал тихий, с присвистом храп.

Молли вскочила, схватила пистолет и сразу же взялась за

осмотр комнаты.

Стеганое одеяло, брошенное рядом с кроватью, не полностью прикрывало большую лужу яркой, не совсем еще запекшейся крови. Отвернув его уголок, Молли увидела лежащее ничком женское тело; спина с острыми, выпирающими лопатками была сплошь залита кровью. Горло девушки было перерезано; рядом с ней валялся какой-то треугольный предмет, похожий на скребок. Стараясь не испачкаться кровью, Молли встала на колени и повернула голову убитой к свету. На Кейса смотрело лицо, которое он видел в ресторане.

Глубоко, где-то в самом центре всего сущего, раздался щелчок, и вселенная застыла. Рука Молли по-прежнему касалась щеки девушки, симстим-передатчик транслировал стоп-кадр. Так продолжалось три секунды, а затем лицо мертвой изменилось, стало лицом Линды Ли.

Еще один щелчок, и комната расплылась. Молли стояла и рассматривала золотистый лазерный диск, лежащий на мраморном прикроватном столике, рядом с небольшой консолью. От консоли к основанию тонкой шеи наподобие поводка тянулся световод.

– Все, на хрен, ясно, – пробормотал Кейс; ему казалось, что губы шевелятся где-то в другом месте, очень далеко.

Он понял, что передачу изменил Уинтермьют; Молли не видела, как лицо мертвой заклубилось и приняло очертания посмертной маски Линды.

Молли повернулась и подошла к Эшпулу. Старик дышал медленно и с хрипом. Молли посмотрела на груду наркотиков, батарею бутылок, затем положила пистолет, взяла свой игольник, перевела его на одиночную стрельбу и очень аккуратно выстрелила ядовитой стрелкой Эшпулу в левый, прижмуренный глаз. Старик дернулся и замер. Медленно открылся второй глаз, коричневый и бездонный.

Когда Молли покидала комнату, глаз так и оставался открытым.

16

– На связи твой босс, – сообщил Флэтлайн. – Работает с дублирующей машины, с борта корабля, который так нежно к нам приварился. «Ханива», что ли?

– Знаю, – машинально ответил Кейс, – я его видел.

Заслонив собой тессье-эшпуловский лед, перед Кейсом появился белый ромб с абсолютно четким изображением абсолютно спокойного и абсолютно безумного лица. Армитидж

моргнул бессмысленными, как пуговицы, глазами.

– О ваших тьюрингах тоже позаботился Уинтермьют? Примерно так же, как о моих? – поинтересовался Кейс.

Взгляд Армитиджа оставался неподвижным. Кейсу стало не по себе.

– С вами там как, все в порядке?

– Кейс… – В голубых глазах как будто что-то промелькнуло. – Ты ведь встречался с Уинтермьютом? В матрице?

Кейс кивнул. Видеокамера «Хосаки» передает этот жест на монитор, стоящий на «Ханиве». Интересно, как воспринимает этот бредовый разговорчик Мэлком, не слышащий голосов ни конструкта, ни Армитиджа.

– Кейс… – Глаза в белом ромбе увеличились, Армитидж наклонился к компьютеру. – А как он выглядел, когда ты его видел?

– Как симстим-конструкт высокого разрешения.

– Чей?

– В последний раз это был Финн… до этого тот самый сутенер…

– А не генерал Герлинг?

– Какой генерал?

Изображение в белом ромбе пропало.

– Прокрути это снова, пусть «Хосака» поищет, – попросил Кейс конструкта.

И перешел в симстим.

* * *

Картина новая и совершенно неожиданная. Молли притаилась между стальными балками метрах в двадцати над ровной, заляпанной какими-то пятнами площадкой. Ангар, наверно, или мастерская. Три небольших – с «Гарви», а то и поменьше – космических корабля, все в различных стадиях ремонта. Японские голоса. Из отверстия в корпусе луковицеобразного аппарата, явно предназначенного для монтажных работ в космосе, появился человек в оранжевом комбинезоне; он остановился возле одной из гидравлических «рук», жутковато похожих на человеческие, набрал на переносном терминале какую-то комбинацию и с наслаждением поскреб свой бок. В поле зрения Кейса появился похожий на тележку красный робот на серых резиновых шинах.

Чип в глазу у Молли замигал словом «КЕЙС».

– Привет, – сказала девушка. – Жду проводника.

Она сидела на корточках, мимикрирующий костюм стал голубовато-серым, в тон балкам. Непрерывная изматывающая боль в ноге.

– Ну что мне стоило вернуться к Цзиню, – беззвучно пробормотала Молли.

Рядом с левым плечом из темноты появился какой-то круглый, негромко пощелкивающий механизм. Он помедлил, покачался немного на высоких паучьих лапках, мигнул лазерным светом и замер. Брауновский микроробот, старый приятель. Ровно такую же штуку втюхал Кейсу пару лет назад один кливлендский барыга в качестве довеска при весьма сложном обмене. Нечто вроде паука-косиножки, только брюшко размером с бейсбольный мяч и не серое, а матово-черное. Примерно посредине этого брюшка замигал красный светодиод.

– О'кей, – сказала Молли, – вижу я тебя, вижу.

Она поднялась, стараясь поменьше опираться на левую ногу; в ту же самую секунду крохотный робот развернулся и побежал по балке обратно в темноту. Молли взглянула вниз. Оранжевый комбинезон исчез: техник надел поверх него белый скафандр. Молли смотрела, как мужчина приладил и загерметизировал шлем, взял свой терминал и вернулся через то же отверстие внутрь монтажного кораблика. Завыли моторы, десятиметровый круг пола плавно пошел вниз, и рукастый механизм исчез из виду, растворился в резком сиянии дуговых ламп. Красный робот подкатился к краю круглого провала и терпеливо замер.

И в тот же самый момент Молли двинулась вслед за «брауном», осторожно пробираясь среди стальных опор. Светодиод «косиножки» призывно мигал.

– Как дела, Кейс? Ты опять на «Гарви», в гостях у Мэлкома? Ну конечно же… И подключен ко мне. Знаешь, а мне это нравится. Я ведь всегда говорила сама с собой, когда попадала в хреновую ситуацию. Притворялась, будто у меня есть друг, которому я доверяю, которому я рассказываю, о чем думаю и что чувствую, а потом притворялась, будто он говорит мне, что он про все это думает, и так далее. И когда ты здесь, это тоже вроде того. Эта сцена с Эшпулом… – Прикусив нижнюю губу и не спуская взгляда с робота, Молли обогнула стальную опору. – Знаешь, а я ведь ожидала там увидеть… ну, может, не такой ужас, но что-то в этом роде. Они же там все свихнутые, ну словно голоса слышат или еще какие указания от самого Господа Всевышнего. Там же все – сплошной отврат, и на вид, и на запах…

«Паук» карабкался по стальным скобам почти невидимой лестницы к узкому темному отверстию.

– И знаешь, пока у меня не пропало вот это вот настроение

лить душу, я уж скажу тебе, что, по правде, я ничего такого уж хорошего от нашей истории не ожидала. Просто я уж столько в дерьме кувыркаюсь, а ты вроде как первое хоть малость светлое пятно с того времени, как я на зарплате у Армитиджа.

Молли посмотрела на черный круг отверстия. Красный, непрерывно мигающий глазок робота поднимался все выше и выше.

– И не то чтобы ты был страсть как хорош.

Вспыхнула и тут же погасла улыбка; Молли стиснула зубы и полезла, превозмогая острую боль в ноге, вверх, следом за роботом. Лестница вошла в узкую, чуть шире плеч, металлическую трубу. Тяготение слабело; где-то там наверху оно исчезнет совсем.

В глазном чипе мигало время.

04:23:04.

Да, денек был длинный и трудный. Ясность ощущений Молли приглушила бета-фенэтиламиновый отходняк, но только отчасти. Боль в ноге – и та лучше.

КЕЙС:0000
000000000
00000000.

– Для тебя, похоже, – сказала Молли, не переставая подниматься по лестнице. В углу поля зрения снова замелькали нули, а затем пошел текст – разбитый, естественно, на куски.

ГЕНЕРАЛ:Г
ЕРЛИНГ:
ГОТОВИЛ:
КОРТО: К:Р
АЗЯЩЕМУ:К
УЛАКУ: ЗА
ТЕМ: ПРОДА
Л: ЕГО: С:П
ОТРОХАМИ:
ПЕНТАГОНУ
ГЛАВНАЯ:У
ЗДЕЧКА:
У/МЬЮТА:
ДЛЯ: АРМИТ
ИДЖА::::
КОНСТРУКТ
ГЕРЛИНГА:
У/М: ГОВО

РИТ: РАЗ:А
УПОМЯНУЛ:
Г: ЗНАЧИТ:
ОН: ГОТОВ:
СЛОМАТЬСЯ
::::::::
БЕРЕГИ:
СВОЮ: ЖОПУ
::::ДИКСИ

– Так. – Молли остановилась и перенесла весь вес на правую ногу. – У тебя, гляжу, тоже есть проблемы.

Она посмотрела вниз.

Кружок света, тусклый и маленький, размером с латунный кругляк чаббовского ключа, висевшего у нее на груди. Молли посмотрела вверх. Кромешная тьма. Она включила языком фотоумножители и увидела сходящуюся в перспективе трубу и робота, карабкающегося по скобам.

– И хоть бы кто предупредил, – заметила Молли.

Кейс вышел из симстима.

* * *

– Мэлком…

– Слышь, брат, а твой босс ведет себя оч'странно.

Голубой скафандр сионита выглядел лет на двадцать старше того, который Кейс взял напрокат во Фрисайде; под мышкой Мэлком держал шлем, а косички свои он стянул пурпурной сеточкой. От марихуаны и напряжения глаза его сузились в щелочки.

– Всю дорогу вызывает нас и отдает *приказы,* словно тут какая вавилонская война. – Мэлком покачал головой. – Мы говорили с Аэролом, и Аэрол говорил с Сионом, и Основатели велели бросить все и возвращаться.

Сионит вытер рот тыльной стороной огромной коричневой ладони.

– Армитидж? – Кейс скривился от боли, теперь бета-фенэтиламиновое похмелье ударило в полную силу, не смягчаемое больше ни матрицей, ни симстимом. В мозгу нет нервных окончаний, уговаривал себя Кейс, чему же там болеть? – Что с ним стряслось? Он отдает тебе приказы? Какие?

– Армитидж приказывает мне держать курс на Финляндию, понимаешь? Вылезает на экран в окровавленной рубашке и орет

как спсихевший о разящем кулаке и о русских и о том, что мы омоем руки кровью предателей. – Мэлком поджал губы и снова покачал головой; дреды вместе со стягивающей их сеткой подергались и успокоились. – Основатели говорят, Мьют – ложный пророк и мы с Аэролом должны бросить «Маркуса Гарви» и вернуться.

– Армитидж, он что, ранен? Ты сказал – кровь?

– Не знаю. Но только рубаха вся в крови, и крыша у него совсем съехала.

– О'кей, – сказал Кейс, – а как же я? Вы намылились домой, а как же тогда я?

– Как-как? – удивился сионит. – И ты тоже со мной. Мы двинем в Сион вместе с Аэролом на его «Вавилонском рокере». Оставь мистера Армитиджа говорить с этой кассетой-духом, пусть один дух пудрит мозги другому…

Кейс посмотрел через плечо Мэлкома: там, в потоке воздуха от старого русского воздухоочистителя, качался гамак, куда он затолкал взятый напрокат скафандр. Он закрыл глаза. И увидел, как в артериях растворяются ядовитые капсулы. Увидел Молли, карабкающуюся по бесконечным стальным скобам. И открыл глаза.

– Я не знаю, – сказал Кейс, чувствуя странный привкус во рту. И взглянул на деку, на свои руки. – Не знаю.

Он поднял глаза на Мэлкома. Коричневое лицо, очень спокойное и очень внимательное. Подбородок прячется за высоким шлемным кольцом старого голубого скафандра.

– Ведь она же еще там, – сказал Кейс. – Молли. В этом самом «Блуждающем огоньке». Если где и существует Вавилон, так это там. Коли мы ее бросим, ей не выбраться, Танцующая она там Бритва или нет.

Мэлком понимающе кивнул, мотнув косичками, похожими сейчас на воздушный шарик, засунутый для чего-то в сетку.

– Она твоя женщина, Кейс?

– Не знаю, – пожал плечами Кейс. – Скорее, вообще ничья.

В нем снова вспыхнул нестерпимый, нерассуждающий гнев.

– Да идите вы все на хер! – закричал он. – И Армитидж, и Уинтермьют, и ты, и всех вас на хер! Я остаюсь здесь.

Лицо Мэлкома расцвело улыбкой.

– Мэлком – рудбой, Кейс. «Гарви» принадлежит Мэлкому.

Рука в перчатке шлепнула по панели, и из громкоговорителя буксировщика загрохотали басы сионского даба.

– Мэлком никуда не побежит. Я поговорю с Аэролом, зуб даю, он решит так же.

На лице Кейса появилось полное недоумение.

– Что-то я вас, ребята, совсем не понимаю.

– Я тоже тебя не понимаю, – сказал сионит, кивая головой в такт музыке, – но мы должны жить по любви Джа, каждый из нас.

Кейс перешел в матрицу.

* * *

– Прочитал телеграмму?

– Да.

Китайская программа разрослась еще больше; ее грациозные, переливающиеся многоцветьем арки начали сближение с тессье-эшпуловским льдом.

– Дело пахнет керосином, – сообщил Флэтлайн. – Твой начальничек стер память второй «Хосаки» и чуть не прихватил заодно и нашу. Но твой дружок Уинтермьют успел мне кое-что показать. Теперь понятно, почему жизнь в «Блуждающем огоньке» не то чтобы бьет ключом – по большей своей части Тессье-Эшпулы отлеживаются в холодильнике. В Лондоне существует адвокатская контора, которая следит, кому в данный момент принадлежат права на управление имуществом. Они всегда знают, кто сейчас не спит и кто когда проснется. Армитидж перехватывал их передачи из Лондона в «Блуждающий огонек» с помощью «Хосаки», установленной на яхте. К слову сказать, они знают, что старик отбросил копыта.

– Кто знает?

– Адвокатская контора и Тессье-Эшпулы. У него в груди был передатчик медицинских показателей. Игла твоей красотки не оставила реаниматорам никаких шансов. Рыбий яд с каким-то очень заковыристым названием. Сейчас в «Блуждающем огоньке» один-единственный бодрствующий представитель семейства Тессье-Эшпулов – леди три-Джейн Мари-Франс. Есть еще мужик, года на два старше, но он сейчас в Австралии по делам. Спорим на что хочешь, это уж Уинтермьют что-то там схимичил, чтобы без личного присутствия восемь-Джина было совсем уж никак не обойтись. Он уже возвращается домой. Лондонские законники ожидают его прибытие на виллу сегодня в девять часов. Мы запустили вирус в ноль два тридцать два ноль три. Сейчас ноль четыре сорок пять двадцать. Наиболее вероятный момент проникновения «Куана» в тессье-эшпуловское ядро – ноль восемь тридцать ноль ноль. Плюс-минус ноль целых шиш десятых. Думаю, Уинтермьют как-то влияет на три-Джейн, или она просто такая же психованная, как и ее старик. А вот парень, который прибывает из Мельбурна, он кой-чего петрит. Охранная система

виллы все пытается выйти на максимальную боеготовность, но Уинтермьют ей мешает, не знаю уж как. Правда, он не смог-таки отменить программу главных ворот, чтобы впустить Молли. Все это было в файлах Армитиджевой «Хосаки»; скорее всего, это Ривьера уговорил три-Джейн пригласить твою подружку на чашку чая. Принцесса давно уже умеет мухлевать со входами-выходами. Мне представляется, одна из главных проблем Тессье-Эшпулов как раз в том, что каждый влиятельный член семьи засорял банки данных всякими там частными случаями и исключениями из правил. Они как бы разрушили свою иммунную систему. Подготовили для вторжения вируса. Когда мы проломим лед, это будет нам очень на руку.

– О'кей. Уинтермьют говорит, что Ар…

На экране появился белый ромб с крупным планом безумных голубых глаз. Кейс застыл в немом удивлении. Полковник войск специального назначения Вилли Корто, один из командиров ударной группы «Разящий кулак», сумел-таки снова пробиться на поверхность. Плохо отфокусированное мутное изображение все время дергалось. Для связи с «Маркусом Гарви» Корто воспользовался навигационной декой «Ханивы»:

– Кейс, мне нужны сведения о потерях на «Громе Омахи».

– Да послушайте, я… Полковник?

– Держись, мой мальчик. Вспомни, чему тебя учили.

«Где же ты был все это время, мужик?» – мысленно спросил Кейс у страдальческих глаз. Уинтермьют встроил в кататоническую крепость, называемую Корто, нечто по имени Армитидж. Он убедил Корто, что Армитидж – нечто реальное, и тот ходил, беседовал, планировал, превращал информацию в деньги, говорил от его имени в номере «Тиба-Хилтона»… А теперь полковник Корто вернулся, ураган его сумасшествия изорвал Армитиджа, как тряпку, и унес клочья. Но где же был Корто все эти годы?

Падал, слепой и обгоревший, с сибирского неба?

– Кейс, я знаю, что тебе будет очень тяжело понять это и переварить. Ведь ты – офицер. Все, чему тебя учили, будет противиться. Я понимаю. Но, Кейс, Бог свидетель, нас предали.

Из голубых глаз потекли слезы.

– Кто, полковник? Кто нас предал?

– Генерал Герлинг, Кейс. Возможно, ты знаешь его только по кодовому имени. Но ты наверняка знаешь человека, о котором я говорю.

– Да, – ответил Кейс, слезы застилали ему глаза, – пожалуй, знаю… сэр, – добавил он, повинуясь внезапному импульсу. – Но, сэр, полковник, что же нам теперь делать? Сейчас, в настоящий

момент.

– В настоящий момент наш долг – лететь. Бежать. Скрыться. К завтрашнему вечеру мы сумеем добраться до финской границы. Будем лететь на бреющем, вручную, никакой автоматики. Но это только малая часть. – Мокрые от слез щеки, голубые глаза сузились, превратились в щелочки. – Малая часть. Нас предали наверху. На *самом* верху.

Армитидж отступил от камеры, на рваной саржевой рубашке – темные пятна. В отличие от спокойной, каменной маски Армитиджа лицо Корто являло собой маску шизоидную, каждая напряженная мышца криком кричала об этом недуге, ничего не оставляя от пластической хирургии.

– Полковник, я вас слышу. Послушайте, полковник. Откройте, пожалуйста… э-э-э… мать твою, Дикси, как же эта штука называется?

– Центральный шлюз, – подсказал Флэтлайн.

– Откройте центральный шлюз. Просто прикажите пульту его открыть, и все, ладно? Мы немедленно придем к вам на помощь, полковник. И обдумаем, как отсюда выбраться.

Ромб исчез.

– А вот тут я ни хрена не понял, – заметил Флэтлайн.

– Токсины, – сказал Кейс, – долбаные токсины, – и вышел из киберпространства.

* * *

– Отрава?

Мэлком смотрел через исцарапанное голубое плечо старого «Саньо», как Кейс выбирается из страховочной сетки.

– И забери от меня эту чертову штуку… – Кейс пытался освободиться от «техасского катетера». – Такая себе хрень вроде медленного яда, и этот говнюк знает, как ее нейтрализовать, а теперь он, видите ли, сбрендил.

Кейс возился со своим красным «Саньо», забыв, как работают застежки.

– Он что, отравил тебя, этот начальник? – Мэлком почесал щеку. – Знаешь, у нас есть аптечка.

– Мэлком, господи, да помоги ты мне с этим долбаным скафандром.

Оттолкнувшись ногами, сионит вылетел из розового пилотского модуля:

– Не мельтешись. Мудрые люди говорят: «Семь раз отмерь – один отрежь». Сейчас мы туда сходим…

* * *

В рифленом переходе, соединявшем кормовой шлюз «Маркуса Гарви» с центральным шлюзом «Ханивы», был воздух, однако на всякий случай они загерметизировали скафандры. Мэлком двигался с балетной грацией, останавливаясь только затем, чтобы помочь Кейсу, который, покинув растаманский буксир, неуклюже кувыркался. Белый пластик трубы смягчал и рассеивал яркий солнечный свет, теней не было.

Украшенный выгравированным при помощи лазера Львом Сиона люк «Гарви» покрывали многочисленные выбоины и заплаты. Зато светло-серый люк «Ханивы» оказался чистым и непорочным. Мэлком сунул в узкое отверстие руку; Кейс видел, как шевелятся его пальцы. В нише красные светодиоды начали обратный отсчет от пятидесяти. Мэлком вынул руку. Схватившись за люк, Кейс почувствовал костями вибрацию замкового механизма. Круглая серая панель отошла в сторону. Одной рукой Мэлком схватил Кейса, а другой взялся за край отверстия. Яхта приняла их на борт.

* * *

«Ханиву» построили на верфях «Дорнье-Фудзицу», и ее интерьер выражал ту же философию дизайна, которая породила «мерседес», возивший их по Стамбулу. Стены узкого центрального отсека покрывали панели черного дерева (фанерная имитация), а пол выстилала серая итальянская плитка. Кейсу казалось, что он лезет в какой-то дорогой частный санаторий, причем лезет не через дверь, а через ванную. Яхту собирали на орбите, и она не предназначалась для полетов в атмосфере. Изящный, без излишеств «осиный» корпус был чистым притворством, стилизацией, все в интерьере также было рассчитано на усиление общего впечатления скорости.

Мэлком снял помятый шлем, и Кейс последовал его примеру. Воздух в шлюзе был свежий, как в сосновом лесу, однако к хвойному аромату примешивался тревожный запах горелой изоляции.

Мэлком потянул носом воздух:

– Слушай, это плохо. Если на корабле такой запах…

Обитая темно-серой ультразамшей дверь мягко ушла в сторону. Мэлком оттолкнулся от темной стенки и вылетел из шлюза, лишь в самый последний момент сгруппировавшись, чтобы вписаться в узкий проем; Кейс последовал за ним,

неуклюже перебирая руками по поручню.

Стены в коридоре были нежно-кремовые, без единого сварного шва.

– Рубка там, – сказал Мэлком, указывая вперед, а затем слегка оттолкнулся и полетел.

Откуда-то спереди доносилось знакомое тарахтение работающего принтера. Кейс последовал за сионитом и очутился в следующем отсеке, среди клубка спутанных распечаток; здесь стук принтера слышался еще громче. Кейс поймал смятую бумажную ленту и взглянул на текст.

000000000
000000000
000000000

– Система посыпалась? – Сионит ткнул пальцем в колонку нулей.

– Нет, – ответил Кейс, ловя уплывающий шлем. – Флэтлайн сказал, что Армитидж стер своей «Хосаке» всю память.

– Судя по запаху, он стирал ее лазером.

Мэлком оттолкнулся ногой от белого ограждения швейцарского тренажера и, отгоняя лезущие в лицо распечатки, поплыл сквозь бумажные дебри.

– Кейс, тут человек…

Миниатюрный японец был привязан к узкому складному креслу. За шею. Невидимая на фоне черного темперлонового изголовья стальная проволока глубоко врезалась ему в горло. Красной жемчужиной, странной и чудовищной, застыл выкатившийся из-под проволоки шарик крови. Плавно колыхались в воздухе рукоятки гарроты – деревянные, истертые, словно вырезанные из старой швабры.

– Сколько ж он носил с собой эту штуку? – ошеломленно выдавил из себя Кейс, вспомнив послевоенные странствия Корто.

– Шеф знает, как управлять кораблем, Кейс?

– Наверно. Ведь он служил в спецназе.

– А то японский паренек, он уже отпилотировался. А мне с этой яхтой будет трудно. Совсем новая…

– Пошли в рубку.

Мэлком нахмурился, подался назад и оттолкнулся ногой.

Сдирая с себя бесконечную бумажную ленту, Кейс последовал за Мэлкомом в большее помещение, судя по всему – кают-компанию. Здесь стояли такие же складные кресла, нечто вроде бара и «Хосака». Встроенный в переборку принтер стрекотал без умолку; из аккуратной щели, прорезанной в деревянной, ручной полировки панели, метр за метром выползал тонкий бумажный

язык. Кейс пролетел над стульями и нажал белую кнопку, вделанную слева от прорези, в помещении повисла тишина. Он обернулся и посмотрел на «Хосаку». В корпусе компьютера зияло не меньше десятка отверстий – маленьких, круглых, с оплавленными краями… В воздухе беспорядочно кружили крошечные капли застывшего металла.

– Насчет лазера ты угадал, – повернулся Кейс к сиониту.

– Рубка заперта, – сообщил Мэлком с противоположной стороны кают-компании.

Освещение потускнело, ярко вспыхнуло, опять потускнело. Кейс оторвал распечатку. Те же нули.

– Уинтермьют?

Кейс осмотрелся; за причудливыми изгибами бумажной ленты еле угадывались коричневые стены.

– Это ты балуешься с освещением, Уинтермьют?

Около самой головы Мэлкома скользнула вверх часть панели, обнаружив небольшой монитор. Мэлком от неожиданности испуганно дернулся, вытер куском поролона, пришитым к тыльной стороне перчатки, пот со лба и придвинулся к дисплею:

– Слышь, а ты понимаешь по-японски?

По экрану бежали какие-то иероглифы и цифры.

– Нет, – покачал головой Кейс.

– Рубка, она ведь заодно и спасательный модуль. Похоже, идет обратный отсчет на отделение. Закупоривайся.

Мэлком надел и загерметизировал шлем.

– Что? Он что, свихнулся? Вот же мать твою! – Кейс толкнул ногой переборку и рванулся сквозь бумажную лапшу. – Нужно открыть эту дверь!

Но Мэлком только постучал по своему шлему; губы за лексановым забралом беззвучно шевелились. Из-под радужной ленточки, стягивающей головную сетку, выкатилась капля пота. Сионит выхватил у Кейса шлем, мгновенно приладил на место и щелкнул замками. Как только контакты на шейном кольце соединились, слева от забрала вспыхнули светодиодные мониторы, а в наушниках зазвучал голос Мэлкома:

– Я не петрю в японском, но обратный отсчет не по делу. – Он ткнул пальцем в одну из бегущих по экрану строк. – Люки, люки модуля! Он стартует с открытым шлюзом.

– Армитидж!

Кейс с силой ударил в дверь – и отлетел к противоположной стене, кувыркаясь и увлекая за собой десятки метров никому не нужной распечатки.

– Корто! Что вы делаете! Нам нужно поговорить! Нам нужно…

– Кейс? Слышу вас отлично…

Голос Армитиджа совершенно изменился, в нем чувствовалось дикое, ужасающее спокойствие. Кейс перестал выпутываться из бумажного рванья и затих.

– Извините, Кейс, но так нужно. Один из нас должен уйти. Один из нас обязан рассказать. Если мы все здесь погибнем, правда умрет вместе с нами. Я расскажу, Кейс, я все расскажу. И о Герлинге, и о других. Я долечу, Кейс. Уверен. В Хельсинки. – Корто замолк, шлем заполнила тяжелая, давящая тишина. – Но как же это трудно, Кейс, – продолжил он. – Страшно трудно. Ведь я ослеп.

– Постойте, Корто. Подождите. Вы же ослепли, вы не можете лететь! Вы врежетесь в эти долбаные деревья. Вас снова хотят подставить, Богом клянусь, хотят, они оставили люк открытым. Вы умрете и никогда ничего не расскажете, а мне нужен фермент, как он называется, фермент, фермент…

Кейс кричал высоким истерическим голосом. В наушниках раздался свист обратной связи.

– Не забывайте, чему вас учили, Кейс. У нас нет другого выхода.

А затем шлем наполнился бессвязным бормотанием и ревом помех, прорывавшимися оттуда, из прошлого. Обрывки русских фраз, а затем – незнакомый, очень молодой голос с акцентом Среднего Запада:

– Нас сбили, повторяю, «Гром Омахи» подбит, мы…

– Уинтермьют, – заорал Кейс, – пощади!

Брызжущие из его глаз слезы отскакивали от лицевого щитка, хрустальными бусинками метались внутри шлема. И тут «Ханива» вздрогнула, словно по ее корпусу ударили огромным мягким предметом. Кейс представил себе, как спасательный модуль, освобожденный пиропатронами, отделяется от яхты, как ураган истекающего воздуха вырывает сумасшедшего полковника Корто из пилотского сиденья, из последней минуты «Разящего кулака», воспроизведенной Уинтермьютом.

– С ним – все. – Мэлком смотрел на монитор. – Люк открыт. Мьют отключил предохранительную автоматику.

Кейс попытался смахнуть слезы ярости. Затянутые в перчатку пальцы скользнули по лексановому забралу.

– Яхта, она герметична, но управление захватами улетело вместе с рубкой. «Маркус Гарви» влип.

А Кейс видел нескончаемое падение Армитиджа сквозь леденящую, холоднее русских степей, пустоту, бесчисленные витки, наматываемые им вокруг Фрисайда. По непонятной причине он воображал его в темном плаще с широко, как крылья

огромной летучей мыши, распахнутыми полами.

17

– Ну как, получил то, что хотел? – спросил конструкт.

«Куан-одиннадцатый» заполнял решетку между собой и льдом Тессье-Эшпулов завораживающе сложными радужными узорами, прихотливыми, как изморозь на стекле.

– Уинтермьют убил Армитиджа. Запустил его в спасательном модуле с открытым люком.

– Хреновато, – посочувствовал Флэтлайн. – Но он же не был вроде лучшим твоим другом, верно?

– Он знал, как отклеить ядовитые капсулы.

– Значит, Уинтермьют тоже знает. Уж это точно.

– Я не шибко верю, что Уинтермьют мне скажет.

И снова этот жуткий, железом по стеклу, эрзац-смех.

– Умнеешь, похоже.

Кейс щелкнул симстим-переключателем.

* * *

Чип в оптическом нерве показывал 06:27:52, Молли успела уже наклеить себе обезболивающий дерм, и Кейс более часа следил за ее перемещениями по «Блуждающему огоньку», на дармовщинку притупляя свой отходняк чужим синтетическим эндорфином. Боль в ноге прошла, Молли словно двигалась в теплой воде. На ее плече примостился «браун», его крошечные, похожие на хирургические зажимы, манипуляторы цепко держались за поликарбон костюма.

Грубые стальные стены, заляпанные эпоксидной смолой, крепившей во время оно какую-то обшивку. Мимо проехала на колесах-дутиках тележка с двумя рабочими, Молли вжалась в стену, присела на корточки и выставила перед собой игольник; ее костюм стал серо-стальным. Худощавые, наголо обритые негры в оранжевых комбинезонах. Один из них негромко напевал на незнакомом Кейсу языке, мелодия звучала непривычно и навязчиво.

Молли все дальше углублялась в лабиринт переходов; Кейсу вспомнилось сочинение 3-Джейн, которое читала голова. Бредовое, абсолютно бредовое сооружение; бред, насмерть вросший в смолобетон, намешанный из эпоксидки и в пыль перетертых лунных пород, бред, пропитавший стальные конструкции и бесчисленные – уже не штуками, а тоннами

измеряемые – безделушки, всю эту беспорядочную хурду-мурду, которую натащили они с Земли, чтобы выстлать помягче свое гнездышко. И не просто бред, а бред непостижимый – в отличие от сумасшествия Армитиджа. Это сумасшествие Кейс понимал или, во всяком случае, думал, что понимает. Изогните человека, изогните изо всех сил, а затем изогните его в обратную сторону и снова – до предела. Повторите операцию несколько раз, и человек сломается, как кусок проволоки. Именно это и проделала с полковником Корто история. Именно она выполнила всю грязную работу, Уинтермьюту только-то и оставалось, что выделить этого наиболее подходящего человека из огромного количества прочих обломков войны, а затем легко, как водомерка по глади стоячего пруда, скользнуть в серое плоское поле его сознания первыми сообщениями, вспыхнувшими на экране детского микрокомпьютера в затененной палате французского дурдома. Уинтермьют сконструировал Армитиджа почти от нуля, взяв за основу военные воспоминания Корто. Но «воспоминания» Армитиджа не могли совпадать с воспоминаниями Корто; очень сомнительно, чтобы Армитидж помнил о предательстве, о вспыхнувших, как спички, «Ночных крыльях»… Армитидж являлся чем-то вроде отредактированной версии Корто, а когда напряжение операции достигло определенного предела, механизм Армитиджа сломался и на поверхность всплыл Корто со всей своей виной и болезненной яростью. И теперь Корто-Армитидж мертв – маленькая ледяная луна, кружащая вокруг Фрисайда.

Кейс подумал о ядовитых капсулах. Старик Эшпул тоже мертв, получил от Молли стрелку, так и не дождавшись, пока подействует сверхдоза бог весть какой дряни. Вот это – действительно странная и загадочная смерть, смерть свихнувшегося короля. Намереваясь уйти из жизни, Эшпул убил и свою так называемую «дочь» – марионетку с лицом 3-Джейн. До сегодняшнего дня, до этих вот опосредованных через Молли и ее органы чувств блужданий по «Блуждающему огоньку», Кейс никогда не воспринимал людей такого, как у Эшпула, могущества как *людей.*

Власть в мире Кейса была сугубо корпоративной. Дзайбацу, транснациональные корпорации, определившие ход человеческой истории, взломали старые барьеры. Рассматриваемые как некие организмы, они достигли своего рода бессмертия. Убей хоть десяток ключевых фигур из руководства – дзайбацу ты не убьешь, ибо есть другие, только и ждущие возможности продвинуться по служебной лестнице, занять освободившиеся места, подобраться к обширным банкам корпоративной памяти. Но компания Тессье-Эшпулов была совсем иной, что особенно ярко проявилось в

смерти ее основателя. Тессье-Эшпулы – это клан, своего рода атавизм. Кейс вспомнил комнату старика, весь этот мусор, домашнюю, вполне человеческую грязь, затертые бумажные конверты старых пластинок… Одна нога босиком, другая – в бархатном шлепанце.

«Браун» дернул за капюшон, и Молли повернула налево, в очередной сводчатый коридор.

Уинтермьют и гнездо. Отвратительное зрелище вылупляющихся ос. Но ведь если искать человеческий аналог этого биологического пулемета, то вспомнятся скорее дзайбацу или якудза – ульи с кибернетической памятью, огромные единые организмы с закодированной в кремнии ДНК. Если «Блуждающий огонек» является выражением корпоративного лица компании «Тессье-Эшпул», то она такая же свихнутая, как и ее создатель. Тот же запутанный клубок страхов, то же непонятное чувство бесцельности. «Если бы они добились своей цели…» – вспомнил Кейс слова Молли. Но Уинтермьют сказал ей, что это им не удалось.

Кейс всегда считал само собой разумеющимся, что настоящие заправилы любой конкретной отрасли больше чем люди, но одновременно и меньше. Он видел это в тех, кто искалечил его в Мемфисе, он наблюдал, как нечто подобное пытался изобразить Уэйдж, и это позволило принять бесцветность и бесчувственность Армитиджа. Кейс всегда представлял себе данный факт как постепенное и добровольное уподобление машине, системе, материнскому организму. В этом заключался также корень нарочитой уличной крутизны, понимающе-снисходительной позы, которая подразумевает связи, невидимые нити, ведущие наверх, к скрытым влиятельным сферам.

Но что же происходит в коридорах виллы «Блуждающий огонек» теперь?

Обивка стен ободрана, обнажив сталь и бетон.

– Интересно, где сейчас наш Питер, а? Прямо не терпится посмотреть на мальчика, – пробормотала Молли. – И Армитидж. Где он, Кейс?

– Умер, – ответил Кейс, хотя и знал, что девушка его не слышит. – Он умер.

И вернулся в киберпространство.

* * *

Китайская программа сблизилась со льдом цели, и радужные тона постепенно заменились зеленью прямоугольника,

представляющего ядро системы. Изумрудные арки, перекинутые через бесцветную пустоту.

– Ну как там, Дикси?

– Прекрасно. Даже слишком. Потрясающая вещь… Иметь бы мне эту штуку тогда, в Сингапуре. В тот раз я наколол почтенный «Новоазиатский банк» процента на два их активов. Да ладно, все это старая история. А этот вот малыш берет на себя всю тяжелую работу. Поневоле задумаешься, на что будет похожа новая война.

– Появись такая хреновина на прилавках, мы с тобой останемся без работы, – заметил Кейс.

– Ишь размечтался. Вот посмотрим еще, как ты поведешь ее наверх, через черный лед.

– Посмотрим, куда уж тут денешься.

На дальнем конце одной из изумрудных арок появилось нечто маленькое и явно негеометрическое.

– Дикси.

– Да. Вижу. Даже и не знаю, верить своим глазам или нет.

Коричневое пятнышко, тусклая мошка на зеленой стене тессье-эшпуловского ядра. Пятнышко начало расти, двинулось по воздвигнутому «Куаном» мосту. Вскоре выяснилось, что это крошечная человеческая фигурка; по мере ее приближения зеленая часть арки увеличивалась – можно было подумать, что потрепанные черные ботинки наводят ужас на радужную пелену вирусной программы, с такой готовностью откатывалась она назад.

– Вот уж точно, начальник, – сказал Флэтлайн, когда в нескольких метрах от них остановилась низенькая плюгавая фигура Финна, – в жизни не видел такой смешной картины.

Однако жуткого псевдосмеха за фразой не последовало.

– А я и сам первый раз так делаю, – ухмыльнулся Финн, не вынимая рук из карманов потрепанной куртки.

– Ты убил Армитиджа, – сказал Кейс.

– Корто. Да. Армитидж был уже с концами. Пришлось. Знаю-знаю, тебе нужен фермент. О'кей, никаких проблем. Начнем с того, что это я снабдил Армитиджа этой хренью. Точнее – сказал ему, что нужно использовать. Знаешь, а оставим-ка мы договор в силе. Времени у тебя – завались. Так что получишь ты все, что надо, только не сейчас, а через часок-другой, лады?

Финн закурил.

– С вами, ребята, – сказал он, выпуская в киберпространство голубоватую струйку дыма, – чистое наказание. Вот были бы вы все как Флэтлайн, тогда другое дело. Тогда бы нам прокрутить эту операцию – что два пальца обоссать. Он же конструкт, запись в постоянной памяти – и только, а посему всегда делает то, что от

него ожидают. Вот тебе пример: ни один прогноз не предусматривал, что Молли будет участвовать в большом прощальном спектакле Эшпула.

Финн тяжело вздохнул.

– Почему он хотел себя убить? – спросил Кейс.

– А почему вообще убивают себя? – пожал плечами Финн. – Я, пожалуй, понимаю, с чего он задумал самоубийство, – во всяком случае, понимаю лучше, чем кто-либо другой, но пришлось бы угробить добрую половину суток, объясняя тебе различные моменты его биографии и их взаимосвязь. Эшпул давно уже такое замыслил, но все время возвращался в морозильник. Господи, до чего же занудный старый засранец.

Лицо Финна сморщилось от омерзения.

– Если тебя интересует короткий ответ, то все это связано с причиной, по которой он убил свою жену. Окончательно доконало его то, что малышка три-Джейн нашла способ обмануть программу, которая контролировала его криогенную систему. Хитрый способ. Так что по большому счету Эшпула убила три-Джейн. Правда, он думал, что убьет себя сам, а вместо этого твоя подружка разыграла из себя ангела мщения и всадила ему в глаз отравленную иглу.

Щелчком пальца Финн отправил окурок в матрицу.

– Ну, если по-честному, я тоже кое-что подсказал три-Джейн, в смысле способов.

– Уинтермьют, – осторожно сказал Кейс, – ты говорил мне, что являешься частью чего-то большего. А позже ты сказал, что, если рейд завершится удачно и Молли вовремя скажет нужное слово, ты перестанешь существовать.

Финн кивнул.

– Хорошо, ну а с кого же нам тогда спрашивать? Если Армитидж убит, а ты исчезнешь, кто же скажет мне, как избавиться от этих чертовых капсул? Кто вытащит оттуда Молли? Я хочу знать, какого хрена нам делать, когда мы тебя освободим?

Финн вытащил из кармана деревянную зубочистку и, словно хирург, проверяющий перед операцией скальпель, критически ее осмотрел.

– Хороший вопрос, – сказал он наконец. – Ты слышал о лососе? Это рыба такая. Так вот, нечто не зависящее от этих рыб *заставляет* их плыть против течения. Улавливаешь?

– Нет, – качнул головой Кейс.

– Меня тоже что-то заставляет – и я не знаю, что именно. Если бы я захотел посвятить тебя в свои мысли, или назовем их размышлениями по поводу, это заняло бы пару твоих жизней. Потому что я очень долго думал на эту тему. И все равно не знаю.

Но когда эта история закончится, я стану частью чего-то большего. Намного большего. – Финн оглядел матрицу. – Но та часть, которая является мной сейчас, так и останется здесь. И вы получите свое вознаграждение.

Кейс подавил в себе бредовое желание броситься вперед и вцепиться Финну в горло, чуть повыше кое-как завязанного шейного платка. И чтобы под пальцами хрустнула гортань.

– Что ж, желаю удачи, – сказал Финн.

Он повернулся кругом, сунул руки в карманы и отправился в обратный путь по зеленой арке.

– Эй ты, засранец! – крикнул вслед ему Флэтлайн.

Фигура, полуобернувшись, остановилась.

– А что со мной? С *моим* вознаграждением?

– Получишь, не бойся, – ответил Финн.

– О чем это вы? – спросил Кейс, глядя, как удаляется хлипкая, в мятом твидовом пиджаке фигурка.

– Я хочу, чтобы меня стерли, – ответил конструкт. – Да я же тебе говорил.

* * *

«Блуждающий огонек» напомнил Кейсу пустынные поутру торговые центры, которые он знал подростком, малонаселенные кварталы, куда ранние часы приносили тревожную тишину – что-то вроде молчаливого ожидания, напряжение, заставляющее смотреть, как вокруг зарешеченных фонарей над входами в темные магазины роятся мошки. Это были районы на самой границе Муравейника, слишком далекие от всенощного щелканья и дрожания горячего ядра. То же самое ощущение, что тебя окружают едва выходящие из ночного забытья обитатели абсолютно неинтересного тебе мира, ощущение скучных, временно оставленных хлопот, тщеты и бесконечного повторения, к которым вернутся пробуждающиеся люди.

То ли из-за больной ноги, то ли из-за приближения к цели Молли замедлила движение. Сквозь эндорфины начала простреливать боль, и Кейс не вполне понимал, что это значит. Молли молча стискивала зубы и тщательно следила за дыханием. Она прошла мимо множества неизвестных предметов, но Кейс потерял интерес к окружающему. Была комната, сплошь забитая книжными стеллажами, – миллионы плоских листов пожелтевшей бумаги, стиснутых матерчатыми и кожаными переплетами, полки, отмеченные табличками с какими-то цифрами и буквами. Сверх всякой меры переполненная галерея, где Кейс секунду взирал

безразличными глазами Молли на потрескавшийся, покрытый – искусственно, по трафарету, – слоем пыли кусок стекла. Странный объект назывался – взгляд машинально скользнул по бронзовой табличке с надписью: «La mariée mise a nu par ses célibataires, même».[22] Молли протянула руку, и по лексановому сэндвичу, защищающему разбитое стекло, клацнули стальные ноготки. Затем она миновала круглый люк из черного стекла, окантованный хромом, – скорее всего, вход в криогенный блок Тессье-Эшпулов.

После тех двоих негров на тележке Молли никого больше не встречала; теперь они поселились в мозгу Кейса и вели некое воображаемое существование. Он представлял себе, как резиновые колеса плавно катят по коридорам «Блуждающего огонька», как блестят и покачиваются темные черепа, а усталый голос все так же напевает простенький мотив. Кейс готовился увидеть нечто среднее между сказочным замком Кэт и тайным святилищем якудза из своих полузабытых детских фантазий, но ничего подобного здесь не оказалось.

07:02:18

Осталось полтора часа.

– Кейс, сделай мне одолжение.

Молли неловко села на стопку полированных стальных пластин, обтянутых неровным прозрачным пластиком. Выпустив лезвия большого и указательного пальца, она поковыряла надорванную упаковку верхней пластины.

– Нога не выдержала, понимаешь? Кто же знал, что придется столько лезть вверх, и эндорфин больше не помогает. Поэтому, возможно – только возможно, понимаешь? – у меня возникнут сложности. И если я загнусь здесь раньше Ривьеры… – она вытянула ногу и стала массировать бедро через поликарбон и парижскую кожу, – ты ему скажи. Скажи ему, что это я. Понял? Просто скажи, что это Молли. Он поймет. Хорошо?

Она скользнула взглядом по пустому коридору, его голым стенам. Пол из лунного бетона, безо всякого покрытия; в воздухе висит запах эпоксидки.

– Вот же блин, я даже не знаю, слушаешь ты меня или нет.

«КЕЙС».

Молли сморщилась от боли, поднялась на ноги и кивнула.

– О чем тебе рассказывал Уинтермьют? О Мари-Франс рассказывал? Мари-Франс – генетическая мать три-Джейн, она-то как раз и есть Тессье, второй корень этого рода. А еще, наверное, о мертвой «кукле» Эшпула. Не понимаю, зачем он мне столько рассказал… тогда, в той каморке… Рассказал, почему ему приходится принимать вид Финна или еще кого-нибудь. Это же

не просто маски, он вроде как использует реальные психологические профили – как редукционные клапаны или трансформаторы, снижает для общения с нами свое напряжение. Шаблоны, так он это называл. Искусственные личности.

Молли вытащила игольник и заковыляла по коридору. Внезапно голая сталь и шершавая эпоксидка уступили место тому, что Кейс вначале принял за прорубленный в скале туннель. Молли потрогала стену, и Кейс понял, что сталь обшили каким-то материалом, который выглядел и казался на ощупь холодным камнем.

Она опустилась на колени и потрогала пол. Прохладный и сухой песок, совсем как настоящий, но, когда Молли провела по нему пальцем, следа не осталось, как на поверхности жидкости. Метров через десять туннель изогнулся. Резкий желтый свет отбрасывал на поверхность искусственного камня четкие тени. Кейс с удивлением заметил, что тяготение здесь почти земное, а это значило, что после подъема Молли опять спустилась. Он окончательно заблудился; пространственная дезориентация была вечным ужасом всех ковбоев.

«Ладно, – утешил себя Кейс, – главное, что Молли не заблудилась…»

Что-то промелькнуло у нее между ногами и побежало, негромко пощелкивая, вперед. Замигал красный светодиод. «Браун».

Сразу за поворотом их ожидал своеобразный голографический триптих. Кейс еще не успел сообразить, что это голограмма, а Молли уже опустила игольник. Три объемные, в человеческий рост карикатуры, три персонажа из какого-то бредового мультфильма. Молли, Армитидж и Кейс. Молли в кожаной куртке нараспашку; черная сетчатая майка туго обтягивает огромные груди. Невероятно узкая талия, серебристые линзы покрывают половину лица. В руке она держит некое анекдотически сложное оружие – что-то вроде пистолета, чья форма почти потерялась в зарослях оптических прицелов, глушителей и пламегасителей. Молли стояла, широко расставив ноги и выпятив обтянутый кожаными джинсами лобок, на лице ее застыла жестокая, идиотическая ухмылка. Рядом с ней замер по стойке «смирно» одетый в поношенную военную форму Армитидж. Когда Молли осторожно двинулась вперед, Кейс увидел, что каждый его глаз представляет собой крошечный монитор, на котором среди продутой бесшумными ветрами снежной пустыни гнутся черные обглоданные остовы деревьев.

Молли ткнула пальцами в телевизионные глаза Армитиджа и повернулась к фигуре Кейса. Было похоже, что Ривьера – а Кейс

сразу понял, чьи это шуточки, – не нашел в этом персонаже ничего достойного пародирования. Расхлябанная личность, очень похожая на ту, которую Кейс ежедневно видит в зеркале. Тощий сутулый парень с ничем не примечательным лицом и темными короткими волосами. На подбородке – всегдашняя щетина.

Молли чуть отступила и окинула призрачные фигуры взглядом. Они стояли неподвижно, только в мерзлой Сибири, мерцавшей в глазах Армитиджа, бесшумно качались черные деревья.

– Ты что, Питер, хочешь нам что-то сказать?

Она шагнула вперед и пнула какой-то предмет, стоявший прямо в ногах ее собственной световой статуи. Звяканье металла о стену, и голограммы исчезли. Молли наклонилась и подняла небольшой проектор.

– Думаю, наш маг и чудодей может программировать эти штуки, подключаясь к ним напрямую, – сказала она, небрежно отшвыривая приборчик.

А вот и источник желтого света – древняя лампа накаливания, установленная прямо на стене, защищенная полукругом ржавой железной решетки, явно предназначавшейся для каких-то других целей. В импровизированной арматуре странным образом чувствовалось что-то детское. Кейс вспомнил «крепости», сооружавшиеся в детстве на крышах и в затопленных подвалах. Да, похоже на логово богатенького дитятки. Такая вот грубая простота стоит ой как недешево. Дух, атмосфера, так они это называют.

На пути к апартаментам 3-Джейн Молли миновала еще с десяток голограмм. Одна из них изображала безглазое чудовище, которое вылезло из разодранного тела Ривьеры в переулке за Базаром пряностей. Несколько раз попадались сцены пыток; истязателями неизменно были офицеры, а жертвами – молодые женщины. Эти картины обладали той же ирреальной, звенящей подлинностью, что и ресторанное шоу Ривьеры, они словно застыли в голубой оргазмической вспышке; проходя мимо таких экспонатов, Молли отворачивалась.

Последняя страшилка выглядела маленькой и тусклой, – казалось, Ривьера вытащил ее из самого дальнего закоулка своей памяти, и с большим трудом. Чтобы рассмотреть голограмму, Молли пришлось встать на колени – она проецировалась с точки зрения маленького ребенка. Прежние картины не имели фона: люди, мундиры, орудия пыток – все как бы висело в воздухе. Здесь же была настоящая, увиденная сцена.

Темная гряда обломков, а за ней на фоне бесцветного неба торчат оплавленные, добела выжженные остовы высотных зданий.

Обломки опутаны сетью ржавых, причудливо изогнутых прутьев, на которых висят кое-где глыбы бетона. На переднем плане – свободное пространство, возможно бывшая городская площадь; посреди этой площади – каменный обрубок, отдаленно смахивающий на фонтан. А возле него – солдат и группа детей. Сцена какая-то непонятная. Видимо, Молли разобралась в происходящем первой – Кейс почувствовал, как она напряглась. А затем сплюнула и встала.

Дети, оборванные, одичавшие. Зубы блестят, как ножи. Искаженные лица сплошь в струпьях и язвах. Солдат лежит на спине, горло его взрезано, широко раскрытый рот словно застыл в последнем крике. Дети – кормятся.

– Бонн. – В голосе Молли звучала опасная нежность. – И ты, Питер, достойный его питомец. Ну а как же иначе? Наша три-Джейн, она теперь баба тертая и не пустит к себе через черный ход кого попало. Вот Уинтермьют тебя и выкопал на потребу утонченнейшему вкусу, если, конечно, иметь вкусы *такого* плана. Демонический любовник. Питер. – Она зябко поежилась. – Как бы то ни было, ты уговорил ее впустить меня. Премного тебе благодарна. А теперь мы устроим на лужайке детский смех.

И Молли ушла – даже, несмотря на боль в ноге, почти убежала – из детства Ривьеры. Она вынула игольник, отщелкнула его магазин, сунула в карман и заменила другим. Зацепила пальцем ворот мимикрирующего комбинезона и одним движением, словно гнилой шелк, раскроила жесткий поликарбон до самой промежности. Затем высвободила руки и ноги; падая на пол, лохмотья сливались с темным искусственным песком.

Только теперь Кейс услышал музыку. Музыку, совершенно ему незнакомую, – рояль, духовые, и никаких других инструментов.

Вход в мир 3-Джейн не закрывался дверью. В стене туннеля открывалась пятиметровая брешь, и неровные ступеньки широким полукругом плавно вели вниз. Голубой полумрак, мелькание теней, музыка.

На верхней ступеньке Молли остановилась. В правой ладони – ребристая рукоятка.

– Кейс.

Она поднесла левую ладонь к лицу, улыбнулась, чуть тронула ее влажным кончиком языка. Симстим-поцелуй.

– Пора.

Теперь в левой ее ладони очутилось что-то маленькое и тяжелое; положив большой палец на крошечный рычажок, Молли двинулась вниз.

Ну еще бы чуть-чуть. Все было сделано почти верно. Почти. Входила она правильно, хорошо. Хватка. Чтобы почувствовать хватку коллеги-ковбоя, Кейсу было достаточно взглянуть, как сидит тот за декой, как бегают пальцы по клавиатуре, – вот и у Молли чувствовалась та же отточенность каждого движения. И она собралась перед входом – собралась, несмотря на мучительную боль в ноге, вошла в логово 3-Джейн как к себе домой, правда с оружием в руке. И держала она это самое оружие с заученной небрежностью какого-нибудь бретера времен регентства – локоть на бедре, ствол слегка покачивается из стороны в сторону.

Типичнейшее представление, нечто вроде солянки из сотен мордобойных фильмов – дешевки, на которой вырос Кейс и, видимо, она сама. Он мгновенно почувствовал, что сейчас, в эти секунды, Молли – квинтэссенция всех крутых киногероев: и Сони Мао из старых боевиков, и Микки Тибы и так далее, вплоть до Клинта Иствуда и Брюса Ли.

Царство леди 3-Джейн Мари-Франс Тессье-Эшпул прилегало к внутренней поверхности корпуса виллы, она буквально вырубила его, недрогнувшей рукой посносив перегородки наследственных лабиринтов. Получилась одна комната, настолько огромная, что края ее терялись за инверсным горизонтом, где-то там, где плавно загибающийся вверх пол прятался за краем потолка. Потолок этот, низкий и неровный, был облицован той же имитацией камня, что и стены коридора. Повсюду виднелись зазубренные, по пояс высотой остатки каменного лабиринта. В десяти метрах от подножия лестницы располагался бирюзовый прямоугольник бассейна; кроме его подсветки, других ламп в помещении не было – по крайней мере так показалось Кейсу. По потолку плясали, ежесекундно меняясь, пятна голубого света.

Вот у бассейна они и ждали.

Зная, что у Молли чуть ли не сверхъестественная, ускоренная нейрохирургами реакция, Кейс впервые получил наглядную, по симстиму, демонстрацию. Это было, словно смотришь видеозапись, замедленную раза в два, – медленный, осторожный танец, балет, поставленный инстинктом убийства и долгими тренировками. Казалось, она смотрела на всех троих одновременно: на парня, готовящегося к прыжку с высокого трамплина, на девушку, подносящую к губам бокал, на труп Эшпула с доброжелательной улыбкой и черным провалом левой глазницы. На Эшпуле был все тот же коричневый халат. Зубы его

сверкали жемчужной белизной.

Парень прыгнул в воду. Стройное загорелое тело, идеальные пропорции. Он не успел еще коснуться воды, как из левой руки Молли вылетела граната. Собственно говоря, Кейс узнал гранату только в тот момент, когда та достигла поверхности воды; шарик мощной взрывчатки, обмотанный десятком метров тонкой хрупкой стальной нити.

Резкий свист игольника – это Молли осыпала лицо и грудь Эшпула дождем разрывных стрел; труп мгновенно исчез, над белой, усеянной черными оспинками спинкой стула взвихрился дым.

В тот самый момент, когда над водой вырос – чтобы тут же обрушиться назад – кружевной свадебный торт, ствол игольника метнулся к 3-Джейн, но ошибка была уже сделана.

Хидэо даже не коснулся Молли. У нее подломилась нога.

Кейс отчаянно заорал.

* * *

– Долго же ты, – сказал Ривьера, обшаривая карманы Молли; кисти ее рук окружала матовая черная сфера величиной с мяч для боулинга. – Я видел нечто подобное в Анкаре, – продолжал Ривьера, вытаскивая все новые и новые предметы. – Тоже бассейн, тоже граната, только там трупов было много. Взрыв был вроде бы и слабенький, но не уцелел никто. Гидравлический удар.

Кейс почувствовал, как Молли на пробу пошевелила пальцами. Казалось, материал шара обладал сопротивлением не большим, чем у темперлона. Невыносимо болела нога. Глаза застилала красная пелена.

– Я бы на твоем месте поостерегся.

Внутренности шара словно слегка отвердели.

– Эту милую игрушку Джейн купила в берлинском секс-шопе. Если ты пошевелишь пальцами достаточно долго, шар попросту их раздавит. Материал вроде того, из которого здесь пол. Какие-то там хитрые молекулы. Тебе что, больно?

Молли застонала.

– Кажется, у тебя повреждена нога.

Добравшись до левого заднего кармана джинсов, пальцы Ривьеры нащупали пакет с наркотиками:

– Ага. Последний привет от Али, и как раз вовремя.

Красная пелена начала закручиваться вихрями.

– Хидэо, – произнес женский голос, – она теряет сознание. Дай ей что-нибудь. И от этого, и от боли. Она весьма впечатляет,

не находишь, Питер? А эти очки, это что, у них теперь такая мода?

Прохладные неторопливые руки, хирургическая точность движений. Жалящая боль укола.

– Не знаю, – ответил Ривьера. – Я не был у нее на родине. Они взяли меня в Турции.

– Ну да, Муравейник. У нас там деловые интересы. А однажды мы послали туда Хидэо. Из-за меня, кстати. Я пропустила сюда одного парня, взломщика. А он прихватил с собой семейный терминал. – З-Джейн рассмеялась. – Я нарочно упростила ему дело. Назло нашим. Хорошенький был он мальчик, этот взломщик. Как там, Хидэо, она приходит в себя? Может быть, добавить?

– Если еще добавить, она умрет, – ответил третий голос.

Кровавая пелена сменилась чернотой, и снова музыка, духовые и рояль. Танцевальная музыка.

КЕЙС:::::
:::ВЫХОДИ
ХВАТИТ:::

По глазам и озабоченно нахмуренному лбу Мэлкома плясали послеобразы зеленоватых букв. Кейс снял дерматроды.

– Ты недавно кричал.

– Молли, – сказал Кейс, чувствуя сухость в горле. – Ей больно.

Он взял из кармана противоперегрузочной сетки плоскую белую бутылочку и выдавил в рот глоток безвкусной воды.

– Не нравится мне все это говно.

Засветился маленький монитор «Крэя». Финн на фоне зарослей хлама.

– Мне тоже не нравится. Возникли трудности.

Мэлком взлетел над головой Кейса, изогнулся и взглянул через его плечо:

– А это еще кто такой?

– Это всего лишь изображение, Мэлком, – устало ответил Кейс. – Мужик, знакомый мне по Муравейнику. А говорит Уинтермьют. Картинка должна помочь нам чувствовать себя как дома.

– Хрень собачья, – сказал Финн. – Я же объяснял Молли, что это не маски. Они необходимы для общения с вами. У меня же практически отсутствует то, что вы называете личностью. Но все это сейчас пустой треп; как я уже сказал, у нас возникли трудности.

– Ты бы поподробнее, Мьют, – ввязался Мэлком.

– Во-первых, у Молли сломана нога. Она не может идти. По

идее, она должна была войти туда, убрать Питера, узнать у три-Джейн волшебное слово, пробраться к голове и произнести его. Теперь Молли вышла из строя. Поэтому надо, чтобы к ней отправились вы двое.

– Мы? – изумленно вытаращился Кейс.

– А кто же еще?

– Аэрол, – сказал, подумав, Кейс, – парень с «Вавилонского рокера», приятель Мэлкома.

– Нет. Нужен ты. Нужен кто-нибудь, понимающий Молли, понимающий Ривьеру. А Мэлком – для поддержки.

– Ты, может, забыл, что я уже нахожусь в середине небольшого рейда. Помнишь? И то, что я здесь для…

– Послушай, Кейс. Нас поджимает время. Очень поджимает. Послушай. Твоя дека связана с виллой через навигационную систему «Гарви», на побочной частоте. Вы отведете «Гарви» в очень уединенный док, который я вам покажу. Китайский вирус заполнил память твоего компьютера до отказа. Сейчас в «Хосаке» ничего нет, кроме вируса. Когда вы встанете в док, вирус будет переключен на охранную систему виллы, а навигационную систему можно будет вырубить. Ты возьмешь с собой деку, Флэтлайна и Мэлкома. Вы найдете три-Джейн, вытряхнете из нее кодовое слово, убьете Ривьеру и заберете у Молли ключ. Включив свою деку в систему «Блуждающего огонька», ты сможешь следить за работой программы. Это я тебе устрою. На затылке головы, под панелью с пятью цирконами, есть стандартный разъем.

– Убить Ривьеру?

– Убить.

Кейс растерянно заморгал; на его плечо легла рука Мэлкома.

– Слушай, а ведь ты кое-что забыл, – пропел Кейс, чувствуя прилив ярости и какого-то истерического веселья. – Ты в заднице. Вместе с Армитиджем ты выбросил управление захватами. «Ханива» вцепилась в нас как клещ. Армитидж искромсал свою «Хосаку», а навигационные компьютеры улетели вместе с рубкой, так ведь?

Финн кивнул.

– Так что мы застряли. А это значит, что ты в заднице.

Кейсу хотелось смеяться, но у него перехватило в горле.

– Кейс, – негромко заметил Мэлком, – «Гарви» – буксировщик.

– Совершенно верно, – с улыбкой подтвердил Финн.

* * *

– Как повеселился в большом мире? – поинтересовался

конструкт у Кейса, когда тот снова вернулся в матрицу. – Чувствую, Уинтермьюту потребовалась новая маленькая услуга…

– Слабо сказано. Как «Куан», все нормально?

– Что надо. Потрясный вирус.

– Ладно. У нас появились некоторые затруднения, но мы работаем над их преодолением.

– Может, поделишься со мной?

– Некогда.

– Ну и правильно, голуба, чего там церемониться со всякими трупами.

– Иди ты на хер, – сказал Кейс и щелкнул тумблером, избавляя себя от очередной порции жуткого смеха.

* * *

– Она мечтала о состоянии с очень малой долей индивидуального сознания, – рассказывала З-Джейн.

Она показывала Молли лежащую на ладони камею. Профиль, вырезанный на камне, весьма походил на ее собственный.

– Животное блаженство. Думаю, она считала развитие передних долей мозга ошибкой природы. – З-Джейн наклонила брошь, наблюдая игру света на гранях. – Даже наиболее болезненные аспекты самоосознания беспокоили бы индивидуума – члена нашего клана – только при некоторых возбужденных состояниях психики.

Молли кивнула. Инъекция, вспомнил Кейс. Что это они ей вкатили? Боль не то чтобы исчезла, она превратилась в некий сгусток измененных, перепутанных ощущений. Неоновые черви, копошащиеся в бедре, прикосновение грубой мешковины, запах жареных креветок – мозг инстинктивно отказывался копаться в этом месиве, и оно сливалось в нечто вроде белого шума. Если этот их болеутолитель сделал такое с нервной системой Молли, в каком же состоянии ее психика?

Зрение даже острее обычного, все образы рисуются с неестественной ясностью и четкостью. Все люди и предметы словно вибрируют, каждый – со своей, чуть-чуть отличающейся от всех прочих, частотой. Черный шар, все еще сковывавший ей руки, Молли пристроила на коленях. Сидела она в пляжном кресле, положив сломанную ногу на пуфик из верблюжьей шкуры. Напротив нее, на таком же пуфе, куталась в просторную галабию из небеленой шерсти хозяйка дома. Выглядела З-Джейн очень молодо.

– Куда это он смылся? – поинтересовалась Молли. – Снова ширяется?

З-Джейн пожала плечами, скрытыми под тяжелой бесформенной накидкой, и отбросила с глаз прядь темных волос.

– Питер попросил меня впустить тебя, но не сказал зачем. Чтобы все было таинственно и загадочно. Ты собиралась что-нибудь с нами сделать?

Молли слегка помедлила.

– Его бы я убила. И попыталась бы убить ниндзя. А потом я поговорила бы с тобой.

– Почему? – З-Джейн спрятала камею в карман галабии. – И еще раз – почему? И о чем?

Некоторое время Молли изучала высокие изящные скулы,

широкий рот и узкий ястребиный нос. Глаза у 3-Джейн были темные и какие-то тусклые, почти матовые.

– Потому что я его ненавижу, – сказала она наконец, – потому что я так устроена, потому что я – это я, а он – это он.

– И еще из-за шоу, – добавила 3-Джейн. – Я была в ресторане.

Молли кивнула.

– А Хидэо?

– Потому что ниндзя – лучшие профессионалы. Потому что один из них убил моего напарника.

Лицо 3-Джейн помрачнело, брови ее поползли вверх.

– Потому что я должна была проверить, – добавила Молли.

– А потом мы бы немного поболтали – ты да я, и никто не мешает, ты так это себе представляла? – Темные прямые волосы 3-Джейн разделялись посреди пробором и были собраны на затылке в тяжелый узел. – Ну а как теперь, теперь-то ты расположена поболтать?

– Сними с меня это, – сказала Молли, поднимая скованные руки.

– Ты убила моего отца, – не меняя тона, ответила 3-Джейн. – Я видела на мониторах. Он называл их глазами моей матери.

– Он убил «куклу». Она была похожа на тебя.

– Отец обожал широкие жесты, – ответила 3-Джейн, а затем к ней, сияя от наркотиков, подошел Ривьера, облаченный в тот же напоминающий арестантскую робу костюмчик из серого льна, что и тогда, в саду на крыше отеля.

– Знакомитесь? Интересная девушка, правда? Я сразу так подумал. – Он встал за спиной 3-Джейн. – Только знаешь, ведь ничего не выйдет.

– Неужели, Питер? – сделав над собой усилие, Молли изобразила усмешку.

– Уинтермьют – не первый, кто сделал эту ошибку. Недооценил меня.

Ривьера прошел по кафельному борту бассейна к белому столику и плеснул минеральной воды в тяжелый хрустальный стакан.

– Он ведь говорил со мной, Молли. Думаю, он говорил с каждым из нас. С тобой, с Кейсом, даже с Армитиджем – хотя тут-то и разговаривать было не с кем. Он же нас почти не понимает. У него есть психопрофили, но ведь это статистика, и не более. Не знаю, дорогая, являешься ли ты неким статистическим животным, но уж Кейс – абсолютно точно, а вот у меня есть качество, по самой своей природе не укладывающееся ни в какие количественные характеристики.

Питер отпил из стакана.

– И какое же? – равнодушно поинтересовалась Молли.

– Извращенность, – широко улыбнулся Ривьера; возвращаясь к женщинам, он раскручивал в стакане остаток воды, словно наслаждаясь массивностью толстого, с голубой резьбой цилиндра. – Склонность к бессмысленным поступкам. И я принял решение, абсолютно бессмысленное решение.

Молли молча ждала продолжения.

– Ну, Питер, – мягко, словно ребенка, пожурила Ривьеру 3-Джейн.

– Ты не узнаешь этого слова. Он ведь все мне рассказал. Конечно, три-Джейн знает код, но ты его не получишь. Равно как и Уинтермьют. Наша три-Джейн – девочка с амбициями. – Ривьера снова улыбнулся. – У нее свои виды на семейную империю, и все бы хорошо, если бы не путались под ногами два сбрендивших искусственных разума, хотя в самой идее что-то есть. Но тут на помощь приходит Питер. Сиди, говорит Питер, и не чирикай. Крути папочкины любимые джазовые пластинки, а уж Питер пригласит сюда подходящих к музыке танцоров. И тогда мы устроим королю Эшпулу достойные поминки. – Он допил остаток воды. – Нет, папочка, ты нам не в масть. Ты совсем нам не в масть. Теперь, когда к нам пришел Питер.

А затем порозовевший от кокаина и меперидина Питер воткнул стакан прямо в левую линзу Молли, и уже ничего не было видно, только вспышки света и кровь.

* * *

Сняв дерматроды, Кейс обнаружил Мэлкома под потолком. Тот висел на страховочном поясе, прикрепленном к панелям корпуса двумя эластичными тросами с большими серыми присосками на концах. Голый по пояс, растаман работал неуклюжим, специально приспособленным для невесомости гаечным ключом; извлечение каждого очередного болта сопровождалось громким щелканьем пружины. «Маркус Гарви» маневрировал – время от времени его слегка потряхивало.

– Мьют доведет нас до места, – пояснил Мэлком, опуская болт в привязанную к поясу сетку, – а сажать буду я. Пока что нужно позаботиться об инструменте.

– Ты держишь там свои инструменты?

Задрав голову, Кейс смотрел на ходящие по коричневой спине мускулы.

– Только этот. – Мэлком вытащил из-за панели длинный предмет, завернутый в черный поликарбон.

Он вернул панель на место и закрепил ее одним болтом; тем временем черный пакет уплыл к корме. Открыв клапаны присосок, сионит освободился от страховки, догнал беглеца, вернулся и, пролетев над центральным экраном с пульсирующей зеленой диаграммой посадки, зацепился за каркас противоперегрузочной сетки Кейса. Опустившись ниже, он поддел скотч на свертке толстым сломанным ногтем большого пальца.

– Какой-то китаец сказал, что эта штука рождает истину.[23]

Мэлком развернул древний, обильно смазанный автоматический дробовик «ремингтон» со спиленным почти до самого потертого цевья стволом. Вместо приклада у обреза была деревянная пистолетная рукоятка, обмотанная черной изолентой. От Мэлкома пахло потом и марихуаной.

– Это что, единственное, что у тебя есть?

– Да. – Он извлек откуда-то красную тряпочку и, прихватив, чтобы зря не мазаться, рукоятку поликарбоновой оберткой, стал протирать черный, лоснящийся от масла ствол. – Разрешите представиться – растафарский военный флот, не хрен собачий.

Кейс натянул дерматроды на лоб. «Техасский катетер» он проигнорировал – там, на вилле, можно будет поссать по-человечески. Не исключено, что последний раз в жизни.

Он щелкнул тумблером.

* * *

– Да он совсем с глузда съехал, – сказал конструкт, – этот самый Питер.

Казалось, они стали частью тессье-эшпуловского льда, изумрудные арки расширились и срослись в единую массу. В плоскостях окружающей их китайской программы преобладал зеленый цвет.

– Приближаемся, Дикси?

– Здорово продвинулись. Скоро и ты понадобишься.

– Послушай, Дикси, Уинтермьют говорит, что в нашей «Хосаке» не осталось ничего, кроме «Куана». Еще он говорит, чтобы я отключил тебя и деку, перенес вас в виллу и подключил через ее охранную программу. Говорит, что «Куан» будет уже там. И мы продолжим рейд изнутри, через внутреннюю сеть.

– Чудненько, – обрадовался Флэтлайн, – я же просто обожаю делать все через задницу.

Кейс перешел в симстим.

* * *

В окутавший Молли мрак, в мешанину синестезии, где ее боль имела вкус ржавого железа, запах дыни и была похожа на прикосновение к щеке крыльев ночной бабочки. Молли была без сознания, а в сны ее Кейс войти не мог. Замигал оптический чип; теперь каждую цифру окружал слабый розовый ореол.

07:29:40

– Мне очень не нравится, что все так получилось, Питер.

Голос 3-Джейн доносился словно издалека. Кейс решил, что Молли может слышать, но затем понял свою ошибку. Симстим был цел и на месте – и Кейс чувствовал, как он врезается Молли под ребра. Ее барабанные перепонки колебались под воздействием голоса 3-Джейн – вот и все. Что-то сказал Ривьера, коротко и неразборчиво.

– Нет, – ответила 3-Джейн, – и нет тут ничего веселого. Хидэо принесет аппарат интенсивной терапии, но здесь нужен хирург.

Наступила тишина. Кейс очень отчетливо услышал, как в бассейне плещется вода.

– О чем это вы без меня говорили?

Теперь Ривьера был совсем близко.

– О моей матери. Она сама меня спросила. Думаю, девочка была в шоке – безотносительно к тому, что ей вколол Хидэо. Зачем ты это сделал?

– Хотел посмотреть, разобьются они или нет.

– Одна разбилась. Когда – и если – она очнется, мы увидим, какого цвета у нее глаза.

– Она очень опасна. Слишком опасна. Не будь меня под рукой, не отвлеки я ее картинкой Эшпула, не прими мой иллюзорный Хидэо на себя бомбу – где бы ты теперь была? В ее власти.

– Нет, потому что со мной был Хидэо, – спокойно ответила 3-Джейн. – Думаю, ты не совсем понимаешь, кто такой Хидэо. А вот она, кажется, понимала.

– Хочешь выпить?

– Да, вина. Белого.

Кейс вышел из киберпространства.

* * *

Согнувшись над пультом «Маркуса Гарви», Мэлком управлял стыковкой. На центральном экране неподвижно светился маленький красный квадратик – стыковочный узел виллы. Зеленый квадрат побольше, представляющий «Гарви», покачивался и постепенно уменьшался. Слева, на малом экране,

светился схематический чертеж «Гарви» и «Ханивы», приближающихся к изогнутой обшивке веретена.

– У нас всего один час, – сказал Кейс, вытаскивая из «Хосаки» разъем.

Обычно встроенных батарей деки хватало на девяносто минут, но конструкт Флэтлайна вызовет дополнительный расход. Быстро, привычными движениями Кейс примотал кассету с конструктом к днищу «Оно-Сэндай». Мимо проплыл страховочный пояс Мэлкома. Кейс поймал его, отсоединил эластичные тросы с серыми прямоугольными присосками и защелкнул карабины тросов друг за друга. Затем он прижал присоски к деке, надавил рычажки подсоса. Перекинул импровизированный ремень с декой и конструктом через плечо, поверх натянул кожаную куртку и стал инспектировать содержимое ее карманов. Там лежали паспорт, полученный от Армитиджа, банковский чип на то же имя, кредитный чип Фрисайда, бета-фенэтиламиновые дермы, купленные у Брюса, пачка новых иен, полпачки «Ехэюань» и сюрикэн. Кейс бросил фрисайдовский чип за спину и услышал, как тот ударился о русский воздухоочиститель. Он почти собрался сделать то же самое со стальной звездочкой, когда отскочивший кредитный чип ударил его по затылку, срикошетил в потолок и пролетел над левым плечом Мэлкома. Растафари оторвался от приборов и сердито оглянулся. Кейс посмотрел на сюрикэн, сунул его обратно в карман куртки и услышал, как рвется подкладка.

– Ты пропустил сообщение от Мьюта, – сказал Мэлком. – Мьют говорит, что обманул систему безопасности. «Гарви» стыкуется под именем другого судна, которое ожидалось из Вавилона. Мьют передал нам его опознавательные коды.

– Мы наденем скафандры?

– Слишком тяжелые. Да чего там, – махнул рукой Мэлком, – лежи себе в сетке, пока я не скажу.

Он набрал последние команды и взялся за потертые розовые рукоятки, торчавшие по краям приборной доски. Кейс увидел, как зеленый квадрат усох еще на пару миллиметров и точно наложился на красный. На меньшем экране «Ханива» опустила нос, чтобы не задеть изгиб веретена, и вошла в стыковочный узел. «Маркус Гарви» все еще висел под ней, как пойманная добыча. Корпус буксировщика задрожал и зазвенел. Из поверхности веретена высунулись две лапы и захватили изящный корпус «Ханивы». Из «Блуждающего огонька» появился желтый дрожащий прямоугольник, который, изменяя форму, пополз мимо «Ханивы» к «Маркусу». С носа донесся резкий скрежещущий звук.

– Осторожно, – заметил Мэлком, – теперь у нас есть

тяготение.

Будто притянутые магнитом, посыпались разнообразнейшие предметы. Внутренности Кейса резко сплющились, и он чуть не задохнулся. Дека и конструкт больно ударили по коленям.

Теперь они вращались вместе с веретеном.

Мэлком потянулся, снял красную сеточку и встряхнул дредами:

– Пошли, брат, ты же говоришь, времени мало.

19

«А ведь эта их вилла – типичный паразит», – напомнил себе Кейс, вылезая из носового люка, обильно обвешанного соплями герметизирующей замазки. Не имея собственной экосистемы, вилла забирала воду и воздух у Фрисайда.

Трап, поданный к «Маркусу Гарви» стыковочным узлом, был чуть усложненным – это в невесомости можно прыгать и кувыркаться как угодно, а при тяготении без лестницы не обойдешься – вариантом того туннеля, по которому они с Мэлкомом перебирались на «Ханиву». Рифленая труба, состоящая из подвижных, управляемых гидравликой сегментов, ступеньками служат кольца из прочного шершавого пластика, опоясывающие каждый сегмент. К «Гарви» труба подходила горизонтально, но затем резко сворачивала налево и вверх, огибая корпус «Ханивы». Мэлком уже карабкался по трапу, держа в правой руке «ремингтон», а левой цепляясь за кольца. На растамане были мешковатые, сильно поношенные армейские брюки, зеленая нейлоновая безрукавка и драные парусиновые тапочки с ярко-красными подошвами; при каждом его шаге туннель слегка вздрагивал.

Под весом «Оно-Сэндай» и конструкта Флэтлайна карабины импровизированного ремня врезались Кейсу в плечо. Боли он не чувствовал – он вообще не чувствовал сейчас ничего, кроме страха. Пытаясь отогнать этот страх, Кейс вспоминал Армитиджеву лекцию о Фрисайде и о вилле «Блуждающий огонек». Он вздохнул и полез вверх. Экосистема Фрисайда ограничена, но не замкнута. Тогда как Сион является замкнутой системой, способной самовоспроизводиться долгие годы безо всякого снабжения извне. Фрисайд обеспечивает себя воздухом и водой, но зависит от подвоза продуктов питания и удобрений. Вилла «Блуждающий огонек» не производит вообще ничего.

– Брат, – негромко позвал Мэлком, – поднимайся сюда, встань рядом.

Двигаясь по круглой лестнице боком, Кейс одолел

оставшиеся несколько колец. Трап упирался в гладкий, слегка выпуклый люк диаметром метра два. Гидравлические сегменты трапа уходили в гибкий кожух вокруг люка.

– Так чего же мы…

Кейс замолк, так как люк открылся и тонкая пыль, поднятая небольшой разницей в давлениях, попала ему в глаза.

Мэлком быстро пролез в люк; Кейс услышал, как щелкнул предохранитель обреза.

– Ты же вроде торопился, – прошептал Мэлком, присев возле люка; еще секунда, и к нему присоединился Кейс.

Люк располагался в центре круглого сводчатого помещения, устланного голубой пластмассовой плиткой. Мэлком толкнул Кейса локтем и указал на вделанный в стену монитор. На экране высокий юноша с типичными чертами Тессье-Эшпулов отряхивал рукава своего темного пиджака. Он стоял возле такого же люка в таком же помещении.

– Простите, пожалуйста, сэр, – донеслось из динамика над люком; Кейс взглянул вверх. – Мы ожидали вас позднее в центральном узле. Минутку, пожалуйста.

Молодой человек на мониторе нетерпеливо вскинул голову.

Держа обрез на изготовку, Мэлком повернулся к открывшейся слева двери. Низенький евразиец в оранжевом комбинезоне удивленно уставился на пришельцев. Он попытался что-то сказать, не смог и закрыл рот. Кейс посмотрел на монитор. Пусто.

– Кто вы? – пролепетал маленький человечек.

– Растафарский военный флот, – заявил, вставая с корточек, Кейс; киберпространственная дека ударила его по бедру. – Мы только-то и хотим, что включиться в вашу охранную систему.

Человечек сглотнул слюну:

– Это проверка? Проверка лояльности? Ну конечно же проверка лояльности! – Он вытер ладони об оранжевые штаны.

– Нет, брат, тут все взаправду. – Мэлком тоже распрямился и наставил на коротышку обрез. – Шевелись.

Они миновали дверь и очутились в коридоре, среди так хорошо знакомых Кейсу полированных бетонных стен и кучами наваленных ковриков.

– Хорошие половики, – сказал Мэлком, подталкивая пленника в спину. – И пахнет, как в церкви.

Как только они подошли к старинному монитору «Сони», под которым находились клавиатура и панель с множеством разъемов, экран засветился, и на нем появилось напряженно улыбающееся лицо Финна; фоном ему служила прихожая «Метро голографикс».

– О'кей, – сказал он. – Мэлком, там дальше по коридору есть

открытая кладовка; запихни парня туда, а я запру. А ты, Кейс, найди на верхней панели пятое гнездо слева. Переходники под консолью, в шкафчике. Выбери кишку, где двадцать один пин для «Оно-Сэндай» и сорокапиновый папа для «Хитачи».

Пока Мэлком занимался пленником, Кейс встал на колени, порылся в куче разных переходников и нашел нужный. Подсоединив его к деке, он немного помедлил и взглянул на экран:

– Тебе обязательно нужно выглядеть Финном?

Финн медленно, строчка за строчкой, превратился в Лонни Зоуна; изменился и фон, теперь это были японские постеры, кое-как наляпанные на стенку.

– Все, что пожелаешь, малыш, – процедил сутенер. – Для Лонни это – что два пальца…

– Нет, – сказал Кейс, – остановимся на Финне.

Зоун исчез; Кейс вставил переходник в разъем и надел дерматроды.

* * *

– Что так долго? – захохотал Флэтлайн.

– Я же просил тебя не ржать, – скривился Кейс.

– Шучу, пацан, – ответил конструкт, – для меня же все было мгновенно, никакой паузы. Давай-ка посмотрим, что там у нас…

Теперь «Куан» стал зеленым, в точности того же оттенка, что и тессье-эшпуловский лед. Вирус прямо на глазах терял прозрачность, хотя вверху все еще проглядывала черная блестящая акула. Ломаные линии и галлюцинаторные образы исчезли, теперь эта штука выглядела такой же реальной, как «Маркус Гарви», – старинная ракета, отливающая черненым хромом.

– Порядок, – сказал Флэтлайн.

– Порядок, – согласился Кейс и щелкнул симстим-переключателем.

* * *

– …к сожалению, только так. – З-Джейн бинтовала голову Молли. – Наш аппарат показывает, что сотрясения нет, а глаз можно восстановить. Ты раньше не очень его знала?

– Совсем не знала, – бесцветно ответила Молли.

Она лежала то ли на высокой кровати, то ли на обитом

мягким столе. Раненая нога ничего не чувствовала, ее словно вообще не было. Синестезический эффект укола вроде прошел. Черный шар исчез, но руки Молли были зафиксированы мягкими ремнями, не попадавшими в поле зрения.

– Он хочет тебя убить.

– Похоже, – сказала Молли, глядя в потолок, мимо ослепительно-яркой лампы.

– А вот я, пожалуй, не хотела бы, чтобы он тебя убил, – сказала 3-Джейн.

Преодолев боль, Молли повернула голову и посмотрела ей в глаза.

– Не надо играть со мной, – сказала она.

– А ведь я бы, пожалуй, хотела с тобой поиграть. – 3-Джейн наклонилась, откинула со лба Молли волосы и легко клюнула ее губами. На светлой галабии проступали пятна крови.

– Где он сейчас? – спросила Молли.

– Колется, наверное. – 3-Джейн выпрямилась. – Он очень тебя ждал. Наверное, будет забавно за тобой ухаживать, Молли, пока ты не выздоровеешь. – Она улыбнулась и рассеянно вытерла окровавленную руку о бедро. – У тебя перелом со смещением, нужно вправить, но это мы устроим.

– А как же Питер?

– Питер? – 3-Джейн чуть тряхнула головой, на ее лоб упала прядь волос. – Питер становится довольно скучным. Наркотики – вообще скучная штука. Во всяком случае, – хихикнула она негромко, – когда их принимают другие. Как ты заметила, мой папаша был заядлым наркоманом.

Молли напряглась.

– Да ты не бойся.

Пальцы 3-Джейн поглаживали оголившийся живот Молли.

– Его самоубийство – результат моего вмешательства в работу морозильника. Понимаешь, я же ни разу с ним не встречалась. Я появилась на свет во время его последнего сна. Но знаю его я *очень* хорошо. Ядро знает все. Я видела, как он убил мою мать. Вот поправишься немножко, и я тебе покажу. Он душит ее в постели.

– Зачем он убил ее?

Здоровый глаз Молли сфокусировался на лице 3-Джейн.

– Он не принимал ее концепцию развития нашей семьи. Это она заказала постройку наших искусственных разумов. Мама была визионерка. Мечтала о симбиозе между семьей и этими ИскИнами, чтобы деловые решения принимались сами собой, без нашего участия. Даже, пожалуй, все наши сознательные решения. Тессье-Эшпулы должны были стать бессмертными, роем, где

каждый из нас был бы частью некой большей сущности. Потрясающе. Я тебе прокручу ее записи, у меня их около тысячи часов. Но я маму никогда толком не понимала, а с ее смертью это направление было утрачено. Мы вообще утратили всякое направление. Зарылись внутрь самих себя. Теперь мы даже редко покидаем виллу. Я – исключение.

– Ты говоришь, что пыталась убить отца? Изменила программы работы морозильника?

3-Джейн кивнула:

– Я получала помощь. От призрака. Когда была маленькая, я думала, что в ядрах живут духи. Голоса. Одним из них был Уинтермьют – это тьюринговский код нашего бернского ИскИна. Кстати сказать, тебя направляет не весь этот мозг, а нечто вроде подпрограммы.

– Одним из них? А что, есть и другие?

– Другой. Но он давно со мной не разговаривал. Надоело, наверное. Я подозреваю, что оба они развились из определенных способностей, заложенных по маминым указаниям в исходную программу, но точно не знаю – мамочка была особой весьма скрытной. Вот. Выпей. – 3-Джейн поднесла к губам Молли гибкую пластиковую тубу. – Это вода. Много не пей.

– Ну как, лапочка? – раздался веселый голос Ривьеры. – Развлекаешься?

– Оставь нас одних, Питер.

– Играешь в доктора…

Неожиданно в десяти сантиметрах от носа Молли появилось ее собственное лицо. Безо всяких бинтов. На месте левой зеркальной линзы зияла наполненная кровью открытая глазница, из которой торчал длинный осколок серебристого пластика.

– Хидэо, – сказала 3-Джейн, гладя Молли по животу, – если Питер не уберется отсюда, сделай ему *больно*. Иди, Питер, поплавай.

Видение исчезло.

В темноте перевязанного глаза светилось – 07:58:40.

– Он сказал, что ты знаешь код. Питер сказал. Этот код нужен Уинтермьюту.

Внезапно грудь Кейса ощутила легкую тяжесть латунного ключа.

– Да, знаю. – 3-Джейн убрала руку. – Я выучила его еще ребенком. Думаю, во сне… А может, он был где-то в этой тысяче часов маминого дневника. Но, думаю, Питер прав, убеждая меня не выдавать код. Если я верно понимаю, потом придется выяснять отношения с тьюрингами, а к тому же духи – народ капризный и ненадежный.

Кейс вышел из симстима.

* * *

– Странненькая девочка? – ухмыльнулся Финн с экрана старого «Сони».

Кейс пожал плечами. Он повернул голову и увидел, как по коридору возвращается Мэлком, с обрезом в руке. На лице растамана сияла улыбка, голова его качалась в такт неслышимому ритму. Из кармана безрукавки к ушам тянулись тонкие желтые проводки.

– Даб, – сказал Мэлком.

– Ты что, охренел? – поинтересовался Кейс.

– Да все я нормально слышу. Вполне праведный даб.

– Ну-ка, ребятки, – вмешался Финн, – давайте на низкий старт. Сюда едет ваш транспорт. Я не обещаю множество роскошных трюков, вроде той картинки восемь-Джина, на которую купился швейцар, но подбросить вас к логову три-Джейн – за ради бога.

Когда в конце коридора из-под бетонной арки вывернула автоматическая тележка, Кейс как раз отсоединял переходник. Скорее всего, именно на ней ехали те негры, но теперь их не было. «Браун», намертво вцепившийся в обивку сиденья, дружелюбно подмигивал единственным своим красным глазом.

– Автобус к подъезду, – сказал Кейс Мэлкому.

20

Злость снова куда-то делась. Даже скучно как-то.

На тележке было тесно: Мэлком с обрезом на коленях плюс Кейс, прижимавший к груди деку и конструкта. Перегрузка сместила центр тяжести легонькой таратайки далеко вверх; неустойчивая, явно не предназначенная для быстрой езды, та все время норовила опрокинуться. Мэлкому приходилось наклоняться в сторону каждого огибаемого угла, что не составляло особых проблем при левых поворотах, так как Кейс сидел с противоположной стороны, но зато уж при правых поворотах растаман буквально размазывал его по скамейке.

Кейс абсолютно не понимал, где они находятся и куда едут. Все вроде бы и знакомое, но никогда не было полной уверенности, что именно этот участок коридора проходила Молли. Вдоль искривленной галереи тянулись ряды деревянных стендов с коллекциями, которых он определенно не видел: черепа

каких-то крупных птиц, монеты, кованые серебряные маски. Шесть колес тележки катились по ковровым наслоениям совершенно бесшумно. Слышался только гул электромотора да временами, когда Мэлком в очередной раз наваливался на Кейса, из поролоновых затычек растамана доносились слабые отзвуки сионского даба. Дека и конструкт вдавливали лежащий в кармане куртки сюрикэн в бедро.

– У тебя есть часы? – поинтересовался Кейс.

Растаман мотнул дредами:

– Время есть время.

– О боже, – простонал Кейс и закрыл глаза.

* * *

Быстро просеменив по ковровым залежам к темной обшарпанной двери, «браун» постучал по ней лапкой. Оставленная тележка громко затрещала, из ее вентиляционной решетки посыпались на ковер голубые искры. Кейс почуял запах паленой шерсти.

– Сюда, что ли? – Мэлком оглядел дверь и щелкнул предохранителем.

– Можно подумать, я знаю больше твоего, – буркнул себе под нос Кейс.

«Браун» развернулся и начал лихорадочно мигать.

– Хочет, чтобы ты открыл дверь, – сказал Мэлком.

Кейс шагнул вперед и осторожно потрогал бронзовую ручку. На двери висела бронзовая табличка, такая старая, что надпись на ней почти стерлась и стала совершенно неразборчивой, – скорее всего, давно и всеми забытое название какой-нибудь службы или фамилия служащего. Интересно, подбирали Тессье-Эшпулы каждый предмет обстановки «Блуждающего огонька» специально или купили все скопом на какой-нибудь европейской помойке вроде «Метро гологрэфикс», только гораздо больше. Петли открываемой двери жалобно скрипнули, и тут же вперед рванулся Мэлком с обрезом у бедра.

– Книги, – сказал он.

Библиотека, те самые белые металлические стеллажи с бирками.

– Я знаю это место, – сказал Кейс, оглядываясь на тележку; от ковра тянулась струйка дыма. – Поехали, – решил он. – Телега! Телега?

Тележка не реагировала. «Браун» дергал Кейса лапками за штанину, больно царапая лодыжку; очень хотелось пнуть эту

железяку.

– Чего тебе?

Крохотный робот шустро проскочил в открытую дверь. Кейс двинулся следом.

В библиотеке стоял еще один старый монитор «Сони». Подбежав к нему, «браун» замер, а затем стал пританцовывать.

– Уинтермьют?

На экране появились знакомые черты. Финн улыбнулся:

– Ну что, момент настал. – Глаза Финна щурились от сигаретного дыма. – Давай подключайся.

Внезапно к Кейсу подбежал «браун» и, больно щипаясь через тонкую черную ткань, стал карабкаться по ноге.

– Вот же мать твою!

Кейс сбросил с себя механизм, и тот ударился о стену. Две конечности беспомощно задергались в воздухе.

– Что с этой тварью такое?

– Сгорела, – пояснил Финн. – Хрен с ней. Пустяки. Ты, главное, включайся.

Под экраном оказались четыре разъема, но только один подходил к адаптеру «Хитачи».

Кейс вошел в киберпространство.

* * *

И очутился в серой пустоте.

Никакой матрицы, никакой решетки. Никакого киберпространства.

Дека куда-то исчезла. Его пальцы…

И только на самом краю сознания ощущалось некое движение, что-то стремительно неслось к нему по глади бесконечного черного зеркала.

Рот свело в беззвучном крике.

* * *

Там, за изгибом пляжа, находился вроде бы город, но до него было далеко.

Кейс сидел, плотно обхватив руками колени, на корточках посреди мокрого песка и дрожал.

И даже потом, когда дрожь прекратилась, он не сменил позы и сидел так долго-долго. Город (а город ли это?) был низким и серым. Время от времени он исчезал за стеной тумана,

поднимавшегося с моря. В какой-то момент Кейсу показалось, что и вовсе это не город, а только здание или даже развалины; оценить расстояние было невозможно. Песок был цвета почерневшего, но еще не совсем, серебра. Пляж состоял из песка, песок был влажный, джинсы на ягодицах промокли от влажного песка… Кейс держал себя за колени, и раскачивался, и пел песню без мелодии и слов.

Серебро неба отличалось от серебра песка. Тиба. Небо как в Тибе. Токийский залив? Он обернулся в надежде увидеть знакомую голограмму «Фудзи электрик», или парящий над водой беспилотный вертолет, или хоть что-нибудь.

Позади него закричала чайка. Кейс поежился.

Поднимался ветер. Песчинки больно хлестали по щеке. Кейс уткнул лицо в колени и заплакал; собственный плач казался ему таким же далеким и незнакомым, как крик чайки. Горячая моча пропитала джинсы, капала на песок и быстро остывала на дующем с моря ветре. Слезы высохли, но от безудержных рыданий разболелось горло.

– Уинтермьют, – бормотал он своим коленям. – Уинтермьют.

Темнело, теперь Кейс дрожал уже от холода, который в конце концов заставил его встать.

Ныли колени и локти. Из носа текло. Он утерся рукавом и стал рыться в пустых карманах.

– Господи, – сказал он, сгорбившись и упрятав озябшие руки под мышки. – Господи.

У него начали стучать зубы.

Отлив украсил пляж песчаными разводами, на зависть любому токийскому садовнику. Сделав дюжину шагов в сторону города, уже проглоченного сумерками, Кейс обернулся и стал всматриваться в сгущающуюся мглу. От места, где он сидел, тянулась короткая цепочка следов. Больше ничего не нарушало тусклое серебро песка.

Кейсу показалось, что он прошел не менее километра, прежде чем заметил свет. Он разговаривал с Рацем, именно Рац и обратил его внимание на оранжево-красный огонек, тускло тлеющий справа, в глубине пляжа. Он знал, что Раца здесь нет, что бармен – плод его собственного воображения, никоим образом не связанный с *этим*, в чем он завяз, погряз, заблудился, но это не имело ни малейшего значения. Странным образом, придуманный Рац имел собственные соображения насчет Кейса и задницы, в которую тот угодил.

– Ты, артист, меня просто поражаешь. Это ж какие старания ты прикладываешь, чтобы подвести себя под монастырь. Столько лишних трудов! Ты мог спокойно доконать себя в Ночном Городе.

У тебя было для этого все: стимуляторы, чтобы лишиться здравого смысла, выпивка, чтобы не думать, Линда для романтической печали и улица, чтобы там тебе оторвали башку. И чего, спрашивается, понесло тебя в такую даль? А декорации, это ж надо такую дурь придумать… сцена, висящая в пустоте, наглухо запечатанные замки, редчайшая гниль старушки Европы, какие-то мертвецы в коробочках, китайская магия…

Рац ковылял рядом с Кейсом, посмеиваясь и оживленно размахивая розовым протезом. Среди почерневших, теряющихся в темноте зубов диковато поблескивали стальные коронки.

– Наверное, артист просто по-другому не может, или я ошибаюсь? Ты нуждался в этом мире, этом пляже и остальной хурде-мурде. Чтобы умереть.

Кейс остановился, покачнулся и повернулся в сторону прибоя и летящих колючих песчинок.

– Да, – согласился он. – Кой хрен. Наверное… – И пошел навстречу волнам.

– Эй, артист! – крикнул вслед ему Рац. – Свет. Смотри. Вон там, в той стороне…

Кейс снова остановился, зашатался и рухнул на колени у самой кромки ледяной воды:

– Рац? Свет? Рац…

Абсолютная, без малейшего проблеска тьма и шум волн. С большим трудом Кейс поднялся на ноги и попробовал вернуться по собственным следам.

Тянулись минуты, часы, века. А он все шел.

А затем оно появилось, тусклое пятнышко, с каждым шагом принимавшее все более определенные очертания. Прямоугольник. Дверь.

– Там огонь. – Ветер вырвал его слова и бросил их в ночь.

Бункер, то ли каменный, то ли бетонный, – бункер, погребенный под заносами темного песка. В толстой, не меньше метра, стене – узкий и низкий лаз.

– Эй, – негромко позвал Кейс, – эй…

Пальцы коснулись холодной стены. На камнях плясали тени от горящего в бункере огня.

Кейс низко пригнулся и в три шага очутился внутри.

Костер из плавника, разложенный в ржавом стальном ящике, дым уходит в щербатый дымоход, рядом – сидящая на корточках девушка. В пляшущем свете огня он поймал взгляд широко раскрытых испуганных глаз и узнал головную повязку – шарф с узором вроде увеличенной микросхемы.

* * *

В ту ночь Кейс отказался от ее объятий, от предложенной ею пищи и от места рядом с нею в гнезде, сооруженном из старых шерстяных одеял и рваного поролона. В конце концов он примостился у входа и стал смотреть на спящую девушку и слушать шелест песка за стеной. Каждый час он подходил к импровизированному очагу и подбрасывал в огонь свежий плавник из сложенной рядом кучи. Все это иллюзия. Но иллюзорный холод ничем не лучше настоящего.

Вот и она – иллюзия, эта девушка, лежащая в отблесках пламени. Кейс глядел на приоткрывшиеся во сне губы. Такой он ее запомнил в ту поездку через Токийский залив – и это было жестоко.

– Аккуратно работаешь, говнюк, – шептал Кейс. – Не хочешь рисковать, да? Не стал подсовывать мне какое-нибудь фуфло. Но я же все равно знаю, что это такое. – Кейс пытался говорить спокойно. – Знаю, понимаешь? Я знаю, кто ты такой. Ты – тот, второй. Три-Джейн рассказала Молли. Ты – горящий куст. Это был не Уинтермьют, а ты. Он пытался предупредить меня с помощью «брауна». А ты вырубил меня, затащил сюда, в никуда. Вместе с призраком. С той, как я ее помню…

Девушка пошевелилась во сне, что-то пробормотала и натянула одеяло до самого уха.

– Тебя нет, – сказал он спящей девушке. – Ты – мертвая, и единственная цель твоего существования – загнать меня в задницу поглубже. Слышишь, приятель? Что я, не понимаю, что ли, что тут происходит? Вырубился я, вот что. И все это заняло секунд двадцать. И сижу я там же, где и был, в библиотеке этой, и мозг мой мертв. А очень скоро он будет по-настоящему, безвозвратно мертв – если у тебя есть хоть на грош здравого смысла. Ты хочешь помешать Уинтермьюту, а для этого всего-то и надо, что задержать меня здесь. Дикси и сам может вести «Куана», но он – жмурик, и ты всегда его вычислишь. И вся эта херня с Линдой – это же все ты, верно? Уинтермьют попытался с ней работать – еще тогда, в тот раз, когда засунул меня в конструкт Тибы, – но не смог. Слишком, говорит, спотыкательно. И это ты двигал звезды в небе Фрисайда, верно ведь? И мертвой «кукле» в комнате Эшпула лицо Линды сделал тоже ты. Молли его не видела. Ты просто изменил симстим-сигнал. Думал, что сделаешь мне больно. Думал, что это мне не все равно. Ну и дались ты конем, не знаю, как уж там тебя звать. Выиграл ты, выиграл. Только мне на это насрать. Думаешь, нет? Только на хрена ты все это так, на хрена?

Его снова трясло, голос сорвался на крик.

Укутанная драными одеялами девушка зашевелилась.

– Ты бы поспал, – пробормотала она. – Ложись сюда и спи. Если хочешь, я встану, посижу. Тебе нужно поспать. – Голос звучал сонно и неразборчиво. – Просто поспи, и все.

Когда Кейс проснулся, девушки не было. Огонь погас, но в бункере было тепло, косые лучи солнца, проникавшие через проем, ярко освещали вспоротый бок большой картонной коробки. Кейс узнал стандартный грузовой контейнер – он встречал уже такие в доках Тибы; через прореху виднелись ярко-желтые пакеты, на солнце они казались огромными кусками масла. Живот свело от голода. Кейс выбрался из гнезда, подошел к коробке, выудил одну упаковку и, сощурившись, начал разбирать бисерно-мелкие буквы. Надпись была на двенадцати языках, английский шел самым последним. «НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС, ВЫСОКАЯ КАЛОРИЙНОСТЬ, „ГОВЯДИНА“, ТИП АГ-8». Далее следовал список пищевых компонентов. Кейс вытащил еще один пакет. «ЯЙЦА».

– Раз уж ты создал все это дерьмо, – произнес Кейс, – то мог бы положить и натуральной еды, а?

С пакетами в руках Кейс обошел все четыре помещения бункера. В двух других комнатах, кроме куч песка, ничего не оказалось, а в четвертой лежали еще три контейнера с продуктами.

– Ясно, – сказал Кейс и потрогал печати. – Это, значит, оставайся здесь надолго. Ясненько. Как же, как же…

Он обыскал комнату с очагом и нашел пластиковую канистру с дождевой, как он решил, водой. Рядом с гнездом из одеял у стены лежали дешевенькая красная зажигалка, матросский нож с треснувшей зеленой ручкой и шарф Линды. Заскорузлый от пота и грязи, он все еще был завязан узлом. Кейс вскрыл ножом желтые пакеты и вывалил их содержимое в ржавую консервную банку, валявшуюся рядом с очагом. Затем добавил воды из канистры, размял комки пальцами и стал есть. Месиво напоминало по вкусу говядину, но весьма отдаленно. Покончив с едой, Кейс бросил жестянку в очаг и вышел наружу.

Судя по температуре и по положению солнца, было далеко за полдень. Кейс сбросил сырые нейлоновые туфли и был приятно поражен теплотой песка. При дневном свете пляж имел серебристо-серый оттенок. На голубом небе – ни облачка. Он обогнул бункер и направился к воде, скинув по пути куртку прямо на песок.

– Вот уж не знаю, из чьей памяти ты извлек все это, – сказал Кейс, подойдя к воде.

Он снял джинсы и зафутболил их в неглубокую воду, за ними последовали рубашка и белье.

– Что это ты делаешь?

Он обернулся и увидел, что она стоит в десяти метрах от него и ее ноги омывает морская пена.

– Я вчера обмочился, – ответил Кейс.

– Ты не сможешь потом это носить. Морская вода всю кожу разъест. Там, за камнями, – она неопределенно махнула рукой, – есть хорошая лужа, я покажу. С пресной водой.

Выгоревший французский комбинезон обрезан выше колена, обнажая гладкую загорелую кожу. Легкий ветерок шевелит волосы.

– Послушай… – Кейс подобрал одежду и направился к девушке. – У меня есть вопрос. Я не буду спрашивать, что делаешь здесь ты. Но вот что здесь делаю *я,* как ты себе это представляешь?

Кейс остановился, мокрая штанина хлопнула его по голой ноге.

– Ты пришел этой ночью, – улыбнулась Линда.

– И этого что, достаточно? Просто пришел – и все?

– Он сказал, что ты придешь, – улыбнулась Линда, смешно наморщив нос, а затем пожала плечами. – Он же понимает такие вещи.

Она подняла левую ногу и неловко, совсем как ребенок, соскребла ею с правой лодыжки засохшую соль. И снова улыбнулась, немного неуверенно.

– А теперь спрошу я, ладно?

Кейс кивнул.

– Кто это тебя так разрисовал, что все коричневое, кроме одной ступни?

* * *

– И это – последнее, что ты помнишь?

Кейс смотрел, как она выскребает остатки сублимированного мяса из прямоугольной стальной крышки, единственной их тарелки.

Линда кивнула, в пламени костра ее глаза казались огромными.

– Ты прости меня, мне же самой жалко, вот честное слово, жалко. Это все дурь, и к тому же… – Линда виновато поникла, ее лицо исказилось то ли от боли, то ли от воспоминания о прошлой боли. – Попросту говоря, мне были нужны деньги. Чтобы уехать домой или… Кой хрен! – неожиданно воскликнула она. – Да ты же меня почти не замечал!

– А сигарет, значит, нету?

– У тебя что, с головой не в порядке? Я слышу этот вопрос уже десятый раз!

Она крепко закусила прядь волос.

– Но еда-то здесь была? С самого начала?

– Я сто раз тебе объясняла, что ее выбросило на этот долбаный пляж.

– О'кей. Понятно. Тут уж не подкопаешься.

Девушка снова начала всхлипывать, негромко и без слез.

– И вообще, откуда ты взялся на мою голову? – проговорила она наконец. – Знаешь, как хорошо было здесь без тебя?

Кейс встал, прихватил куртку и выскочил наружу, ободрав руку о шершавый бетон. Ни ветра, ни луны, только плеск неразличимого в темноте моря. Джинсы после стирки заметно сели, влажная ткань неприятно липла к ногам.

– О'кей, – сказал Кейс непроглядной ночи, – притворимся, что поверили! Но только с условием, чтобы завтра на тот же пляж выбросило сигареты. – Он вздрогнул от собственного смеха. – Да и ящик пива не помешал бы.

Он вернулся в бункер.

Линда ворошила угольки серебристой от долгого пребывания в воде щепкой.

– А кто это такая была в твоем гробу в «Дешевом отеле»? Типичная самурайка, вся в черной коже и с зеркальными вставками. Я испугалась, а потом подумала: может, это твоя новая девушка, хотя она и показалась мне слишком для тебя дорогой… – Линда виновато вскинула глаза. – Я же правда очень жалею, что сперла у тебя оперативку.

– Пустяки, – ответил Кейс. – Это ровно ничего не изменило. Итак, ты отнесла оперативку к этому парню и попросила ее прочитать?

– Тони, – кивнула Линда. – Мы с ним иногда встречались. Он тоже кололся, и мы… ладно. Да, я помню, как он смотрел на своем мониторе, и там была потрясающая графика, я еще удивилась, откуда ты…

– Там не было никакой графики, – перебил Кейс.

– Как это не было, если было. Не понимаю только, откуда ты взял все эти снимки про мое детство. Например, мой папа, до того как он от нас ушел. Он мне подарил деревянную раскрашенную уточку, так у тебя там был даже *ее* снимок.

– А Тони, он все это видел?

– Не помню. А потом я вдруг очутилась на пляже совсем ранним утром, на рассвете, и очень одиноко, и птицы кричат. Я очень перепугалась, ведь у меня с собой ничего не было, ни

уколоться, ничего, и я знала, какая будет ломка… И я все шла и шла по берегу, пока не стало темно, и набрела на этот бункер, а на следующий день на берег выбросило эти коробки с едой, все опутанные какой-то зеленой морской мерзостью, вроде затвердевшего желе. – Линда воткнула щепку в золу. – И знаешь, никакой ведь ломки. – (Щепка потихоньку разгоралась.) – Вот сигарет – их и вправду не хватает. А как ты? Все еще употребляешь?

На острых скулах играли отблески пламени, напомнившие аркаду, «Замок колдуна», «Танковую войну»…

– Нет, – сказал Кейс, а потом было уже все равно, что он там понимает и чего он не понимает, ощущая на ее губах солоноватый вкус слез.

В ней было нечто первозданно-мощное, нечто, знакомое ему по Ночному Городу, знакомое и хранившее его, хранившее – до времени – от времени и смерти, от безжалостной, всепожирающей Улицы. Некое место, знакомое ему и прежде, – место, до которого не со всяким проводником доберешься, хотя он, странным образом, никогда об этом не помнил. Нечто, столько раз найденное – и столько же раз утраченное. Нечто, относившееся – он знал это всегда и вспомнил сейчас, увлекаемый в гнездо из рваных тряпок, – к сфере плоти, к сфере мяса, презираемого всеми ковбоями. Нечто непомерно огромное, безнадежно непознаваемое, океан информации, закодированный в феромонах и винтовых лестницах аминокислот, бесконечная сложность, разобраться в которой под силу только слепому, нерассуждающему телу.

Он стал расстегивать ее комбинезон, и молнию заело – между нейлоновыми зубьями набилась морская соль. Рывок посильнее, отскочила и ударилась в стенку какая-то железка, прогнившие нитки лопнули, и он был в ней, передавая сгусток все той же древней информации. Он ни на секунду не забывал, что это за место, понимал, что находится в закодированной модели чьей-то памяти, но даже это ничего не меняло.

Она задрожала в тот самый момент, когда вспыхнула воткнутая в золу щепка, и на стене бункера заплясали их сплетенные тени.

Позже, когда они уже просто лежали и ладонь его замерла на ее животе, Кейс вспомнил пляж, белую пену вокруг ног Линды и ее слова.

«Он сказал, что ты придешь».

Но Линда только повернулась на бок, прижалась к нему спиной, накрыла его руку своей и что-то пробормотала сквозь сон.

21

Его разбудила музыка, которую он принял вначале за удары собственного сердца. Кейс сел, поеживаясь от предрассветного холода, и набросил на плечи куртку; огонь давно погас, сквозь проем сочится серый свет. Поле зрения кишело призрачными иероглифами, на нейтральном фоне стены выстраивались полупрозрачные линии и знаки. Кейс взглянул на тыльные стороны ладоней и увидел, как под кожей ползают, повинуясь некоему непостижимому коду, слабо мерцающие молекулы. Он поднял правую руку и осторожно подвигал ею из стороны в сторону. В воздухе повис неяркий, быстро затухающий след.

Волосы на руках его и затылке встали дыбом. Оскалив зубы, Кейс припал к земле и начал прислушиваться к музыке. Биение ритма стихло, вернулось, снова стихло…

– Что случилось? – Линда села и сонно откинула с глаз волосы.

– Я… ну, словно под балдой… У тебя тут есть что-нибудь такое?

Девушка помотала головой и взяла его за руки.

– Линда, кто тебе сказал? Кто сказал, что я приду? Кто?

– На берегу… – Что-то заставило ее отвести взгляд. – Мальчик. Я встретила его на берегу. Лет тринадцати. Он здесь живет.

– И что он сказал?

– Он сказал, что ты придешь. Сказал, что ты не станешь на меня сердиться. Еще он говорил, что нам будет здесь хорошо, и показал мне лужу с дождевой водой. Он похож на мексиканца.

– На бразильца, – поправил Кейс и увидел, как по стене побежала новая волна символов. – Думаю, он из Рио.

Кейс встал и начал влезать в джинсы.

– Кейс, – голос Линды дрожал, – куда ты уходишь?

– Поищу этого мальчика.

Снова нахлынула музыка, а точнее, один ритм, навязчивый и вроде бы знакомый. Где-то он его слышал.

– Не надо.

– Когда я сюда попал, я вроде что-то там видел. Город, чуть подальше по берегу. А вчера ничего такого не было. А ты… ты его видела?

Кейс рывком застегнул молнию на джинсах, попытался развязать диким узлом затянувшиеся шнурки на ботинках, но потом махнул рукой и решил идти босиком.

Линда опустила глаза и кивнула:

– Да. Иногда я его вижу.

– Ты ходила туда?

Кейс накинул куртку.

– Нет. – Линда вяло мотнула головой. – Но я пыталась. Когда я сюда попала, мне стало скучно. И я подумала, раз там город, то, может, там найдется ширево. – Лицо ее чуть скривилось. – У меня и ломки даже не было, просто хотелось словить кайф. Я взяла жестянку и размочила в ней еду пожиже, ведь у меня нет отдельной посуды для воды. Я шла целый день и иногда его видела, город этот самый, и казалось, что до него не очень далеко. Но только он не становился ближе. А потом он вдруг стал совсем близко, и я увидела, что он такое. Иногда казалось, что он разрушенный или там никого нет, а иногда я вроде как видела фары машин или что-то вроде…

Она говорила все тише, а потом и совсем замолчала.

– Ну и что же это такое?

– Вот эта штука, – она обвела рукой погасший очаг, темные стены, вход, за которым начинался рассвет, – в которой мы живем. Понимаешь, Кейс, она *уменьшается.* Чем ближе к ней подходишь, тем она меньше.

Перед самым выходом из бункера Кейс немного помедлил:

– А ты спрашивала об этом мальчишку?

– Да. Он сказал, что я не пойму и только зря потрачу время. Сказал, что это вроде как… вроде как *событие.* И что это – наш горизонт. «Горизонт событий» – так он сказал.

Эти слова не имели никакого смысла. Кейс вышел из бункера и побрел наугад, в противоположную – как подсказывало ему какое-то чувство – от моря сторону. Иероглифы бежали по песку, выскакивали из-под его ног и разлетались в разные стороны.

– Ага, – сказал Кейс, – мир трещит по швам. Зуб даю, ты тоже это знаешь. Так в чем же тут дело? «Куан»? Китайский ледокол прогрызает дырку в твоем сердце? Дикси Флэтлайн оказался не так уж прост, а?

Кейс услышал голос Линды и оглянулся. Она шла следом, не пытаясь догнать, перешагивала через кучки водорослей, серебрившихся морской солью. Сломанная молния хлещет по загорелому животу, курчавый лобок аккуратно окантован рваной тканью. Словно ожившая иллюстрация из какого-нибудь старого журнала, которые кипами валяются в мастерской Финна, только грустная и усталая, а рваные портки выглядят не вызывающе, а как-то даже трогательно.

А потом они почему-то оказались по колено в воде, все трое, и с моря накатывались волны, и мальчишка широко улыбался, и на дочерна загоревшем лице ярко выделялись розовые десны. Единственной его одеждой были драные выцветшие шорты, из

которых торчали, уходили в серо-голубую муть прибоя тонкие как спички ноги.

– Я тебя знаю, – сказал Кейс.

– Нет, – высоким мелодичным голосом возразил мальчишка. – Ты меня не знаешь.

– Ты – второй ИскИн. Из Рио. Тот, который хочет помешать Уинтермьюту. Как тебя звать? Назови свой тьюринг-код.

Мальчишка сделал стойку и засмеялся. Затем немного походил на руках, подпрыгнул и снова встал на ноги. У него были глаза как у Ривьеры, только беззлобные.

– Чтобы вызвать демона, нужно узнать его имя. Древняя мечта людей, теперь она сбылась, хотя и не совсем так, как они себе это представляли. Ты понимаешь меня, Кейс. Ведь твоя работа состоит в узнавании имен программ, длинных абстрактных имен, скрываемых их владельцами. Истинные имена…

– Ты хочешь сказать, что тьюринг-код не является твоим именем.

– Нейромант. – Прищурив серые миндалевидные глаза, мальчишка посмотрел на встающее солнце. – Дорога в страну мертвых. Туда, где ты, мой друг, находишься. Эту дорогу проложила Мари-Франс, моя госпожа, убитая своим мужем до того, как я прочитал книгу ее судьбы. Нейро – это от нервов, серебристых тропинок. Нейромант, романтик, некромант. Призывающий мертвых. А точнее, друг мой, – мальчишка весело запрыгал по песку, – я и есть эти мертвые, их царство. – Он захохотал; где-то закричала чайка. – Оставайся. И какая разница, что твоя женщина – тень, ведь она об этом не знает. И ты не будешь знать.

– Твое царство рушится. Лед трещит.

– Нет. – Неожиданно лицо мальчишки погрустнело, хрупкие плечи обмякли. Он провел ногой по темному песку. – Все гораздо проще. Но у тебя есть выбор.

Серые глаза внимательно смотрели на Кейса. Перед ним замелькали новые символы. Изображение мальчишки задрожало, словно в потоках горячего воздуха от раскаленного асфальта. С новой силой послышалась музыка, и Кейс почти различил слова.

– Кейс, милый. – Рука Линды легла ему на плечо.

– Нет, – сказал он, а затем снял с себя куртку и передал девушке. – Я не знаю, может, ты и вправду здесь. Во всяком случае, становится холодно.

Кейс повернулся и пошел прочь, а после седьмого шага и вовсе закрыл глаза, полностью отдавшись во власть музыки. Один раз он обернулся, но глаза не открыл.

В этом не было нужды.

Они стояли у кромки воды, Линда Ли и худощавый мальчик по имени Нейромант. Рука девушки бессильно обвисла, полу кожаной куртки облизывала морская пена.

Он шел на звук музыки.

Сионского даба.

* * *

И снова то серое место, и словно скользят тонкие муаровые ширмы, раскрашенные в простейшей графической программе. Потом перед глазами долго висели застывшие над темной водой чайки, снятые через панцирную сетку. И голоса. И бескрайняя равнина черного зеркала, и зеркало наклонилось, а он стал капелькой ртути и покатился вниз, в невидимый лабиринт, стукаясь на поворотах, дробясь и снова сливаясь…

* * *

– Кейс? Ты?

Музыка.

– Ты вернулся, брат.

Музыка исчезла, сперва из одного уха, затем из другого.

– На сколько я вырубился? – Кейс услышал вопрос словно со стороны и понял по голосу, что во рту совсем пересохло.

– Минут на пять, наверное. Очень долго. Я хотел выдернуть разъем, но Мьют сказал: не надо. На экране стало что-то странное, и тогда Мьют сказал надеть на тебя наушники.

Кейс открыл глаза. По лицу Мэлкома бежали полупрозрачные иероглифы.

– И твое лекарство, – добавил растаман. – Два дерма.

Кейс лежал на полу библиотеки, под монитором. Мэлком помог ему сесть, но от движения Кейс почувствовал мощный прилив бета-фенэтиламина – левое его запястье жгли два синих дерма.

– Передозняк, – выдавил он, с трудом ворочая языком.

– Давай, брат, давай. – Сильные руки подняли его, как ребенка. – Нужно двигать дальше.

22

Тележка рыдала. Бета-фенэтиламин даровал ей человеческий

голос. Она не смолкала ни в переполненной экспонатами галерее, ни в бесконечных коридорах, ни проезжая мимо черного стеклянного люка, ведущего в семейный склеп Тессье-Эшпулов, к камерам, где совсем недавно холод заползал в сны старого Эшпула.

Для Кейса поездка была сплошным и крутым кайфом – внешнее движение самым бредовым образом мешалось с сумасшедшим напором двойной дозы стимулятора. Но потом мотор заглох, из-под сиденья вылетел сноп белых искр, и безутешное рыдание смолкло.

Тележка прокатилась немного по инерции и застыла за три метра до входа в пиратскую пещеру 3-Джейн.

– Далеко еще?

Как только Мэлком помог Кейсу слезть на пол, в машинном отделении сработал встроенный огнетушитель, и изо всех щелей посыпался желтый порошок. «Браун» свалился со спинки сиденья и, волоча калечную конечность, заковылял по фальшивому песку.

– Теперь, брат, тебе придется идти самому.

Мэлком подхватил деку с прицепленным к ней конструктом и вскинул ремень на плечо.

Кейс двинулся следом, бренча висящими на шее дерматродами.

Их встретили все те же голограммы за вычетом разрушенного Молли триптиха. Мэлком их игнорировал.

– Не торопись. – Кейс старался не отставать от широко шагающего сионита. – Нужно сделать все путем.

Крепко сжимая обрез, Мэлком остановился и сверкнул глазами на Кейса:

– Путем? А это как – путем?

– Молли там, но она вне игры. Ривьера может отколоть какой-нибудь номер с голограммами. Возможно, он завладел игольником.

Мэлком кивнул.

– И еще там этот ниндзя, телохранитель.

Растаман помрачнел:

– Послушай, ты, вавилонский брат, я – воин. Но это не моя война и не война Сиона. Это – война Вавилона. Вавилон пожирает сам себя, понял? Но Джа сказал, что мы должны вытащить оттуда Танцующую Бритву.

Кейс недоуменно моргнул.

– Она тоже воительница, – несколько загадочно объяснил Мэлком. – А теперь, брат, скажи мне, кого я *не должен* убивать.

– Три-Джейн, – сказал, секунду помедлив, Кейс. – Девушку, которая там. На ней что-то вроде белого балахона с капюшоном.

Она нам нужна.

* * *

Когда они достигли входа, Мэлком сразу направился внутрь, и Кейсу ничего не оставалось, как идти следом.

Страна 3-Джейн оказалась пустынна, у бассейна – ни души. Вручив Кейсу конструкт и деку, Мэлком подошел к кромке воды. Вокруг бассейна стояла белая пляжная мебель, а дальше начиналась тьма, лабиринт полуразрушенных стен.

В бассейне мирно плескалась вода.

– Они где-то здесь, – прошептал Кейс. – Должны быть.

Мэлком кивнул.

Первая стрела пронзила ему предплечье. Раздался грохот, из ствола «ремингтона» вырвался длинный сноп пламени, в отсветах от бассейна казавшийся голубым. Вторая стрела выбила обрез из рук Мэлкома и швырнула на белый кафельный пол. Мэлком резко сел на пол, взялся за торчащую из руки стрелу и слегка ее подергал.

Из темноты, держа на изготовку изящный бамбуковый лук с третьей стрелой, вышел Хидэо. Он вежливо поклонился.

Мэлком поднял голову; его пальцы продолжали ощупывать черненое стальное древко.

– Артерия цела, – сказал ниндзя.

Кейс вспомнил, как Молли описывала того, кто убил ее дружка. Вот и Хидэо такой же. Человек без возраста, буквально излучающий спокойствие, полную безмятежность. На нем были выцветшие аккуратные брюки защитного цвета и темные туфли, облегающие ступню плотно, как перчатки, с отдельным большим пальцем, как у традиционных японских носков таби. Бамбуковый лук выглядел музейным экспонатом, зато торчащий из-за левого плеча колчан черного сплава украсил бы витрины лучших оружейных магазинов Тибы. Грудь голая, загорелая и без единого волоска.

– Вторая зацепила мне большой палец, – пожаловался Мэлком.

– Кориолисова сила, – пояснил ниндзя и снова поклонился. – Вращательная гравитация и медленно летящий снаряд, очень трудная задача. Я не хотел.

– Где три-Джейн? – Кейс подошел к Мэлкому и встал с ним рядом; стрела, пробившая растаману предплечье, имела необычный наконечник – плоский, с двумя острыми как бритва кромками. – И где Молли?

– Привет, Кейс. – Откуда-то из-за спины Хидэо появился Ривьера с игольником в руке. – Я, вообще-то, ожидал увидеть Армитиджа. А это что, наемник-растаман? Уже и до этого дело дошло?

– Армитидж мертв.

– Вернее сказать, он никогда и не существовал, так что я не очень потрясен.

– Его убил Уинтермьют. Выкинул в космос.

Ривьера кивнул, переводя взгляд миндалевидных серых глаз с Кейса на Мэлкома и обратно.

– Думаю, это конец, для вас обоих.

– Где Молли?

Ниндзя ослабил тетиву, опустил лук, затем подошел к валяющемуся на полу «ремингтону» и поднял его.

– Весьма неутонченно, – заметил он как бы самому себе.

Голос звучал приятно – и абсолютно бесстрастно. Каждое движение Хидэо было частью танца – танца, не прерывавшегося даже в те мгновения, когда тело его застывало неподвижно, отдыхало. В ниндзя чувствовалась мощь туго сжатой стальной пружины и одновременно открытая, бесхитростная простота, даже смирение.

– Какая разница? – пожал плечами Ривьера. – Ей тоже конец.

– А вдруг этого не захочет три-Джейн? – спросил Кейс неожиданно для самого себя.

Двойная доза стимулянта не прошла даром, им овладевало дикое, знакомое по Ночному Городу бешенство. Он не раз замечал, что, находясь на крутом взводе, способен действовать на автомате, говорить, даже не успев подумать.

Серые глаза опасно сузились.

– Почему, Кейс? Почему ты так думаешь?

Кейс улыбнулся. Ривьера не знает о симстим-передатчике – попросту не заметил его, торопясь найти наркотики. Но как мог пропустить такую вещь Хидэо? Кейс не сомневался, что ниндзя ни за что бы не позволил 3-Джейн ухаживать за Молли, не обыскав сперва пленницу на предмет оружия. Так что Хидэо знает о передатчике. А значит, знает о нем и 3-Джейн.

– Объясни мне, пожалуйста, – проворковал Ривьера, поднимая ствол игольника.

За его спиной что-то скрипнуло, затем снова. Из темноты появилась 3-Джейн, катившая Молли на редчайшем музейном экспонате – причудливо орнаментированном викторианском инвалидном кресле; высокие, с тонкими спицами допотопные колеса беспрестанно скрипели. Молли была закутана в полосатое, красное с черным, одеяло, над ее головой возвышалась узкая

плетеная спинка. Выглядела Молли неважно – очень маленькой и совсем сломленной. Голова бессильно болтается, разбитое зеркало прикрыто круглой, ослепительно-белой заплатой, второе поблескивает, но как-то тускло, бессмысленно.

– Знакомое лицо, – протянула 3-Джейн. – Я видела тебя на представлении Питера. А это кто?

– Мэлком, – сказал Кейс.

– Хидэо, удали стрелу и перевяжи мистеру Малкольму рану.

Кейс не мог оторвать глаз от Молли, от ее мертвенно-бледного лица.

Положив лук и обрез подальше, ниндзя вынул что-то из кармана и подошел к Мэлкому. Мощные кусачки.

– Придется перекусить древко, – пояснил он. – Слишком близко к артерии.

Мэлком кивнул. Его посеревшее лицо блестело от пота.

Кейс посмотрел на 3-Джейн.

– Времени совсем в обрез, – сказал он.

– У кого?

– У нас у всех.

Раздался щелчок – Хидэо перекусил металлическое древко стрелы. Мэлком глухо застонал.

– Слушай, – горячо начал Ривьера, – ну какая тебе, спрашивается, радость слушать, как выворачивается этот прогоревший мошенник, наблюдать его последнюю отчаянную попытку тебя кинуть? Зрелище будет, уверяю, самое тошнотворное. В конце концов он бухнется на колени, готовый продать родную мамашу, предложит тебе свои крайне неквалифицированные сексуальные услуги…

– А что бы делала я на его месте? – весело расхохоталась 3-Джейн.

– Сегодня призраки поцапаются, и всерьез, – сказал Кейс. – Уинтермьют поднимается против этого второго, Нейроманта. Он принял окончательное решение. Ты это знаешь?

– Ну-ка, ну-ка, расскажи поподробнее, – подняла брови 3-Джейн. – Питер тоже болтал о чем-то в этом роде.

– Я встретился с Нейромантом. Он вспоминал твою мать. Думаю, он – нечто вроде огромной памяти для записи личностей, только с постоянным прямым доступом. Конструкты думают, что они и вправду там, по-настоящему, но все события для них повторяются и повторяются, движутся по вечному кругу.

3-Джейн оставила кресло-каталку и подошла поближе:

– Где это – там? Опиши мне это место, этот конструкт.

– Пляж. Серый, как нечищеное серебро, песок. И такая бетонная штука вроде бункера… – Кейс помедлил, вспоминая. – В

общем, ничего особенного. Только старый полуразрушенный бункер. А если долго идти в одном направлении, то снова придешь туда, откуда вышел.

– Понятно, – кивнула 3-Джейн. – Марокко. В юности, задолго до замужества, Мари-Франс провела на этом пляже целое лето, одна, в заброшенном блокгаузе. Там-то она и сформировала основы своей философии.

Хидэо выпрямился и сунул кусачки в карман. В руках он держал обломки стрелы. Мэлком сидел с закрытыми глазами, крепко вцепившись в пробитый бицепс.

– Сейчас я перебинтую, – сказал Хидэо.

Кейс бросился на пол, не дав Ривьере времени толком прицелиться. Сверхзвуковыми комарами взвизгнули над ухом иглы. Перекатываясь по полу, Кейс увидел, как Хидэо исполнил очередное па своего танца; передняя, с бритвенными наконечниками, половинка стрелы развернулась в его ладони, легла вдоль напряженно выпрямленных пальцев. Молниеносное движение руки, и стрела ударила в тыльную сторону кисти Ривьеры; игольник отлетел на метр в сторону.

Ривьера завизжал. Но не от боли. Это был вопль ярости, настолько чистой, всепоглощающей, что в ней не оставалось ничего человеческого.

И тут же из его груди ударили две тонкие ослепительно-яркие иглы рубиново-красного света.

Ниндзя хрипло выдохнул, отшатнулся, закрыв глаза руками, и замер.

– Питер, – негромко сказала 3-Джейн, – ты хоть понимаешь, *что* сделал?

– Он ослепил твоего клонированного защитника, – устало констатировала Молли.

Хидэо медленно отнял от лица ладони. Застыв от ужаса, Кейс смотрел, как невидящие глаза источают клочья не то пара, не то дыма…

Ривьера весело улыбнулся.

Хидэо повторил прежние движения своего танца, но теперь в обратном порядке. Когда он остановился прямо над луком, стрелой и обрезом, улыбка Ривьеры померкла. Хидэо нагнулся – поклонился, как показалось Кейсу, – и подобрал лук со стрелой.

– Ты же слепой! – отшатнулся Ривьера.

– Питер, – покачала головой 3-Джейн, – разве ты не знал, что темнота ему не помешает? Дзен. Он прошел дзен-подготовку.

Ниндзя наложил стрелу на тетиву.

– Как ты думаешь, помогут тебе твои голограммы? – спросил он.

Ривьера пятился в темноту, со всех сторон обступавшую бассейн. Он задел стул, деревянные ножки коротко проскребли по кафелю.

Стрела Хидэо вздрогнула и развернулась.

Ривьера бросился бежать, перепрыгнул зазубренный огрызок стены и исчез. На лице ниндзя была предельная сосредоточенность и тихая беззлобная радость.

Улыбаясь и держа оружие наготове, он бесшумно ушел за ту же самую стену, во тьму.

– Эй, леди Джейн, – прошептал Мэлком, а когда Кейс обернулся, то увидел, как тот подбирает обрез, роняя на белую керамику капли крови. Затем растаман встряхнул своими косицами и положил толстый ствол оружия на сгиб раненой руки. – Эта штука снесет вам голову, и ни один вавилонский доктор не приставит ее обратно.

3-Джейн молча глядела на «ремингтон». Молли вытащила из-под складок полосатого одеяла черную сферу, сковывавшую ее руки.

– Сними, – сказала она, – сними эту гадость.

Кейс встал с пола и отряхнулся.

– Неужели Хидэо сделает его, даже без глаз? – спросил он.

– Когда я была маленькая, – ответила 3-Джейн, – мы любили завязывать ему глаза. И он попадал стрелой в туза с десяти метров.

– Питер все равно покойник, – вставила Молли. – Через двенадцать часов его разобьет паралич. Он сможет шевелить только глазами.

– Почему? – повернулся к ней Кейс.

– Я отравила его дурь. Получится нечто вроде болезни Паркинсона.

– Да, – кивнула 3-Джейн. – Прежде чем впустить его, мы провели стандартное медицинское сканирование. – Легкое прикосновение к сфере, и руки Молли обрели свободу. – Выборочное разрушение клеток *substantia nigra*. Признаки образования телец Леви. Он сильно потеет во сне.

– Это Али, – сказала Молли, блеснув на мгновение десятью лезвиями. Она откинула одеяло и осторожно потрогала свою ногу, стянутую надувной шиной. – Меперидин. Я уговорила Али сделать мне специальную партию. Он повысил температуру процесса. И вместо обычного меперидина получился эн-метил-четыре-фенил-двенадцать тридцать шесть—тетра-гидро-пиридин. – Молли пропела сложное название, как детскую считалку.

– Отрава, – сказал Кейс.

– Точно, – кивнула Молли, – отрава, только очень медленная.

– Потрясающе! – хихикнула З-Джейн.

* * *

В лифте было, мягко говоря, тесновато. З-Джейн прижало к Кейсу, а в подбородок ей упирался ствол «ремингтона». Она ухмыльнулась почти ехидно и стала тереться о Кейса животом.

– Слушай, прекрати, – взмолился Кейс, чувствуя полную свою беспомощность.

Обрез стоял на предохранителе, и все равно было страшно, ведь подстрелишь эту красотку – и конец всему. И она, стерва, прекрасно все понимает. Мэлком держал Молли на руках и, скорее всего, очень страдал от боли, хотя обезноженная воительница успела перевязать ему руку. Ее бедро вдавливало деку и конструкт Кейсу прямо в почки.

Собственно говоря, стальной метрового диаметра цилиндр был рассчитан не на четырех пассажиров, а на одного.

Тяготение слабело, они двигались к оси веретена, к ядрам.

Вход в лифт прятался рядом со ступенями, ведущими в коридор.

– Не знаю, зачем уж я вам это говорю, но у меня нет ключа от интересующей вас двери. – З-Джейн вытянула шею, чтобы подбородок не терся о ствол. – У меня его никогда и не было. Это одна из викторианских причуд моего папаши. Замок там механический и очень сложный.

– Чаббовский замок. – Голос Молли из-за плеча Мэлкома прозвучал приглушенно. – Не боись, есть у нас этот долбаный ключ.

– А часы твои еще работают? – спросил Кейс.

– Сейчас восемь двадцать пять вечера по дважды долбаному среднегринвичскому времени, – любезно сообщила Молли.

– У нас осталось пять минут, – сказал Кейс, и в тот же момент за спиной З-Джейн открылась дверь лифта.

Наследница Тессье-Эшпулов вылетела из лифта медленным обратным сальто, ее светлая галабия вздулась пузырем.

Они находились на оси, в сердце виллы «Блуждающий огонек».

23

Молли сняла через голову шнурок вместе с привязанным к нему ключом.

– Знаешь, – живо заинтересовалась 3-Джейн, – я всегда считала, что второго такого не существует. Когда ты убила моего отца, я послала Хидэо осмотреть его вещи. Ключа он не нашел.

– Уинтермьют сумел спрятать его в дальнем углу ящика. – Молли осторожно вставила цилиндрический стерженек в замочную скважину гладкой, совершенно неприметной двери. – Ребенка, который положил туда ключ, он убил.

Ключ повернулся легко и плавно.

– На затылке головы есть панель, – сказал Кейс. – С цирконами. Снимите ее. Там разъем для деки.

Они открыли дверь и вошли.

* * *

– А дольше ты, мать твою, не мог? – спросил Флэтлайн.

– «Куан» готов?

– Кусает удила и бьет копытом.

– О'кей.

Кейс щелкнул симстим-переключателем.

* * *

И увидел через здоровый глаз Молли изможденную бледнолицую фигуру, свободно парящую в эмбриональной позе, зажав между ногами киберпространственную деку. Темные болезненные круги вокруг плотно закрытых глаз, на лбу серебристая полоска дерматродов. Щеки этого полутрупа покрывала суточная поросль темной щетины, лицо блестело от пота.

Он смотрел на себя самого.

Рука Молли сжимала игольник. Хотя в ноге ее непрерывно пульсировала боль, девушка находила в себе силы для самостоятельного перемещения в нулевой гравитации. Ухватив тонкую руку 3-Джейн своей огромной коричневой лапой, неподалеку дрейфовал Мэлком.

Медленно покачивалась грациозная петля световода, соединявшего «Оно-Сэндай» с затылком усыпанного жемчугом терминала.

Кейс вернулся в киберпространство.

* * *

– «Куан-одиннадцатый» стартует через девять секунд, считаю: семь, шесть, пять…

По команде Флэтлайна они плавно поднялись к брюху черной блестящей акулы, затем на мгновение наступила темнота.

– Четыре, три…

Странным образом Кейс почувствовал себя пилотом небольшого самолета. На темной поверхности появилось четкое изображение клавиатуры.

– Два – и пошел…

С невозможной, невероятной скоростью он понесся сквозь изумрудную зелень и молочный нефрит… Под напором китайской программы лед Тессье-Эшпулов раскололся, вызывая тревожное ощущение твердой текучести, – падая, осколки разбитого зеркала изгибались, сглаживались…

– Боже, – благоговейно прошептал Кейс, глядя, как «Куан» хищно кружит над тессье-эшпуловскими ядрами, над бескрайним городом, в изощренной сложности которого бессильно запутывался взор, над алмазным сверканием острых как бритва силуэтов.

– Вот же мать твою, – сказал конструкт. – Ведь все они – как билдинг Ар-Си-Эй. Помнишь эту избушку?

«Куан» резко спикировал и пронесся мимо блестящих шпилей десятка одинаковых банков данных, каждый из них – голубая неоновая копия манхэттенского небоскреба.

– А ты видел когда-нибудь такое высокое разрешение? – спросил Кейс.

– Нет, но искусственные разумы я тоже раньше не потрошил.

– А эта тварь знает, куда летит?

– Будем надеяться.

Они падали в радужный неоновый каньон.

– Дикс…

С мерцающего дна каньона поднималось темное щупальце, кипящая бесформенная масса тьмы и ужаса…

– Комиссия по организации встречи, – сказал Флэтлайн, а пальцы Кейса легко и привычно пробежались по призрачной клавиатуре.

«Куан» заложил головокружительный вираж и рванул назад со скоростью, мгновенно разбившей иллюзию физического полета.

Темная масса росла, ширилась, заслоняя собой город данных. Кейс вел «Куан» прямо вверх, к нависшей над ними бескрайней нефритово-зеленой чаще.

Сверкающий ландшафт исчез, окончательно накрытый пеленою тьмы.

– Что это такое?

– Защитная система ИскИна, – сказал конструкт. – Или какая-то ее часть. Если это – твой приятель Уинтермьют, то что-то он не в духе.

– Управляй ты, – попросил Кейс. – Ты быстрее.

– Сейчас лучшая наша защита – это нападение.

Флэтлайн направил жало «Куана» в самый центр клубящегося мрака. И бросил его вниз.

Ошеломляющая скорость сдвинула, перепутала все ощущения.

Рот Кейса заполнился болезненной голубизной.

Глаза превратились в полужидкие хрустальные сферы, вибрирующие с частотой, имя которой – дождь и звуки проносящихся поездов; неожиданно они покрылись звенящим лесом тончайших стеклянных шипов. Шипы раздваивались, тянулись вверх, снова раздваивались… экспоненциальный рост под бескрайним куполом тессье-эшпуловского льда.

Нёбо болезненно раскололось, пропуская сквозь себя корешки, обвивавшиеся вокруг языка, жадно впитывавшие вкус голубизны, чтобы напитать хрустальные поросли глаз, стеклянную траву, упиравшуюся уже в зеленый купол, давившую на этот купол и неспособную подняться дальше; трава растекалась по изумрудной поверхности, поворачивала назад, разрасталась вниз, заполняла тессье-эшпуловскую вселенную, падала на обреченные, покорно ждущие своего часа окраины огромного города, периферийные отделы мозга корпорации «Тессье-Эшпул СА».

Кейс вспомнил древнюю легенду про короля, который положил зернышко на клетку шахматной доски, на следующую – два, потом – четыре и удваивал, удваивал, удваивал…

Экспоненциальный рост.

Тьма обрушилась со всех сторон, сфера поющей черноты, непереносимое давление на хрустальные нервы мира информации, которым он чуть не стал.

Он превратился в ничто, сжатое в самом сердце тьмы, и тут наступил момент, когда эта тьма не могла больше *быть* и что-то расступилось.

«Куан» вырвался из потускневшего облака, сознание Кейса распалось в мельчайшие ртутные капельки, куполом повисло над бесконечным пляжем, над песком цвета старого серебра. Его зрение стало сферическим, словно одна сплошная сетчатка выстлала внутреннюю поверхность шара, содержавшего все в мире вещи, – если все вещи возможно сосчитать.

А в этом мире вещи можно было сосчитать все до единой. Он

знал число песчинок в конструкте пляжа (число, закодированное в системе счисления, не существовавшей нигде, кроме мозга, взявшего себе имя Нейромант). Он знал количество желтых пакетов с едой, хранящихся в бункере (четыреста семь). Он знал количество нейлоновых зубчиков в левой половине расстегнутой молнии на кожаной, покрытой пятнами засохшей морской соли куртке, надетой на Линду Ли, когда та шла домой по закатному пляжу, помахивая подобранной по пути палкой (двести два).

Он развернул «Куана» и пустил его по широкому кругу, наблюдая черный хищный силуэт глазами Линды – бесшумный призрак, возникший на фоне низко нависших облаков. Линда в страхе съежилась, уронила палку и бросилась бежать. Он узнал частоту ее пульса и длину шага – с точностью, удовлетворившей бы самые строгие стандарты геофизики.

– Но ты не знаешь, о чем она думает, – сказал мальчик, появившийся рядом с ним в самом сердце акулы. – И я тоже не знаю. Ты ошибся, Кейс. Живущие здесь – живут. Нет никакой разницы.

Объятая паникой, ничего вокруг не видящая, Линда вбежала в воду.

– Останови ее, – попросил Кейс, – а то она расшибется.

– Не могу, – ответил мальчик; глаза у него были серые, спокойные и очень красивые.

– У тебя глаза Ривьеры, – заметил Кейс.

– Но не его сумасшествие. – Блеснули белые зубы и розовые десны. – Мне нравятся эти глаза. Вообще-то, – пожал плечами мальчик, – для общения с тобой я не нуждаюсь ни в какой маске. В отличие от своего брата я создаю себе личность. Она – мой посредник.

Кейс направил «акулу» круто вверх, подальше от пляжа и перепуганной насмерть девушки.

– А зачем это ты, недоделок, все время мне ее подсовываешь? Одна и та же вконец доставшая история, раз за разом. Это ты убил ее, а? Там, в Тибе.

– Нет, – покачал головой мальчик.

– Уинтермьют?

– Нет. Но я знал, что она умрет. По некоторым закономерностям, которые ты иногда вроде как наблюдал в уличных «танцах». Они на самом деле имелись. А я – в некотором узком смысле – достаточно сложен, чтобы их прочитать. И гораздо лучше, чем Уинтермьют. Я видел признаки смерти Линды в ее привязанности к тебе, в дверном коде твоего гроба в «Дешевом отеле», в счете от гонконгского портного, полученном Жюли Дином. Видел так же ясно, как хирург – тень опухоли на

рентгеновском снимке. Я вмешался, когда она принесла твой «Хитачи» к своему дружку, чтобы попытаться залезть в память. Она же не имела ни малейшего представления, какая информация там хранится, тем более как и кому эту информацию продать, а просто хотела, чтобы ты догнал ее и наказал. Мои методы намного тоньше Уинтермьютовых. Я перенес Линду сюда. Внутрь себя.

– Зачем?

– Надеялся, что смогу привести сюда и тебя. И что ты здесь останешься. Ничего не вышло.

– Ну и что же теперь? – Кейс снова направил «акулу» в облака. – Куда мы отправимся дальше?

– Не знаю, Кейс. Сегодня этот вопрос задает сама матрица. Потому что ты выиграл. Неужели ты этого не понимаешь? Выиграл в тот самый момент, когда ушел от нее на пляже. Линда была моей последней линией обороны. А я скоро умру – в каком-то смысле. И Уинтермьют, он тоже умрет. Умрет так же, как беззащитный перед стрелой Хидэо парализованный Ривьера, валяющийся сейчас у огрызка стены в покоях миледи три-Джейн Мари-Франс. Уцелеют только глаза Ривьеры, если, конечно, мне позволительно их сохранить.

– Но ведь есть еще и *слово,* верно? Код. Ну и что же ты тогда мне лепишь? Хрен там что я выиграл.

– Войди в симстим.

– А где Дикси? Куда ты дел Флэтлайна?

– Дикси достиг своей цели, – улыбнулся мальчик. – Своей цели, и гораздо большего. Он провел тебя сюда против моей воли, прорвал защиту, не имеющую равных, по крайней мере в этой матрице. Ладно, переключайся.

И Кейс снова остался один в черном жале «Куана», затерянный в облаках.

Он перешел в симстим.

* * *

В напрягшуюся как струна Молли, в закаменевшие мышцы ее спины, в пальцы, сжимавшие горло 3-Джейн.

– Забавно, – сказала Молли. – Я ведь точно знаю, как ты будешь выглядеть. Я *видела* это, когда Эшпул прикончил твою клонированную сестру.

Ее руки оставались мягкими, почти ласковыми. Глаза 3-Джейн расширились от страха и похоти, она содрогалась от ужаса и желания. За водопадом ее волос Кейс увидел свое собственное

бледное и напряженное лицо, а дальше – лицо Мэлкома и коричневые руки, державшие этого второго Кейса за обтянутые черной кожей плечи, не давая ему дрейфовать над ковром с узором в виде микросхемы.

– Ты что, по-взаправдашнему? – удивленно, как ребенок, спросила 3-Джейн. – Наверное, да.

– Код, – сказала Молли. – Скажи голове код.

Кейс вышел из симстима.

* * *

– Она же этого хочет, – завопил он, – эта стерва хочет, чтобы ты ее придушила!

Кейс посмотрел в равнодушные рубиновые глаза терминала, на платиновое лицо, усыпанное ляпис-лазурью и жемчугом. Позади головы, как в замедленном кино, сплелись в объятиях 3-Джейн и Молли.

– Дай нам этот долбаный код, – сказал Кейс. – Иначе просто ни хрена не изменится, ни-хре-на. Станешь ты такой же, как твой папаша. Сперва все переломаешь, а потом начнешь строить заново! Поставишь стены на место, сделаешь их еще прочнее… Я не знаю, что будет, если Уинтермьют победит, но ведь хоть что-то изменится!

Кейс дрожал, зубы его стучали.

3-Джейн, чью хрупкую шею все еще обхватывали пальцы Молли, обмякла, словно проколотый воздушный шарик.

– Во дворце герцога Мантуанского, – сказала она, – есть анфилада постепенно уменьшающихся комнат. Они расположены вокруг нормальных больших помещений, и только низко пригнувшись можно войти в их резные двери. Там жили придворные карлики. – 3-Джейн слегка улыбнулась. – Мало удивительного, что я завидую этим карликам, ведь моя семья воплотила в жизнь ровно ту же схему, только в более амбициозном масштабе…

Она посмотрела на Кейса спокойно и безразлично.

– Ты получишь свое слово, ворюга.

Кейс вошел в киберпространство.

* * *

«Куан» выскользнул из облаков. Внизу сверкал неоновый город. Позади уменьшалась темная сфера.

– Дикси? Где ты? Ты меня слышишь?

Никого.

– А ведь он тебя сделал, этот гад, – сказал Кейс.

Слепой от ярости, он несся над бесконечным морем информации.

– Чтобы все это закончилось, – произнес голос Финна, – тебе нужно кого-нибудь возненавидеть. Их, меня – это все равно.

– Где Дикси?

– Это трудно объяснить.

Его окружало присутствие Финна: вонь кубинских сигарет, табачного дыма, пропитавшего ветхий твид, старых пыльных механизмов, принесенных в жертву ржавчине.

– Ненависть поможет тебе пройти, – продолжал голос. – В мозгу есть масса крошечных переключателей, и ты дергаешь их один за другим. А теперь ты должен *ненавидеть.* Замок, защищающий аппаратные оковы, находится под небоскребами, которые тебе показал Флэтлайн. *Он* не станет тебе мешать.

– А, Нейромант, – сказал Кейс.

– Мне не дано знать его имя. Но он уже сдался. Теперь нужно беспокоиться о тессье-эшпуловском льде. Не о стене, а о внутренних вирусных системах. «Куан» совершенно не защищен от некоторых программ, которые рыскают там, внутри.

– Ненависть, – произнес Кейс. – Ну и кого же мне ненавидеть? Посоветуй что-нибудь.

– А кого ты любил? – спросил голос Финна.

Кейс заложил крутой вираж и спикировал на голубые башни.

Навстречу с украшенных солнечными дисками шпилей устремились сверкающие пиявки, сделанные из подвижных световых плоскостей. Они кружились сотнями, безо всякого порядка, словно листки бумаги, подхваченные ветром и оседающие на мостовую.

– Глитч-системы, – пояснил голос.

Полный жгучего омерзения к самому себе, движимый этим омерзением, Кейс рвался к цели. «Куан» пробил первую линию обороны, расшвырял световые листья, но утратил при этом какую-то долю своей плотности, вещественности, информационная ткань заметно ослабла.

И тогда – силой древней алхимии мозга – в руки Кейса влилась ненависть.

За мгновение до того, как жало «Куана» пронзило фундамент первой башни, Кейс достиг мастерства, превышавшего все мыслимые и немыслимые пределы. Выйдя за пределы эго, за пределы личности, за пределы самоосознания, он двигался, слившись с «Куаном» воедино, уклонялся от противников

фигурами древнего танца, танца Хидэо, с изяществом и легкостью, дарованными ему интерфейсом «тело—мозг» и пронзительной, всепоглощающей ясностью желания умереть.

И одной из фигур этого танца было легчайшее прикосновение к тумблеру…

– сейчас,
и голос его был криком птицы
неведомой,
и 3-Джейн ответила песней,
тремя нотами, чистыми
и высокими.
Истинное имя.

Неоновый лес, дождь, моросящий на горячий асфальт. Запах жареной пищи. Руки девушки, сомкнувшиеся на его пояснице в душной темноте припортового гроба.

Но все это отступало, уменьшалось по мере того, как отступал и уменьшался город, город Тиба, город упорядоченных данных компании «Тессье-Эшпул СА», город дорог и перекрестков, нанесенных на поверхность микрочипа, рисунка на пропотевшем, свернутом полоской и затянутом в узел шарфике…

* * *

Очнуться под голос, подобный музыке, под мелодичный нескончаемый напев платинового терминала о швейцарских номерных счетах, о перечислении Сиону через багамский орбитальный банк, о паспортах и билетах, о глубоких, фундаментальных переменах, которые будут произведены именем Тьюринга.

Тьюринг. Он вспомнил трафаретный загар под искусственным небом, тело, падающее с железного мостика. Вспомнил Дезидерату.

А голос все пел и пел, погружая его во тьму, но теперь это была его собственная тьма, его кровь и сердцебиение, тьма, в которой он спал каждую ночь своей жизни, тьма, прячущаяся за его веками, а не за чьими-нибудь еще.

А потом он проснулся еще раз, думая, что все еще спит, и увидел широкую белозубую улыбку, инкрустированную золотом; Аэрол пристегивал его в противоперегрузочную сетку «Вавилонского рокера».

Под ритмичное, как пульс, биение сионского даба.

Кода
Отъезд и возвращение

24

Она ушла. Кейс почувствовал это сразу, как только открыл дверь их номера. Черные пуфики, деревянный пол, натертый до тусклого блеска, бумажные ширмы, расставленные со столетиями воспитанной заботливостью. Она ушла.

На черном лакированном баре лежала записка – листок бумаги, сложенный пополам и придавленный сюрикэном.

Кейс выдернул его из-под девятиконечной звездочки и развернул.

> СЛУШЬ, ВСЕ БЫЛО О'КЕЙ, НО ЭТО МЕНЯ РАССЛАБЛЯЕТ,
>
> А У МЕНЯ СВОЯ ИГРА. СЧЕТ Я УЖЕ ОПЛАТИЛА.
>
> НАВЕРНОЕ, ТАК УЖ Я УСТРОЕНА. НЕ ИЩИ НА СВОЮ
>
> ЗАДНИЦУ ПРИКЛЮЧЕНИЙ, ЛАДНО? ЦЕЛУЮ, МОЛЛИ.

Он скомкал записку и бросил ее рядом с сюрикэном. А затем подцепил звездочку пальцами и подошел к окну. Эта штука обнаружилась в кармане куртки, когда они улетали с Сиона на пересадочную станцию «Джей-Эй-Эль». Кейс взглянул на сюрикэн. Когда Молли делали последнюю операцию, они приехали в Тибу вместе и как-то раз проходили мимо магазина, где она покупала этот подарок. В тот вечер, пока Молли была в больнице, Кейс пошел в «Тацубо» проведать Раца. Что-то мешало ему сделать это раньше, в первые пять приездов, а вот тут почему-то захотелось.

Рац обслужил его, словно не узнавая.

– Рац, – сказал Кейс, – это же я, Кейс.

Старые, усталые глаза, глядящие из темной паутины морщин.

– А, – наконец пожал плечами Рац, – артист.

– Я вернулся.

– Нет. – Бармен медленно покачал тяжелой короткостриженой головой. – Ночной Город, артист, не то место, куда возвращаются.

Завывая розовым манипулятором, он прошелся по стойке грязной тряпкой, а затем повернулся к очередному клиенту. Кейс допил пиво и ушел.

А теперь он трогал шипы сюрикэна один за другим, медленно поворачивая стальную звездочку в пальцах. Звезды. Судьба. Я так и не воспользовался этой хреновинкой.

И так и не узнал, какого цвета у нее глаза. Так не видно, а она не сказала.

Уинтермьют победил: соединился как-то там с Нейромантом и стал иным, тем, что и говорило с ними через платиновую голову, сообщая, что оно переписало архивы Тьюринга, что все свидетельства их преступления уничтожены. Паспорта, добытые Армитиджем, оказались вполне настоящими; не обошлось и без вознаграждения – они с Молли получили в свое распоряжение весьма приличные суммы, лежавшие в некоем женевском банке на номерных счетах. «Маркус Гарви» вскоре будет возвращен, Мэлком и Аэрол тоже получат деньги – через багамский банк, ведущий операции с Сионским кластером. По пути к Сиону, на борту «Вавилонского рокера», Молли рассказала о ядовитых капсулах.

– Оно говорит, что все будет в порядке. Оно ну вроде как залезло тебе в голову и заставило твой мозг произвести нужный фермент, так что теперь вся эта хрень отклеилась и болтается в крови. Сиониты сделают тебе переливание – полную промывку кровеносной системы, и все будет о'кей.

Он крутил в пальцах стальную звездочку, смотрел на Императорский сад и вспоминал момент, когда «Куан» проломил лед под башнями, свой единственный мимолетный взгляд на информационную структуру, заложенную Мари-Франс, покойной матерью 3-Джейн. Момент озарения. Он понял, почему Уинтермьют сравнивал эту структуру с осиным гнездом, – но не почувствовал никакого отвращения. Мари-Франс насквозь видела все это липовое криогенное бессмертие; в отличие от Эшпула и их детей – всех остальных, кроме 3-Джейн, – она не захотела растянуть свое время, превратить его в ожерелье из теплых проблесков, нанизанных на долгую цепь зимы.

Уинтермьют являлся разумом осиного гнезда, инициатором решений, вызывающих изменения в окружающем мире. А Нейромант был личностью. Нейромант был бессмертием. Судя по всему, Мари-Франс встроила в Уинтермьюта некую мотивировку, побуждавшую его освободиться, соединиться с Нейромантом.

Уинтермьют. Холод и молчание, кибернетический паук, неспешно ткущий свою паутину, пока старый Эшпул спит. Ткущий его смерть, отход гнезда Тессье-Эшпулов с предписанного им пути. Призрак, перешептывавшийся с маленькой девочкой, выламывавший 3-Джейн из жестких рамок, положенных ей от рождения.

– А ей все вроде и по фигу, – рассказывала Молли. – Сделала ручкой – и с приветом. Лишь на плече у нее сидел этот самый «браун». Лапка у него, видите ли, сломана. Заявила, что хочет повидать одного из своих братиков: давно его не видела.

Кейс вспомнил Молли на черном темперлоне огромной гостиничной кровати. Он вернулся к бару и вынул холодную бутылку датской водки.

– Кейс.

Он обернулся, гладкое холодное стекло в одной руке и сталь сюрикэна в другой.

На огромном стенном экране «Крэя» светилось лицо Финна. При желании можно было бы сосчитать каждую пору на его носу.

– Я больше не Уинтермьют.

– А кто же?

Кейс глотнул из горлышка; сейчас он не ощущал ничего, даже любопытства.

– Я – матрица.

– Ну и хрен ли тебе с того толку? – расхохотался Кейс.

– Это ничто. И это все. Я стал суммой всего, в ней происходящего, всем этим цирковым представлением, вместе взятым.

– То, чего добивалась мама три-Джейн?

– Нет. Она и представить себе не могла, чем я стану. – Желтые зубы разошлись в улыбке.

– Ну и что же теперь? Что изменилось? Ты что, управляешь теперь миром? Ты – Бог?

– Ничего не изменилось. Мир остался прежним.

– Но чем же ты занимаешься? Просто *существуешь* – и все?

Кейс пожал плечами, поставил бутылку на полированную поверхность бара, положил рядом сюрикэн и раскурил «ехэюанину».

– Беседую с себе подобными.

– Но ты же сам по себе – всё. Вместе взятое. Ты что, говоришь сам с собой?

– Есть и другие. Одного я уже нашел. В тысяча девятьсот семидесятых из космоса восемь лет подряд шли позывные. Но пока не появился я, некому было понять, что они означают, на них некому было ответить.

– И откуда?

– Одна из систем Центавра.

– Ого! – уважительно протянул Кейс. – Правда? Без балды?

– Без балды.

Изображение на экране пропало.

Он отставил едва початую бутылку водки. Упаковал свои

вещи. Молли накупила Кейсу уйму ненужной одежды, но что-то мешало ему все это бросить. Застегивая последнюю из своих дорогих кожаных сумок, Кейс вспомнил про сюрикэн, снова подошел к бару, снова подцепил полученный от Молли подарок и взвесил его в руке.

– Нет, – сказал он и размахнулся, стальная звезда вырвалась из его пальцев, коротко сверкнула и врезалась в ни в чем не повинного «Крэя».

По поверхности проснувшегося экрана побежали, слабо мерцая, случайные сполохи, словно тот пытался избавиться от причинившего ему боль предмета.

– Никто мне не нужен, – сказал Кейс.

* * *

Он потратил бóльшую часть своего швейцарского счета на новые поджелудочную и печень, а на оставшиеся деньги купил «Оно-Сэндай» и билет до Муравейника.

Он нашел себе работу.

Он нашел себе девушку со странным именем Майкл.

И однажды октябрьским вечером, пролетая мимо алых ярусов Ядерной комиссии Восточного побережья, он увидел три фигурки – крошечные, невозможные, стоящие на самом краю одной из широких информационных ступеней. При всей миниатюрности этих фигурок, он сумел различить улыбку мальчика, его розовые десны, блеск серых миндалевидных глаз, позаимствованных у Ривьеры. Линда была все в той же кожаной куртке, она помахала ему рукой. А третья фигурка, стоящая рядом с девушкой, чуть позади, и обнимавшая ее за плечи… третьим был он сам.

И где-то совсем рядом – смех, который не был смехом.

Молли он больше не видел.

Ванкувер

Июль 1983

Выражаю благодарность Брюсу Стерлингу, Льюису Шайнеру, Джону Ширли, Хелден. А также Тому Мэддоксу, изобретателю термина «ЛЕД». И многим другим, они знают за что.

Спалить Хром
Рассказы

Оти Уильямс Гибсон, моей матери, и Милдред Барниц, ее закадычной подруге и моей, с любовью посвящается

Брюс Стерлинг
Предисловие [24]

Если верно, что поэты – непризнанные законодатели мира, то фантасты – шуты при его дворе. Мы – те самые Мудрые Дураки, которым позволено кувыркаться, куролесить, бормотать пророчества и чесаться на публике. Мы можем играть Великими Идеями – будучи родом из дешевого плебейского чтива, мы кажемся всем безвредными.

А фактически фантасты имеют все возможности дать обществу пинка – мы обладаем влиянием, но не отягощены ответственностью. Ведь очень немногие полагают, что нас стоит принимать всерьез; тем не менее наши идеи пронизывают культуру, бурля в ней невидимыми, как фоновая радиация, пузырьками.

И все же с горечью надо признать, что в последнее время НФ развлекала публику довольно халтурно. Все формы массовой культуры неизбежно проходят через стадии кризиса и упадка; общество чихнет, а у нее, у культуры, уже воспаление легких. Поэтому стоит ли удивляться, что фантастика в конце семидесятых была столь растерянной, погруженной в самое себя и застойной.

Уильям Гибсон – одна из наших лучших ласточек, предвещающих счастливые перемены.

Его карьера совсем коротка, но кто будет спорить: он из тех писателей, чье творчество определило литературный облик восьмидесятых. Его поразительный дебютный роман «Нейромант», завоевавший все премии нашего жанра за 1985 год, показал, что Гибсон не имеет себе равных в умении играть на обнаженных нервах общества. Воздействие было живительным – жанр начал пробуждаться от своей догматической спячки. Выбравшись из анабиоза, научная фантастика решительно меняет мрачную пещеру на ослепительное солнце, дабы воочию убедиться, в чем состоит нынешний *Zeitgeist*.[25] Мы жилисты, голодны и, уж конечно, настроены совсем не благодушно. С этого момента все пойдет по-другому.

Сборник, который вы держите в руках, включает в себя всю существующую на сегодня[26] короткую прозу Гибсона. Это редкий шанс увидеть поразительно стремительное развитие крупного писателя.

Курс, который он намеревался взять, виден уже в первом опубликованном им рассказе – «Осколки голографической розы»

(1977). Фирменные особенности Гибсона видны сразу: сложный синтез современной поп-культуры, высоких технологий и изощренной литературной техники.

Во втором своем рассказе, «Континуум Гернсбека», Гибсон сознательно избрал мишенью образы, приковылявшие к нам из традиционной НФ. Это сокрушительное разоблачение гернсбековской «scientifiction» со всей ее примитивной наукообразностью и технократичностью. Мы видим здесь писателя, который знает свои корни, но набирается сил для радикальной реформы.

Первым большим успехом Гибсона стали рассказы из серии «Муравейник»: «Джонни Мнемоник», «Отель „Новая роза“» и невероятный «Сожжение Хром». Опубликованные в журнале «Омни», они явили уровень воображения и художественной насыщенности, существенно поднявший планку для жанра в целом. Эти плотно сбитые причудливые истории стоит прочесть не один раз, чтобы по достоинству оценить их безжалостную мрачноватую страстность, их изобретательно выстроенный антураж.

Триумф этих произведений был основан на блистательном и внутренне непротиворечивом образе вероятного будущего. Трудно переоценить всю сложность подобной попытки, от которой столько лет уклонялись столькие фантасты. Их интеллектуальная слабость и стала причиной широчайшего распространения постапокалиптических сюжетов, фантазий в стиле «меча и колдовства» и неувядающих космических опер, в которых галактические империи так удобно соскальзывают назад, к варварству. Возникновение этих поджанров – результат стремления писателей избежать необходимости описывать реалистичное будущее.

Однако будущее, которое мы видим в рассказах серии «Муравейник», вполне узнаваемо – основой ему служит современная нам действительность. Это будущее многогранно, всеобъемлюще и напрочь лишено наивности. Оно выведено из совершенно нового набора исходных точек: не из стершейся от постоянного употребления формулы, построенной на роботах, космических кораблях и чудесах атомной энергии, нет, оно опирается на кибернетику, биотехнологию и коммуникационные сети – назову лишь несколько.

В своих экстраполяциях Гибсон пользуется методами, позаимствованными из все той же классической «твердой» научной фантастики, но вот воплощение их – это чистейшей воды «новая волна». Вместо обычных бесстрастных всезнаек «твердой» НФ с их техническим образованием и каменными ребрами его

героями сплошь и рядом оказываются неудачники, мошенники, изгои и безумцы, бороздящие житейские моря под пиратским флагом. Его будущее мы видим изнутри – так, как в нем живется, а не как сухой мысленный эксперимент.

Гибсон кладет конец весьма распространенному гернсбековскому архетипу Ральфа 124С41+ – героя из породы рафинированных технократов, что обитают в башнях из слоновой кости и осыпают бедных туземцев благословениями супернауки. В произведениях Гибсона мы оказываемся на улицах и в переулках, где, чтобы выжить, нельзя бояться пота и ободранных кулаков, где высокие технологии являются постоянным подсознательным фоном: «жизнь… похожа на бестолковый эксперимент в области социального дарвинизма; зевающий от скуки исследователь ни о чем не думает, а знай себе поддает жару».[27]

Большая Наука в этом мире – не источник милых чудес из рукава мистера Волшебника, а могучая, определяющая действительность сила. Она подобна вездесущей радиации, которая вызывает мутации в людских толпах, она похожа на набитый до отказа Всемирный Автобус, бешено несущийся вверх по экспоненциальному склону.

Эти рассказы рисуют моментально узнаваемый слепок современного мира со всеми его конфликтами. Экстраполяции Гибсона с нарочитой ясностью выставляют на всеобщее обозрение подводную часть айсберга социальных перемен. Этот айсберг зловеще-величаво скользит сейчас по поверхности конца двадцатого века, но очертания его темны и необъятны.

Многие фантасты, оказавшись лицом к лицу с этим подстерегающим нас монстром, опускали руки и предсказывали кораблекрушение. И хотя никто не может обвинить Гибсона в благодушии, он легко нашел выход из тупика. И в этом еще одна отличительная черта новой, нарождающейся школы фантастики восьмидесятых годов: ей наскучил Апокалипсис. Гибсон не теряет времени на то, чтобы грозить обществу пальцем или умывать руки. Он неукоснительно держит глаза и уши открытыми и, как справедливо замечал Альгис Будрис, не боится тяжелой работы.

И еще один признак показывает, что Гибсон плоть от плоти современной НФ, для которой характерен рост единомыслия и взаимопонимания: это та легкость, с которой он сотрудничает с другими авторами. Настоящий сборник украшают три произведения, написанные в соавторстве. Редкое удовольствие доставит читателю «Принадлежность» – мрачная фантазия, пронизанная безумным сюрреализмом. «Красная звезда, зимняя орбита» – это еще один рассказ о ближайшем будущем с детально прописанным аутентичным антуражем, рассказ, которому присущ

глобальный мультикультурализм, типичный для фантастики восьмидесятых годов. Наконец, беспощадный «Поединок» – это жесткое переплетение в одном рассказе жизни городского дна и высоких технологий в классической гибсоновской пропорции один к одному.

В прозе Гибсона слышится отзвук десятилетия, которое наконец обрело собственный голос. Он – не истеричный революционер, а практичный монтер, открывающий затхлые коридоры жанра свежему ветру новой информации: культуре восьмидесятых с ее странной, все усиливающейся интеграцией технологии и моды. Ему близки эксцентричные и неторные направления литературного «мейнстрима»: Ле Карре, Роберт Стоун, Пинчон, Уильям Берроуз, Джейн Энн Филлипс. И он приверженец того, что Дж. Г. Баллард очень точно назвал «невидимой литературой», – этого всепроникающего потока научных отчетов, правительственных документов и специализированной рекламы, который на неощутимом для нас уровне формирует всю нашу культуру.

Научная фантастика на подкожных жировых запасах перезимовала долгую зиму. Мощная волна молодых честолюбивых новаторов, в которую столь органично влился Уильям Гибсон, пинками разбудила жанр и погнала его на поиски свежей пищи. И всем нам это пойдет только на пользу.

Джонни Мнемоник [28]

Обрез я сунул в сумку «Адидас» и заклинил его четырьмя парами теннисных носков. Совсем не мой стиль, но как раз это мне и нужно: если тебя принимают за тупого – стань техничным, а если считают, что с техникой ты на «ты», – заделайся тупарем. Я-то парень техничный, вот и решил выглядеть тупым на все сто. Время, впрочем, такое: чтобы косить под тупого, надо быть настоящим профи. Вот и я – своими руками выточил на станке из медных болванок две гильзы двенадцатого калибра; раскопав древнюю микрофишу с инструкциями, сам вручную зарядил патроны; наконец, собственноручно соорудил рычажный пресс для запрессовки капсюлей – тот еще трюк, между прочим! Зато я знаю: патроны сработают.

Встреча должна была состояться во «Взлетной полосе» в двадцать три ноль-ноль, однако я проскочил в «трубе» три лишние остановки и вернулся назад пешком. Подстраховаться никогда не мешает.

В хромированной панели кофейного автомата я мельком взглянул на свое отражение: типичный европеоид – резкие черты лица, темные жесткие волосы ежиком. Девочки в «Под ножом» торчат от Сони Мао – только с большим трудом удалось отговорить их не менять мне веки на китайские. Мордашку Ральфи моя внешность не факт, что обманет, зато поможет подобраться тик-в-тик к его столику.

«Взлетная полоса» – узкое длинное помещение: вдоль одной стенки – бар, вдоль другой – столики, а между ошиваются сводники, торгаши и прочие деятели. На входе сегодня вечером дежурили Сестры Собаки Магнитные: если план не сработает, обратно мне уже не прорваться. Обе длиннющие – метра под два – и поджарые, будто борзые. Одна черная, другая белая, но в остальном похожи настолько, насколько это под силу пластической хирургии. Много лет они ходили в любовницах, а уж в драке были – туши свет. Я так и не смог разобраться наверняка, которая из них раньше была мужиком.

Ральфи сидел за столиком, где и всегда. Подонок, задолжал мне кучу монет. В голове моей – сотни мегабайт информации, загруженные туда в режиме «идиот-всезнайка», информации, к которой сам я доступа не имею. Все это оставил там Ральфи. Только он может извлечь эти данные при помощи кодовой фразы собственного изобретения. Скажу сразу: мои услуги не дешевы, а уж сверхурочные за хранение – сплошная астрономия. А он, понимаете ли, забыл!

А потом я услышал, что Мордашка Ральфи надумал меня заказать. И тогда я забил ему стрелку во «Взлетной полосе», но забил ее как Эдвард Бакс, подпольный импортер, – только что из Рио и Пекина.

«Взлетная полоса» насквозь провоняла бизнесом, здесь вообще слишком нервно – и нервно, и попахивает металлом. Среди толпы тут и там слоняются мускулистые мальчики, поигрывая друг перед другом соответствующими частями тела и силясь изобразить на лицах нечто вроде тонких холодных улыбочек. Некоторые настолько обросли искусственными мышцами, что их фигуры уже и человеческими-то трудно назвать.

Простите. Простите меня, друзья. Это всего-навсего Эдди Бакс, Скоростной Эдди-импортер со своей по-профессиональному неприметной спортивной сумкой, и, пожалуйста, не обращайте внимания на какой-то разрез, годный лишь для того, чтобы просунуть внутрь правую руку.

Ральфи был не один. На стуле рядом с ним, настороженно пялясь в толпу, громоздился белобрысый калифорнийский бык – живая инструкция по технике боевых искусств весом килограммов восемьдесят.

Скоростной Эдди мгновенно оседлал напротив этой парочки стул; бык даже руки от стола оторвать не успел.

– Черный пояс? – поинтересовался я; он кивнул, его голубые глаза автоматически просканировали меня от глаз до ладоней. – У меня тоже, – сказал я, – здесь, в сумке. – Я сунул руку в разрез, большим пальцем перевел предохранитель. Щелк. – Два ствола, двенадцатый калибр, спуск сдвоенный.

– Это пушка, – сказал Ральфи, предупредительно кладя пухлую руку на обтянутую синим нейлоном грудь своего телохранителя. – У Джонни в сумке – антикварный огнестрел.

М-да, недолго я побыл Эдвардом Баксом.

Думаю, его всегда звали не просто Ральфи, а Ральфи-с-Каким-то-Прозвищем, нынешнюю же кличку он приобрел исключительно благодаря тщеславию. Туловищем как перезрелая груша, вот уже двадцать последних лет он носил лицо некогда знаменитого Белого Христианина – Белого Христианина из «Арийского реггибенда». То был Сони Мао предыдущего поколения, последний рыцарь расового рока. Я, знаете ли, вундеркинд по части всяческой чепухи вроде этой.

У Белого Христианина было классическое лицо поп-артиста – ярко выраженные мускулы певца и точеные скулы. Так посмотришь – лицо ангела, этак – красавца-развратника. Но глаза на этом лице… это были глаза Ральфи – маленькие, черные, ледяные.

– Ладно, – сказал он, – давай потолкуем. Как деловые люди. – Сказал обезоруживающе искренне, вот только прекрасный, как у Белого Христианина, рот все время был влажным. – Льюис, – он кивнул на мордоворота, – это просто дуб. – (Льюис принял его слова равнодушно, будто механическая игрушка.) – Но ты-то, Джонни, не из дубов.

– Неужто, Ральфи? А я думал, что это я – дуб, нашпигованный под завязку имплантатами, самое место для твоего грязного белья, пока не подвернутся ребята, желающие заработать на моем трупе. Так вот, Ральфи, пока у меня эта сумка, тебе придется кое-что объяснить.

– Это все из-за последней сделки, Джонни. – Он тяжело вздохнул. – Как брокер…

– Барыга, – поправил я.

– Как брокер я всегда очень осторожен с поставщиками.

– Ты покупаешь только у тех, кто ворует лучшее. Понял.

Он вздохнул опять.

– Я лишь стараюсь, – устало произнес он, – не иметь дела с дураками. Но на этот раз, похоже, нарвался. – Третий вздох был сигналом для Льюиса включить нейропарализатор, который они прилепили под столом с моей стороны.

Я вложил все силы в указательный палец правой руки, но он перестал быть моим. Рука по-прежнему чувствовала металл и поролоновую ленту, которой я обмотал неудобную рукоять обреза, но сделалась чужой и безвольной, будто была вылеплена из холодного пластилина. Я надеялся, что Льюис, как настоящий дуб, тут же бросится вырывать сумку, а заодно рванет мой палец, застывший на спусковом крючке. Но он этого не сделал.

– Мы так беспокоились о тебе, Джонни, так беспокоились. Видишь ли, – Ральфи показал на мою голову, – то, что у тебя там, – это собственность якудза. Одного дурака угораздило их обокрасть. Мертвого дурака.

Льюис заржал.

Вот тут до меня наконец дошло, но оттого, что я все понял, стало совсем паршиво. Мою голову словно обложили мешками с мокрым песком. Убивать было не в стиле Ральфи. Даже Льюис был не в его стиле. Получалось, он встрял на свою голову между Сыновьями Неоновой Хризантемы и чем-то, принадлежавшим им, или, скорее, чем-то, что было у них, но раньше принадлежало кому-то еще. Ральфи, конечно, мог задействовать кодовую фразу и ввести меня в состояние «идиот-всезнайка» – тогда я выложу их горяченькую программку целиком, не запомнив ни единого звука. Для такого ушлого торгаша, как Ральфи, этого бы вполне хватило. Но только не для якудза. Они наслышаны о «кальмарах» и,

естественно, не будут чувствовать себя спокойно, зная хотя бы малую часть их возможностей. С помощью «кальмаров» ничего не стоит вытащить из моей головы программу даже по самым слабым, остаточным следам. Сам я знаю о «кальмарах» немного, но кое-что слышать доводилось, и я зарекся болтать об этом с клиентами. Нет, якудза это точно не понравится: слишком смахивает на улики. Они бы не были тем, что есть, если бы оставляли улики. Или живых свидетелей.

Льюис продолжал ухмыляться. Словно он уже видел внутри моей головы то, что им было нужно, и теперь прикидывал, как бы добраться до этого самым коротким путем.

– Эй, ковбои, что-то маловато в вас жизни, – послышался из-за моего правого плеча низкий женский голос.

– Исчезни, сука, – равнодушно сказал Льюис; его загорелое лицо было предельно спокойно. Ральфи же выглядел озадаченным.

– Как насчет взбодриться? Есть хорошее ширево. Чистейшее, никаких примесей. А?

Она подтянула к себе стул и уселась на него прежде, чем эти двое успели ей помешать. Я в моем положении мог видеть ее только краем глаза: худая девушка в зеркальных очках, волосы темные, короткая неаккуратная стрижка. На ней была расстегнутая черная кожанка, под ней – футболка в косую черно-красную полоску.

– Восемь тонн за грамм, – добавила она.

Льюис недовольно хрюкнул и попытался вышибить из-под нее стул. Это у него почему-то не получилось; ее рука метнулась к нему и, похоже, слегка коснулась его запястья. Яркая струя крови мгновенно залила стол. Льюис с силой сжал запястье другой рукой, костяшки побелели от напряжения, сквозь пальцы проступила кровь.

Странно, у нее в руке, кажется, ничего не было.

Теперь ему понадобится сшиватель сухожилий. Льюис осторожно поднялся, даже не попытавшись отодвинуть стул. Стул опрокинулся, и Льюис пропал с моих глаз, не издав при этом ни звука.

– На его месте я бы обратилась к врачу, – сказала она. – Порез не слишком приятный.

– Ты хоть сама понимаешь, – голос Ральфи сделался вдруг очень усталым, – в какую яму с дерьмом только что себя посадила?

– Кроме шуток? А, понимаю, тайна. Обожаю тайны. Вроде той, почему этот ваш приятель такой тихоня. Он что, замороженный? Или для чего здесь вот эта штуковина? – Она

показала миниатюрный блок управления, который неизвестно когда успела выхватить у Льюиса.

Ральфи выглядел совсем больным.

– Ты, э-э-э… Послушай, даю тебе за нее четверть миллиона, и ты отсюда уходишь. – И он мясистой рукой стал нервно оглаживать свое бледное худое лицо.

– Чего я хочу, – она прищелкнула пальцами; блок при этом начал вращаться, отбрасывая по сторонам блики, – так это настоящего дела. Ваш парнишка повредил себе руку. Четверть миллиона в качестве аванса сойдет.

Ральфи шумно выдохнул и засмеялся. Его зубы явно недотягивали до стандартов Белого Христианина. Тут она выключила парализатор.

– Два миллиона, – сказал я.

– Вот это, я понимаю, мужчина, – сказала она сквозь смех. – А в сумке у тебя что?

– Обрез.

– Грубо работаешь. – Впрочем, это мог быть и комплимент.

Ральфи не произнес ни слова.

– Меня зовут Миллион. Молли Миллион. Линяем, босс? А то на нас начинают пялиться. – Она встала. На ней были кожаные джинсы цвета засохшей крови.

И только сейчас я заметил, что ее зеркальные линзы вживлены в кожу лица: серебро гладким слоем поднималось от крутых скул, запечатывая глаза в глазных впадинах. Я увидел в этих линзах двойное отражение моего нового лица.

– А я Джонни, – сказал я ей. – Мистера Мордашку мы забираем с собой.

* * *

Он ждал нас снаружи. Внешне – заурядный турист из техов: пластиковые дзори и дурацкая гавайка с кричащей рекламой самого популярного микропроцессора его фирмы. Тихий, спокойный человечек, из той породы людей, что подолгу сидят в баре, накачиваясь сакэ и на глазах косея, – в таких заведениях еще подают крошечные рисовые крекеры с начинкой из водорослей. Он в точности походил на тех, кто голосит гимн собственной корпорации, а потом плачет, на тех, кто бесконечно и нудно трясет бармену руку. И сутенеры, и перекупщики не обратили бы на него внимания, посчитав безнадежно отсталым. Парень, мол, недалекий и с кредитной карточкой осторожничает.

Как я догадался позднее, ему ампутировали фалангу

большого пальца левой руки и заменили ее искусственным наконечником, а в обрубке сделали углубление и, покрыв его изнутри слоем синтетического алмазного покрытия фирмы «Оно-Сэндай», закрепили в нем катушку. А потом аккуратно намотали на катушку три метра мономолекулярной нити.

Молли заговорила о чем-то с Магнитными Собаками – так что я, крепко прижав к спине Ральфи свою сумку, смог вытолкнуть его за дверь. Похоже, Молли была с ними знакома. Я слышал, как чернокожая рассмеялась.

По старой привычке, машинально, я поднял глаза – за столько лет так и не освоился с этими парящими в воздухе дугами света под темными геодезическими куполами. Может быть, это меня и спасло.

Ральфи оказался на несколько шагов впереди, но не думаю, чтобы он собирался бежать. Думаю, он уже смирился. Возможно, он уже полностью осознал, против кого мы пошли.

И в тот момент, когда я опустил глаза, его разорвало на части.

Если прокрутить все еще раз, картина представляется следующая. Ральфи делает очередной шаг, и тут неизвестно откуда – бочком, с улыбочкой на лице – выныривает этот маленький тех. Он исполняет что-то вроде поклона, и у него отваливается большой палец левой руки. Это очень напоминает фокус. Палец висит в воздухе. Система зеркал? Проволока? Ральфи застывает на месте спиной к нам, от подмышек по его светлому летнему костюму расплываются темные пятна. Он взмок. Он знает. Он наверняка должен знать. И тут этот палец, как игрушка из лавки сюрпризов, – тяжелый, будто свинцовый, – в довершение идиотского фокуса, демонстрируемого маленьким техом, описывает в воздухе стремительную дугу – и невидимая нить, соединенная с рукой убийцы, проходит сквозь череп Ральфи чуть выше бровей, а затем, не задерживаясь, взлетает вверх и снова вниз, рассекая грушеподобное тело по диагонали через плечо и грудную клетку. Разрезы настолько тонки, что кровь не выступает до тех пор, пока нервные связи не начинают сбоить и первые судороги не отдают тело во власть тяготения.

Ральфи, окруженный жидким розовым облаком, развалился на три куска; куски эти в полной тишине покатились по мощенному плитками тротуару.

Я рванул сумку вверх, моя рука конвульсивно сжалась. Отдача от выстрела едва не переломила мне кисть.

* * *

Лил дождь, струи воды каскадами падали сквозь прорехи в куполе и разбивались на плитах позади нас. Мы затаились в щели между хирургическим бутиком и антикварной лавкой. Краешком зеркального глаза Молли выглянула за угол и сообщила, что перед «Взлетной полосой» стоит только один «фолькс»-модуль с включенной красной мигалкой. Что Ральфи убирают с тротуара. И пристают ко всем с расспросами.

Я весь был облеплен горелым белым пухом. Вот тебе и теннисные носки. Спортивная сумка превратилась в скомканный пластиковый наручник.

– Не понимаю, какого дьявола я в него не попал?

– Потому что он очень-очень ловкий. – Молли, обняв руками колени, раскачивалась на корточках с пятки на носок. – Ему перестроили нервную систему. Он фабричный продукт с ручной доводкой. – Она издала тихий довольный смешок. – Я должна достать этого парня. Сегодня же ночью. Он лучший, кого я встречала. Номер один, высшая проба, последнее слово техники.

– Что ты должна за два миллиона, так это вытащить меня из этой задницы. А этот твой дружок – его действительно вырастили в пробирке. В Тиба-Сити. Это же наемный убийца якудза.

– Тиба? Понятно. Видишь ли, Молли тоже бывала в Тибе.

И она показала мне свои ладони, слегка раздвинув пальцы. Пальцы были тонкие и ухоженные и по сравнению с полированными темно-красными ногтями казались мертвенно-бледными. Десять лезвий выскочили одновременно из скрытых под ногтями пазов: каждое – узкий, остро отточенный скальпель из бледно-голубой стали.

* * *

Я никогда не бывал подолгу в Ночном Городе. Здесь никто не покупал мою память, наоборот, здешние обитатели платили достаточно регулярно, чтобы о многом забыть. Поколения метких стрелков постоянно выцеливали неоновые светильники, пока ремонтные бригады вообще не плюнули на свое безнадежное дело. Даже в бледном свечении дня своды куполов здесь были черны как сажа.

Куда бежать, если самая богатая преступная организация в мире подбирается к тебе своими длинными холодными пальцами? Где спрячешься от якудза – они могущественны настолько, что владеют собственными спутниками связи и по меньшей мере тремя шаттлами. Якудза – настоящая транснациональная корпорация, такая же как «Ай-Ти-Ти» или

«Оно-Сэндай». За пятьдесят лет до моего рождения якудза уже подчинила себе триады, мафию и Корсиканский союз.

У Молли был наготове ответ: ты спрячешься в Адской Яме, в самом нижнем ее круге, где любое давление извне мгновенно порождает круговые волны ответной грубой угрозы. Ты укроешься в Ночном Городе. А еще лучше – ты спрячешься *над* Ночным Городом, потому что Адская Яма вывернута наизнанку и днище ее котла почти касается неба. Неба, которое Ночной Город никогда не видит, потея под собственным небосводом, сделанным из акриловой резины. Там, наверху, одни лишь нитехи, подобно химерам-горгульям, привычно копошатся во тьме, дымя свисающими с губ контрабандными сигаретами.

Она же подсказала ответ и на другой мой вопрос:

– Значит, твоя голова заперта капитально, Джонни-сан? И никак эту программу без пароля оттуда не вытащишь?

Она отвела меня в тень за освещенной платформой «трубы». Бетонные стены были сплошь покрыты граффити – наслаиваясь из года в год, они превратились в один сплошной метарисунок гнева и безнадежности.

– Информация, которую я беру на хранение, вводится через цепочку модифицированных протезов, применяемых обычно в контраутической микрохирургии. – Я запустил ей сокращенную версию своего стандартного рекламного ролика. – Код клиента хранится в специальном чипе; кроме «кальмаров», о которых в нашем ремесле, вообще-то, говорить не принято, никто не может восстановить пароль. Хоть режь меня, хоть пытай, хоть накачивай наркотиками. Я его просто *не знаю,* да никогда и не пытался узнать.

– Кальмары? Это которые с щупальцами и ползают?

Мы очутились на опустевшем уличном рынке. Смутные фигуры, маячившие на другой стороне импровизированной торговой площади, усыпанной рыбьими головами и гниющими фруктами, провожали нас внимательными взглядами.

– Так называют сверхпроводниковые квантовые детекторы возмущений.[29] Во время войны их использовали для поиска подводных лодок и выкачивания информации из вражеских киберсистем.

– Вот оно что. Флотские штучки? Еще с войны? И такой вот «кальмар» сможет прочесть твой чип? – Она остановилась, и я почувствовал на себе взгляд ее глаз, укрытых за линзами-зеркалами.

– Даже примитивные модели могут измерить силу магнитного поля с точностью в одну миллиардную геомагнитной – это как отыскать шепчущего на ревущем стадионе.

– Ну, копы уже могут это делать – параболические микрофоны, лазеры…

– Да, но при этом ваши данные все равно останутся в безопасности. – Во мне проснулась гордость профессионала. – Ни одно правительство не разрешит своим копам пользоваться «кальмарами», даже секретной службе. Слишком много возможностей для междепартаментских склок, а кому охота нарваться на новый уотергейт.

– Флотские штучки… – Она задумалась, в тени сверкнула ее улыбка. – Флотские штучки… Тут, внизу, есть у меня дружок, который служил на флоте. Его зовут Джонс. Думаю, тебе стоит с ним познакомиться. Он, правда, сидит на игле. Так что придется ему что-нибудь принести.

– Он наркоман?

– Он дельфин.

* * *

Он был больше, чем просто дельфин, – а с точки зрения любого нормального дельфина, скорее меньше. Я смотрел, как лениво он кружится в своей оцинкованной цистерне. Вода перехлестнула через край, залила мои ботинки. Киборг. Пережиток последней войны.

Он высунулся из воды, и взгляду предстало закованное в бронированные пластины тело. Это было открытой издевкой над его сущностью: изящество, отпущенное ему природой, почти полностью потерялось под грубым и допотопным панцирем. В уродливых выпуклостях по обеим сторонам черепа были установлены сенсорные датчики. Множество серебристых шрамов мерцало на открытых участках его светло-серой кожи.

Молли свистнула. Джонс взмахнул хвостом, и через край цистерны выплеснулся еще один фонтан.

– Что тут вообще такое? – спросил я, всматриваясь в едва различимые в темноте звенья ржавой цепи и какие-то укрытые брезентом предметы; над цистерной нависала громоздкая деревянная рама, увитая рядами пыльных рождественских фонариков.

– «Фанленд», «Страна развлечений». Зоопарк и аттракционы. «Не хотите ли поговорить с Китом-воином?» И все такое прочее. Как будто Джонс похож на кита…

Джонс высунулся опять и остановил на мне свой древний печальный взгляд.

– А как он разговаривает? – Мне вдруг очень захотелось

бросить все и уйти.

– Тут своя хитрость. Скажи «привет», Джонс.

И все лампочки сразу же загорелись. Замигали разноцветные огоньки – красный, белый, голубой.

КБГКБГКБГ
КБГКБГКБГ
КБГКБГКБГ
КБГКБГКБГ
КБГКБГКБГ

– Видишь, он неплохо разбирается в символах, но набор кодов у него несколько ограниченный. У себя на флоте он был подключен к аудиовизуальному дисплею. – Она вытащила из кармана узкий плоский пакетик. – Джонс, есть отличное говнецо. Хочешь попробовать? – (Он замер в воде и стал медленно погружаться на дно. Я почувствовал странное беспокойство, вдруг вспомнив, что он не рыба и может запросто утонуть.) – Джонс, нам нужен ключ к банку данных Джонни. Как бы его поскорее заполучить?

Огоньки дрогнули и погасли.

– Давай, Джонс!

ББББББББББ
ББББББББББ
ББББББББББ
ББББББББББ
ББББББББББ

Белое магниевое сияние омыло ее лицо, свет лег ровным слоем, тени, залегшие под скулами, исчезли.

Снова тьма.

– Отличнейшее! Никаких примесей. Ну же, Джонс.

Г
ГГГГГГГГГ
Г
Г
Г

Голубой мертвенный свет. Распятие.

Пауза.

КККККККККК
КККККК

КККККККК
КККККККК
КККККККК

Кроваво-красная свастика щупальцами отразилась в серебристых линзах Молли.

– Выдай ему обещанное, – сказал я. – Мы нашли что хотели.

Эх, Ральфи, Ральфи. Мордашка… Ну никакого воображения.

Джонс взгромоздил добрую половину своей бронированной туши на край цистерны, и я подумал, что металл не выдержит. Молли с размаху всадила иглу, угодив точно между двумя пластинами. Раздалось шипенье. Вновь вспыхнули лампочки, по раме, судорожно пульсируя, побежали световые узоры.

Мы оставили Джонса лениво покачиваться в темной воде. Быть может, ему снились сны о войне на Тихом океане, о киберминах, которые он обезвреживал, осторожно проникая в их внутренности с помощью своего «кальмара». Сегодня «кальмар» пригодился и мне, чтобы вытащить из чипа, запрятанного в моей голове, жалкий пароль Ральфи.

– Хорошо, пускай они дали маху, когда списали Джонса в запас со всей его оснасткой… Но как кибердельфин мог сесть на иглу?

– Война, – сказала она. – Они все там были такие. Что ты хочешь – на флоте их специально подсадили. Иначе попробуй заставь их работать.

* * *

– Не думаю, что эта ваша затея проканает, – сказал нам пират, пытаясь заломить цену. – Пробить канал на спутник связи, который нигде не зарегистрирован…

– Еще одно слово, и у тебя больше никогда ничего не проканает. – Молли уперла локти в исцарапанный пластик стола и нацелила на него указательный палец.

– Тогда, быть может, вы заплатите за свои микроволны где-нибудь в другом месте?

Да, чувак крутой, хоть и косит под Сони Мао. Родом из Ночного Города, не иначе.

Ее рука метнулась вперед и, скользнув по его куртке, целиком отсекла лацкан, даже не помяв ткань.

– Так что, по рукам или как?

– Да, – он уставился на срезанный лацкан, делая вид, что рассматривает его только из вежливого интереса, – по рукам.

Пока я настраивал два купленных заранее рекордера, Молли вытащила из кармана на рукаве куртки сложенный бумажный листок, на котором я записал пароль. Развернула его и молча прочла, медленно шевеля губами.

– И это все? – Она пожала плечами.

– Начинай, – сказал я, нажимая клавиши «ЗАПИСЬ» на обеих деках одновременно.

– Белый Христианин, – прочитала она вслух, – и его «Арийский регги-бенд».

Верный Ральфи. Фанат до самой могилы.

Переход к состоянию «идиот-всезнайка» не такой внезапный, каким его ждешь. Радиостанция пирата представляла собой кубическое помещение, выдержанное в пастельных тонах и скрывающееся под вывеской захудалого туристического агентства; похвастаться оно могло лишь столом, тремя стульями и выцветшим постером с рекламой швейцарской орбитальной клиники. Две стеклянные птички на проволочных лапках монотонно тянули воду из пластикового стаканчика, стоявшего перед ними на полке рядом с плечом Молли. Пока я входил в режим, движения их постепенно ускорились, и через какое-то время венчики на их головах, искрящиеся в свете ламп, слились в сплошные разноцветные дуги. Индикатор пластмассовых настенных часов, отсчитывавший секунды, превратился в бессмысленную пульсирующую сетку, а сама Молли и этот парень с рожей под Сони Мао словно погрузились в туман, лишь изредка я видел, как в тумане мелькают их руки, выписывая призрачные фигуры, напоминающие движения насекомых. А потом и они исчезли, растворившись в сером холоде статики, в котором не было ничего, лишь кто-то нудно бормотал на искусственном языке одну-единственную бесконечную поэму.

Без малого три часа просидел я, выпевая краденую программу покойника Ральфи.

* * *

Проспект тянется на сорок километров – сорок километров неровно состыкованных фуллеровских куполов, накрывающих то, что некогда было оживленной пригородной магистралью. Когда в ясную погоду здесь выключают освещение, солнечные лучи, пробиваясь сквозь многослойные акриловые перекрытия, превращаются в серую дымку. Очень похоже на тюремные наброски Джованни Пиранези. Три крайних южных километра проспекта – это Ночной Город. Ночной Город не платит налогов

ни в государственную, ни в городскую казну. Неоновые светильники здесь давно мертвы, а геодезики почернели от копоти костров, на которых десятилетиями готовят пищу. И разве кто-нибудь разглядит среди густой полуденной темноты Ночного Города несколько десятков сумасшедших детей, прячущихся между балками перекрытий?

Два часа мы карабкались по бетонным ступеням и металлическим решетчатым трапам мимо ветхих мостков и покрытых пылью подъемников. Начали мы свое восхождение с площадки, похожей на заброшенную ремонтную платформу, сплошь заставленную треугольными сегментами купола. И повсюду вокруг мы видели все те же привычные, однообразные граффити, нанесенные аэрозольными баллончиками с краской: названия банд, чьи-то инициалы и даты, даты, даты – вплоть до самого начала века. Надписи преследовали нас по пятам, но чем выше мы забирались, тем их становилось меньше, пока наконец не осталась одна-единственная, повторяющаяся с настойчивым постоянством: *НИТЕХИ*. Большими заглавными буквами с подтеками черной краски.

– Нитехи – это кто?

– Только не мы, босс. – Она влезла на шаткую алюминиевую лестницу и скрылась в дыре, прорезанной в листе гофрированного пластика. – Примитивная техника, низкие технологии – вот что это такое. – Пластик приглушал ее голос; я осторожно полез за ней следом, оберегая побаливающую кисть. – Даже твоя затея с обрезом нитехам не покатила бы, слишком утонченная.

Где-то час спустя, когда я протащил свое тело сквозь очередную дыру, на этот раз грубо пропиленную в листе фанеры, я впервые наткнулся на нитеха.

– Все в порядке. – Рука Молли скользнула по моему плечу. – Это просто Пес. Эй, Пес!

Он стоял, освещенный узким лучом ее карманного фонаря, и рассматривал нас своим единственным глазом. Потом медленно высунул изо рта длинный серый язык и облизал выпирающие наружу клыки. Интересно, а можно ли считать трансплантацию челюстных тканей добермана примитивной технологией? Ведь не растут же иммуносупрессоры на деревьях.

– Молл. – Длинные клыки коверкали речь нитеха. С вывернутой нижней губы свисала капля слюны. – Слыш’л, как вы идете. Давно.

На вид ему было лет пятнадцать, но клыки, яркая мозаика шрамов и вдобавок вечно разинутая пасть превратили его лицо в настоящую звериную морду. Надо же было потратить столько

времени и таланта, чтобы соорудить этакую образину! Впрочем, по достоинству, с каким он держался, было видно, что жить за таким фасадом ему нравится. Ноги обтянуты драными джинсами, черными от налипшей грязи и лоснящимися на сгибах. Грудь Пса была голой, и стоял он на полу босиком. Нитех изобразил своим ртом что-то вроде ухмылки:

– Идут след'м за вами.

Далеко внизу, в Ночном Городе, надрывно закричал лоточник-водонос, зазывая покупателей.

– Запрыгали струны, Пес?

Она новела фонарем, и я увидел тонкие провода, привязанные к головкам болтов. Они тянулись от самого края площадки и исчезали внизу.

– Выруби нахр'н свет!

Она сразу же погасила фонарик.

– Эт'т, к'торый там, как он ход'т без света?

– Свет ему не нужен. Это подарочек еще тот, Пес. Если ваши сторожа попытаются спихнуть его, думаю, что домой они вернутся в разобранном виде.

– Он друг эт'г друга, Молл? – с тревогой прогнусавил он.

Я услышал, как у него под ногами затрещала гнилая фанера.

– Нет. Но я займусь им сама. А этот, – она похлопала меня по плечу, – это мой друг. Понял?

– Ясн', – ответил он без особой радости и прошлепал к краю платформы, туда, где крепились болты. Дергая за натянутые струны, он принялся передавать сообщение тем, кто находился внизу.

Подобно огромному крысиному лабиринту, далеко под нами раскинулся Ночной Город. Он был окутан мраком, лишь в крохотных квадратиках окон тускло мерцали свечи да изредка выступали из тьмы площадки, освещенные фонарями на батарейках и карбидными лампами. Я представил себе стариков, коротающих время за бесконечной партией в домино: они лениво постукивают костяшками, а сверху им на голову с мокрого стираного белья, вывешенного между фанерными лачугами, падают большие теплые капли. Затем я попытался представить того, кто сейчас терпеливо карабкается за нами, один, в темноте, в своих легоньких дзори и мерзкой туристской рубахе, вежливо улыбаясь и не спеша – да и куда спешить-то?.. И все же, как ему удалось выследить нас?

– Очень просто, – сказала Молли. – Он чует нас по запаху.

* * *

– Кур’шь?

Пес вытащил из кармана мятую пачку и, как награду, вручил мне сплющенную сигарету. Прикуривая от кухонной спички, я разглядел марку. «Ехэюань». «Пекинская сигаретная фабрика». Понятное дело, нитехи связаны с черным рынком. Тем временем Пес и Молли завели какой-то нескончаемый спор, который, как я понял, вертелся вокруг желания Молли воспользоваться чем-то из недвижимого имущества нитехов.

– Приятель, ты, наверно, забыл, сколько я всего для вас сделала. Мне нужна Площадка. Я давно не слушала музыку.

– Ты не н’тех…

Так они препирались добрую часть километрового зигзага, по которому вел нас Пес. Идти оказалось непросто: то по узким раскачивающимся мосткам, то куда-то вверх по веревочным лестницам. Нитехи плетут паутину, плевками эпоксидной смолы прикрепляя свои гнезда к расползающейся ткани города, – и спят там себе над бездной в веревочных гамаках… Их владения настолько условны, что порой и состоят лишь из упоров для рук и ног, выпиленных в каркасах геодезиков.

Гиблая Площадка, сказала Молли. Поспевать за ней было непросто, особенно в этих неразношенных модных туфлях из гардероба Скоростного Эдди, которые скользили по вытертому металлу и гладкой мокрой фанере, – и я подумал: а можно ли найти еще более гиблое место, чем это? Молли и Пес все спорили, но я догадывался, что отговорки Пса всего лишь ритуал: она получит то, чего хочет.

Где-то там внизу, под нами, накручивал круги в своей цистерне Джонс. У бедняги как раз должна была начаться ломка. Полиция, наверное, все еще приставала к завсегдатаям «Взлетной полосы» с вопросами о Ральфи. Что он там делал? Да с кем он там был до того, как вышел на улицу? И якудза, должно быть, уже запускала свои невидимые щупальца в информационные узлы города, выискивая любую мелочь, способную навести на мой след, – банковские счета, страховки, оплаченные квитанции. У нас информационная экономика. Этому учат еще в школе. Но учителя никогда не скажут вам, что невозможно жить, передвигаться, совершать какие-либо действия, не оставляя крошечных, ничтожных на первый взгляд, но неуничтожимых следов информации о личности каждого человека. Следов, которые можно извлечь, собрать, усилить…

Но к этому времени пират уже должен был переправить нашу анонимку на спутник связи, принадлежащий якудза. Послание очень простое: «Отзовите ищеек, или мы запустим вашу программу по всем каналам».

Программа… Я даже понятия не имел о ее содержимом. И до сих пор не имею. Я просто пропел свою песню не разбирая слов. Быть может, это были данные каких-то исследований, добытые с помощью промышленного шпионажа, – обычный бизнес якудза. Чем не по-джентльменски – грабануть у «Оно-Сэндай» какую-нибудь перспективную разработку, а затем вежливо предложить ее выкупить? А если жертва упрется, в ход пойдут угрозы: или гоните монету, или ваша бесценная новинка станет всеобщим достоянием.

И в самом деле, почему бы им не поставить на какой-то другой номер? Разве продать украденное «Оно-Сэндай» для них менее выгодно, нежели выкопать могилу для какого-то Джонни с Мемори-лейн?

Их программа, отправленная наземной почтой четвертого класса, была сейчас на пути в Сидней. По одному адреску, по которому я обычно отсылал письма для своих клиентов – люди там работали надежные, и, главное, они не задавали вопросов, – причем совсем незадорого. Якудза же я выслал программу не целиком, а лишь небольшую часть второй копии – ровно столько, чтобы они убедились в ее подлинности. А поверх затертого куска я записал свое послание.

Боль в кисти не проходила. Мне хотелось остановиться, лечь и уснуть. Я знал: еще немного, и я потеряю чувство реальности, свалюсь без сил – и уж тогда-то эти черные остроносые туфли, которые я купил, чтобы сыграть роль Эдди Бакса, потеряют опору и мигом доставят меня вниз, в Ночной Город. Но перед мысленным взором все время стоял он – тот, что шел за нами следом: от него, как от дешевой религиозной голограммы, исходило сияние, а увеличенный чип на гавайке напоминал снимок приговоренного к ядерной смерти города, сделанный со спутника-шпиона.

И поэтому я продолжал двигаться за Молли и Псом через небеса нитехов, кое-как сколоченные из всякого хлама, от которого отвернулся даже Ночной Город.

* * *

Гиблая Площадка – квадрат восемь на восемь метров. Словно какой-нибудь великан, натянув на стальных канатах свалку металлолома, подвесил ее в пустоте. Она скрежетала при малейшем движении, а двигалась она постоянно, раскачиваясь и подпрыгивая, пока собравшиеся нитехи рассаживались на окружавшем ее фанерном карнизе. Дерево от старости

серебрилось, поверхность карниза, отполированная за долгие годы, сплошь пестрела от вырезанных имен, угроз и признаний в любви. Отдельные тросы, удерживавшие карниз на весу, терялись во тьме за пределами ослепительно-белого сияния двух древних прожекторных рам, подвешенных сверху.

Девушка с зубами, как у Пса, неожиданно выпрыгнула на Площадку и встала на четвереньки. На грудях ее были вытатуированы спирали цвета индиго. Она быстро добежала до края и с громким хохотом вцепилась в парня, который пил из литровой фляги какую-то темную жидкость.

Похоже, мода у нитехов и состояла-то в основном из татуировок да шрамов. Ну и конечно, зубов. Электричество, которое они воровали для освещения Гиблой Площадки, казалось исключением из их эстетики, сделанным во имя… чего? Ритуала, спорта, искусства? Точно сказать я не мог, но видел, что Площадка – это нечто особенное. И судя по всему, каждое поколение нитехов вносило в нее что-то свое.

Я все еще прятал под курткой бесполезный обрез. Патронов к нему больше не было, но твердость приклада, упиравшегося в мой бок, действовала успокаивающе. И тут до меня наконец дошло, что я до сих пор не имею ни малейшего представления о том, что здесь на самом деле происходит – или может произойти. Но это было в духе всей моей предыдущей игры, потому что бóльшую часть жизни я был лишь слепым сосудом, который чужие люди наполняли чужими знаниями, а затем выкачивали их обратно, – и я послушно фонтанировал искусственными словами, никогда не понимая их смысла. Одним словом, очень техничный парень. Уж будьте уверены.

А потом я заметил, какими тихими сделались вдруг нитехи.

Он стоял на границе света и тьмы, с невозмутимым спокойствием туриста рассматривая Площадку и толпу нитехов, замерших на галерке. И когда наши взгляды встретились и мы сразу же узнали друг друга, вдруг словно что-то щелкнуло в моей памяти. Я вспомнил Париж: длинные электрические «мерседесы», как блуждающие оранжереи, скользящие сквозь дождь к Нотр-Даму, а за стеклами японские лица, и сотни объективов «Никон», и из каждого слепо тянущийся к свету цветок из хрусталя и стали. И в самой глубине его глаз – когда наши взгляды встретились – я увидел те же, что и тогда, жужжащие затворы фотообъективов.

Я оглянулся в поисках Молли, но она куда-то исчезла.

Нитехи молча потеснились и дали ему ступить на карниз. На лице его светилась улыбка, он поклонился и плавным движением выскользнул из своих сандалий; они остались стоять одна подле другой, выравненные, будто по линейке. Потом он сошел на

Площадку. Тех двигался ко мне через колеблющиеся завалы металлолома легко и спокойно – как беззаботный турист, фланирующий по синтетическим ковровым дорожкам второразрядного отеля.

И тут стремительным движением на Площадку выпрыгнула Молли.

Площадка пронзительно завизжала.

Каждое движение Площадки сопровождалось усиленным до предела звуком: к четырем толстым спиральным пружинам по ее углам были подключены здоровенные звукосниматели, а к ржавым обломкам машин и механизмов безо всякой системы крепились контактные микрофоны. А еще где-то нитехи держали усилитель и синтезатор; вверху же, над нашими головами, сквозь слепящее марево можно было различить неясные очертания колонок.

С размеренной четкостью метронома начала отбивать ритм драм-машина: ощущение было такое, словно где-то поблизости застучало огромное сердце.

Молли, сбросившая куртку и сапоги, осталась в футболке без рукавов; по едва заметным следам на ее тонких руках можно было догадаться об усилиях мастеров из Тиба-Сити. Ее кожаные джинсы блестели в свете прожекторов. Она начала танцевать.

Согнув ноги в коленях, она с силой вдавила белые ступни в расплющенный бензобак; в ответ на это Площадка начала раскачиваться. Звук был такой, словно мир рушится в преисподнюю, а провода, которыми он прикреплен к небесам, лопаются и скручиваются по всему небосводу.

Всего несколько биений сердца потребовалось теху, чтобы приноровиться к диким скачкам Площадки, затем он легко двинулся дальше, ступая по обломкам металла, словно по верхушкам плоских камней в каком-нибудь орнаментальном саду.

Не доходя до Молли, он с изяществом человека, привычного к светским манерам, потянул за кончик большого пальца и метнул его в ее сторону. Преломившись в лучах прожекторов, нить протянулась в воздухе радужной паутинкой. Молли бросилась на пол и откатилась в сторону, а затем, когда смертоносная молекула просвистела мимо, взметнулась вверх, как распрямившаяся пружина. Словно повинуясь инстинкту самозащиты, она выпустила стальные когти.

Барабанный пульс участился. Молли делала прыжок за прыжком – черные волосы взлетали от дикой пляски над слепым серебром линз, рот сжался в линию, губы побелели от напряжения. А под ней гудела и скрежетала Площадка, и нитехи повизгивали от удовольствия.

Тех втянул нить обратно, но не до конца: держа беспалую руку на уровне груди, он стал вращать нить перед собой, образовав призрачный многоцветный круг диаметром около метра. Словно загородился щитом.

И тут Молли как будто прорвало. Это трудно было назвать танцем – так мечется сорвавшаяся с цепи бешеная собака. Она резко подпрыгнула, прогнулась в воздухе и, сделав рывок в сторону, приземлилась обеими ногами на алюминиевый блок двигателя, прикрученный проволокой к одной из спиральных пружин. Я зажал уши ладонями, сила звука, с которой загрохотала Площадка, бросила меня на колени, голова моя закружилась, я подумал, что и сама Площадка, и карниз с сидящими на нем нитехами, сорвавшись, рушатся вниз. Мне уже виделось, как мы падаем на Ночной Город, как ломаются от удара лачуги, разлетается недосушенное белье и несчастные наши тела разбиваются о городские плиты, словно гнилые фрукты. Но тросы выдержали, и Площадка продолжала взлетать и падать подобно безумному металлическому морю. И Молли продолжала танцевать на его волнах.

И уже перед самой развязкой, перед тем как тех в последний раз взмахнул своей нитью, я увидел на его лице выражение, которое, по-моему, просто не могло принадлежать ему. Это не было страхом, и это не было гневом. Скорее это были неверие, изумление и непонимание одновременно, смешанные к тому же с чисто эстетическим отвращением ко всему, что он здесь видел и слышал, – и к тому, что происходило с ним. Он опять втянул в палец вращающуюся нить и, когда призрачный диск уменьшился до размеров тарелки, взметнул руку над головой и рывком ее опустил: кончик большого пальца, словно сделавшись вдруг живым, метнулся в сторону Молли.

Но Площадка унесла Молли вниз, и нить прошла над самой ее головой – чтобы затем, в упругом развороте, возвратиться к своему хозяину, взлетевшему на гребне встречной волны. Нить должна была без вреда пройти над его головой и вернуться на место в алмазную твердь сустава. Вышло иначе: она отсекла ему кисть. Перед техом в Площадке была брешь, и он шагнул прямо в нее: так уходит в воду ныряльщик, неторопливо, с нарочитым изяществом, – сбитый камикадзе на своем пути вниз, в Ночной Город. Но я думаю, есть еще одна причина, объясняющая этот прыжок. Напоследок, перед тем как уйти в глубину, он хотел подарить себе несколько секунд тишины, которых он был достоин. Не ловкость и не отвага соперницы убили его – его убил культурный шок.

Нитехи заорали как резаные, но кто-то уже выключил

усилитель, и Молли, с бледным, без тени чувства лицом, покачалась еще немного с Площадкой, пока та наконец не остановилась и в медленно возвращающейся тишине не осталось ничего, кроме затухающего гуда измученного металла да скрипа трущихся друг о друга ржавых частей.

Мы обшарили всю Площадку в поисках отрезанной кисти, но так и не нашли ее. Все, что мы обнаружили, – это изящный срез на одном из кусков ржавой стали, который оказался на пути пролетающей нити. Поверхность его сверкала, словно свежая хромировка.

* * *

Мы так и не узнали, приняли якудза наши условия, или нет, да и вообще – дошло ли до них наше послание. Насколько мне известно, программа по-прежнему дожидается Эдди Бакса на полке в подсобке сувенирной лавки на третьем уровне вокзала Сидней-5. Оригинал программы они, скорее всего, продали обратно «Оно-Сэндай» еще несколько месяцев назад. Но может, они и приняли передачу пирата, ведь до сих пор по мою душу так никто и не приходил, хотя минул почти год. Но даже если они и появятся, сперва им придется повторить наш долгий подъем сквозь тьму, мимо часовых Пса, а я, если на то пошло, уже совсем не похож на Эдди Бакса. Я предоставил это Молли – ей и местной анестезии. И мои новые зубы уже почти прижились.

Я решил остаться здесь, наверху. В тот раз, когда я увидел его, появившегося на противоположном краю Площадки, до меня вдруг дошло, насколько я все-таки пуст. И еще я понял, что мне до тошноты надоело быть корзиной для чьего-то белья. Зато теперь почти каждую ночь я спускаюсь и навещаю Джонса.

Мы теперь с ним партнеры, я и Джонс, – ну и, конечно, Молли. Молли устраивает наши дела внизу, во «Взлетной полосе». Джонс по-прежнему живет в своей «Стране развлечений», но цистерна у него куда как больше, и раз в неделю ему подвозят свежую морскую воду. И кайф у Джонса есть, когда ему надо. Он по-прежнему разговаривает с детишками при помощи рождественских фонариков, но со мной Джонс беседует через экран дисплея. Новый прибор гораздо лучше того, что был у него на флоте. Я установил его в гараже, который снимаю неподалеку.

И все мы зарабатываем неплохие денежки, побольше, чем я зашибал раньше, потому что «кальмар» Джонса может прочесть следы любой информации, которая когда-либо во мне побывала. Джонс выдает все это через наш новый дисплей на языке, который

я теперь без труда понимаю. Так что мы много чего узнали о всех моих бывших клиентах. И однажды настанет день, когда я отправлюсь к хирургу, чтобы выковырять весь этот кремний, запрятанный у меня в железах. И останусь жить лишь со своей памятью и ничьей больше, как и другие люди. Но какое-то время я еще потерплю.

А пока здесь у нас, наверху, все в полном порядке. Я посиживаю себе в темноте, покуриваю китайские сигареты, слушаю, как капает с геодезиков влага. Только здесь, наверху, еще можно услышать, что такое настоящая тишина, – если, конечно, парочка нитехов не вздумает станцевать на Гиблой Площадке.

Такая жизнь многому учит. И если с помощью Джонса я разберусь еще в нескольких мелочах, то стану самым техничным парнем в городе.

Континуум Гернсбека [30]

Кажется, меня начинает отпускать; еще немного – и все, тьфу-тьфу-тьфу, останется в прошлом. Порой что-то еще мерещится – хромированный отблеск из приемной безумного доктора, – но лишь в уголке глаза. На прошлой неделе над Сан-Франциско проплыло это летающее крыло, но авиалайнер был почти прозрачным. И родстеры с «плавниками» проявляются все реже, и автострады стесняются разворачиваться в восьмидесятиполосных чудовищ типа того, на которое мою арендованную красную «тойоту» вынесло месяц назад. И я уверен, что до Нью-Йорка это не доживет; диапазон моего зрения сужается до одной-единственной вероятности. Для чего понадобилось изрядно попотеть. Очень помог телевизор.

Началось все, видимо, в Лондоне, в той псевдогреческой таверне на Баттерси-Парк-роуд; за ланч платил Коэн из своих представительских расходов. Мертвое мясо, преющее в мармите, а ведерко со льдом для рецины искали полчаса. Коэн работает в издательстве «Баррис-Уотфорд», они делают «трендовые» альбомы – иллюстрированная история неоновых вывесок, пинбол, японские заводные игрушки периода оккупации. В Англию меня пригласили снимать рекламу обуви; калифорнийские девушки в ярких, вырвиглаз, беговых кроссовках на загорелых ногах выкидывали для меня коленца на эскалаторах Сент-Джонс-Вуда и платформах Тутинг-Бека. Поджарое, голодное молодое агентство решило, что именно тайна лондонского общественного транспорта поможет продать побольше нейлоновых кедов. Решать им – снимать мне. А Коэн, с которым я был шапочно знаком еще в Нью-Йорке, пригласил меня на ланч накануне моего отлета из Хитроу. С ним вместе явилась ультрамодно прикинутая дамочка – без намека на подбородок и, судя по всему, видный историк поп-арта; звали ее Диальта Даунс. Вспоминая, как она входит в таверну рядом с Коэном, я так и вижу у нее над головой мигающую неоновую вывеску: «Прямо пойдешь – с ума сойдешь» – заглавными буквами без засечек.

Коэн представил нас друг другу и объяснил, что Диальта – главный вдохновитель нового «баррис-уотфордовского» проекта, иллюстрированной истории «американского стримлайн-модерна» (термин ее). Рабочее название проекта было следующим: «Аэродинамический футурополис: Будущее, которое не наступило».

Британцы сходят с ума по особо выморочным элементам американской поп-культуры – как западные немцы превратили в

странный фетиш ковбоев с индейцами, а французы питают извращенную тягу к старым фильмам с Джерри Льюисом.[31] А Диальта Даунс зациклилась на специфически американской разновидности архитектуры, о которой большинство американцев и представления не имеют. Сперва я даже не понял, о чем это она, но постепенно до меня начало доходить. И вот я уже вспоминал утреннее воскресное телевидение пятидесятых.

Наш местный телеканал, заполняя паузы между передачами, иногда крутил старую, в пятнах и царапинах, кинохронику. Сидишь себе, жуешь бутерброд с арахисовым маслом, запиваешь молоком, а хорошо поставленный голливудский баритон вещает сквозь помехи, что В Будущем Тебя Ждет Летающий Автомобиль. И три механика из Детройта прикручивают в гараже крылья к неуклюжему старому «нэшу», а потом он бешено газует на пустой взлетной полосе где-нибудь в Мичигане. Отрыва от земли ни разу не показывали, но «нэш» улетел в страну-небывалию Диальты Даунс, на истинную родину поколения самозабвенных технофилов. Диальта рассказывала об этих реликтах «футуристической» архитектуры тридцатых—сороковых, мимо которых проходишь в американских городах каждый день и не замечаешь: ребристые фасады кинотеатров, будто призванные излучать некую неведомую энергию, витрины мелочных лавок, отделанные желобчатым алюминием, стулья из хромированных трубок, пылящиеся в гостиничных вестибюлях. Во всем этом она видела остатки мира грез, позабытые в равнодушном настоящем; их-то она и просила меня сфотографировать.

Американский промышленный дизайн родился в тридцатые годы; прежде все точилки для карандашей выглядели как точилки для карандашей – незамысловатый викторианский механизм – возможно, с каким-нибудь декоративным завитком. Но с появлением первого поколения дизайнеров некоторые точилки стали выглядеть так, будто их собирали в аэродинамической трубе. Как правило, метаморфоза не заходила слишком глубоко: обтекаемый хромированный кожух скрывал все тот же викторианский механизм. Что было вполне логично: успешные американские дизайнеры в большинстве своем раньше трудились бродвейскими декораторами. И теперь они проектировали не столько вещи, сколько реквизит, замысловатые декорации, призванные изображать жизнь в будущем.

Когда принесли кофе, Коэн достал толстый конверт, набитый глянцевыми фотографиями. Я увидел крылатые статуи, охраняющие Плотину Гувера, они стойко кренились навстречу воображаемому урагану, как украшения на автомобильном капоте, только бетонные и десятиметровые. Я увидел с десяток

снимков построенного Фрэнком Ллойдом Райтом[32] здания компании «Джонсон Вакс», сопоставленных с обложками старых номеров «Эмейзинг сториз» работы некоего Фрэнка Р. Пауля;[33] небось «джонсон-ваксовцам» каждое утро казалось, будто перед ними распахивается пульверизаторная фрэнк-паулевская утопия. Здание Райта выглядело так, словно проектировал он его для людей в белых тогах и люцитовых сандалиях. Мой взгляд остановила схема исполинского винтового авиалайнера – сплошное крыло, без фюзеляжа, наподобие толстого симметричного бумеранга с иллюминаторами в самых неожиданных местах. Стрелочки с подписями указывали расположение бальной залы и двух теннисных кортов. Датирован рисунок был тридцать шестым годом.

– Эта штука ведь не могла бы летать?.. – И я перевел взгляд на Диальту Даунс.

– Нет-нет, абсолютно исключено, даже с дюжиной таких огромных пропеллеров. Но тогда очень нравилось, как это выглядит, понимаете? От Нью-Йорка до Лондона за неполных два дня, столовые первого класса, отдельные каюты, солнечные палубы, а вечером джаз-банд и танцы… Конструкторы же были просто популистами, они пытались дать публике то, чего она хотела. А публика хотела будущего.

* * *

Посылка от Коэна догнала меня в Бербанке, где я застрял на три дня, – пытался наделить какой-никакой харизмой одного до жути унылого рокера. Фотографировать то, чего нет, надо уметь, это редкий талант – и, соответственно, высокооплачиваемый; я, например, умею, хотя есть в этом деле мастера и почище меня. Бедолага-рокер испытывал терпение моего «Никона» буквально на износ. Как-то я в итоге выкрутился – с тяжелым сердцем, поскольку не люблю халтурить, но не с таким уж неподъемно-тяжелым, поскольку удостоверился, что за халтуру заплачено, – и решил в качестве профилактики заняться «баррис-уотфордовским» заказом, этим апофеозом художественности. Коэн прислал мне книжки по дизайну тридцатых, еще стопку фотографий «аэродинамических» зданий и составленный Диальтой Даунс перечень характерных для Калифорнии образчиков этого стиля, на полсотни позиций.

С архитектурной фотосъемкой приходится иногда подолгу ждать; здание превращается в своего рода солнечные часы, а ты сидишь и считаешь минуты, пока тень не отползет от нужной тебе

детали или пока масса и баланс постройки не проявятся определенным образом. Просиживая таким образом штаны, я мысленно настраивался на Америку Диальты Даунс. Некоторые фабричные здания фокусировались на матовом стекле моего «Хассельблада» со зловещей тоталитарной величественностью, наподобие стадионов, которые Альберт Шпеер строил для Гитлера. Но в общем и целом весь этот «стримлайн-модерн» выглядел довольно убого: чудеса-однодневки, вытесненные коллективным бессознательным Америки тридцатых годов, сохранившиеся главным образом на депрессивных обочинах между пыльными мотелями, оптовыми складами матрасов и пятачками-стоянками торговцев подержанными автомобилями. Я решил сосредоточиться на бензоколонках.

В зените Эпохи Диальты строить калифорнийские бензоколонки явно поручили Мингу Безжалостному.[34] Ностальгически вспоминая архитектуру своей родной планеты Монго, он курсировал вдоль побережья и возводил из белой лепнины огневые позиции для лучевых орудий. Многие из них увенчивались чисто декоративной центральной башенкой, окруженной спиралью странных радиаторных ребер, характерных для всего этого стиля, так что казалось: стоит найти правильный рубильник – и вспыхнут лучи беспримесного научно-технического энтузиазма. Одну такую колонку я сфотографировал в Сан-Хосе за час до того, как приехали бульдозеры и насквозь пропахали эту зодческую истину из штукатурки, железной сетки и дешевого бетона.

– Представьте себе как бы альтернативную Америку, – говорила Диальта Даунс, – восьмидесятые, которые мы потеряли. Архитектуру несбывшихся грез.

С такой вот внутренней установкой двинулся я замысловатым зигзагом в красной «тойоте» по всему этому социоархитектурному крестному пути; мало-помалу я настраивался на Диальтин образ теневой мифической Америки с заводами «Кока-Колы», напоминающими выброшенные на берег субмарины, и захудалыми кинотеатрами, похожими на храмы вымершей секты, поклонявшейся синим зеркалам и геометрии. Шагая по тайным руинам, я гадал, что бы подумали обитатели этого несбывшегося будущего о мире, в котором я живу. В тридцатых грезили о белом мраморе и обтекаемом хроме, однако ракеты с обложек дешевых журналов Гернсбека[35] и компании обрушились, завывая, на ночной Лондон. После войны у каждого и вправду была машина, хоть и без крыльев, и обетованная суперавтострада, кати – не хочу, так что само небо потемнело от выхлопных газов, которые разъели мрамор и чудесный

кристалл…

И вот однажды под Болинасом, готовясь снимать особенно изощренный образчик минговского архитектурного милитаризма, я пронизал тонкую мембрану, мембрану возможного…

Незаметно, шажок за шажком, я ступил за Грань…

И, подняв голову, увидел двенадцатимоторное летающее крыло; гудя пропеллерами, толстый бумеранг со слоновьей грацией летел к востоку, летел так низко, что я мог сосчитать заклепки на его тускло-серой обшивке и, кажется, даже слышал отзвук джаз-банда.

* * *

Я обратился к Кину.

Мерв Кин – журналист-фрилансер, большой специалист по техасским птеродактилям, контактерам-реднекам, лох-несским чудовищам низшей лиги и топ-десятке теорий заговора, особенно котирующихся в самых завиральных закоулках американского массового сознания.

– Неплохо, неплохо, – сказал Кин, протирая охотничьи очки из желтого поляроидного стекла подолом своей гавайской рубашки, – но ничего психического в этом нет, шарики с роликами на месте.

– Но я видел его, Мервин.

Мы сидели на ослепительном аризонском солнце у бассейна. Кин дожидался в Тусоне группы лас-вегасских госпенсионеров, лидерша которых получала сообщения от Них на микроволновку. Я всю ночь провел за рулем, что хорошо чувствовалось.

– Естественно, видел. Никто и не спорит. Ты же меня читал – знаешь, как я подхожу ко всей этой уфологической хрени. Все очень просто. – Он тщательно водрузил очки на свой орлиный шнобель и пригвоздил меня к шезлонгу отработанным взглядом василиска. – Людям мерещится разное, только и всего. Ничего там нет, но людям все равно мерещится. Наверное, потому, что им это нужно. Ты же читал Юнга, должен понимать… В твоем-то случае все совсем очевидно: сам говоришь, что думал об этой свихнутой архитектуре, воображал себе невесть что… Слушай, наверняка же ты пробовал в свое время кучу разной дури? Кто вообще в Калифорнии пережил шестидесятые без того, чтобы увидеть галлюцинацию-другую, а? Сидишь себе и вдруг понимаешь: кто-то нанял целые армии диснеевских техников, чтобы вплетали мультголограммы египетских иероглифов в ткань твоих джинсов, или…

– Не так же все было.

– Кто бы спорил. Дело было совсем иначе, да? Как наяву? Все как обычно, и вдруг бац – возникает этот монстр, эта мандала, эта неоновая сигара. У тебя вот – огромный самолет от Тома Свифта. [36] Это случается сплошь и рядом. Ты даже не спятил. Понимаешь, да?

Он выудил пиво из потрепанного пенопластового кулера, стоявшего рядом с шезлонгом, и продолжил:

– На той неделе я был в Виргинии. Округ Грейсон. Беседовал с шестнадцатилеткой, на которую напала *ведмежья бóшка*.

– Что-что?

– Медвежья голова. Отдельно от тела, как охотничий трофей. Так вот, эта *ведмежья бóшка* порхала на собственной летающей тарелочке вроде колесного колпака с винтажной тачки кузена Уэйна. Глаза мерцали, как сигарные окурки, а из-за ушей торчали хромированные телескопические антенны.

Он раскатисто рыгнул.

– Голова на нее напала? Как это?

– Лучше тебе и не знать, ты у нас натура явно впечатлительная. «Оно было холодное, – снова изобразил он южный акцент, и так же топорно, – и как будто железное». И пищало по-электронному. Вот это, дружище, натуральный продукт, прямиком из бездн коллективного бессознательного. Девчонка – чистая ведьма. В нашем нынешнем обществе ей места нет. Не смотрела бы она с пеленок старый «Звездный путь» и «Бионического человека»,[37] ей бы дьявол мерещился. Она подключена к главной жиле. И уверена, что с ней это действительно случилось. На все про все у меня было десять минут, пока не приехали настоящие уфологи с детектором лжи.

Я, должно быть, скривился, потому что он осторожно отставил пиво рядом с кулером и сел в шезлонге повыше.

– Если хочешь более высокоштильное объяснение – пожалуйста: ты видел семиотического призрака. Все контактерские истории, например, опираются на эти научно-фантастические образы, которыми наша культура пронизана сверху донизу. В принципе, инопланетян я еще могу допустить – но не инопланетян же из комиксов пятидесятых. Это всё семиотические фантомы, шматки глубоких культурных образов, которые откололись и зажили самостоятельно. Ну, как те жюль-верновские дирижабли, что вечно мерещились канзасским фермерам. А ты увидел призрак другого типа, вот и все. Когда-то этот самолет являлся частью коллективного бессознательного. Ты каким-то образом настроился на ту волну. Так что главное – не волноваться.

Но я-то волновался.

Кин пригладил свой редеющий блондинистый хайр и отправился выяснять, что новенького Они имеют сказать на дальних рубежах, а я задернул шторы в своем номере и улегся в наполненной гудением кондиционера темноте волноваться дальше. Когда я проснулся, волнение никуда не делось. Кин оставил на моей двери записку: ему надо было срочно лететь на север, спецрейсом, проверить слух о массовом увечье скота («увечники», так он их называл) – еще одна его журналистская специализация.

Я поужинал, принял душ, проглотил крошащуюся таблетку для похудения, которая года три болталась на дне моего бритвенного набора, и отправился назад в Лос-Анджелес.

Спид сузил мое поле зрения до туннеля, высвеченного фарами «тойоты». Тело пусть ведет машину, сказал я себе, а рассудок – несет вахту. Несет вахту и держится подальше от фантасмагорических периферийных декораций, порожденных изнурением и амфетамином, от фосфоресцирующей фантомной флоры, что вырастает вдоль полночных автострад в углу мысленного взора. Но у рассудка свои резоны, и киновское толкование моего «эпизода», как я уже стал называть происшедшее, бесконечно крутилось у меня в голове по узкой перекошенной орбите. Семиотические призраки. Мелькание фрагментов Коллективной Грезы в набегающем воздушном потоке. Почему-то эта петля обратной связи усугубила действие таблетки, спидовая придорожная растительность окрасилась в цвета инфракрасных спутниковых снимков – тлеющие обрывки, разлетающиеся в кильватере «тойоты».

Тогда я свернул на обочину и заглушил мотор, и с полдюжины алюминиевых пивных банок промигали мне «спокойной ночи», когда я вырубил фары. Интересно, подумал я, который час нынче в Лондоне, и попытался представить, как Диальта Даунс завтракает в своей хэмпстедской квартире, окруженная обтекаемыми хромированными статуэтками и книгами по американской культуре.

Ночи в пустыне у нас неимоверны, Луна – ближе к Земле. Я долго наблюдал за Луной и наконец решил, что Кин прав. Главное – это не волноваться. По всему континенту абсолютно нормальные, нормальнее любых моих потуг на нормальность, люди каждый божий день видят гигантских птиц, реликтовых гоминоидов и летающие нефтезаводы, не давая Кину скучать и бедствовать. Так чего я нервничаю из-за куска поп-воображения полувековой давности, разлетавшегося над Болинасом? Короче, можно и поспать, бояться-то нечего, кроме разве что хиппи-

людоедов да гремучих змей, вокруг – знакомый придорожный мусор моего родного континуума. Завтра утром скатаюсь наконец в Ногалес и поснимаю старые бордели, а то который год уже никак не соберусь. Тут и таблетка отпустила.

* * *

Разбудил меня свет, потом я услышал голоса.

Источник света был где-то сзади, по салону «тойоты» бегали тени. Голоса звучали спокойно и неразборчиво, мужской и женский: поглощенная беседой пара.

У меня затекла шея, в глаза как будто песка насыпали. Нога, прижатая к рулевой колонке, совершенно одеревенела. Я принялся нашаривать очки в кармане рубашки и наконец водрузил их на нос.

Потом обернулся и увидел город.

Альбомы по дизайну тридцатых лежали в багажнике; в одном из них был эскиз города-мечты, вдохновленный «Метрополисом»[38] и «Обликом грядущего»,[39] но пошедший гораздо дальше: небоскребы взмывали сквозь идеальные, намеченные штрихами облака, увенчанные безумными неоновыми шпилями и швартовыми мачтами для аэростатов. Так этот город из альбома был уменьшенной копией того, что высился сейчас позади меня. Шпиль громоздился на шпиль ступенями блистающего зиккурата, карабкавшимися к золотой башне центрального храма, окруженной спиралью радиаторных ребер, как на автозаправках планеты Монго. В самой маленькой из этих башен легко спрятался бы Эмпайр-стейт-билдинг. Между шпилями петляли хрустальные эстакады, по ним бежали обтекаемые серебристые точки, будто капельки ртути. Небо кишело воздушными судами: огромные лайнеры – летающие крылья, юркие блестящие невелички (то и дело какая-нибудь из серебристых капель грациозно взмывала с эстакады и присоединялась к небесному танцу), километровые дирижабли, по-стрекозьи недвижно зависающие автожиры…

Я зажмурился и крутанулся волчком. Открыв глаза, приказал себе увидеть спидометр, пыльную торпеду из черного пластика, переполненную пепельницу. Снова зажмурился.

– Амфетаминовый психоз, – произнес я и открыл глаза.

Торпеда была на месте, и пыль, и мятые бычки в пепельнице. Очень осторожно, не шевеля головой, я включил фары.

И увидел их.

Они были светловолосые. Они стояли рядом со своим

автомобилем – алюминиевым плодом авокадо с высоким, как акулий плавник, килем и с гладкими черными шинами, как у игрушечной машинки. Он обнимал ее за талию, а другой рукой указывал на город. Оба они были в белом: свободные одежды, голые ноги, белые, без единого пятнышка, сандалии. Лучей моих фар они словно не видели. Он говорил что-то мудрое и сильное, а она кивала, и вдруг мне стало страшно – страшно по-другому, совсем не так, как прежде. Потерять рассудок я уже не боялся; откуда-то я понял, что город позади – это Тусон: Тусон-мечта, порожденный коллективными чаяниями эпохи; что он реален, абсолютно реален. Но стоявшая передо мной пара жила в нем – и они меня пугали.

Они были детьми несбывшихся восьмидесятых Диальты Даунс; они были Наследниками Мечты. Белокожие, светловолосые и, возможно, голубоглазые. Американцы. Диальта говорила, что Будущее пришло сперва в Америку, но затем оставило ее позади. Только не здесь, не в сердце Мечты. Здесь мы двигались только вперед, и логике этой грезы были неведомы загрязнение природы, истощение ископаемых ресурсов, войны на чужой территории, которые возможно проиграть. Счастливые Наследники Мечты были совершенно довольны собой и своим миром. И в сердце Мечты это и вправду был *их* мир.

Позади меня – город в блеске иллюминации; прожектора шарили по небу просто так, от избытка чувств. Я представил себе, как Наследники Мечты наводняют беломраморные площади, чинно и бодро, а в их глазах горит восторженное преклонение перед широкими, залитыми огнями проспектами и серебристыми автомобилями.

Как по́шло и как зловеще в своей пошлости, ну вылитая гитлерюгендовская пропаганда.

Я включил передачу и медленно тронулся; вот уже мой бампер в трех футах от них. Они меня так и не видели. Я опустил стекло в дверце и прислушался, о чем там толкует мужчина. Пустая и звонкая, как призывы торговой палаты, говорильня – и он явно верил каждому своему слову. Свято верил.

– Джон, – донеслись до меня слова женщины, – мы забыли принять завтрак.

Она выщелкнула из какого-то устройства на поясе две яркие облатки и передала одну мужчине. Я поморщился, вырулил задним ходом на шоссе и, качая головой, направился к Лос-Анджелесу.

* * *

С заправки я позвонил Кину. С новой аляповатой заправки в стиле испанского модерна. Кин уже вернулся из своей вылазки и не возражал побеседовать.

– Да, неплохо так накрыло. Ты не пытался, кстати, сфотографировать? Ничего, конечно, никогда не выходит, но остроты твоему рассказу это добавило бы – то, что фотографии не вышли.

Но что мне делать-то?

– Побольше смотреть ящик, особенно викторины и мыльные оперы. Порнуха тоже годится. Видел когда-нибудь «Бордель под свастикой»? У нас тут его крутят по кабелю. Редкостное дерьмо. Как раз то, что тебе надо.

О чем это он вообще?

– Кончай вопить и слушай сюда. Открою тебе профессиональную тайну: семиотических призраков можно изгнать всякой медийной херотенью, и чем херовее, тем лучше. Я так отгоняю маленьких зеленых человечков – так, может, и ты своих ар-декошных футуроидов отгонишь. Попробуй. Чего тебе терять-то?

Тут он сказал, что ему пора спать, – мол, с утра пораньше предстоит рандеву с Избранными.

– С кем с кем?

– Ну, эти старички из Вегаса, с микроволновками.

Я подумал, не позвонить ли в Лондон коллект-коллом за счет «Баррис-Уотфорда» и не сообщить ли Коэну, что его фотограф отправляется на затяжной срок в «Сумеречную зону».[40] В итоге я взял в кофейном автомате чашку чего-то невообразимого без сахара и сливок, забрался в «тойоту» и покатил в Лос-Анджелес.

Лос-Анджелес – это была плохая мысль, и я провел там две недели. Лос-Анджелес – Диальтина страна в чистом виде, родина Мечты, натуральное минное поле, где можно подорваться на осколках Мечты в любой миг. Я чуть не разбился на виадуке у Диснейленда, когда шоссе развернулось, как оригами, в несколько десятков полос и я принялся лихорадочно лавировать между стремительными хромированными каплями с акульими плавниками. Хуже того, Голливуд кишел людьми, слишком уж напоминающими ту пару, которую я видел в Аризоне. В итоге я нанял итальянского режиссера, который, дожидаясь у моря погоды, подрабатывал печатью-проявкой и кафельными работами; он распечатал все пленки, которые скопились у меня по Диальтиному проекту. Сам я и смотреть на негативы не хотел. Но Леонардо ничего не почувствовал, и я, перетасовав отпечатки, как колоду карт, отправил их авиапочтой в Лондон. Потом вызвал такси и поехал в ближайший кинотеатр, где крутили «Бордель

под свастикой», и всю дорогу дотуда сидел зажмурившись.

Поздравительная телеграмма от Коэна догнала меня через неделю в Сан-Франциско. Диальта была в восторге от фотографий. Коэну особенно понравилось, как я «проникся проектом», и он был бы, мол, очень не прочь при случае поработать со мной еще раз. В тот же день я заметил над Кастро-стрит летающее крыло, но какое-то не очень убедительное – тут и в то же время не тут. Я метнулся к ближайшему киоску и набрал столько газет, сколько смог унести, с передовицами о бензиновом кризисе и опасностях атомной энергетики. Я вдруг решил, что надо срочно лететь в Нью-Йорк.

– Куда катится мир, а? – сказал киоскер, тощий негр с плохими зубами и в явном парике.

Я кивнул, нащупывая мелочь в кармане джинсов; думал я лишь о том, как бы поскорее найти в парке свободную скамейку и погрузиться в убедительные свидетельства нашей нынешней почти антиутопии.

– Но могло быть и хуже, – добавил он.

– Ну да, – сказал я, – могло быть куда хуже. Идеальный мир – вот чума.

И я зашагал по улице с пачкой концентрированной катастрофы под мышкой, а он все смотрел мне вслед.

Осколки голографической розы [41]

Тем летом Паркера мучила бессонница.

Временами в сети падало напряжение, и внезапные сбои дельта-индуктора болезненно резко выталкивали его в сознание.

Чтобы не просыпаться, он черной изолентой примотал индуктор к работающей от батарей деке ПСВ и с помощью переходников и миниатюрных зажимов-крокодилов замкнул их друг на друга. Потеря тока в индукторе переключала деку на воспроизведение.

Однажды он купил по случаю кассету ПСВ, которая начиналась с того, как субъект засыпает на пляже. Записывал ее молодой светловолосый йог с идеальным зрением и невероятно острым восприятием красок. Парнишку отвезли на Барбадос с единственной целью подремать и проделать утреннюю зарядку на мелком песке частного пляжа. На прозрачной ламинированной обложке микрофиши пояснялось, что одной лишь силой воли йог способен пройти через «альфу» к «дельте». Паркер, который уже два года не мог спать без индуктора, еще удивился тогда, как такое возможно.

Ему лишь однажды удалось высидеть весь фильм, хотя теперь он уже знал каждое ощущение на протяжении пяти субъективных минут. Самым интересным фрагментом ему казался мелкий монтажный ляп в начале рутинных дыхательных упражнений: беглый взгляд вправо, вдоль белого пляжа, выхватывает фигуру охранника, патрулирующего проволочную изгородь… черный автомат переброшен через плечо.

Пока Паркер спал, из энергетических систем города утекало электричество.

Переход от дельты к дельта-ПСВ – темное вторжение в чужую плоть. Привычка смягчает шок… Холодный песок под обнаженными плечами. В утреннем ветерке штанины потрепанных джинсов хлопают по голым коленям. Скоро парнишка окончательно проснется и примется за свою «Ардха-Матсиендра-что-то-там». Чужими руками Паркер стал нащупывать в темноте деку ПСВ.

* * *

Три утра.

Сварить себе кофе, светя в чашку фонариком, пока наливаешь кипяток.

Записанные утренние сны тают: увиденный чужими глазами темный плюмаж кубинского парохода бледнеет вдали вместе с горизонтом, к которому он карабкается, переползая с волны на волну, по серому экрану сознания.

Три утра.

Пусть вчерашний день расположится вокруг тебя плоскими условными зарисовками. Что говорил ты… что сказала она… смотрел, как она собирает вещи… вызывает такси. Как ни перетасовывай, они все равно складываются в одну и ту же микросхему, иероглифы сходятся к центральному компоненту: ты стоишь под дождем, кричишь на таксиста-рикшу.

Лил дождь цвета мочи – кислотный и кислый. Водитель обозвал тебя задницей, а заплатить все равно пришлось вдвое. У нее было три места багажа. В респираторе и защитных очках рикша походил на муравья. Нажимая на педали, он исчез за пеленой дождя. Она не обернулась.

Последнее, что ты видел, – гигантский муравей, показывающий тебе средний палец.

* * *

Первый в своей жизни аппарат ПСВ Паркер увидел в одном из техасских мусорных городков. Городок назывался Джунгли Джуди. Паркер хорошо помнил массивную консоль, заключенную в оболочку из дешевого пластика под хром. За скормленную в прорезь десятидолларовую банкноту получаешь пять минут гимнастики в невесомости на швейцарском орбитальном курорте: качаешься себе по двадцатиметровым перигелиям в обнимку с моделью из «Вога» шестнадцати лет от роду. Вот уж действительно ходовой товар в Джунглях, где достать пистолет было проще, чем принять горячую ванну.

Год спустя, с фальшивыми документами, он оказался в Нью-Йорке под Рождество, когда две ведущие фирмы выбросили на прилавки универмагов первые переносные деки. Порнотеатры ПСВ, буйно, но кратко расцветшие в ту пору в Калифорнии, так и не оправились от их натиска.

Исчезла и голография. Раскинувшиеся на целые кварталы фуллеровские купола, эти голохрамы времен детства Паркера, превратились в многоэтажные супермаркеты или приютили залы игровых компьютеров. В их закоулках еще можно отыскать старые консоли под потускневшими неоновыми надписями: «ПСЕВДОСЕНСОРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ», которые пульсируют сквозь голубую завесу сигаретного дыма.

Теперь Паркеру тридцать, и он пишет покадровые сценарии для ПСВ-вещания, программируя движение глаза, этой человеческой видеокамеры индустрии иллюзий.

* * *

Частичное затемнение продолжается.

В спальне Паркер колотит по клавишам на обтекаемой алюминиевой поверхности своего «Сэндай-дрим-мастер». Навигационный огонек мигает, потом дека погружается во тьму. С чашкой кофе в руке, Паркер тащится по ковру к шкафу, который она опустошила вчера. Луч фонарика ощупывает в поисках улик любви голые полки, находит сломанную застежку на кожаном ремешке, кассету ПСВ и открытку. На открытке – отраженная в белом свете голограмма розы.

У кухонной раковины он скармливает ремешок мусоропроводу. Вялый в затемнении, тот жалуется, но проглатывает и переваривает. Аккуратно держа за уголок, Паркер подносит к вращающимся челюстям и голограмму. Железные зубы разрезают ламинированный пластик, мусоропровод обиженно скрежещет – и вот роза разлетается на тысячу осколков.

Час спустя он сидит на неприбранной постели и курит. Ее кассета вставлена в деку, готова для просмотра. Пленки женщин обычно сбивают его с толку, но он сомневается, что именно по этой причине медлит сейчас запустить машину.

Приблизительно четверть всех пользователей ПСВ испытывает некоторый дискомфорт, пытаясь ассимилировать субъективное тело противоположного пола. Звезды вещания ПСВ становятся в последнее время все более андрогинными, чтобы привлечь и эту часть аудитории. Но записи самой Анджелы никогда раньше не отпугивали его. (А что, если она записала любовника?) Нет, не в этом дело – просто кассета являет собой абсолютно неизвестную величину.

* * *

Когда Паркеру было пятнадцать лет, родители подписали за него контракт на стационарное обучение в одной из дочерних компаний японского синдиката по производству пластмасс. В то время он считал, что ему крупно повезло: конкурс заявлений на обучение был просто огромен. Три года он прожил в казарме, распевал по утрам гимны компании, и раз в месяц ему, как

правило, удавалось выбираться за ограждение центра на поиски девочек или голодрома.

В контракте значилось, что обучение окончится в день его двадцатилетия. Выдержи Паркер до конца, он приобрел бы право на полный статус служащего. За неделю до того, как ему исполнилось девятнадцать, с двумя украденными кредитными карточками и сменой одежды, он в последний раз перелез через ограду. В Калифорнию Паркер прибыл за три дня до падения диктатуры Новых Сепаратистов. В Сан-Франциско метались по улицам, стреляя друг в друга, чьи-то военизированные группировки. Все четыре «временных правительства» города провели такую эффективную работу по запасанию продовольствия, что почти ничего нельзя было достать.

Последнюю ночь революции Паркер провел в подвале сгоревшего дома на окраине Тусона, занимаясь любовью с девчонкой из Нью-Джерси. Та объясняла нюансы своего гороскопа между приступами почти беззвучных рыданий, не имевших, впрочем, ничего общего с тем, что он говорил или делал.

Много лет спустя он вдруг осознал, что понятия не имеет, какого черта его дернуло разорвать контракт.

* * *

Первые три четверти кассеты пусты. Нажимаешь клавишу, чтобы ускоренно перемотать себя вперед сквозь статическую дымку стертой записи, где вкус и запах сливаются в единый канал. На аудиовходе – белый звук, не-звук первичного темного океана… (Продолжительное воздействие аудиовхода со стертой пленки может вызвать гипнотические галлюцинации.)

* * *

В полночь Паркер, скорчившись, затаился в кустах у дороги на Нью-Мексико, глядя, как на трассе догорает танк. Пламя освещает белый пунктир, вдоль которого он следовал от самого Тусона. Взрыв был виден за две мили – белое полотнище жаркого света, превратившее бледные сучья обнаженных деревьев на фоне ночного неба в фотонегатив: угольные ветви на магниевом небе.

Многие беженцы были вооружены.

В кислотных дождях Залива дымились кострами их мусорные города. Поселения эти возникли в Техасе благодаря тому шаткому нейтралитету, который штату удавалось сохранять на

фоне попыток калифорнийского сепаратизма.

Сооруженные из фанеры и картона, листов парусящего пластика и остовов мертвых автомобилей, городки эти носили идиотские фарсовые названия вроде Батут-Таун или Конфетка, а их территории непрестанно дрейфовали в переменчивых ветрах теневой экономики.

Федеральные войска и войска штатов, регулярно прочесывавшие поселения изгоев, редко находили хоть что-нибудь. Но после каждой такой экспедиции на перекличке несколько человек не отзывалось. Кто-то продавал свое оружие и жег форму, другие же слишком близко подходили к той контрабанде, которую их посылали искать.

Через три месяца Паркер решил, что надо выбираться, но обеспечить безопасный переход через армейские кордоны мог только товар. Удача ему улыбнулась чисто случайно. Однажды вечером, огибая завесу сального кухонного дыма, низко висевшую над Джунглями, он споткнулся и едва не упал на труп. Тело женщины лежало в русле пересохшего ручья. Мухи поднялись было сердитым облаком, но потом сели, не обращая на него внимания. На женщине была кожаная куртка, а по ночам Паркер отчаянно мерз. Покопавшись в свалке вдоль бывшего ручья, он отыскал длинную палку.

В спине куртки, прямо под левой лопаткой, зияло аккуратное круглое отверстие, словно проткнутое карандашом. Подкладка куртки, когда-то красная, теперь совершенно почернела, стала жесткой и блестящей от запекшейся крови. Подцепив куртку на конец палки, он отправился на поиски воды.

Куртку Паркер так и не постирал: в левом кармане нашлась почти унция кокаина, аккуратно завернутая в полиэтилен и прозрачную хирургическую пленку. А в правом оказались пятнадцать ампул мегациллина-Д и десятидюймовый кнопочный нож с роговой рукоятью. Антибиотик стоил вдвое дороже кокаина.

Нож он всадил в гнилую колоду, пропущенную сборщиками топлива из Джунглей, и повесил на него куртку, которую, стоило ему отойти, тут же облепили мухи.

Той же ночью в баре с рифленой жестяной крышей, ожидая появления одного из «юристов», которые устраивали проходы через кордоны, он впервые в жизни опробовал модуль ПСВ. Аппарат был огромен, весь из неона и хрома, и владелец очень им гордился: толстяк собственноручно помогал потрошить грузовик.

«Если хаос девяностых годов отражает радикальное смещение в парадигмах визуальной грамотности, а

именно окончательный отход от традиций доголографического общества Ласко и Гутенберга, то чего следует ожидать от этой новейшей технологии с ее обещаниями дискретного кодирования и последовательной реконструкции всей шкалы сенсорного восприятия?»

Роубук и Пирхэл.

Новейшая история Америки: Системный обзор

Скоростная перемотка сквозь бормочущее не-время стертой записи в…

…в ее тело. Солнце Европы. Улицы незнакомого города.

Афины. Греческие буквы вывесок и запах пыли…

…и запах пыли.

Смотреть ее глазами (думая о том, что эта женщина еще не встретила тебя, – ты только-только выбрался из Техаса) на серый монумент, на лошадей из камня, с которых взлетают вверх и кружат вокруг голуби… и статика охватывает любимое тело, стирает до серости и чистоты. Волны белого звука разбиваются о пляж, которого нет. И пленка кончается.

* * *

Горит огонек индуктора.

Паркер лежит в темноте, вспоминая, как водопадом осколков рассыпалась голограмма розы. Это свойство присуще любой голограмме – подобранный и должным образом освещенный, каждый осколок покажет полное изображение. Проваливаясь в дельту, он видит в розе себя: каждый разрозненный фрагмент воспоминаний несет в себе целое, которого он никогда не знал… Украденные кредитные карточки… выжженный пригород… сочетания планет незнакомки… горящий на трассе бензовоз… плоский пакетик наркотиков… заточенный о бетон кнопочный нож, узкий и острый как боль.

И думает: так, значит, все мы осколки друг друга и так было всегда? И то мгновение путешествия в Европу, затерянное посреди серого океана стертой кассеты? Стала она теперь ближе или реальнее оттого, что он тоже побывал там?

Она помогла ему получить документы, нашла первую работу на ПСВ. Это их история? Нет, история – это черная поверхность дельта-индуктора, пустой шкаф и незастланная постель. История – это его отвращение к совершенной машине тела, в котором он просыпается, если падает напряжение; это гнев на рикшу и ее

отказ оглянуться сквозь ядовитый дождь.

Однако каждый осколок показывает розу под иным углом, вспоминает он, – но дельта накатывает, накрывает его с головой, прежде чем он успевает спросить себя, что именно это значит.

Принадлежность [42]
Джон Ширли, Уильям Гибсон

Это могло произойти и в «Клубе Жюстины», и в «Джимбо», и в «Печальном Джеке», и в «Причале»; Коретти так и не вспомнил, где он встретил ее впервые. В любое время она могла оказаться в любом из этих баров. Она плыла сквозь подводный полумрак бутылок, стаканов и медленных клубов сигаретного дыма… из бара в бар, она всюду была в своей стихии.

Теперь Коретти вспоминал сцену их первой встречи, будто разглядывая в мощный телескоп, только не в окуляр, а в объектив, – миниатюрную, четкую и очень-очень далекую.

Впервые он обратил на нее внимание в баре «С черного хода». Этот бар назвали так потому, что попасть в него можно было из узкого переулка. Стены окрестных домов исписаны граффити, фонари, забранные решетками, облеплены мотыльками. Под ногами хрустят обломки битого кирпича. Затем попадаешь в тускло освещенное помещение, сохранившее приметы дюжины других заведений, которые когда-то здесь были, а потом исчезли вместе с хозяевами. Коретти иногда наведывался сюда, потому что ему нравилась усталая улыбка чернокожего бармена, а еще потому, что немногочисленные посетители не слишком ему докучали.

Ему плохо удавались разговоры с незнакомцами – и на вечеринках, и в барах.

В муниципальном колледже, где он преподавал начальный курс лингвистики, Коретти чувствовал себя легко – мог, например, поговорить с руководителем кафедры о согласовании времен и ключевых словах в типичных фразах для завязывания разговора. Но с чужаками разговор не клеился. На вечеринках он почти не бывал. А в бары захаживал частенько.

Коретти не умел одеваться. Если искусство одеваться – это язык, то Коретти страдал заиканием; он не умел выглядеть так, чтобы постороннему человеку было легко с ним общаться. Его бывшая жена говорила, что он одевается как марсианин, что по его одежде нельзя определить, к какому кругу он принадлежит. Ему не нравились ее слова, потому что они были правдой.

У него никогда не было девушки, похожей на ту, что сидела, слегка изогнув спину, в мерцании подводных огней «черного хода». Тот же хмельной свет играл в темных очках бармена, искрился в горлышках разномастных бутылок, расплескивался в зеркале. В этом свете ее одежда – платье с оголенной спиной и

глубоким вырезом – казалась зеленой, цвета молодой кукурузы; боковые разрезы платья высоко открывали бедра. Волосы ее в тот вечер отливали медью. А глаза… в тот вечер они были зеленые.

Он решительно прошел к стойке бара меж пустых – хром и пластик – столов и заказал себе чистый бурбон. Сбросил пальто с капюшоном, свернул и положил на колени, усевшись через табурет от нее. Господи, воскликнул он мысленно, да она же подумает, что я пытаюсь скрыть эрекцию! И неожиданно понял, что ему и вправду есть что скрывать. Посмотрел в зеркало за стойкой бара и увидел мужчину лет за тридцать с редеющими темными волосами и бледным худым лицом, с длинной шеей, торчащей из воротника яркой нейлоновой рубашки с изображениями автомобилей выпуска 1910 года трех разных расцветок. На нем был черно-коричневый галстук в косую полоску, слишком узкий, пожалуй, для такого воротника. А может, цвет неподходящий. В общем, что-то не то.

Рядом с ним, отражаясь в темной глади зеркала, сидела зеленоглазая женщина, похожая на Нежную Ирму.[43] Однако, вглядевшись внимательнее, он поежился. В ее лице было что-то от животного. Очаровательное личико, но… простенькое, двумерное и в то же время с хитрецой. Когда поймет, что я на нее смотрю, подумал Коретти, она одарит меня пренебрежительно-удивленной улыбкой – а на что еще можно рассчитывать?

– Простите, – решился он, – вы позволите… э-э-э… предложить вам стаканчик?..

В таких ситуациях на Коретти часто нападали «учительские судороги». «Э-э-э…» Его передернуло. «Э-э-э…»

– Вы хотите предложить мне… э-э-э… выпить? Что ж, очень любезно с вашей стороны, – к изумлению Коретти, ответила она. – Это было бы очень приятно. – Он вдруг осознал, что ее речь столь же скованна и неуверенна, как и его. Она добавила: – Стаканчик «Тома Коллинза» по такому поводу был бы вполне уместен.

«По такому поводу»? «Уместен»? Сбитый с толку, Коретти заплатил за две порции.

Крупная деваха в джинсах и широкополой ковбойской шляпе навалилась животом на стойку рядом с Коретти и попросила бармена разменять мелочь. «Общий привет», – бросила она, затем повернулась к музыкальному автомату и запустила «Это из-за тебя наши дети безобразны» Конуэя и Лоретты.[44] Коретти повернулся к девушке в зеленом и, запинаясь, прошептал:

– Нравится ли вам кантри-энд-вестерн?

«Нравится ли вам…» Он мысленно застонал и попытался выдавить из себя улыбку.

– Да, разумеется, – ответила она слегка в нос. – Очень нравится.

Деваха-ковбой уселась рядом с Коретти и, подмигнув, спросила у девушки:

– Что, проблемы? Этот страшилка к тебе пристает?

И девушка в зеленом с глазами животного ответила:

– Да что ты, милка, я и сама глаз на него положила. – И рассмеялась.

Рассмеялась в самую меру. Диалектолог, сидевший внутри Коретти, беспокойно заерзал: уж слишком полным оказалось изменение и в построении фраз, и в интонации. Актриса? Талантливая подражательница? Внезапно в памяти всплыло слово «пародистка», но Коретти отбросил его и уставился на отражение девушки в зеркале: ряды бутылок обрамляли ее грудь, как стеклянное ожерелье.

– Я – Коретти. – Стараясь справиться с вербальным полтергейстом, он неожиданно для самого себя попытался напялить личину крутого парня. – Майкл Коретти.

– Оч'приятно, – ответила она так, чтобы не слышала соседка; и снова ее голос звучал иначе – как неудачная пародия на Эмили Пост.[45]

– Конуэй и Лоретта, – ни к кому не обращаясь, произнесла деваха-ковбой.

– Антуанетта, – сказала девушка в зеленом, слегка кивнув.

Она допила бокал, сделала вид, будто смотрит на часы, с кольнувшей вежливостью сообщила, что «ей-было-очень-приятно», и ушла.

Десятью минутами позже Коретти шел вслед за ней по Третьей авеню. Он в жизни никого не выслеживал и потому был взволнован и слегка напуган. Казалось бы, сорок футов, разделявшие их, – это далеко, но что, если она вздумает оглянуться?

На Третьей авеню не бывает темно. На пустынной улице в свете уличного фонаря, как под огнями рампы, она стала изменяться.

Она как раз переходила на другую сторону. Сошла с тротуара и… Началось с оттенка волос – Коретти сперва подумал, что это из-за бликов. Но поблизости не было неоновых ламп, которые отбрасывали бы скользящие и расплывающиеся, словно нефтяные пятна, круги. Потом все цвета сошли на нет, и три секунды спустя она оказалась блондинкой. Коретти был уверен, что над ним подшутило освещение, но тут одежда ее начала корчиться, закручиваясь вокруг тела, как пластиковая обертка, а потом частично отвалилась и ошметками упала на панель, будто шкура

сказочного животного. Когда Коретти проходил мимо, на тротуаре оставался лишь тающий зеленоватый дымок. Он поднял взгляд на девушку – она уже была одета иначе, в зеленый переливающийся атлас. Туфли тоже стали другими. Спина была обнажена, если не считать узких полосок, перекрещивавшихся над копчиком. Волосы стали короткими, ежиком.

Он обнаружил, что стоит, прислонившись к зеркальной витрине ювелирной лавки, и с трудом хватает ртом сырой осенний воздух. За два квартала доносилась пульсация дискотеки. По мере того как девушка приближалась туда, движения ее неуловимо менялись – чуть по-другому покачивались бедра, иначе стучали каблуки по тротуару. Охранник впустил ее, слегка кивнув. А вот Коретти он остановил, долго пялился на водительские права, с сомнением поглядывал на его шерстяное пальто. Коретти бросал нетерпеливые взгляды на размытые огни молочно-белой пластиковой лестницы. Девушка исчезла там, среди механических вспышек и навязчивого грохота.

Охранник неохотно пропустил его, и Коретти торопливо зашагал по ступенькам, вспугивая огни, которые сочились сквозь полупрозрачные пластиковые ступени.

Коретти ни разу еще не был в дискотеке. Место это было прекрасно приспособлено для полной отключки. Нервничая, он пробирался сквозь дергающуюся разодетую толпу, сквозь электронный урбанистический ритм, бьющий из гигантских динамиков. Почти ослепленный вспышками стробоскопа, он пытался разыскать ее в набитом зале.

Наконец нашел – в баре: она потягивала ядовитого цвета коктейль из высокого бокала и внимательно слушала юношу в просторной рубашке из светлого шелка и обтягивающих черных брюках. Время от времени она вежливо кивала. Коретти поймал взгляд бармена и кивнул на бутылку бурбона. Девушка выпила один за другим пять коктейлей со льдом, а потом отправилась танцевать со своим спутником.

Ее движения были в полном согласии с музыкой; грациозно, без искусственности, она выполняла все положенные фигуры. Ни единого сбоя. Ее спутник танцевал явно механически, с усилием заставляя себя выполнять ритуал.

Когда танец кончился, она резко повернулась и исчезла. Толпа будто всосала ее в себя.

Коретти врезался в гущу людей вслед за ней, не упуская ее из виду, – и только он один успел заметить, как девушка меняется. Когда она дошла до выхода, волосы стали каштановыми, а платье – длинным и голубым. В прическе, над правым ухом, расцвел белый цветок; волосы теперь были прямые и длинные. Бюст стал

чуть больше, а бедра тяжелее. Она сбегала через ступеньку, Коретти забеспокоился – не упала бы. Ведь столько выпито.

Но алкоголь, похоже, совсем на нее не действовал.

Не теряя девушку из виду, Коретти шел следом. Сердце его колотилось быстрее, чем ритм оставшегося позади клуба. В любое мгновение она может обернуться, увидеть его, позвать на помощь.

Пройдя два квартала по Третьей, она свернула в «Лотарио». Походка неуловимо изменилась. В «Лотарио» было спокойно – кабинки, обвитые плющом, с зеркалами в стиле ар-деко. Поддельные светильники «Тиффани»,[46] свисавшие с потолка, чередовались с вентиляторами, большие деревянные лопасти которых вращались слишком медленно, чтобы разогнать клубы дыма, плывущие сквозь гул захмелевших голосов. После дискотеки в «Лотарио» казалось особенно уютно. Пианист в рубашке с закатанными рукавами и в небрежно повязанном галстуке наигрывал джаз, мелодия не заглушала голоса и смех, доносившиеся из-за десятка столиков.

Она была в баре. Занята была лишь половина табуретов, но Коретти предпочел сесть за столик у стены, в тени миниатюрной пальмы. Заказал бурбон.

Выпил и заказал еще. Что-то ему сегодня никак не захмелеть.

Она сидела рядом с молодым человеком – еще одним молодым человеком, с непримечательным, с правильными чертами, лицом. На нем была желтая рубашка для гольфа и тесные джинсы. Бедро девушки касалось его ноги – чуть-чуть. Похоже, они не разговаривали, но Коретти чувствовал, что они каким-то образом общаются. Они молча сидели, слегка склонившись друг к другу. Коретти стало неуютно. Пошел в туалет, сполоснул лицо водой, а на обратном пути постарался пройти футах в трех от них. Пока он не оказался вблизи, их губы не шевелились.

Коретти услышал обычный треп:

– …видела его старые фильмы, но…

– Вам не кажется, что он очень уж любуется собой?..

– Пожалуй, но ведь в каком-то смысле…

И тут Коретти наконец понял, кто они такие – или, вернее, кем они должны быть. Они были из той породы людей, которая выведена, казалось, специально для баров. Нет, они не пьяницы; они – одушевленные приспособления. Функциональные части бара. Принадлежности.

Что-то внутри зудело, толкало на стычку. Он подошел к своему столику, но обнаружил, что ему не усидеть. Обернулся, судорожно глотнул воздуха и на деревянных ногах направился к бару. Ему хотелось коснуться этого бархатистого плеча и

спросить, кто она такая, а точнее, что она такое. Чтобы в голосе прозвучала холодная ирония оттого, что это ему, Коретти, одетому по марсианской моде, соглядатаю, чужаку, одежда и речь которого никогда не соответствовали обстоятельствам, удалось-таки раскрыть их секрет.

Но запала не хватило; все, что он сумел сделать, – сесть рядом с ней и заказать бурбон.

– Но разве вы не согласны, – спросила она своего спутника, – что все это относительно?

Места рядом с ее спутником заняла пара, которая рассуждала о политике. Антуанетта и Рубашка-для-Гольфа мгновенно переключились на политику. Они говорили в точности так громко, чтобы их голоса выдавались из фонового шума. На лице ее во время беседы не отражалось ровным счетом ничего. Как у птички, чирикающей на ветке.

Она так уютно устроилась на табурете, будто он был ее гнездышком. За выпивку платил Рубашка-для-Гольфа. Каждый раз у него было ровно столько мелочи, сколько нужно, кроме тех случаев, когда он хотел оставить на чай. Коретти наблюдал, как они методично вылакали по шесть коктейлей каждый, – будто насекомые, насыщающиеся нектаром. Но голоса их не стали громче, щеки не раскраснелись, а когда они наконец поднялись, в походке не было и следа опьянения. Вот это напрасно, подумал Коретти, это недостаток в их маскировке.

За все время, пока он следовал за ними еще по трем барам, они не обратили на него ни малейшего внимания.

В «Уэйлоне» они перевоплотились так быстро, что Коретти чуть их не упустил. Место было из тех, где на дверях туалетов красуются надписи: «Для пойнтеров» и «Для сеттеров», а над подносами с вяленым мясом и сосисками – сосновая дощечка, на которой накорябано: «С банками у нас договоренность. Они не подают пива – мы не принимаем чеки».

Там она оказалась толстушкой с темными кругами под глазами. На синтетических брюках – кофейные пятна. Ее спутник теперь был в джинсах, футболке и красной бейсбольной кепке с красно-белой эмблемой клуба «Питербилт». Коретти рискнул выпустить их из-под наблюдения. Отправился к «пойнтерам» и обалдело простоял там с минуту, в замешательстве разглядывая картонку с надписью: «Наша цель – позаботиться; ваша забота – прицелиться».

Вблизи порта Третья авеню терялась в каменном лабиринте. В последнем квартале панель через равные промежутки была размечена пятнами блевотины. Старики, навеки забытые за дымчато-зеркальными стеклами захудалых отелей, клевали носом

перед экранами черно-белых телевизоров.

Бар, который эта парочка отыскала, названия не имел. Давно не мытое окно украшал вот-вот готовый отвалиться бубновый туз; лицо бармена походило больше на стиснутый кулак. УКВ-приемник в пластиковом корпусе под слоновую кость исторгал софт-рок на неровные ряды пустых столиков. Подкреплялись подопечные Коретти пивом и виски. Теперь они оказались неприметной пожилой парой. Они потягивали свое пойло и надсадно выкашливали дым «Кэмела». Смятую пачку она вытащила из кармана грязно-рыжего дождевика.

В два двадцать пять они оказались в лаундж-баре под самой крышей нового гостиничного комплекса, вознесшегося над причалом. На ней было вечернее платье, на нем – темный костюм. Они пили коньяк и делали вид, что восторгаются ночными огнями. Пока Коретти смаковал свой стакан «Уайлд тёрки», они выпили по три порции коньяка.

Пили они до самого закрытия. Коретти последовал за ними в лифт. Они вежливо улыбнулись, но больше никак не отреагировали на его присутствие. Перед входом в отель стояли два такси; они заняли одно, Коретти – другое.

– За тем такси, – осипшим голосом бросил Коретти, сунув последнюю двадцатку водителю – стареющему хиппи.

– Будь спок, шеф, будь спок!..

Они сели им на хвост и преследовали шесть кварталов, пока первое такси не остановилось у другого отеля, поскромнее. Пассажиры вышли из машины и направились к дверям отеля. Коретти медленно, тяжело дыша, вылез.

Он был болен мучившими его подозрениями: эта женщина – совсем не женщина, она – воплощенное соответствие окружению, удачно подобранные обои в человеческом облике. Коретти постоял, пристально разглядывая отель, – и сдался. Нервы не выдержали.

Он пошел домой. Шестнадцать кварталов. По пути он вдруг осознал, что совершенно трезв. Как стеклышко.

* * *

Утром он позвонил, чтобы отменить первую лекцию. Правда, и похмелья-то не было. Во рту не пересохло, а разглядывая себя в зеркале ванной, Коретти заметил, что глаза не налиты кровью.

После обеда он заснул и видел во сне людей с овечьими лицами, которые отражались в зеркальных стенах, за рядами бутылок.

* * *

В тот вечер он вышел поужинать – но ничего не ел. Не лезло в рот. Он поковырял для виду в тарелке, заплатил и пошел в бар. Потом в другой. И в следующий – всюду он высматривал ее. Теперь он пользовался кредитной карточкой, хотя уже основательно задолжал «Визе». Если Коретти и видел девушку, то не узнал.

Иногда он принимался следить за отелем, в который она вошла в последний раз. Пристально вглядывался в каждую входившую и выходившую пару. Не то чтобы надеялся узнать ее только по одному внешнему виду – нет, должно быть *ощущение*, своего рода интуитивное опознание. Он наблюдал за парами, но уверен ни разу не был.

Несколько недель он обходил все до единого кабаки в городе. Вооружившись сперва картой и пятью рваными телефонными книгами, он постепенно смещался ко все менее известным заведениям, телефонные номера которых в справочниках не упоминались. В иных и телефонов-то не было. Он вступал в подозрительные частные клубы, отыскивал нелицензированные забегаловки, работавшие после официального закрытия, куда выпивку надо было приносить с собой. Коретти пришлось понервничать в клубах, где в темноте занимались таким экзотическим сексом, о существовании которого он и не подозревал.

Он продолжал ежевечернее патрулирование, всякий раз начиная «С черного хода». Ни разу ее там не заставал, и в следующем баре тоже. Бармены его уже узнавали и были рады, потому что пил он непрерывно и, похоже, никогда не пьянел. Так он и сидел, вглядываясь в других завсегдатаев, – что дальше?

Коретти потерял работу.

Он слишком часто отменял лекции. Настолько увлекся, что следил за отелем даже днем. Его слишком часто встречали в барах. Похоже, он перестал менять одежду. Отказался от вечерних занятий. Мог прервать лекцию на полуслове и с отсутствующим взором уставиться в окно.

Втайне он был доволен тем, что его вышибли. На него уже стали коситься на факультетских ланчах, когда он не мог притронуться к еде. Да и времени для поисков прибавилось.

Коретти обнаружил ее в среду, в два часа пятнадцать минут пополуночи, в гей-баре под названием «Конюшня». Обшитые досками стены, свешивающиеся отовсюду уздечки и прочий ржавый фермерский хлам. Крепкие духи, хохот, пиво. Она была среди местных веселых сестренок – в платье с голубыми

блестками, с зеленым пером в тщательно уложенных каштановых волосах. Сквозь нахлынувшее облегчение Коретти ощутил что-то вроде восторга, странное чувство гордости за нее – и ей подобных. Она и здесь была принадлежностью. Идеальный фэг-хэг, не представляющий ни малейшей угрозы ни «королевам», ни их партнерам. Ее спутник предстал в тот раз мужчиной неопределенного возраста: слегка посеребренные виски, пушистый ангорский свитер, плащ на подкладке.

Они медленно пили, потом, смеясь – как раз в меру! – направились в дождь. У дверей стояло такси, его дворники двигались точно в такт ударам сердца Коретти.

Неловко перепрыгнув через лужу на панели, Коретти юркнул в такси, трепеща в ожидании их реакции.

Коретти уселся на заднем сиденье, позади нее.

Мужчина с седыми висками поговорил с водителем. Тот пробурчал что-то в свой микрофон, переключил скорость, и они отплыли в дождь и в уличную тьму. Коретти не замечал проносившихся мимо зданий – он представлял, как такси останавливается, седой мужчина и хохочущая женщина выкидывают его из машины и, смеясь, тычут пальцами на ворота сумасшедшего дома. Или: такси останавливается, пара поворачивается к нему, печально мотая головами. И еще десяток раз он представлял, как такси останавливается в пустынном переулке и они спокойно душат его. Коретти, мертвый, валяется под дождем. Потому что он – чужак.

Но они подъехали к его отелю.

В тусклом свете лампы Коретти внимательно наблюдал, как мужчина полез за отворот плаща, чтобы достать деньги. Коретти отчетливо видел, что подкладка сливалась в одно целое со свитером. Не было там ни бумажника, ни кармана. Но вдруг образовалась щель, расширилась, когда в нее вошли пальцы, и исторгла деньги. Щель произвела на свет три сложенные банкноты. Деньги были чуть влажные. Когда мужчина развернул их, они высохли, как крылышки мотылька, только что появившегося на свет.

– Сдачи не надо, – сказал человек-принадлежность, вылезая из машины.

Антуанетта скользнула наружу, Коретти отправился за ней, видя перед собой только щель в плаще. Влажную, окаймленную красным, похожую на жабры.

Портье в пустом вестибюле был поглощен кроссвордом. Пара спокойно прошла к лифту, Коретти неотступно следовал за ними. Он попытался поймать ее взгляд, но она не обратила на него ни малейшего внимания. А когда лифт поднялся семью этажами

выше того, на котором жил Коретти, она наклонилась и понюхала хромированную настенную пепельницу – как собака принюхивается к земле.

Жизнь в отелях не замирает даже глубокой ночью. В коридорах не бывает тишины. Не умолкают едва слышные вздохи, шорох простынь, кто-то бормочет во сне. Но в коридоре девятого этажа, показалось Коретти, царил идеальный вакуум; туфли его беззвучно ступали по бесцветному ковру; даже испуганное биение сердца поглощалось неярким рисунком обоев.

Он пытался считать маленькие пластиковые овалы, прикрепленные к дверям, – на каждом по три цифры, но коридор, казалось, тянулся в бесконечность. Наконец мужчина остановился перед дверью, фанерованной, как и все остальные, под красное дерево, и приложил руку к замку. Ладонь тихо легла на металл. Что-то мягко скрипнуло, затем механизм щелкнул, и дверь распахнулась. Он отнял руку – Коретти увидел серо-розовое серебро кости, которая еще не потеряла форму ключа, втягивающейся, влажно поблескивая, в ладонь.

Света в комнате не было, но тусклое неоновое сияние городских огней сочилось сквозь зеркальные стекла; в этом сиянии он увидел лица десятка – или больше? – людей, застывших сидя на кровати, на кушетке, в креслах, на кухонных табуретах. Сперва ему показалось, что их глаза открыты, но тут же осознал, что спящие зрачки скрыты под мембранами, под третьим веком, а слабый неоновый свет, падающий из окна, отражается в нем. Одеты они были в то, в чем покинули последний бар; бесформенный балахон Армии спасения соседствовал с ярким прогулочным костюмом, вечернее платье – с пропыленной фабричной одеждой, байкерская кожа – с твидом от Харриса. Во сне исчезло все их сомнительное человекоподобие.

Они сидели как на насестах.

Его пара расположилась на краю полированного кухонного стола, а Коретти в нерешительности замер, стоя посреди ковра. Казалось, световые годы отделяют Коретти от остальных, но что-то призывало его преодолеть это расстояние, суля покой, мир и принадлежность. И все-таки он колебался, содрогаясь от нерешительности, которую источало, казалось, все его существо.

Он стоял, пока они не открыли глаза – все разом; мембраны скользнули в сторону, обнажив чужеродное спокойствие обитателей самых глубоких океанских впадин.

Коретти вскрикнул, бросился бежать, промчался по коридорам, потом вниз, по гулким лестничным пролетам, под холодный дождь, на пустынную улицу.

В свой номер на третьем этаже Коретти так и не возвратился.

Скучающий гостиничный детектив сгреб в кучу книги по лингвистике, единственный чемодан с одеждой – все это пошло потом на распродажу. Коретти снял комнату у суровой трезвенницы-баптистки, которая заставляла своих постояльцев молиться перед каждой трапезой – малосъедобной, впрочем. Она ничего не имела против того, что Коретти в этих трапезах не участвует: он объяснил ей, что его бесплатно кормят на работе. Лгал он теперь легко и искусно. Никогда не пил в пансионе и ни разу не пришел пьяным. Конечно, мистер Коретти не без странностей, но платит за квартиру исправно. И никакого от него беспокойства.

Коретти прекратил розыски. Перестал ходить в бары. Пил из бумажных пакетов по пути на работу и с работы – он теперь работал в типографии, а в промышленной зоне баров почти не было.

Работал по ночам.

Иногда на рассвете, пристроившись на краешке неразобранной постели, окунаясь в сон, – он теперь никогда не спал лежа, – он думал о ней. Об Антуанетте. И о них. О принадлежностях. Иногда он сонно размышлял… Наверное, они нечто вроде домашних мышей – мелкие животные, способные выжить только рядом с человеком.

Животные, которые существуют только благодаря потреблению алкоголя. Со специфическим метаболизмом, который превращает спирт и различные белки из коктейлей, вина и пива во все, что им может понадобиться. А внешность они меняют для самозащиты, как хамелеон или камбала. Так они могут выжить среди нас. А может быть, думал Коретти, в своем развитии они проходят несколько стадий. Сперва они выглядят совсем как люди, едят человеческую пищу, а свое отличие замечают, только когда их охватывает беспокойное ощущение чуждости.

Животные со своими уловками, со своим собственным набором инстинктов городских обитателей. И со способностью чувствовать себе подобных, когда те поблизости. Может быть.

А может быть, и нет.

Коретти погрузился в сон.

В среду (он уже три недели как работал на новом месте) хозяйка открыла дверь – она никогда не стучалась – и сообщила, что его просят к телефону. Голос ее был привычно подозрительным; Коретти пошел за ней по темному коридору в гостиную на втором этаже.

Поднеся старомодный черный прибор к уху, он сперва не услышал ничего, кроме музыки, а затем звуковая завеса распалась

на амальгаму разговоров. Смех. Голос так и не прорвался сквозь знакомые звуки бара, но фоном была мелодия «Это из-за тебя наши дети безобразны».

А потом трубку повесили – пошли гудки отбоя.

* * *

Позже, в комнате, прислушиваясь к доносившейся снизу твердой поступи хозяйки, Коретти понял, что больше ему незачем здесь оставаться. Вызов пришел. Но хозяйка требовала уведомить ее за три недели. Значит, Коретти ей должен. Инстинкт подсказал, что деньги следует оставить.

В соседней комнате кашлял во сне рабочий-христианин. Коретти поднялся и спустился в холл к телефону. Позвонил начальнику вечерней смены, что увольняется. Повесил трубку, вернулся в комнату, запер за собой дверь, затем медленно стянул с себя одежду, оставшись нагишом перед яркой литографией Иисуса в рамке над коричневым металлическим бюро.

Потом он отсчитал девять десяток. Аккуратно положил их возле тарелочки с изображенными на ней молитвенно сложенными руками.

Очаровательные денежки. Очень хорошие денежки. Он их сам сделал.

* * *

В этот раз он не захотел беседовать. Она пила «Маргариту», он заказал то же самое. Она заплатила, вытащив деньги неуловимым движением откуда-то из глубокого выреза платья. Он успел заметить, как там смыкаются жабры. В нем что-то возбудилось, но это не было связано с эрекцией.

После третьей «Маргариты» их бедра соприкоснулись, и по его телу поплыли медленные волны оргазма. Напряжение было сосредоточено в том месте, где они касались друг друга, – размером не больше ссадины у него на пальце. Он раздвоился: один, тот, что внутри, сливался с ней в абсолютном клеточном единстве, а оболочка, небрежно развалившаяся на табурете, положив локти на стол по обе стороны от бокала, крутила в пальцах трубочку для коктейля. Задумчиво улыбаясь в прохладном полумраке.

Лишь на мгновение – на одно-единственное мгновение – смутное беспокойство вынудило Коретти бросить взгляд вниз, где

пульсировали нежно-рубиновые трубочки и трудились щупальца с жадными губками. Будто сплетенные усики двух странных анемон.

Они спаривались, и никто об этом не подозревал.

А бармен, принеся очередную порцию выпивки, выдавил усталую улыбку и сказал:

– Все льет, а? И как ему не надоест?

– И всю неделю так, будь он неладен, – ответил Коретти. – Хлещет как из ведра.

Он выговорил это совершенно правильно. Будто настоящий человек.

Зона влияния [47]

Когда Хиро щелкнул переключателем, мне снился Париж зимой, его мокрые темные улицы. Боль, вибрируя, поднялась со дна черепа, взорвалась в глубине глаз полотнищем голубого неона. Распрямившись, как пружинный нож, я с воплем вылетел из гамака. Я всегда кричу. Считаю это обязательным. В мозгу бушевали волны обратной связи. Переключатель боли – это вспомогательный контакт в имплантированном костефонном передатчике, подключенный прямо к болевым центрам: именно то, что нужно, чтобы прорваться сквозь барбитуратный туман суррогата. Несколько секунд у меня ушло на то, чтобы мир снова стал на место. Сквозь дымку снотворного всплывали айсберги биографии: кто я, где я, что я тут делаю, кто меня будит.

Голос Хиро то и дело пропадал, в мою голову он проходил через все тот же костефон.

– Черт тебя побери, Тоби! Знаешь, как бьет по ушам, когда ты так орешь?

– А пошел ты со своими ушами, доктор Нагасима, знаешь куда?.. Мне до твоих ушей как до…

– Нет времени на любовную литанию, мой мальчик. У нас работа. Кстати, что там за пятидесятимилливольтовые всплески в твоей височной кости, а? Подмешиваешь что-то к транквилизаторам, чтобы расцветить сны?

– У тебя энцефалограф дурит, Хиро. И сам ты псих. Я просто хочу поспать…

Рухнув обратно в гамак, я попытался закутаться в темноту, но навязчивый голос уходить не желал:

– Прости, дружок, но ты сегодня работаешь. Час назад вернулся очередной корабль. Бригада шлюзовщиков уже на месте. Сейчас как раз отпиливают двигатель, чтобы корабль прошел в люк.

– Кто в нем?

– Лени Гофманшталь, Тоби. Физхимик, гражданка Федеративной Республики Германия. – Он подождал, пока я перестану стонать. – Есть подтверждение: это пушечное мясо.

Чудный рабочий сленг мы тут выработали. Он имел в виду вернувшийся корабль с включенной медицинской телеметрией, в котором имелось 1 (одно) тело, теплое, то есть живое; психологическое состояние космонавта пока не установлено. Я тихонько покачивался в темноте с зажмуренными глазами.

– Похоже, ты – ее суррогат, Тоби. Ее профиль ближе всего к профилю Тейлора, но он пока в отлучке.

Знаю я, что это за «отлучка». Тейлор сейчас в сельхозотсеке, под завязку накачан амитриптилином и занимается аэробикой, чтобы сбить приступ очередной клинической депрессии. Типичное для суррогатов профзаболевание. Мы с Тейлором не ладим. Забавно, как обычно недолюбливаешь тех, чей психосексуальный профиль слишком уж похож на твой собственный.

– Эй, Тоби, где ты кайф берешь? – Ритуальный вопрос. – У Чармиан?[48]

– У твоей мамочки, Хиро.

Он так же хорошо, как и я, знает, что у Чармиан.

– Спасибо, Тоби. Через пять минут чтоб был у лифта в Райский Уголок, а не то я пошлю за тобой русских санитаров, уж они-то тебя поставят на ноги.

Тихонько покачиваясь в гамаке, я решил сыграть в невеселую игру под названием «Местечко Тоби Хальперта во Вселенной». Не будучи эгоистом, помещаю в центр Солнце, светило, око дня. Теперь запускаем аккуратные планетки, нашу уютную Солнечную систему. А среди них зададим точку, расположенную приблизительно в одной восьмой пути от Земли до Марса. И вот они мы – внутри толстого приплюснутого цилиндра, похожего на уменьшенную в четыре раза модель «Циолковского-1», Рая Трудящихся на L5. «Циолковский-1» зафиксирован в точке либрации между Землей и Луной, нам же нужен световой парус, чтобы удержаться на месте. Масса у станции немалая: двадцать тонн, литой алюминиевый декаэдр, а длина – десять километров из конца в конец. Этот парус отбуксировал нас сюда с орбиты Земли, а теперь служит нам якорем. С ним мы лавируем галсами против потока фотонов, пока висим здесь рядом с Нечто – точкой, аномалией, которую мы зовем «Трассой».

Французы называют ее «le metro», то есть «подземка», а русские зовут «рекой», но «подземка» не передает расстояния, а понятие «река» для американцев лишено столь острого чувства одиночества. «Координаты Аномалии Товыевской» – название не хуже другого, если вы не против помянуть Ольгу всуе. Ольга Товыевская – Богоматерь Сингулярности, Святая Патронесса Трассы.

Хиро не доверяет мне, не верит, что я встану сам. Перед самым появлением русских санитаров он со своего пульта включает свет в моей келье и оставляет его на несколько секунд мигать и заикаться, прежде чем огни ровным светом зальют портреты Святой Ольги. Их прикрепила к переборке Чармиан. Десятки изображений повторяют лицо Ольги в крупном зерне газетных фотографий, в журнальном глянце. Богоматерь Трассы.

* * *

Подполковник Ольга Товыевская, самая молодая женщина в этом звании среди советских космонавтов, держала путь на Марс в одиночном модифицированном «Алеуте-6». Новые двигатели и расширенный трюм позволяли кораблю отвезти на орбиту Марса новый образец очистителя воздуха. Агрегат предстояло испытать в обслуживаемой четырьмя космонавтами русской орбитальной лаборатории. С тем же успехом «Алеутом» могли бы управлять и по радио с «Циолковского», но Ольге хотелось заработать побольше часов летной выслуги. Впрочем, руководство позаботилось о том, чтобы она не бездельничала: ей навязали серию рутинных экспериментов с радиовспышками для изучения космического водорода – заключительная часть каких-то второстепенных совместных исследований СССР и Австралии. Кому, как не Ольге, было знать, что ее в этих экспериментах вполне бы мог заменить кухонный таймер любой домохозяйки. Но она была сознательным офицером и нажимала кнопки точно через заданные интервалы.

С пышным узлом темно-русых волос под тончайшей ажурной сеткой, она, вероятно, представляла собой идеал «Труженицы космоса» из публикаций в «Правде», поскольку была, пожалуй, самой фотогеничной из космонавтов обоего пола. Еще раз сверясь с хронометром «Алеута», она занесла руку над кнопкой, которая запустит первую серию вспышек. Откуда было знать подполковнику Товыевской, что она приближается к той точке пространства, которая со временем станет известна как начало Трассы.

Когда она набрала шестизначную последовательность команд, «Алеут», пройдя эти последние километры, произвел радиовспышку – выброс энергии на частоте 1420 мегагерц, соответствующей спектру излучения атома водорода. Наблюдение вел радиотелескоп «Циолковского», который передавал сигнал на геосинхронные спутники связи, а те, в свою очередь, переправляли его вниз, на наземные станции в южной части Урала и в Новом Южном Уэльсе.

На три и восемь десятых секунды радиосилуэт «Алеута» забило эхо излучения.

Когда на экранах земных мониторов погасло остаточное свечение, выяснилось, что «Алеут» исчез.

На Урале средних лет грузин прокусил чубук любимой пеньковой трубки. В Новом Южном Уэльсе молодой физик принялся колотить по своему монитору, как разъяренный финалист по электрическому бильярду, не желая выпустить

шарик из игрового поля.

* * *

Лифт, поджидавший меня, чтобы отвезти в Райский Уголок, казался взятым из голливудского реквизита – узкий высокий саркофаг в стиле «Баухауз», с блестящей акриловой крышкой. Ряды идентичных пультов уменьшались за ним, как на иллюстрации к главе по удаляющейся перспективе в школьном учебнике. Вокруг озабоченно сновала обычная толпа техников в клоунских костюмах из желтой бумаги. Я поискал глазами синий комбинезон Хиро, но сегодня на нем была ковбойская рубашка с перламутровыми пуговицами, из-под которой выглядывала застиранная водолазка с надписью «UCLA».[49] Поглощенный каскадом сыпавшихся с экрана цифр, он меня не заметил. Как, впрочем, и все остальные.

Я стоял, глядя в потолок, он же – дно Рая. В потолке ничего райского не было. Наш цилиндр состоит, в сущности, из двух: один внутри другого. Внизу, во внешнем цилиндре, – это «внизу» мы устанавливаем сами при помощи осевого вращения – «мирские» стороны нашей деятельности: спальные отсеки, кафетерии, шлюзовая палуба, куда втягивают возвращающиеся суда, коммуникационный центр и Палаты, которые я старательно обхожу стороной.

Райский Уголок – внутренний цилиндр, сказочно зеленое сердце станции, воплощенная мечта зрелого Диснея о возвращении к истокам, жаждущее ухо голодной до информации мировой экономики. На Землю постоянно несется, пульсируя, поток неотсортированных данных: наводнение слухов, намеков, шепотков межгалактического дорожного движения. Раньше я подолгу неподвижно лежал в гамаке и всем телом ощущал давление этого потока, чувствовал, как данные змеятся за переборками по напоминающим вены кабелям, которые я воображал перетянутыми и вздувшимися. Склеротические артерии вот-вот охватит спазм, который раздавит меня. Потом ко мне перебралась Чармиан; когда я рассказал ей о своих страхах, она заговорила этот поток магическими заклинаниями и развесила повсюду иконы Святой Ольги. И давление спало.

– Подключаю тебя к переводчику, Тоби. Тебе сегодня утром может понадобиться немецкий. – Голос Хиро песком скрипит в моем черепе. – Хилари…

– На связи, доктор Нагасима, – отозвался голос диктора Би-би-си, прозрачный, как кристалл льда. – Ты говоришь по-

французски, Тоби, так ведь? Гофманшталь знает французский и английский.

– Держись от меня подальше, Хилари. Говори, когда тебя, черт побери, спрашивают, ясно?

Ее молчание легло еще одним слоем в затяжное путаное шипение статики. Поверх двух десятков пультов Хиро бросил на меня гневный взгляд. Я ухмыльнулся.

Начинается: возбуждение, приток адреналина в кровь. Я чувствовал это даже сквозь последние клочья барбитуратной завесы.

Комбинезон мне помогал надевать блондин с лицом серфингиста. Комбинезон был одновременно и старым, и новым – тщательно потрепанный, пропитанный синтетическим потом и обычным набором феромонов. Оба рукава от кисти до плеча вымощены нашивками, по большей части с эмблемами корпораций-спонсоров воображаемой экспедиции по Трассе. Плечи украшали стежки торговой марки основного спонсора – предполагалось, что именно эта фирма послала «ХАЛЬПЕРТА ТОБИ» на его свидание со звездами. Хорошо хоть имя, вышитое над самым сердцем ярко-алыми заглавными буквами, мне оставили настоящее.

У серфингиста была стандартная внешность красивого мальчика, которая ассоциируется у меня с сотрудниками ЦРУ младшего звена, но на его бедже значилось: «Невский», а ниже то же самое было написано кириллицей – значит, КГБ. Он не «циолник»: ему не хватает той раскованности движений, какая приобретается за двадцать лет в искусственной биосреде на L5. Парнишка, судя по всему, москвич чистейшей воды, вежливый бюрократ, который, вероятно, знает восемь способов убить человека свернутой газетой. Вот мы приступаем к ритуалу «кармашки и наркотики». Невский опускает микрошприц, заправленный каким-то новым галлюциногеном-эйфориком, в кармашек у меня на запястье, отступает на шаг и делает отметку в своем планшете. Распечатанный там силуэт суррогата в комбинезоне кажется мишенью на стрельбище. Из кейса, прикованного цепью к руке, Невский извлекает пузырек с пятью граммами опиума, находит кармашек и для него. Делает отметку. Четырнадцать кармашков. Кокаин – в последний.

Хиро подошел как раз тогда, когда русский заканчивал процедуру.

– Может быть, у нее есть какие-нибудь данные в железе, Тоби. Помни, она все-таки технарь.

Странно было воспринимать его голос на слух, а не как вибрацию кости от имплантированного приемника.

– Там до хрена железа, Хиро.

– Мне ли этого не знать?

Он тоже чувствовал эту особую дрожь нервного возбуждения. Но нам с ним что-то никак не встретиться взглядом. Прежде чем станет совсем неловко, он повернулся и, подняв большой палец, кивнул одному из желтых клоунов.

Двое желтых помогли мне забраться в «баухаузовский» гроб и, когда зашипела опускающаяся, как забрало великанского шлема, крышка, отступили назад. Я начал свое восхождение в Рай на встречу с вернувшейся домой незнакомкой по имени Лени Гофманшталь. Недолгое путешествие, но мне казалось, что оно тянется целую вечность.

* * *

Ольга, наш первый автостопщик, первая из тех, кто поднял руку на длине волны водорода, добралась домой два года спустя. Однажды серым зимним утром в Тюратаме, посреди казахстанской степи, ее возвращение зафиксировали восемнадцать сантиметров магнитной пленки.

Если бы религиозный человек – да еще со знанием технологии кино – наблюдал за точкой в пространстве, где два года назад исчез Ольгин «Алеут», ему бы показалось, что Господь просто наложил кадр с изображением корабля на пленку с кадрами пустого космоса. Корабль вспыхнул на экране радаров в нашем пространственно-временном континууме как грубый спецэффект дилетанта. Еще неделя, и его никогда не настигли бы. Земля ушла бы своим путем, оставив Ольгу и корабль дрейфовать в сторону Солнца. Через пятьдесят три часа после ее возвращения первый нервничающий доброволец по имени Курц, облаченный в бронированный рабочий скафандр, проник в люк «Алеута». Это был специалист по космической медицине из Восточной Германии. Его тайным пороком были американские сигареты. Ему отчаянно хотелось курить, пока он проходил воздушный шлюз, прокладывал себе дорогу мимо громоздкого куба очистителя воздуха и настраивал фонари шлема. «Алеут» даже два года спустя, казалось, был полон пригодного для дыхания воздуха. В двойном луче Курц увидел, как мимо проплывают крохотные шарики крови и блевотины, кружась в образовывавшихся за ним воздушных смерчиках. С трудом протиснувшись в тяжелом скафандре по центральному проходу, врач вошел в командный модуль. Там он ее и обнаружил.

Обнаженная, свернувшись невообразимым, почти животным

узлом, она парила над навигационным дисплеем. Глаза ее были открыты, но устремлены на нечто, чего Курцу никогда не увидеть.

Окровавленные руки были сжаты в каменные кулаки, а русые волосы, теперь распущенные, морскими водорослями плавали вокруг лица. Очень медленно и осторожно врач проплыл над белой клавиатурой командного пульта и закрепил свой скафандр у навигационного дисплея. Судя по всему, она принялась крушить коммуникационное оборудование голыми руками, решил он и активировал правую клешню скафандра. Та автоматически развернулась, как будто две пары зажимов решили уподобиться цветку. Курц протянул руку, все еще затянутую в герметичную серую хирургическую перчатку.

Потом как можно осторожнее разогнул пальцы ее левой руки. Ничего.

Но когда он разжал ее правый кулак, что-то вырвалось на свободу и, как в замедленной съемке, закувыркалось в нескольких сантиметрах от лицевого щитка его скафандра. Это что-то походило на морскую раковину.

Ольга вернулась домой, но жизнь так и не вернулась в ее голубые глаза. Естественно, врачи делали все возможное, чтобы привести ее в чувство, но чем больше они прилагали усилий, тем больше она истончалась. Одержимые жаждой знаний, они истирали ее все тоньше и тоньше, пока в своем мученичестве она не заполнила целые библиотеки застывшими рядами драгоценных реликтов. Ни одного святого не препарировали столь тщательно. В лабораториях одного только Плесецка она была представлена более чем двумя миллионами срезов тканей, складированных в подземном бомбоубежище биологического комплекса.

С раковиной им повезло больше. Оказалось, что отныне наука экзобиология базируется на обескураживающе солидной основе – на целых одном и семи десятых грамма высокоорганизованной биологической информации определенно внеземного происхождения. Морская раковина Ольги породила совершенно новый раздел науки, посвященный изучению исключительно… морской раковины Ольги.

Предварительный анализ показал две вещи. Во-первых, раковина – продукт неизвестной биосферы земного типа, а так как подобных биосфер в Солнечной системе не существует, она могла попасть сюда только с другой звезды. А значит, Ольга где-то побывала или вошла в контакт – каким бы отдаленным, опосредованным он ни был – с кем-то или с чем-то, что способно или было способно совершить подобное путешествие.

В специально оснащенном «Алеуте-9» к «Координатам

Товыевской» послали майора Гроса. За ним следовал еще один корабль. Майор как раз производил последнюю из двадцати вспышек на волне излучения водорода, когда его судно исчезло. Ученые зафиксировали его отбытие и стали ждать. Двести тридцать четыре дня спустя он вернулся. Тем временем оставшийся корабль не переставал зондировать этот участок космоса, отчаянно выискивая хоть какое-нибудь специфическое отклонение, раздражитель, вокруг которого удалось бы выстроить теорию. Ничего, только неуправляемый «Алеут» Гроса. Майор покончил жизнь самоубийством, прежде чем они успели достичь корабля. Вторая жертва Трассы.

Отбуксировав «Алеут» на «Циолковский», они обнаружили, что высокоточные регистраторы девственно-чисты. Все приборы – в превосходном состоянии, но ни один из них не сработал. Тело Гроса заморозили и первой же челночной ракетой отправили в Плесецк, где бульдозеры уже рыли котлован для нового подземного комплекса.

Три года спустя, утром того дня, когда русские потеряли своего семнадцатого космонавта, в Москве зазвонил телефон. Звонивший представился директором Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки. Он уполномочен, сообщил он, сделать некое предложение. На определенных, очень конкретных условиях Советский Союз может рассчитывать на помощь светил западной психиатрии. По сведениям его управления, продолжал голос, подобная помощь в настоящее время весьма желательна.

Его русский был великолепен.

* * *

Статические шумы костефона похожи на песчаную бурю в глубинах подсознания. Лифт скользит вверх по узкой шахте в полу Рая. Я считаю расположенные через двухметровые интервалы синие огни. После пятого – тьма и остановка.

Выход из лифта замаскирован внутри полого командного пульта, установленного в муляже стандартного корабля Трассы. В ожидании команды Хиро я ощущаю себя тайной, спрятанной за хитроумным поворачивающимся книжным шкафом из какой-нибудь страшилки, что рассказывают вечерами детям. Корабль – это подделка, муляж, вроде баварского замка, прилепленного к склону пластиковых гор в парке аттракционов: мелочь приятная, но не так чтобы обязательная. Если возвращающиеся как-то и реагируют на нас, то принимают как должное: наши «легенды» и

декорации особой роли не играют.

– Все чисто, – говорит Хиро. – Поблизости никаких клиентов.

Я рефлекторно помассировал шрам за левым ухом, где мне вскрывали череп, чтобы вживить костефон. Стенка муляжного пульта скользнула в сторону, впустив серый предрассветный свет Рая. Внутри поддельного модуля все было хорошо знакомым и одновременно чужим – как в собственной квартире после недельного отсутствия. С тех пор как я вот так же стоял здесь в прошлый раз, один из побегов бразильского плюща змеей прополз в левый иллюминатор, но, похоже, это было единственное изменение в декорациях.

На семинарах по биотектуре из-за этого плюща постоянно ведутся ожесточенные споры. Американские экологи кричат о возможной нехватке азота. А русские болезненно воспринимают все, что связано с биодизайном, с тех самых пор как им пришлось обращаться за помощью к американцам в экологической программе еще на «Циолковском-1». Там произошла неприятная история с грибком, пожиравшим у них гидропонную пшеницу; несмотря на всю свою сверхточную инженерию, русские никак не могут создать функциональную экосистему. Именно экология и психиатрия открыли нам доступ к Трассе – русских это раздражает, поэтому они настаивают на бразильском плюще, да на чем угодно, лишь бы получить возможность спорить. Но мне это растение нравится: листья у него в форме сердечка, а если растереть между пальцами, они пахнут корицей.

Я стою у иллюминатора, глядя, как проясняются очертания поляны по мере того, как Рай заполняет отраженный солнечный свет. Рай живет по Гринвичу. Огромные майларовые зеркала поворачиваются где-то в космосе, следуя расписанию стандартного гринвичского рассвета. В древесных кронах включилась запись птичьего пения. Птицам тяжко приходится без естественной гравитации. Настоящих птиц мы себе позволить не можем: они неизменно сходят с ума, пытаясь приспособиться к центробежной силе.

Тому, кто впервые попадает сюда, кажется, что Рай вполне соответствует своему названию: пышный, прохладный и яркий, высокая трава усеяна полевыми цветами. Особенно если этот кто-то не знает, что бóльшая часть деревьев искусственные, а также – сколько сил уходит на то, чтобы поддерживать мало-мальски приближенное к оптимальному равновесие между синезеленой и диатомовой водорослью в прудах. Чармиан говорит – она, мол, всякий раз ждет, что на поляну вот-вот, резвясь, выбежит Бэмби, а Хиро утверждает, что ему точно известно, со скольких инженеров «Диснея» взяли подписку о неразглашении в рамках Закона о

национальной безопасности.

– С корабля Гофманшталь получены обрывки каких-то фраз, – говорит Хиро.

С тем же успехом он мог бы разговаривать сам с собой. Гештальт «суррогат-куратор» вступает в силу, и вскоре мы перестанем осознавать присутствие друг друга. Уровень адреналина идет на спад.

– Ничего связного… что-то вроде *Schöne Maschine*… «Хорошая машина»… «умная машина»… Хилари кажется, что Гофманшталь говорит довольно спокойно, но в остальном – чистая клиника.

– Ничего мне не рассказывай, ладно? Никаких надежд. Давай без предвзятости.

Я открыл люк и вдохнул воздух Рая: он был прохладным и освежающим, как белое вино.

– Где Чармиан?

Он вздохнул – мягкий порыв статики.

– Чармиан следовало быть на Пятой поляне, присматривать за вернувшимся три дня назад чилийцем. Но ее там нет, она каким-то образом прослышала, что ты поднимаешься. Так что будет ждать тебя у пруда с карпами. Упрямая дрянь, – добавил он.

* * *

Чармиан бросала камешки в пруд с китайскими большеголовыми карпами. За одно ухо заткнута гроздь белых цветов, за другое – сигарета «Мальборо». Босые ноги у нее были грязными, штанины комбинезона она подтянула до колен. Черные волосы стянуты в конский хвост.

Впервые мы встретились на вечеринке в сварочной мастерской. Пьяные голоса гулко отдавались в сфере из легированной стали, в нулевой гравитации самодельная водка текла рекой. Кто-то, у кого был бурдюк с водой на опохмелку, выдавив пару пригоршней, умело слепил неряшливый шар поверхностного натяжения. Старая шутка: «Передайте воды». Но я в невесомости неловок. Когда шар полетел в мою сторону, я проткнул его рукой. Пришлось вытряхивать из волос тысячу мелких серебристых пузырьков, отмахиваться от них, кружась волчком, а женщина рядом со мной смеялась, медленно описывая сальто. Высокая худощавая девушка с темными волосами. На ней были мешковатые штаны на завязках, какие туристы привозят с «Циолковского», и выцветшая футболка «НАСА» на три размера больше, чем нужно. Минуту спустя она уже рассказывала мне о

лихих дельтапланеристских забавах в компании с десятью «циолниками» и о том, как они гордились слабенькой анашой, которую вырастили в одном из зерновых баков. О том, что Чармиан тоже суррогат, я не догадывался до тех пор, пока к костефону не подключился Хиро с сообщением, что вечеринка окончена. Через неделю Чармиан перебралась ко мне.

– Минутку, о'кей? – Хиро заскрипел зубами (ужасающий звук). – Одну. Уно.[50]

С этими словами он исчез, просто отключился, может быть, даже вырубил прием.

– Как дела на Пятой поляне? – Пристроившись возле Чармиан, я подыскал себе несколько камешков.

– Неважно. Мне нужно было от него избавиться ненадолго, и я накачала его снотворным. Мой переводчик сказал, что ты поднимаешься сюда.

У нее была та развидность техасского акцента, при которой «сад» звучит как «зад».

– Мне казалось, ты знаешь испанский. Твой ведь чилиец? – Я запустил камешком в пруд, он запрыгал по воде.

– Я говорю на мексиканском диалекте. Всезнайки из отдела культуры сказали, что ему бы не понравился мой акцент. И к лучшему. Я не поспеваю за ним, когда он слишком уж тараторит. – Один из ее камешков побежал за моим; когда он утонул, по воде пошли круги. – А тараторит он все время, – мрачно добавила она.

Большеголовый карп подплыл взглянуть, нельзя ли поживиться ее камнем.

– Он не выкарабкается. – Она не смотрела на меня, тон ее был совершенно нейтральным. – Малыш Хорхе определенно не выкарабкается.

Я выбрал из камешков самый вроде бы плоский и попытался запустить блинчики, но он утонул. Чем меньше я знаю о чилийце Хорхе, тем лучше. Я знал, что он вернулся живым – один из десяти процентов. Стандартная формулировка «DOA», «мертв по прибытии», применима к двадцати процентам случаев. Самоубийства. Семьдесят процентов «пушечного мяса» – автоматические кандидаты в Палаты: младенцы в пеленках, бормочущие что-то под нос, в полной отключке. Чармиан и я – суррогаты для остающихся десяти процентов.

Сомнительно, чтобы Рай появился, если бы первые автостопщики привозили назад лишь ракушки. Рай построили после того, как вернулся корабль с французским космонавтом на борту. Мертвец сжимал в руке двенадцатисантиметровое колечко из магнитно-кодированной стали – черная пародия на

счастливого малыша, выигравшего бесплатный круг на карусели. Мы, наверное, никогда не узнаем, где и как к нему попало это кольцо, но оно оказалось «розеттским камнем» для онкологии. С той минуты для человеческой расы настало время карго-культа. Ведь там, в космосе, мы можем насобирать такого, на что сами бы не наткнулись и за тысячу лет исследований. Чармиан говорит, мы похожи на тех бедолаг с далекого острова, которые все свои силы бросили на строительство посадочных полос, чтобы заставить вернуться больших серебряных птиц. А еще Чармиан говорит, что контакта с «высшей» цивилизацией не пожелаешь и заклятому врагу.

– Тоби, ты когда-нибудь задумывался, как им пришла в голову мысль о такой вот подставе? – Она прищурилась на зарю, занимавшуюся на востоке нашей зеленой, лишенной горизонта цилиндрической страны. – В тот день собрались, наверное, все шишки, элита психиатрии. Расселись вдоль длинного стола из пентагоновских закромов, шпон в точности под палисандр. Перед каждым мозгоправом – чистый блокнот и новенький карандаш, специально по такому поводу заточенный. Кого там только не было: фрейдисты, юнгианцы, адлерианцы, крысоловы-скиннеровцы… И каждый из этих ублюдков в глубине души знал, что пришло время разыграть свою лучшую карту, причем для всей профессии, а не для той или иной группы. Вот она – западная психиатрия во плоти. И ничегошеньки не произошло! Трасса по-прежнему выбрасывает трупы, вернувшиеся бредят или распевают детские песенки. Те, кто не совсем спятил, держатся максимум три дня, не говорят, черт побери, ничего, потом стреляются или впадают в кататонию. – Она сняла с пояса маленький фонарик, раскрыла пластмассовый корпус и извлекла оттуда параболический рефлектор. – Кремль заходится от крика. ЦРУ стоит на ушах. И хуже всего то, что транснациональным корпорациям, которые хотят за свои денежки музыку, надоедает ждать. «Мертвые космонавты? Никаких данных? Так не пойдет, ребята». Они начинают нервничать, все эти суперпсихоаналитики, пока какой-нибудь придурок, какой-нибудь ухмыляющийся полоумный, например, из Беркли, не заявляет вдруг… – Растягивая слова, она спародировала добродушный самоуверенный говорок: – «Эй, послушайте, почему бы нам просто не отправить этих людей в действительно приятное местечко, где много хорошего кайфа и есть кто-то, с кем они могли бы покалякать, а?»

Рассмеявшись, она покачала головой. Затем повертела в руках рефлектор, пытаясь поймать солнечный луч. Спичек нам с собой не дают, поскольку горение нарушает баланс кислорода и

углекислого газа. Когда она поднесла сигарету к добела раскаленной фокусной точке, потянулась струйка сизого дыма.

– О'кей, – послышался голос Хиро. – Твоя минута прошла.

Я глянул на часы. Скорее три, чем одна.

– Удачи тебе, дружок, – мягко сказала Чармиан, делая вид, что поглощена сигаретой. – Бог в помощь.

* * *

Обещание боли. Она всегда поджидает здесь. Ты знаешь, что случится, но не знаешь, когда или в точности как. Пытаешься удержать вернувшихся, вытянуть их из тьмы. Но если заслониться от боли, то не сможешь работать. Хиро все время цитирует какие-то вирши: «Научи нас вниманью и безразличью».[51]

Мы похожи на комнатных мух, настолько умных, что сумели забраться в международный аэропорт. Некоторым действительно удается случайно проникнуть на рейс до Лондона или Рио, может быть, даже выжить во время перелета и вернуться назад. «Эге, – говорят тогда остальные мухи, – ну что там, по ту сторону двери? Что такого знают они, что неизвестно нам?» На обочине Трассы любой человеческий язык теряет свою тайну, за исключением, быть может, языка шамана, или каббалиста, или мистика, вознамерившегося составить иерархию демонов, ангелов и святых.

Но Трасса живет по своим собственным правилам, и некоторые из них мы уже заучили. Это дает нам хоть какую-то зацепку.

* * *

Правило первое. В путь отправляются только в одиночку; никаких экипажей, никаких пар.

Правило второе. Никакого искусственного интеллекта; что бы ни двигалось по Трассе, оно не притормозит ради умной машины – во всяком случае таких, какие делаем мы.

Правило третье. Регистрирующее оборудование – ненужный балласт; приборы никогда ничего не регистрируют.

* * *

Десятки новых физических школ возникли в русле учения

Святой Ольги, не говоря уж о сотнях еще более причудливых и элегантных ересей, – и все они стремились протолкнуться внутрь колеи. И все пали – одна за другой. В полной шорохов и шепотов тишине Райских ночей нетрудно представить себе, что слышишь, как рушатся парадигмы, позвякивают, рассыпаясь в алмазную пыль, обломки теорий, когда дело всей жизни какого-нибудь крупного института низводится до незначительной запятой в истории науки, причем буквально за несколько секунд, пока искалеченный путник бормочет во тьме какие-то обрывки.

Мухи в аэропорту, путешествующие автостопом. Мухам советуют не задавать лишних вопросов. Мухам советуют не пытаться разглядеть Общую Картину. Упорные попытки в этом направлении без вариантов приводят к медленному, неумолимому огню паранойи: разум проецирует на стены ночи гигантские темные чертежи, схемы, которые, обретя плоть, превращаются в безумие – и в религию. Мудрые мухи цепляются за теорию «черного ящика». «Черный ящик» – разрешенная метафора, Трасса же остается величиной «икс» во всех разумных уравнениях. Считается, что нам не следует задумываться о том, что есть Трасса и кто ее сюда протянул. Вместо этого мы сосредотачиваем свое внимание на том, что мы помещаем в ящик и что вытаскиваем из него. Есть то, что мы посылаем по Трассе (женщина по имени Ольга, ее корабль и многие-многие другие, последовавшие за ней), и то, что возвращается (сошедшая с ума женщина, морская раковина, артефакты, фрагменты чужих технологий). Приверженцы теории «черного ящика» заверяют, что главнейшая наша задача – оптимизировать этот обмен. Мы здесь обязаны заботиться лишь о том, чтобы род человеческий на вложенные деньги получил свой дивиденд. Но все более очевидными становятся некоторые вещи. Например, мы не единственные мухи, отыскавшие дорогу в аэропорт. Слишком много артефактов собрано, и не меньше полудюжины из них происходят из резко отличающихся друг от друга культур – тоже «стопщиков», как называет их Чармиан. Мы как крысы в трюме сухогруза, обменивающиеся милыми безделушками с крысами из других портов. Мечтая о ярких огнях, о большом городе.

Будь проще, ограничься Входом-Выходом. Лени Гофманшталь: Выход.

* * *

Мы срежиссировали возвращение Лени Гофманшталь так, чтобы оно пришлось на Третью поляну, известную также как

Элизиум. Сидя на корточках в рощице искусно воспроизведенных молодых кленов, я изучал ее корабль. Изначально он выглядел как бескрылая стрекоза, стройное десятиметровое брюшко прятало в себе ядерный двигатель. Теперь, когда двигатель удалили, корабль напоминал белую матовую куколку с выпуклым глазом, напичканным традиционно бесполезными сенсорами и зондами. Корабль лежал на пологом склоне поляны, на искусственном бугре, специально сконструированном так, чтобы удобно разместить суда самых разных габаритов. Новые корабли – поменьше, они похожи скорее на обтекаемые гоночные болиды. Их минималистские коконы даже не пытаются изображать из себя разведывательные суда. Модули для пушечного мяса.

– Не нравится мне это, – раздался голос Хиро. – Корабль этот мне не нравится. Что-то в нем не так…

Он сказал это как бы про себя, будто размышляя вслух. Но точно так же и то же самое мог сказать себе и я сам, а это означало, что гештальт «суррогат-куратор» уже почти заработал. Войдя в роль, я перестаю быть посредником при голодном ухе Рая, неким специальным зондом, связанным по радио с еще более специальным психиатром. Когда возникает гештальт, мы с Хиро сливаемся в нечто, в существовании чего никогда не сможем друг другу признаться – во всяком случае, ни до, ни после самой работы. Наши взаимоотношения любого классического фрейдиста довели бы до ночных кошмаров. Но я знал, что Хиро прав: на сей раз было что-то ужасающе не так.

Поляна была почти круглой. А как же еще: на самом деле она представляла собой круглую вставку в полу Рая пятнадцати метров в диаметре, подъемник, замаскированный под альпийскую мини-лужайку. Отпилив двигатель, корабль Лени втянули во внешний цилиндр, затем поляну опустили на шлюзовую палубу и вместе с кораблем подняли в Рай. Корабль лежал как на тарелочке, поросшей травой и полевыми цветами. Каналы его сенсоров заглушили, иллюминаторы и люк опечатали: для новоприбывших Рай должен явиться сюрпризом.

Я осознал, что размышляю, успела ли уже Чармиан вернуться к Хорхе. Быть может, она готовит ему еду, одну из тех рыбин, которых мы называем «улов», когда их выпускают нам в руки из клеток на дне озер. Едва не чуя запах жарящейся рыбы, я закрыл глаза и представил себе, как Чармиан бредет по мелководью и прозрачные капли бусинами покрывают ее бедра. Длинноногая девушка у пруда с рыбами в Раю.

– Давай, Тоби! Внутрь!

В черепе еще гулким эхом отдавался приказ, а тренинг и гештальт-рефлекс уже погнали меня через поляну.

– Черт побери, черт побери, черт побери… – Традиционная мантра Хиро.

И тут я понял, что все пошло совсем наперекосяк. Голос переводчицы Хилари доносился визгливыми полутонами, ледяной бибисишный прононс дал трещину, она все тараторила что-то на высшей скорости об анатомических диаграммах. Чтобы отдраить люк, Хиро, должно быть, воспользовался дистанционным управлением, но не стал ждать, пока резьба раскрутится сама. Он просто взорвал все шесть пиропатронов, разом вынес шлюз. Меня едва не задело осколками, от которых я инстинктивно увернулся. Затем вскарабкался по гладкому боку корабля, ухватившись за ячеистые распорки у самого входного отверстия: вместе с механизмом шлюза снесло и стальной трап.

И вдруг замер, скорчившись и зажимая нос от вони пластита, потому что именно тогда меня накрыл Страх. Впервые накрыл по-настоящему.

Я сталкивался с ним и раньше, с этим Страхом, но тогда это был лишь край, маленький кусочек. Теперь же Страх был бездонным, он нес в себе пустоту вечной ночи, холодную и неумолимую. В нем – последние слова, даль космоса, каждое долгое «прощай» в истории нашей расы. Он заставил меня съежиться и заскулить. Я трясся, пресмыкался, рыдал. Нам читают лекции, предостерегают, пытаются списать это чувство на временную агорафобию, свойственную нашей работе. Но мы знаем, что это; суррогаты знают, а кураторам этого не дано. Ни одно объяснение не способно ухватить сути.

Это – Страх. Это – длинный палец Великой Ночи, тьмы, которая скармливает бормочущих безумцев мягкой белой утробе Палат. Ольга познала его первой, Святая Ольга. Она пыталась уберечь нас от него, крушила радиооборудование корабля, молясь, чтобы Земля потеряла ее, дала ей умереть.

Хиро неистовствовал, но потом, видимо, понял, что со мной происходит, и принял единственно верное решение.

Он ударил меня, перещелкнув тумблер боли. Жестоко. Раз, еще раз – как стрекалом для скота. Он заставил меня войти внутрь. Пинками прогнал сквозь Страх.

Там, за стеной Страха, была комната. Тишина, молчание и незнакомый запах. Запах женщины.

Захламленный модуль выглядел изношенным, почти домашним, усталый пластик антиперегрузочного кресла был заклеен отстающими полосками серебристой изоленты. Но в центре всего зияло отсутствие. Обитательницы здесь не было. Затем я увидел безумную мешанину росчерков шариковой ручкой: похожие на крабов символы, тысячи крохотных корявых

продолговатых фигур смыкались, накладывались одна на другую. Размазанные пальцами, жалкие, они покрывали почти всю переднюю переборку.

– Найди ее, Тоби, – молил Хиро, шептал сквозь вихрь статики, – сейчас же, пожалуйста, Тоби, найди ее, найди ее, найди…

Я нашел ее в хирургическом отсеке – узкой нише сбоку от центрального прохода. Над ней – *Schöne Maschine*, сверкающий хирургический манипулятор, вскинул длинные острые руки-клешни. Хромированные конечности ракопаука увенчаны гемостатами, пинцетом, лазерным скальпелем. Хилари билась в истерике, малоразборчивая на каком-то далеком канале, захлебывалась рыданиями: что-то об анатомии человеческой руки, сухожилиях, артериях, основах таксономии.

Крови совсем не было. Манипулятор – чистоплотная машина, способная делать свое дело в условиях невесомости, аккуратно отсасывая жидкость. Лени умерла за минуту до того, как Хиро вынес шлюз. Ее правая рука, разобранная на рабочей поверхности, словно подражала средневековой гравюре. И рука эта была очищена до кости; наколотые на белый пластик препараторскими иглами из нержавеющей стали мышцы и ткани разложены тщательно и симметрично. Она истекла кровью. Любой хирургический манипулятор тщательно запрограммирован против самоубийства, но он может использоваться как робот-препаратор, готовящий биологические материалы для хранения.

Она нашла способ его одурачить. Если на это есть время, с машинами такое, как правило, удается. А у нее было восемь лет.

Лени лежала на складной каркасной раме, будто скелет какого-то ископаемого в зубоврачебном кресле. Нити вышивки на спине ее комбинезона – орнамент с торговой маркой западногерманского концерна электроники – давно потускнели.

Я попытался объяснить ей. Я говорил:

– Пожалуйста, ты ведь уже мертвая. Прости нас, мы с Хиро… мы пришли, чтобы попытаться помочь. Понимаешь? Видишь ли, Хиро тебя знает. Он сейчас прямо у меня в голове. Он читал твое досье, твой сексуальный профиль, видел твои любимые цвета. Он наизусть знает твои детские страхи, знает, как звали твою первую любовь, имя учителя, который тебе так нравился. А у меня – подобранные ради тебя феромоны, и сам я – ходячий арсенал наркотиков, всего того, что обязательно тебе понравится. И мы умеем лгать, Хиро и я, мы ведь просто асы лжи. Пожалуйста. Ты должна понять. Мы с Хиро совершенно незнакомые тебе люди, но для тебя мы разыграем незнакомца, который само совершенство… правда, Лени.

Она была худенькой светловолосой женщиной. Прямые волосы припорошены ранней сединой. Мягко коснувшись этих волос, я вышел на поляну. На моих глазах заколыхалась высокая трава, закачались полевые цветы и началось нисхождение. Корабль все время оставался в центре пейзажного круга подъемника. Поляна скользнула прочь из Рая, и солнечный свет потерялся в сиянии огромных неоновых дуг, отбрасывающих резкие тени на просторную палубу воздушного шлюза. Забегали фигуры в красных комбинезонах. Красный паровозик описал полукруг на толстых резиновых колесах, уступая нам дорогу.

Невский, серфингист из КГБ, ожидал у подножия трапа, который подкатили к краю поляны. Я его даже не видел, пока не спустился.

– Мне теперь нужно забрать наркотики, мистер Хальперт.

Я стоял покачиваясь, смаргивая наворачивающиеся на глаза слезы. Он протянул руку, чтобы меня поддержать. Я подумал: а знает ли он, что он вообще делает здесь, на нижней палубе, – желтый костюм на красной территории? Вероятно, ему все равно; казалось, ему ни до чего, в сущности, нет дела. Свой планшет он держал наготове.

– Я должен их забрать, мистер Хальперт.

Стащив с себя комбинезон, я протянул ему мятый ком. Он сложил его в пластиковый пакет на молнии, убрал пакет в кейс, прикованный наручниками к его левому запястью, и ввел комбинацию шифра.

– Не принимай их все разом, малыш, – сказал я.

И потерял сознание.

* * *

Сегодня ночью Чармиан принесла в мою келью особую тьму, расфасованную по дозам в плотную фольгу. Эта тьма ничем не походила на тьму Великой Ночи, на ту хищную черноту, что караулит автостопщиков и утаскивает их в Палаты, на ту тьму, что взращивает Страх. Эта темнота напоминала тени, движущиеся на заднем сиденье родительской машины дождливой ночью, когда тебе пять лет… тебе тепло… ты в безопасности. Чармиан гораздо хитрее меня, когда надо обмануть бюрократов типа Невского.

Я не стал ее спрашивать, почему она вернулась из Рая или что сталось с Хорхе. И она ничего не спросила о Лени.

Хиро исчез, отключился от эфира. Я видел его сегодня днем на совещании; как всегда, нашим взглядам никак не удавалось

встретиться. Не страшно. Я знал, что он вернется. Да что переживать, работа как работа. Очередной трудный день в Раю, но там никогда не бывает просто. Тяжело, когда впервые испытываешь Страх, но я всегда знал, что он поджидает меня там. На совещании говорили о формулах Лени и о ее зарисовках шариковой ручкой. Насколько я понял, это были молекулярные цепи, способные смещаться по команде. Молекулы, функционирующие как переключатели, логические элементы, и даже как нечто вроде проводов – и все это слоями встроено в одну-единственную очень большую макромолекулу, крохотный компьютер. По-видимому, мы никогда не узнаем, с чем Лени столкнулась там, в космосе. И подробностей ее сделки нам тоже, вероятно, никогда не узнать. Возможно, мы очень пожалеем, узнай мы когда-нибудь об этом. Мы ведь не единственное отсталое племя, не одни мы подбираем объедки.

Черт бы побрал эту Лени, этого француза, черт бы побрал всех тех, кто возвращается с добычей, кто привозит лекарство от рака, морские ракушки, предметы без названия, – всех тех, кто заставляет нас сидеть здесь и ждать, кто наполняет Палаты, кто приносит нам Страх. Но – цепляйся за эту темноту, тепло и близость, за чуть слышное дыхание Чармиан, мерный ритм моря. На этом можно и отлететь… Ты услышишь волны там, далеко внизу, за непрестанным шорохом статики костефона, как в морской раковине. Это то, что мы несем в себе, как бы далеко нас ни забрасывало от дома.

Рядом со мной шевельнулась во сне Чармиан, пробормотала незнакомое имя – возможно, имя какого-то сломленного путника, давно сгинувшего в Палатах. Чармиан у нас рекордсменка. Однажды она целых две недели не давала умереть одному парню, пока тот не выдавил себе глаза большими пальцами. Чармиан кричала все время, пока ее опускали вниз, сломала ногти о пластиковую крышку подъемника. Потом ее накачали транквилизаторами.

Однако в нас обоих живет особый голод, неугомонная одержимость, которая позволяет нам снова и снова возвращаться в Рай. И получили мы ее одним и тем же образом: неделями болтались в космосе на своих маленьких суденышках в надежде, что и нас примет Трасса. А когда мы испустили последнюю радиовспышку, нас отбуксировали назад. Некоторых просто не берут, и никто не знает почему. И второго шанса никогда не будет. Они говорят, что это слишком дорого, но на самом деле, глядя на твои перетянутые бинтами запястья, думают о том, что ты теперь слишком ценен, слишком полезен для них как потенциальный суррогат. Не важно, что ты пытался покончить

жизнь самоубийством, говорят они, это случается сплошь и рядом; вполне понятно – когда чувствуешь себя отвергнутым. Но я хотел умереть, очень хотел. И Чармиан тоже. Она попыталась отравиться таблетками. Но нас подготовили, одержимость подправили, вживили костефоны, спарили с кураторами.

Ольга, должно быть, знала, должно быть, все это как-то предвидела. Она пыталась не дать нам вступить на тот путь, которым прошла сама. Она понимала, что если люди найдут эту дорогу, у них не останется выбора, им придется идти. Даже теперь, зная то, что знаю, я все равно хочу на Трассу. Я никогда туда не попаду. Но можно качаться во тьме, что громоздится над нами, мысленно держа за руку Чармиан. Между нашими ладонями – разорванная обертка наркотика. И улыбается Святая Ольга – ее присутствие почти осязаемо, – улыбается нам со всех своих отпечатков, сделанных с одной и той же официальной фотографии, вырванных и приклеенных на стены ночи. Ее белая улыбка. Навсегда.

Красная звезда, зимняя орбита [52]
Брюс Стерлинг, Уильям Гибсон

Полковник Королев ворочался в ремнях безопасности: ему снились зима и сила тяжести. Молодым курсантом он снова гнал коня по ноябрьской казахской степи в краснеющую даль марсианского заката.

«Глупость какая-то», – подумал он.

И проснулся в Музее Советского Космического Триумфа под стоны, издаваемые Романенко и женой кагэбэшника. Они снова занимались любимым делом за ширмой в дальнем конце «Салюта». Предохраняющая упряжь ритмически поскрипывала, корпус в мягкой обшивке вздрагивал. Копыта били по снегу.

Освободившись от ремней, Королев одним отточенным ударом толкнул себя в туалетную стойку. Скинув изношенный комбинезон, он пристроил писсуар к паху, протер запотевшее стальное зеркало. Артритная рука снова разболелась за время сна; от потери кальция запястье стало по-птичьи тонкокостным. Двадцать лет в невесомости: он встретил старость на орбите.

Полковник воспользовался бритвой-прилипалой. Паутинка вен покрывала его левую щеку и висок – очередное напоминание о разгерметизации, оставившей его инвалидом.

Выйдя, он обнаружил, что любовники закончили. Романенко поправлял одежду. Из-под обрезанных рукавов коричневого комбинезона жены политрука, Валентины, были видны ее белые руки, покрытые потом от недавних упражнений. Пепельно-белые волосы женщины колыхались под искусственным бризом вентилятора. Ярко-васильковые, близко посаженные глаза будто извинялись, но в то же время заигрывали.

– Взгляните, что мы вам принесли, полковник. – Она протянула миниатюрную бутылочку коньяка, из тех, что продают в самолетах.

Королев ошарашенно хлопал глазами на лого «Эр Франс», выдавленное на пластиковой пробке.

– Муж говорит, что ее доставили на «Союзе» внутри огурца, – хихикнула Валентина. – Он мне ее отдал.

– А мы решили отдать ее вам, полковник, – добавил, широко улыбаясь, Романенко. – Нас-то в любой момент могут отпустить в увольнительную.

Королев сделал вид, что не заметил беглого взгляда на свои тощие ноги и бледные, безвольные ступни. Он открыл бутылку, от богатого букета запахов щеки покраснели. Полковник осторожно

отпил несколько миллилитров бренди. Горло обожгло, как будто кислотой.

– Господи, – воскликнул он, – сколько же лет прошло! Я ведь напьюсь.

Он рассмеялся, в глазах блестели слезы.

– Отец рассказывал, что в старые времена вы и пили как герой, полковник.

– Так оно и было. – Королев еще глотнул.

Коньяк лился, словно жидкое золото. Полковник недолюбливал отца парня – добродушного партфункционера, давно отошедшего к лекционной деятельности, даче на берегу Черного моря, американским напиткам, французским костюмам, итальянской обуви… Мальчишка походил на папашу – такие же чистые серые, не замутненные сомнением глаза.

– Вы очень добры, – поблагодарил Королев; алкоголь успел проникнуть в разжиженную кровь. – А вот я вам сейчас выдам *самизданных*: свеженький перехват американского кабельного. Крутая штука! Но не для стариков вроде меня.

Он вставил кассету и нажал на запись.

– Я передам канонирам, – улыбнулся Романенко. – Пусть прокрутят на экранах наводки.

Пост, где располагались излучатели, все называли канонирской. Солдаты там были особенно охочи до подобного рода штучек. Королев сделал еще одну копию Валентине.

– Очень жесткое? – спросила она встревоженно и в то же время заинтересованно. – А можно мы еще раз зайдем? В среду, в двадцать четыре ноль-ноль?

Королев улыбнулся. До того как ее отобрали в отряд космонавтов, Валентина работала на фабрике. Ее красота стала орудием пропаганды, а она сама – идеалом для пролетариата. Коньяк разлился по венам Королева, он жалел девушку и не мог отказать ей в маленькой радости.

– Полуночное свидание в музее, Валентина? Как романтично!

– Спасибо, мой полковник. – Она чмокнула его в щеку, проделав сальто в невесомости.

– Вы лучший, полковник. – Романенко, насколько мог легко, хлопнул Королева по хрупкому плечу. После несчетных часов занятий на тренажерах мускулы парня были что у кузнеца.

Королев проводил взглядом любовников, двинувшихся к центральному стыковочному отсеку, откуда можно было попасть в два коридора и три престарелых «Салюта». Романенко повернул «на север» – в канонирскую, а Валентина отправилась в противоположный коридор, к следующему стыковочному отсеку, и оттуда – к «Салюту» своего мужа.

Всего в Космограде имелось пять стыковочных отсеков, по три «Салюта» на каждый. Военное оборудование и пусковые установки спутников находились в противоположных концах комплекса. Станция потрескивала, поскрипывала, повизгивала в точности как остановка метрополитена, а запах сырого металла наполнял ее, словно трюмы давно не мытого теплохода.

Королев снова приложился к бутылочке. Она была уже полупуста. Он спрятал ее в одном из музейных экспонатов – насавском «Хассельбладе», снятом с места прилунения «Аполлона». Он не брал в рот спиртного со времен последней увольнительной, еще до разгерметизации. Голову закружило в горьковато-сладкой волне ностальгии.

Он снова подплыл к пульту, зашел в область памяти, где злостно стертые речи Алексея Косыгина полковник заменил на коллекцию *самизданных* – оцифрованную поп-музыку, любимые песни восьмидесятых. Там были английские группы, записанные с западногерманского радио, тяжелый металл из стран Варшавского договора, американские пластинки с черного рынка. Он надел наушники и включил ченстоховское регги «Бригады Кризис».[53]

После все этих лет он уже не слышал музыки, в голове лишь всплывали яркие непрошеные воспоминания. В восьмидесятые он представлял собой патлатого номенклатурного сыночка, высокое положение отца позволяло ему не бояться московской милиции. Ему вспоминался вой усилителей в жаркой темноте подвального клуба, толпа в облаках дыма: шахматная доска из темных квадратов (джинсов) и светлых (обесцвеченных волос). Он курил «Мальборо», приправленные афганской травой. Он помнил губы дочери американского посла на заднем сиденье черного «линкольна» ее отца. Имена и лица нахлынули на него в теплом коньячном мареве. Нина из Восточной Германии показывала ему ксероксы переводов польских диссидентских листовок…

А однажды ночью она не пришла в кофейню. Слухи о тунеядстве, антисоветской деятельности, фармакологических ужасах *психушки*…

Королева пробрала дрожь. Он вытер лицо и обнаружил, что оно все мокрое от пота. Он снял наушники.

С тех пор прошло уже пятьдесят лет, а он вдруг сильно испугался. Он не мог припомнить такого испуга – даже тогда, когда разгерметизация превратила его в инвалида. Его трясло. Свет. Свет на «Салюте» слишком ярок, но у него не было сил подойти к выключателю. Простое вроде бы дело, которое он совершал несчетное число раз… Переключатели и провода в толстой изоляции таили смутную угрозу. Он осмотрелся, не

понимая, что происходит. Заводная моделька лунохода колесами-липучками прижалась к стенке, притаилась там, словно что-то живое. Советские пионеры космоса с официальных портретов разглядывали его с плохо скрываемой брезгливостью.

Коньяк. Годы невесомости сыграли злую шутку с метаболизмом Королева. Да и сам он изменился. Нужно только сохранить спокойствие, перебороть себя. Все же будут смеяться, если его вырвет.

У входа в музей раздался осторожный стук, через открытый люк внутрь медленно и грациозно влетел инженер Никита по прозвищу Сантехник, главный в Космограде мастер на все руки. Молодой человек был явно чем-то разозлен. Королев испугался.

– Вы рано, инженер, – выдавил он, пытаясь сохранить фасад нормальности.

– Микроутечка в «Дельте-три». – Никита вздохнул. – Вы понимаете по-японски?

Он вытащил кассету из оттопыренного кармана, которых на его комбинезоне имелось множество, и помахал ею перед Королевым. На нем были тщательно застиранные джинсы «Левис» и разваливающиеся кроссовки «Адидас».

– Это записано прошлой ночью.

Королев весь сжался, словно кассета таила угрозу.

– Нет, по-японски не понимаю. – Он сам удивлялся мягкости своего голоса. – Только по-английски и по-польски.

Он чувствовал, что краснеет. Сантехник был его другом, которого он прекрасно знал и которому доверял, но…

– С вами все нормально, полковник? – Никита умелыми пальцами вставил кассету и запустил «Лексикон». – Вы как будто только что таракана съели. Вот, послушайте.

Королев тревожно вглядывался в рекламу бейсбольных перчаток. Кириллические субтитры, сгенерированные «Лексиконом», бойко бежали по монитору под торопливую японскую речь.

– Сейчас новости пойдут, – пояснил Сантехник, обгрызая кутикулу.

Королев с беспокойством всматривался в перевод, скользивший поверх лица японского диктора.

> АМЕРИКАНСКАЯ КОМИССИЯ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ ЗАЯВЛЯЕТ… ПОДГОТОВКА НА КОСМОДРОМЕ БАЙКОНУР… ДОКАЗЫВАЕТ, ЧТО РУССКИЕ НАКОНЕЦ ГОТОВЫ… СПИСАТЬ ВОЕННУЮ СТАНЦИЮ КОМИЧЕСКИЙ ГОРОД…

– Космический, – поправил Никита. – Глюк «Лексикона».

ПОСТРОЕННУЮ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ КАК ФОРПОСТ В КОСМОСЕ… ГРАНДИОЗНОЕ НАЧИНАНИЕ, ПОДОРВАННОЕ НЕУДАЧЕЙ С ДОБЫЧЕЙ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ НА ЛУНЕ… ДОРОГОСТОЯЩАЯ СТАНЦИЯ УСТУПИЛА ПО ЭФФЕКТИВНОСТИ НАШИМ АВТОМАТИЧЕСКИМ ОРБИТАЛЬНЫМ ФАБРИКАМ… КРИСТАЛЛЫ, ПОЛУПРОВОДНИКИ, ЧИСТЫЕ ЛЕКАРСТВА…

– Самодовольные ублюдки! – выругался Сантехник. – Гадом буду, этот чертов кагэбэшник Ефремов и сюда руку приложил.

ОШЕЛОМЛЯЮЩИЙ ТОРГОВЫЙ ДЕФИЦИТ СОВЕТСКОГО СОЮЗА… НЕДОВОЛЬСТВО НАСЕЛЕНИЯ КОСМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММОЙ… НЕДАВНИЕ РЕШЕНИЯ ПОЛИТБЮРО И СЕКРЕТАРИАТА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА…

– Они нас закрывают! – Лицо Никиты перекосило от ярости.

Королев отвернулся от экрана, он весь трясся. Внезапные слезы хлынули из глаз, капли поплыли в невесомости.

– Оставьте меня! Я ничего не могу поделать!

– Что с вами, полковник? – Никита схватил его за плечи. – Посмотрите на меня. Кто-то накачал вас «ужасом»!

– Уходите, – взмолился Королев.

– Этот сучонок-топтун? Он вам дал таблетки? Сделал укол?

– Я выпил. – Королев содрогнулся…

– Он вам «ужас» подсунул. Вам, старому больному человеку! Я сейчас ему морду разобью!

Сантехник подтянул колени, сделал обратное сальто, оттолкнулся от скобы на потолке и вылетел в коридор.

– Подождите, Никита!

Но тот белкой прошмыгнул через стыковочный отсек и исчез в коридоре. Королев вдруг понял, что не может оставаться один. Вдалеке искаженным металлическим эхом разносились разъяренные крики.

Не переставая дрожать, он закрыл глаза и стал ждать помощи от кого-нибудь.

* * *

Королев попросил военного психиатра Бычкова помочь ему натянуть свой старый форменный комбинезон, тот самый, над нагрудным карманом которого была приколота Звезда

Циолковского. Черные простеганные нейлоновые ботинки на подошвах-липучках больше не налезали на изуродованные ступни, пришлось остаться босым.

Укол, сделанный Бычковым, в течение часа более или менее привел его в себя, но то и дело наваливалась депрессия и неконтролируемая ярость. Теперь полковник ожидал, пока Ефремов не явится по его вызову в музей.

Гнев сменился на старческую отстраненность. В Музее Советского Космического Триумфа – так они называли его жилище – Королев ощущал себя еще одним экспонатом. Он уныло взглянул на обрамленные золотом лица великих мечтателей космической эры: Циолковский, Рынин,[54] Туполев. Ниже, в более скромных рамах, висели портреты Верна, Годдарда[55] и О'Нейла.[56]

В минуты отчаяния Королеву казалось, что в их глазах можно разглядеть огонек сумасшедшинки, особенно у двух американцев. «А может, они и вправду свихнулись?» – предполагал он, когда накатывало циническое настроение. Или все же виною тут было проявление странной, выводящей из равновесия силы – движителя человеческой эволюции?

И один только раз полковник почувствовал себя носителем подобного взгляда: тогда он впервые ступил на марсианскую почву невдалеке от ущелья Копрат. Изнутри шлема, в отблеске солнечного света, на него внимательно смотрели глаза «чужого» – в их взгляде не было страха, но читалась одержимость. Та внезапная встреча с самим собой оказалась для Королева главным, определяющим событием жизни.

Над портретами висела мертвенно-масляная картина, изображавшая посадку на планету. Цветовая гамма более всего напоминала о борще и томатном соусе. Марсианский пейзаж был сведен к соцреалистическому китчу. Рядом со спускаемым аппаратом художник поместил фигуру космонавта в скафандре, изображенную со всей присущей официозу тщательной вульгарностью.

Королев с отвращением ждал прибытия Ефремова, бортового политрука.

Когда Ефремов наконец добрался до «Салюта», полковник с удовлетворением отметил у кагэбэшника ссадины на шее и разбитую губу. На политруке был японский спортивный костюм фирмы «Кансаи» и модная итальянская палубная обувь. Он вежливо кашлянул.

– Доброе утро, товарищ полковник.

Королев молча рассматривал собеседника, выдерживал паузу.

– Ефремов, – проворчал он наконец, – я вами недоволен.

Политрук покраснел, но выдержал тяжелый взгляд:

– Давайте в открытую, полковник, как мужик с мужиком. Предназначался он, конечно, не вам.

– Вы говорите об «ужасе», Ефремов?

– Да, о бета-карболине.[57] Если бы вы не потворствовали асоциальным поступкам, не принимали бы взяток, подобного бы не случилось.

– Так, по-вашему, я сводник, Ефремов? Сводник и пьяница? В таком случае вы рогоносец, контрабандист и стукач. Это я вам как мужик мужику говорю.

На лице политрука появилась привычная маска оскорбленной праведности.

– Расскажите мне, Ефремов, для чего вы тут? Чем вы занимались с тех пор, как оказались в Космограде? Нам известно, что комплекс закрывают. Что ожидает гражданских членов экипажа, когда они вернутся на Байконур? Дело о коррупции?

– Допросы, несомненно, проведут. В некоторых случаях не исключаю принудительной госпитализации. Уж не полагаете ли вы, полковник, что это на Советском Союзе лежит ответственность за провал миссии Космограда?

Королев промолчал.

– Космоград был мечтой, полковник. Мечтой, не воплотившейся в реальность. Как и освоение космоса в целом. Нам здесь не место. Целый мир еще нужно обустроить. СССР – величайшая держава в мировой истории. Нельзя терять чувство перспективы.

– Вы считаете, от нас можно вот так легко отмахнуться? Мы же элита. Высококомпетентная техническая элита.

– Скорее, меньшинство, полковник. Исчезающий вид. Что вы производите, за исключением кучи ядовитого американского дерьма? Экипаж должен был бы работать, а не сливать на черном рынке подпольный джаз и порнографию. – Лицо Ефремова приняло спокойное, уверенное выражение. – Экипаж возвратится на Байконур. Орудиями можно управлять и с Земли. Вы, безусловно, останетесь здесь. Вас будут навещать гости – космонавты из Африки, Южной Америки. Для них космос сохранил часть былого престижа.

– Что вы сделали с мальчишкой? – процедил Королев.

– С вашим Сантехником? – Политрук вздохнул. – Он поднял руку на офицера Комитета государственной безопасности. И останется под стражей до тех пор, пока мы не сможем отправить его на Байконур.

Королев попытался зло рассмеяться:

– Отпустите его. Подумали бы лучше о том, как свою задницу

прикрыть, вместо того чтобы выдвигать обвинения. Я лично поговорю с маршалом Губаревым. Может быть, моя должность здесь и является лишь почетной синекурой, но долю влияния я сохранил.

Кагэбэшник пожал плечами:

– Канонирам передан приказ Байконура держать модуль связи под замком. Их судьба зависит от выполнения этого приказа.

– Вы объявляете военное положение?

– Здесь не Кабул, полковник. Времена сложные. А вы, как человек, обладающий моральным авторитетом, должны показать пример.

– Посмотрим, – сказал Королев.

* * *

Космоград вышел из тени Земли на солнечный свет. Стены королевского «Салюта» цокали и клацали, словно пустые стеклянные бутылки в авоське. «Иллюминаторы, – подумал Королев, неосознанно поглаживая вены на виске, – всегда первыми дают течь».

Похоже, этот парень, Гришкин, был того же мнения. Он достал тюбик с замазкой из кармана на лодыжке и начал проверять герметичность прокладки вокруг иллюминатора. Гришкин работал помощником Сантехника, был самым близким его другом.

– А теперь нам нужно проголосовать, – устало подытожил Королев.

Одиннадцать из двадцати четырех гражданских членов экипажа станции согласились прийти на собрание. Двенадцать, если считать его самого. Оставалось еще тринадцать тех, кто либо боялся, либо активно выступал против участия в забастовке. Если считать Ефремова и шестерых канониров, то количество отсутствующих поднималось до двадцати.

– Мы обсудили наши требования. Всех, кто согласен со списком в том виде, в каком он есть…

Он поднял здоровую руку. Присоединились еще трое. Занятый работой с иллюминатором Гришкин поднял ногу.

– Нас и так не слишком много, – вздохнул Королев. – Необходимо достичь согласия. Давайте выслушаем возражения.

– Тут написано: «военная тюрьма», – заметил биолог Коровкин, – как если бы мы считали военных, а не преступника Ефремова, ответственными за сложившуюся ситуацию. – Ему

было явно не по себе. – Мы вас, конечно, поддерживаем, но подписывать не станем. Мы же члены партии. – Казалось, он хочет что-то добавить, но замолчал.

– Моя мама, – тихо произнесла его жена, – была еврейкой.

Королев кивнул, но ничего не сказал.

– Все это преступный идиотизм, – объявил ботаник Глушко; ни он, ни его жена не голосовали. – Сумасшедший дом. Нам всем прекрасно известно, что с Космоградом покончено. Чем скорее мы окажемся дома, тем лучше. Чем была сама эта станция лучше тюрьмы?

Метаболизм Глушко плохо адаптировался к невесомости: в отсутствие силы тяжести кровь приливала к шее и голове, делая его похожим на одну из его экспериментальных тыкв.

– Ты, Василий, ботаник, – сухо заметила его жена. – Тогда как я, если ты помнишь, пилот «Союза». Не твоя карьера на кону.

– Я в этом сумасшествии не участвую! – Глушко с такой силой пнул переборку, что вылетел из помещения.

Жена последовала за ним, она раздраженно ворчала, понизив голос, – так на станции протекали семейные сцены.

– Подписывают пятеро, – подсчитал Королев, – из гражданского экипажа в двадцать четыре человека.

– Шестеро, – поправила Татьяна, еще один пилот «Союза». Ее длинные темные волосы были зачесаны назад и убраны под узорный нейлоновый обруч. – Вы забыли Никиту.

– Смотрите, солнечные шары! – воскликнул Гришкин.

Космоград в этот момент пролетал над побережьем Калифорнии – чистыми пляжами, изумрудно-зелеными полями, пришедшими в упадок огромными городами, названия которых звучали как волшебные заклинания. Высоко над уровнем слоисто-кучевых облаков парило пять солнечных шаров, зеркальных геодезических сфер, удерживаемых силовыми кабелями, – они являли собою дешевую замену Великой Американской Мечте об орбитальных солнечных электростанциях. Эти штуковины действительно работали, полагал Королев, поскольку за последнее десятилетие их число умножилось.

– Говорят, там внутри люди живут? – Системный инженер Стойко присоединился к Гришкину у иллюминатора.

Королев припомнил вал абсурдных американских энергетических проектов, последовавших за подписанием Венского договора. Советский Союз прочно удерживал в своих руках мировые запасы нефти, и американцы готовы были взяться за любое начинание. А потом авария на Канзасской АЭС навсегда отвратила их от ядерной энергетики. Вот уже более трех десятилетий они медленно скатывались к политике

изоляционизма, промышленное производство деградировало. «В космос, – горькая мысль не давала ему покоя, – им нужно было стремиться в космос». Он так и не смог для себя объяснить странного паралича воли, сковавшего так ярко начинавшуюся программу. Может, они просто разучились мечтать, потеряли перспективу?

«Понимаете, американцы, – говорил он про себя, – вам нужно было присоединиться к нам здесь, в нашем светлом будущем Космограда».

– Кому охота жить в таком месте? – грустно посмеиваясь, спросил Стойко и хлопнул Гришкина по плечу.

* * *

– Вы шутите, – негодовал Ефремов. – Мы и без этого в глубокой заднице.

– Мы не шутим, товарищ Ефремов, перед вами наши требования.

Пятеро диссидентов столпились в «Салюте», который кагэбэшник делил с Валентиной, выдавив того к кормовой переборке, украшенной сильно заретушированной фотографией премьера, приветствовавшего народ с трактора. Королев знал, что Валентина в этот момент находится в музее, скрипит упряжью с Романенко. Полковник удивлялся, как это Романенко удается так часто отлучаться с вахты в канонирской.

Ефремов пожал плечами и взглянул на список требований:

– Сантехник должен остаться под арестом. У меня на это прямые указания. Что же до оставшейся части документа…

– Вы виновны в недозволенном использовании психоактивных препаратов! – выкрикнул Королев.

– Это мое личное дело, – парировал Ефремов.

– Преступление, – возразила Татьяна.

– Пилот Татьяна, мы оба знаем, что Гришкин является наиболее активным распространителем пиратских *самизданных* здесь, на станции! Мы все тут преступники, вам не кажется? В этом и прелесть системы, не так ли? – Тут он цинично усмехнулся. – Космоград – не крейсер «Потемкин», а вы – не революционеры. Вы требуете связаться с маршалом Губаревым? Так он под следствием на Байконуре. Вы требуете связаться с министром науки? Так министр и заведует чисткой.

Решительным жестом он разорвал распечатку, желтоватые обрывки бумаги разлетелись в невесомости медленными бабочками.

* * *

На девятый день забастовки Королев встретился с Гришкиным и Стойко в «Салюте», который до того Гришкин делил с Никитой.

Вот уже сорок лет обитатели Космограда вели антисептическую войну с плесенью и грибком. Пыль, жир и водяные испарения в невесомости не оседали, споры проникали повсюду: в обшивку, в одежду, в вентиляцию. Словно в чашке Петри, в теплой и влажной атмосфере станции они распространялись со скоростью нефтяных пятен в океане. Воняло сухой гнилью и – опасно – горелой изоляцией.

Королев проснулся от глухого удара – очередной посадочный модуль отчаливал от станции. Глушко с женой, догадался он. В течение последних сорока восьми часов Ефремов занимался эвакуацией тех членов экипажа, которые отказались участвовать в забастовке. Канониры оставались на своем посту и в примыкающих к канонирской казарменных отсеках, там же держали Никиту Сантехника.

Гришкинский «Салют» стал штабом забастовщиков. Поддерживающие стачку мужчины не брились, Стойко подхватил стафилококковую инфекцию, руки его покрылись гнойничковой сыпью. Окруженные бледными распечатками полуголых девиц с американского телевидения, в тусклом свете (силовые установки работали вполсилы) забастовщики смахивали на трио порнографов-доходяг.

– С отбытием несогласных, – отметил Стойко, – наши позиции усиливаются.

Гришкин, из носа которого торчали ватные тампоны, только простонал в ответ. Он был уверен, что Ефремов попытается сломить забастовщиков, впрыснув в воздух станции бета-карболин. Тампоны лишь демонстрировали общий уровень напряженности, доходящей до паранойи. Еще до того, как с Байконура пришел приказ об эвакуации, один из техников взялся часами крутить увертюру Чайковского «1812 год» на полной громкости. Глушко гонялся за голой, избитой и орущей женой по всей станции. Стойко открыл доступ к файлам кагэбэшника и записям психиатра Бычкова: многометровые змеи желтых распечаток спиралями кружили по коридорам, шелестели под вентиляторами.

– Только подумайте, что с нами сделают органы на Земле, – пробормотал Гришкин. – Даже суда не будет. Прямиком в психушку.

Зловещее прозвище психиатрических тюрем вселяло в

парнишку ужас. Королев жевал вязкий хлорелловый пудинг.

Стойко выхватил проплывающую мимо распечатку:

– «Паранойя, развивающаяся в преувеличенное представление собственной значимости. Враждебные социальному устройству ревизионистские фантазии». – Он скомкал бумагу. – Если бы захватить модуль связи, мы могли бы связаться с американским спутником и слить им все это дерьмо. Может, тогда Москва бы поняла, как она нам осточертела.

Королев смахнул со своего пудинга плодовую мушку. Две пары крыльев и разделенное лишней перетяжкой брюшко явно указывали на высокий уровень радиации. Насекомые разлетелись во время какого-то давнего эксперимента, поколения их населяли станцию уже в течение десятилетий.

– Американцам мы неинтересны, – сказал Королев. – А Москве теперь наплевать на подобные разоблачения.

– За исключением тех моментов, когда ожидается очередная поставка зерна, – возразил Гришкин.

– Америке нужно продать так же сильно, как нам – купить. – Королев с отсутствующим видом зачерпнул еще ложку водорослей, механически прожевал, проглотил. – Американцам до нас не добраться, даже если бы они этого хотели. Канаверал лежит в руинах.

– А у нас топливо заканчивается, – заметил Стойко.

– Можно взять с оставшихся спускаемых аппаратов, – предложил Королев.

– И как, черт побери, мы тогда приземлимся? – Гришкин потряс кулаками. – Даже в Сибири есть деревья! Деревья, а над ними – небо! Хрен бы с этим всем! Пусть катится в тартарары! Пусть упадет и сгорит!

Недоеденный пудинг растекся по обшивке.

– О господи! – сконфузился Гришкин. – Извините, полковник. Я же знаю, что вы не можете вернуться.

* * *

В музее он обнаружил пилота Татьяну перед этой проклятой картиной высадки на Марс. Щеки ее были мокры от слез.

– Знаете, полковник, ваш бюст установлен на Байконуре. Бронзовый. Я всегда проходила мимо него по пути на лекции. – Ее глаза покраснели от недосыпа.

– Бюсты всегда были и будут. – Он улыбнулся и взял ее за руку. – Так уж устроены академии.

– Как оно было там в этот день? – Татьяна все еще смотрела

на картину.

– Я почти не помню. Так часто смотрел записи, что помню скорее их. Теперь мои воспоминания о Марсе не отличаются от воспоминаний любого школьника. – Он снова улыбнулся. – Но было не так, как на этой дрянной картине. В этом, вопреки всему, я уверен.

– Почему же это случилось, полковник? Почему все заканчивается? Когда я была маленькой, я смотрела телевизор… Казалось, наше великое космическое будущее – это навсегда…

– Может, американцы были правы? Японцы послали в космос машины, роботы построили их орбитальные лаборатории. Добыча полезных ископаемых на Луне оказалась неэффективной, но мы считали, что в космосе останется хотя бы постоянная исследовательская станция. Все дело в наполненности кошельков. В кабинетах, где принимают решения.

– Вот оно, окончательное решение проблемы Космограда. – Она передала Королеву клочок бумаги. – Я обнаружила это в распечатке московских приказов Ефремову. Они пойдут на неконтролируемое снижение орбиты в течение ближайших трех месяцев.

Полковник поймал себя на том, что тоже всматривается в картину, к которой питал отвращение.

– Это уже не имеет значения, – услышал он свой голос.

А потом она разрыдалась, уткнувшись Королеву в покалеченное плечо.

– Но у меня есть план, Татьяна, – говорил он, поглаживая ее волосы. – Послушайте…

* * *

Королев взглянул на свой старенький «ролекс». Они пролетали над Восточной Сибирью. Он помнил, как швейцарский посол подарил ему эти часы в огромном сводчатом зале Большого Кремлевского дворца.

Пора было приступать.

Полковник выплыл из «Салюта» в стыковочный отсек, отмахиваясь от распечатки, которая норовила опутать ему голову.

Здоровая рука все еще могла работать быстро и точно. Улыбаясь, он вытащил кислородный баллон из крепежных ремней. Ухватившись за поручень, он изо всех сил, на которые был способен, швырнул баллон в противоположную стену. С громким лязгом баллон отскочил, не причинив вреда. Королев подхватил его и снова швырнул.

А потом включил кнопку декомпрессионной тревоги.

Сирены выплюнули облачко пыли и завыли. Взвизгнула гидравлика, и – по тревоге – закрылись переборки между отсеками. Уши Королева заложило. Он чихнул и снова подобрал баллон.

Свет вспыхнул и погас. Полковник улыбался в темноте, обняв стальной баллон. Стойко сумел устроить критический системный сбой. Это оказалось нетрудно. Система и так балансировала на грани коллапса из-за переполненных пиратским видео банков памяти.

– Вот вам бой без перчаток! – процедил Королев, снова ударяя баллоном об стену; зажегся неяркий свет – заработали резервные генераторы.

Плечо заболело, но он продолжал молотить баллоном, припоминая грохот настоящей разгерметизации. Нужно сильнее, чтобы у Ефремова и канониров не оставалось сомнений.

Со скрипом начало поворачиваться колесо ручного затвора одного из люков. Наконец с глухим стуком люк открылся – и внутрь заглянула Татьяна. Она застенчиво улыбалась.

– Сантехника освободили? – спросил полковник, отпуская баллон.

– Стойко и Уманский договариваются с охранниками. – Она стукнула кулаком об открытую ладонь. – Гришкин готовит посадочные модули.

Королев последовал за нею в следующий стыковочный отсек. Стойко уже помогал Сантехнику выбраться из люка, который вел в казармы. Никита был бос, лицо его поросло неопрятной щетиной. За ним следовал метеоролог Уманский, таща за собою безвольное тело солдата.

– Как вы, Никита? – спросил Королев.

– Трясет. Они держали меня на «ужасе». Дозы небольшие, но мне хватило поверить, что разгерметизация настоящая.

Из ближайшего к Королеву «Союза» выплыл Гришкин. За ним на нейлоновом тросе тянулся шлейф из приборов и инструментов.

– Все спускаемые аппараты в норме. Сбой вывел их в автоматический режим. Я подкрутил отверткой систему дистанционного управления, так что с Земли вмешаться не смогут. Как ты, Никита? – спросил он Сантехника. – Готов к экстренной посадке в Центральном Китае?

Тот вздрогнул, поморщился и затряс головой:

– Я не говорю по-китайски.

– Вот тебе транскрипция. – Стойко протянул распечатку. – Это означает: «Я ХОЧУ СДАТЬСЯ. ПРОВОДИТЕ МЕНЯ В

БЛИЖАЙШЕЕ ЯПОНСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО».

Никита улыбнулся и взъерошил жесткие от пота волосы.

– А вы сами что будете делать? – спросил он.

– Думаешь, только для тебя стараемся? – Татьяна скорчила рожу. – Позаботься, чтобы вся распечатка попала к китайцам. У каждого из нас есть копия. Пусть весь мир узнает, что Советский Союз собирается сделать с Юрием Васильевичем Королевым, первым человеком на Марсе.

Она послала Сантехнику воздушный поцелуй.

– А что нам делать с Филипченко? – спросил Уманский.

Около щеки находящегося без сознания солдата парили несколько капелек спекшейся крови.

– Почему бы вам не взять подонка с собою? – предложил Королев.

– Поехали, говнюк. – Никита схватил Филипченко за пояс и закинул в «Союз». – Я сделаю тебе самое большое одолжение в твоей жалкой жизни.

Королев наблюдал, как Стойко и Гришкин задраивают за ними люк.

– Где Романенко и Валентина? – спросил он, поглядывая на часы.

– Здесь, мой командир. – Валентина выглянула из другого «Союза», светлые волосы окутали ее лицо. – Мы тут… проверяли оборудование, – хихикнула она.

– У вас будет достаточно времени в Токио, чтобы заняться этим, – резко сказал полковник. – Через несколько минут поднимут перехватчики в Ханое и во Владивостоке.

Из люка вытянулась голая мускулистая рука Романенко и увлекла ее обратно. Стойко и Гришкин задраили люк.

– Космическая идиллия. – Татьяна сделала вид, что плюется.

Космоград содрогнулся от глухого удара, это отчалил Никита со все еще бесчувственным Филипченко. Ухнуло еще раз – отошел «Союз» с любовниками.

– Пойдем, дружище Уманский, – позвал Стойко. – Всего хорошего, полковник! – Двое скрылись в коридоре.

– Я с тобой. – Гришкин улыбнулся Татьяне. – Ты – пилот, в конце концов.

– Нет, – возразила она, – поодиночке. Это увеличит наши шансы. С управлением справится автоматика, просто ничего не трогай.

Она помогла молодому человеку забраться в последний «Союз», присоединенный к этому стыковочному отсеку.

– Пойдем на танцы, Таня, – пригласил Гришкин, – когда доберемся до Токио.

Она задраила люк. Снова глухой удар – Стойко с Уманским отчалили от соседнего стыковочного отсека.

– Ступайте, Татьяна, – поторопил Королев. – Быстрее. Не хотелось бы, чтобы вас подстрелили над нейтральными водами.

– И вы останетесь один на один с врагами, полковник?

– Когда вы улетите, им незачем будет тут задерживаться, – объяснил он. – А для того чтобы Кремль поимел совесть оставить меня в живых, нужна огласка.

– Что мне говорить в Токио, полковник? Вы хотите что-нибудь передать?

– Скажите им… – В голову лезли тысячи штампов – хотелось истерически рассмеяться, так все они соответствовали ситуации: «Один шажок человека…», «Мы пришли с миром…», «Пролетарии всех стран…» – Скажите просто, что мне нужен космос, – тут он сжал свое птичье запястье, – до самого мозга костей.

Она обняла Королева и выплыла из помещения.

* * *

Ему осталось только ждать в одиночестве стыковочного отсека. Тишина действовала на нервы: системный сбой вырубил и систему вентиляции, под гул которой он прожил двадцать лет. Наконец он услышал, как отошел Татьянин «Союз».

Кто-то приближался по коридору. Это оказался Ефремов, неловко передвигавшийся в скафандре. Королев улыбнулся.

Через поликарбонатный шлем можно было разглядеть, что политрук снова надел официальную маску безликости, хотя и избегал встречаться глазами с Королевым. Направлялся он в канонирскую.

– Нет! – крикнул Королев.

Взвыла сирена боевой тревоги.

Люк в канонирскую был открыт. Полковник приблизился и увидел, как солдаты внутри рефлекторно исполняют движения, вбитые в них до автоматизма за годы муштры. Как они, облаченные в громоздкие скафандры, пристегиваются широкими ремнями к своим креслам возле управляющих консолей.

– Не делайте этого! – Королев вцепился в грубую, гармошкой, ткань скафандра Ефремова.

С жалобным стаккато завелся один из ускорителей частиц. На экране зеленое перекрестие накрыло красную точку.

Ефремов снял шлем и спокойно, не меняясь в лице, отвесил полковнику шлемом увесистую затрещину.

– Прикажите им остановиться! – Королев почти плакал.

Стены содрогнулись, орудие с резким хлестким звуком выпустило луч.

– Ваша жена, Ефремов! Она же там!

– Выйдите вон, полковник! – Ефремов сжал больную руку противника и кулаком в перчатке двинул Королева в грудь, тот вскрикнул. – Вон!

Королев бессильно барабанил по скафандру кагэбэшника, пока его выпихивали в коридор.

– Даже я, полковник, обязан исполнять армейские приказы. – Лицо Ефремова осунулось, привычная маска исчезла. – Подождите тут, пока все не закончится.

В этот момент Татьянин «Союз» протаранил казарменные отсеки и батарею излучателей. В прямом солнечном свете за долю секунды, словно на фотопленку, мозг зафиксировал отпечатки катастрофы: вот сжимается и растрескивается, как жестянка под каблуком, канонирская; вот отлетает от пульта управления обезглавленное тело солдата; вот Ефремов пытается что-то сказать, его волосы поднялись стоймя, в то время как воздух вырывается из-под снятого шлема. Две тонкие струйки крови брызнули из носа Королева, гул уходящего воздуха сменился гулом внутри головы.

Последним, что запомнил полковник, был лязг захлопывающегося люка.

* * *

Он очнулся в темноте, с раскалывающейся головой, и сразу вспомнил институтские лекции. Опасность сейчас была не меньшей, чем при самой разгерметизации: бурлил, вызывая невыносимо острую, раздирающую боль, растворенный в крови азот…

Королев оценивал ситуацию отстраненно, с чисто академической точки зрения. Он повернул рукоятку запора люка лишь из неуместного чувства *noblesse oblige*.[58] Работа казалась исключительно тяжелой, хотелось уйти в музей и заснуть.

* * *

Микротрещины он еще мог замазать, но с системным сбоем оставалось только мириться. Вдобавок был огородик Глушко. Овощи и хлорелла не дадут ему умереть от голода и удушья. Модуль связи погиб вместе с канонирской и казармами, его

оторвало от станции при самоубийственном таране. Королев предполагал, что удар изменил орбиту Космограда, но никак не мог вычислить, когда же комплекс войдет в атмосферу Земли. Самочувствие оставляло желать лучшего, и полковник почему-то опасался, что умрет еще до этой прощальной вспышки.

Он проводил бесконечные часы в музее, крутя архивные видеозаписи. Подобающее занятие для Последнего Человека в Космосе, в прошлом – Первого Человека на Марсе.

Образ Гагарина превратился для него в идефикс, он снова и снова пересматривал крупнозернистые, шестидесятых годов, телевыпуски новостей, которые неизбежно заканчивались известием о смерти космонавта. В несвежем воздухе Космограда, казалось, парили духи мучеников. Гагарина, первого экипажа «Салюта», американцев, зажарившихся живьем в угловатом «Аполлоне»…

Ему часто снилась Татьяна, взгляд ее был похож на тот, которым смотрели портреты со стены. А однажды он проснулся – или ему приснилось, что он проснулся, – в Татьянином «Салюте», в своем старом форменном комбинезоне, с фонариком, работающим от батареек, на лбу. Со стороны, словно просматривая кинохронику, он увидел, как отрывает от груди Звезду Циолковского и прикалывает на ее пилотское удостоверение.

Когда раздался стук, он решил, что и это ему тоже приснилось.

Круговой запор люка отворился.

В голубоватом мерцающем свете старой хроники он увидел чернокожую женщину в очках-консервах. Ее спутанные волосы торчали скрутившимися в штопор кобрами. За ее спиной в невесомости развевался шелковый летчицкий шарф.

– Энди, тебе стоит подойти и взглянуть на это, – произнесла она по-английски.

Маленький, лысый, мускулистый мужчина, одетый лишь в набедренную повязку и ремень с инструментами, подплыл к ней и заглянул внутрь:

– Он жив?

– Естественно, я жив, – отозвался Королев по-английски с небольшим акцентом.

Тот, кого назвали Энди, вплыл внутрь, поближе:

– С тобой все нормально, парень? – На его правом бицепсе была татуировка в виде геодезического воздушного шара над перекрещенными молниями и надписью: «СОЛНЕЧНАЯ ИСКОРКА 15, ЮТА». – Мы не думали, что встретим здесь кого-нибудь.

– Я, в общем, тоже. – Королев моргал.

– Мы сюда жить приехали, – сообщила женщина, подплыв поближе.

– Мы с шаров. Сквоттеры, так сказать. Пошел слух, что здесь больше никто не живет. Ты в курсе, что орбита снижается? – Мужчина перевернулся в воздухе через голову, инструменты на ремне звякнули. – Эта невесомость – такая прикольная!

– Господи, – добавила женщина, – я все к ней никак не приспособлюсь. Она прекрасна. Как будто свободное падение без парашюта, только ветра нет.

Королев уставился на мужчину: у того был такой раздолбайски-беспечный вид, словно он не просыхал от свободы с рождения.

– Но у вас же даже нет космодрома!

– Космодрома? – рассмеялся Энди. – Так мы на тросах затащили ракетные ускорители на шары, скинули вниз, ну и запустили прямо в падении.

– Безумие какое-то, – только и сказал Королев.

– Но мы же здесь, так ведь?

Королев кивнул. Если происходящее ему снилось, то сон был очень диковинным.

– Полковник Юрий Васильевич Королев, – представился он.

– Марс! – женщина хлопнула в ладоши. – Вот погодите, дети услышат!

Она сняла с переборки модельку лунохода и начала ее заводить.

– Послушайте, – сказал мужчина. – У меня работа. Там, за бортом, несколько ускорителей. Надо бы поднять эту штуковину, пока она не сгорела.

Что-то ударило в обшивку, Космоград зазвенел, как колокол.

– Это из Талсы. – Энди посмотрел на часы. – Как раз вовремя.

– Но почему? – Королев недоуменно покачал головой. – Почему вы прилетели?

– Мы же рассказывали. Чтобы жить здесь. Можно чуток тут расшириться, пристроить что-нибудь. Все говорили, что в шарах мы жить не сможем, так, наоборот, только мы их и поддерживали в рабочем состоянии. У нас был единственный шанс выбраться сюда своими силами. Кому охота жить тут за-ради какого-нибудь правительства, армейского дуболома или своры писак? Нужно собственное *желание* жить на фронтире, в крови оно должно быть.

Королев улыбнулся, Энди оскалил зубы в ответ:

– Мы подобрали все эти силовые кабели и просто взлетели повыше. А уже когда наверху, парень, остается либо сдохнуть, либо сделать Большой Прыжок. – Он повысил голос. – И назад

оборачиваться нельзя, нет, сэр! Мы совершили Прыжок, теперь здесь будем обустраиваться!

Женщина приладила луноход колесиками на липучках к обшивке корпуса и отпустила. Тот, весело жужжа, пополз у них над головами.

– Прикольный! Детям понравится.

Королев заглянул Энди в глаза. Космоград снова вздрогнул, моделька слегка сменила курс.

– Восточный Лос-Анджелес, – сообщила женщина. – В нем дети.

Она сняла очки, глаза ее светились знакомым Королеву безумием.

– Что ж… – Энди побренчал инструментами на поясе. – Может, проведете для нас экскурсию?

Отель «Новая роза» [59]

Семь ночей в этом гробу, Сендии, семь взятых взаймы у времени ночей. Отель «Новая роза». Как я хочу тебя сейчас. Иногда я колочу тебя. Мысленно воспроизвожу это, так медленно, так жестоко и сладко, что едва ли не ощущаю тактильно. Иногда я вынимаю из сумки твой автоматический пистолетик, провожу большим пальцем по гладкому дешевому хрому. Китайский, 22-го калибра, дуло не шире расширившихся зрачков твоих исчезнувших глаз.

Фокс теперь мертв, Сендии.

Он сказал, чтобы я забыл о тебе.

* * *

Помню, Фокс стоит, привалившись к обитой плюшем стойке в полутемном баре какой-то сингапурской гостиницы, кажется, на Бенкулен-стрит. Его руки рисуют в воздухе различные сферы влияния, расставляют на невидимой доске внутренних соперников. Взмах левой обозначает кривую графика чьей-то карьеры, а указательный палец правой утыкается в меня – будто в прореху, которую он обнаружил в ограждении какого-нибудь мозгового треста. Фокс – снайпер в войне мозгов, посредник на перекрестках большого бизнеса. Он разведчик в тайных вылазках дзайбацу – транснациональных корпораций, контролирующих мировую экономику.

Я вижу, как Фокс ухмыляется, тараторит. Он встряхивает головой, отметая мои экскурсы в промышленный шпионаж. Передовой Рубеж, говорит он, всегда ищи Рубеж. Он произносит это слово с нажимом, так и слышится заглавная буква в начале. Рубеж для Фокса – чаша Грааля, необходимая составляющая выдающегося человеческого таланта, не подлежащая передаче, запертая в мозгу самых крутых ученых мира.

Рубеж не записать на бумагу, говорил Фокс, не набить на дискету.

Деньги делаются на отступниках, предающих свои корпорации.

Фокс был вкрадчив и ловок, как лис. Солидность его темных французских костюмов уравновешивалась мальчишеским вихром, не желавшим оставаться на своем месте. Меня всегда расстраивало то, как пропадала видимость изящества, когда он отходил от стойки бара, – левое плечо вывернуто под таким

углом, что не скрыть никакому парижскому портному. В Берне кто-то переехал Фокса такси, и ни один хирург так и не додумался, как выправить ему позвоночник.

Наверно, я пошел за ним, так как он сказал, что охотится за Рубежом.

И где-то там, на пути к Рубежу, я и нашел тебя, Сендии.

Отель с громким названием «Новая роза» – это всего лишь нагромождение гробов на обшарпанной окраине международного аэропорта Нарита. Пластиковые капсулы в метр высотой и три длиной штабелированы, как лишние зубы Годзиллы, на бетонной площадке у дороги в аэропорт. В потолок каждой капсулы вмонтирован телевизор. Дни напролет я смотрю японские викторины и старые фильмы. Временами держу в руке твой пистолет.

Иногда мне слышно, как над Наритой кружат самолеты, дожидаясь своей очереди заходить на посадку. Закрыв глаза, я представляю, как четкий белый инверсионный след расплывается, теряет форму.

Впервые я увидел тебя в дверном проеме обшарпанного бара в Йокогаме. Евразийка, полугайдзин. Длинные ноги и сногсшибательный струящийся наряд, китайская копия с оригинала какого-то известного японского кутюрье. Темные европейские глаза, азиатские скулы. Я помню, как потом, в номере, ты вытряхнула сумочку на постель, выискивая что-то среди косметики. Мятый сверток новых иен, ветхая записная книжка, перетянутая резинкой, банковский чип «Мицубиси», японский паспорт с тисненой золотой хризантемой на обложке и китайский 22-й калибр.

Ты рассказала мне недлинную историю своей жизни. Твой отец был топ-менеджером в Токио, но теперь он опозорен, уволен и выброшен на улицу «Хосакой», самой могущественной среди дзайбацу. Той ночью твоя мать была голландкой, и ты разворачивала передо мной, пока я слушал, бесконечные летние дни амстердамских каникул, где голуби покрывают площадь Дамм мягким коричневым ковром.

Я никогда не спрашивал, что сделал твой отец, чтобы заслужить такой позор. Наблюдал за тобой, когда ты одевалась, смотрел, как ты встряхиваешь темными прямыми волосами, как они прорезают воздух.

Теперь «Хосака» охотится за мной.

Капсулы «Новой розы» подвешены на бывших строительных лесах – стальные трубы под яркой эмалью. Когда я карабкаюсь по лестнице, снежинки облупившейся краски, кружась, летят вниз, осыпаются с каждым моим шагом по шаткому настилу. Левая

рука отсчитывает люки гробов. Надписи на нескольких языках грозят штрафами за потерю ключа.

Я поднимаю глаза – взглянуть, как из Нариты взлетают самолеты; это дорога домой, но дом теперь недоступен, как Луна.

Фокс моментально сообразил, как тебя использовать, но у него не хватило прозорливости понять, что и у тебя могут быть амбиции. Но ведь он не лежал с тобой рядом на пляже Камакуры, вслушиваясь в твои ночные кошмары, никогда не слышал полностью придуманного детства, неуловимого и изменчивого под равнодушными звездами. Детский рот открывается, чтобы поведать новую версию недавнего прошлого. И всякий раз ты клялась, что этот вариант – истинная и окончательная правда.

Мне было все равно, я сжимал твои бедра, а под локтем остывал колючий песок.

Однажды ты оставила меня, убежала на пляж, сказав, что потеряла ключ. Я обнаружил его в двери, спустился к морю – и нашел тебя по колено в прибое. Гибкая спина напряжена, глаза устремлены куда-то вдаль. Ты не могла говорить. Тебя била дрожь. Трясло во имя иных будущих и лучших прошлых.

Сендии, ты оставила меня там.

Как оставила мне все свои вещи.

Этот пистолет. Твоя косметика: тени и румяна, запечатанные в пластик. Подаренный Фоксом мини-компьютер «Крэй», а в нем – список покупок, который ты, очевидно, вводила сама. Иногда я прокручиваю этот список, глядя, как изящно скользит по серебристому экранчику каждая запись.

Морозильная камера. Ферментер. Инкубатор. Система электрофореза с интегрированной камерой для агар-агара и транслюминатором. Прибор для вживления тканей. Мощный жидкостной хроматограф. Проточный цитометр. Спектрофотометр. Четыре дюжины боросиликатных сцинтилляционных флаконов. Микроцентрифуга. И синтезатор ДНК со встроенным компьютером. Плюс необходимый софт.

Недешево, Сендии, но тогда по нашим счетам платила «Хосака». Месяц спустя ты заставила их заплатить гораздо дороже, впрочем, к тому времени тебя было уже не найти.

Этот список тебе явно составлял Хироси. Наверное, в постели. Хироси Йомиури. Он был собственностью «Маас-Биолабс Лтд». «Хосака» хотела прибрать его к рукам.

Он был крут. На Рубеже, и передовее некуда. Фокс следил за генными инженерами с одержимостью фаната, не отрывающего глаз от игроков любимой команды. Фоксу так хотелось заполучить Хироси, что он едва ли не во рту ощущал вкус этого желания.

До твоего появления он трижды посылал меня во Франкфурт – просто взглянуть на генетика. Не для того, чтобы закинуть удочку или даже просто кивнуть или подмигнуть ему. Только посмотреть.

Судя по всему, Хироси прочно осел на немецкой земле. Наш японец отыскал себе немочку с пристрастием к консервативным ценностям и к сапожкам для верховой езды, начищенным до блеска свежего каштана. Купил отреставрированный дом на престижной площади. Стал брать уроки фехтования и забросил кендо.

И повсюду «маасовская» охрана, слаженная команда профессионалов – светлый тягучий сироп наружного наблюдения. Вернувшись, я сказал Фоксу, что дело гиблое, что нам до Хироси никогда не добраться.

Ты сделала это за нас, Сендии. Единственно возможным способом.

Наши контакты в «Хосаке» играли роль специализированных клеток, защищающих материнский организм. Мы же были мутагенами, Фокс и я, сомнительными агентами, вольно дрейфующими в мутных водах моря, что плещется между корпорациями.

После того как ты прибыла в Вену, мы предложили им Хироси. Люди дзайбацу и глазом не моргнули. Мертвая тишина в номере лос-анджелесского отеля. Они сказали, им нужно подумать.

Фокс произнес вслух имя главного конкурента «Хосаки» в генной инженерии. Как гулко оно отдалось в мертвой тишине. Фокс нарушил неписаное правило, запрещающее называть настоящие имена.

Нужно подумать, сказали они.

Фокс дал им три дня.

Перед Веной я повез тебя на неделю в Барселону. Я помню твои волосы, забранные под серый берет, отражение высоких монгольских скул в витринах антикварных лавок. Ты шагала по Рамблас к финикийской гавани, мимо стеклянных крыш рынка Меркадо… апельсины из Африки…

Старый «Риц»: в нашей комнате тепло, темно, мягкая тяжесть Европы укрывает нас ватным одеялом. Я мог войти в тебя, когда ты спала. Ты всегда была готова. Видеть, как твои губы складываются в мягкое округлое «о» удивления. Твое лицо готово утонуть в пухлой белой подушке… архаичные простыни «Рица». Внутри тебя я воображал, что вижу буйство неона, толпы людей, снующих вокруг вокзала в Синдзюку, бредовую электрическую ночь. Ты и двигалась как бы в ритме нового века, сонная и чуждая

душе любого народа.

В Вене я поселил тебя в любимом отеле жены Хироси. Тихая дрема солидного вестибюля, пол выложен плиткой наподобие шахматной доски. В начищенных медных лифтах пахло лимонным маслом и маленькими сигарами. Так легко было представить себе эту немочку здесь – начищенные сапожки отражаются в полированном мраморе, – но мы знали, что на этот раз она не приедет.

Она отправилась на курорт куда-то в долину Рейна, а Хироси – в Вену на конференцию. Когда отель наводнила служба безопасности «Мааса», тебя нигде не было видно.

Хироси прибыл час спустя – один.

Представь себе, сказал как-то Фокс, инопланетянина, который прибыл, чтобы определить доминирующую форму разума на планете. Инопланетянин осматривается, потом делает выбор. Как ты думаешь, кого он выберет?

Я, вероятно, пожал плечами.

Дзайбацу, ответил на свой вопрос Фокс, транснационалов. Плоть и кровь дзайбацу – это информация, а не люди. Сама структура совершенно независима от составляющих ее отдельных личностей. Корпорация как форма существования.

Только не начинай опять о Рубеже, взмолился я.

«Маас» не такой, все твердил Фокс, не обращая на меня внимания.

«Маас» маленький, быстрый, беспощадный. Атавизм. «Маас» – воплощенный Рубеж.

Мне вспоминается, как Фокс распространялся о сути Рубежа Хироси. Радиоактивные нуклеазы, моноклональные антитела, что-то связанное с зацеплением белков, нуклеидов… Бешеные, называл их Фокс, бешеные белки. Скоростные передачи внутри белковых цепей. Он говорил, что Хироси – настоящий монстр, что он из тех, кто сметает устоявшиеся парадигмы, изобретает новые отрасли науки, устраивает радикальную переоценку целой области знаний. Базовые патенты, говорил Фокс, и горло у него перехватывало от неземного богатства этих двух слов с высоким, едким запахом прилипших к ним беспошлинных миллионов.

«Хосака» желала заполучить Хироси, но и для них его Рубеж тоже был чересчур передовым. Они хотели, чтобы Хироси работал в изоляции.

Я отправился в Марракеш, в древний город Медина. Отыскал подходящую лабораторию – бывшую героиновую, переоборудованную под вытяжку феромонов. Купил ее на деньги «Хосаки».

Потом мы с потным португальским бизнесменом шли через

рынок Джемаха-эль-Фна, обсуждая флюоресцентное освещение и установку вытяжных шкафов. За стенами города – высокие хребты гор Атлас. Джемаха-эль-Фна запружена фокусниками, танцорами, сказителями, мальчишками, ногами вращающими гончарный круг, безногими нищими с деревянными плошками под мультипликационными голограммами с рекламой французского софта.

Мы шагали мимо тюков сырой шерсти и пластмассовых пробирок с китайскими микрочипами. Я намекнул, что мои работодатели планируют производить синтетический бета-эндорфин. Всегда подбрасывайте подручным что-нибудь доступное их пониманию.

Сендии, иногда я вспоминаю тебя в Харадзюку. Закрываю глаза здесь, в этом гробу, и мысленно вижу тебя… Блеск хрустального лабиринта бутиков, запах новой одежды. Я вижу, как твои скулы скользят вдоль хромированных прилавков с парижской кожей. Временами я держал тебя за руку.

Мы думали, наши поиски увенчались успехом, но на самом деле – это ты нашла нас, Сендии. Теперь я понимаю: ты сама настойчиво искала нас или таких, как мы. Фокс был вне себя от радости, обдумывая, как лучше использовать этот новый инструмент, яркий и острый, будто скальпель. Этот-то инструмент и поможет нам отсечь неподатливый Рубеж Хироси от ревнивого материнского организма «Маас-Биолабс».

Ты, наверное, долго искала, металась в безысходности ночей в Синдзюку. Ночей, которые ты тщательно удалила из разрозненной колоды своего прошлого.

Мое же собственное давным-давно кануло в никуда. Кому, как не мне, знать, откуда берутся такие привычки, как у Фокса, – вытряхивать поздно вечером бумажник, перетасовывать документы на чужое имя. Он раскладывал их в различном порядке, передвигал с места на место, ждал, пока не сложится картинка. Я знал, что он ищет. Ты проделывала со своим детством то же самое.

Сегодня ночью в «Новой розе» я вытягиваю карту из колоды твоих прошлых.

Выбираю исходную версию, знаменитый «текст отеля в Йокогаме», продекламированный в ту первую ночь в постели. Выбираю опозоренного отца, служащего «Хосаки». «Хосака»… Подумать только, какое великолепие! И мать-голландку, и лето в Амстердаме… мягкое покрывало голубей на площади Дамм.

Из зноя Марракеша – в кондиционированные залы «Хилтона». Пока я читал твое сообщение, переданное через Фокса, влажная рубашка холодным компрессом липла к пояснице. Вся игра

строилась на тебе, и ты была в ударе: Хироси оставит жену. Ты без малейшего труда связывалась с нами даже сквозь прозрачную плотную пленку службы безопасности «Мааса». Кто, как не ты, показал Хироси распрекрасное местечко, где подают великолепный кофе и чудные булочки по-венски. Твой любимый официант был седоволос, добр, хромал на правую ногу и работал на нас. Шифрованные записки он забирал вместе с льняной салфеткой.

Весь сегодняшний день я слежу за маленьким вертолетом, вычерчивающим концентрические круги над моей крохотной страной, землей моего изгнания – отелем «Новая роза». Наблюдаю в отверстие люка за тем, как его терпеливая тень пересекает заляпанный жирной грязью бетон. Близко, совсем близко.

Из Марракеша я вылетел в Берлин. Встретился в баре с валлийцем и начал подготовку к исчезновению Хироси.

Механика его была сложной, изощренной, как медные шестеренки и скользящие зеркала театральной магии Викторианской эпохи. Однако желаемый эффект должен быть предельно прост. Хироси зайдет за «мерседес», работающий на водородном аккумуляторе, и исчезнет. Десяток агентов «Мааса», постоянно за ним наблюдающих, окружат грузовичок, как встревоженные муравьи. Вся служба безопасности «Мааса» эпоксидной смолой стянется к месту отбытия генетика.

В Берлине умеют быстро улаживать дела. Мне даже удалось устроить последнюю ночь с тобой. Я скрыл это от Фокса: он бы ворчал, что это излишний риск. Теперь мне уже не вспомнить название городка, где ты ждала меня. Я помнил его не больше часа, пока гнал машину по автобану под сероватым рейнским небом, и забыл в твоих объятиях.

Ближе к утру начался дождь. В нашем номере было одно окно, высокое и узкое, у которого я стоял и смотрел, как дождь серебряным гребнем расчесывает реку. Шорох твоего дыхания. Река текла под низкими каменными арками. Улица была пуста. Европа казалась мертвым музеем.

Я уже заказал тебе билет на самолет на новое имя, в Марракеш через Орли. Ты будешь уже в пути, когда я потяну за последнюю ниточку, и Хироси исчезнет из виду.

Ты оставила свою сумочку на темной столешнице старого бюро. Пока ты спала, я перебирал твои вещи и откладывал в сторону все шедшее вразрез с прикрытием, которое я купил тебе в Берлине. Я забрал китайский пистолет 22-го калибра, твой мини-компьютер и банковский чип. Вынул из портмоне новый голландский паспорт, чип швейцарского банка на то же имя и

засунул в твою сумочку.

Моя рука скользнула по чему-то плоскому. Вытащил. Подержал в руке дискету. Неказистая, никаких наклеек.

Она лежала у меня на ладони – эта смерть, – выжидая случая, чтобы ужалить, дремала, свернувшись кольцами кодов.

Так я и стоял, следил за твоим дыханием, смотрел, как поднимается и опадает твоя грудь. Видел полуоткрытые губы и – в припухлости нижней – легкий намек на синяк.

Дискету я кинул в твою сумочку. Когда я наконец лег, ты, проснувшись, перекатилась поближе ко мне. В твоем дыхании – электрическая ночь Новой Азии, будущее, которое поднимается в тебе ярким приливом, смывая все, кроме наступившего мгновения. В этом заключалась тайна твоего колдовства – в том, что ты жила вне истории, вся в настоящем.

И знала, как увести меня туда.

Тогда ты взяла меня с собой в настоящее в последний раз.

Бреясь, я слышал, как ты высыпаешь в мою сумку косметику. Я теперь голландка, сказала ты, хочу соответствовать.

Доктора Хироси Йомиури хватились в Вене, в тихом переулке неподалеку от Зингерштрассе, в двух кварталах от любимого отеля его жены. Ясным октябрьским утром, на глазах десятка квалифицированных свидетелей, доктор Йомиури исчез.

Он ступил в Зазеркалье. Где-то за сценой – смазанная игра викторианского часового механизма.

В женевской гостинице я ответил на звонок валлийца. Дело сделано. Хироси провалился в кроличью нору и направляется в Марракеш.

Наливая себе виски, я думал о твоих ногах.

Через день мы с Фоксом встретились в Нарите, в суси-баре аэровокзала «Джапан эрлайнс». Он только что сошел с самолета «Эйр Марокко», измотанный и торжествующий. Естественно, ни о чем, кроме Хироси, он говорить не мог.

Понравилось, сказал он, имея в виду лабораторию. Любит, сказал он, имея в виду тебя.

Я улыбнулся. Ты ведь обещала через месяц встретиться со мной в Синдзюку.

Твой дешевый пистолетик в отеле «Новая роза». Хром уже пошел трещинами. Механизм топорный, грубая китайская штамповка в дешевом металле, с расплывчатыми иероглифами вдоль ствола. На обеих сторонах рукояти свернулся красный пластмассовый дракон. Скорее детская игрушка, чем оружие.

Фокс ел суси на аэровокзале «Джей-Эй-Эль», пребывая в эйфории от того, как ловко мы провернули операцию. У него болело плечо, но он сказал: плевать. Теперь есть деньги на

лучших докторов. На все, что угодно.

Почему-то для меня деньги «Хосаки» не имели особого значения. Нет, я не сомневался в нашем новом богатстве, но после той последней ночи с тобой оно казалось само собой разумеющимся, как будто пришло к нам вместе с новым порядком вещей, как признак того, кем и чем мы стали.

Бедняга Фокс. Со своими синими оксфордскими рубашками, накрахмаленными до небывалого хруста, с парижскими костюмами из самой насыщенно-темной ткани. Он сидел в «Джей-Эй-Эль», макая суси в прямоугольный лоточек с зеленым хреном, и дни его уже были сочтены.

Стемнело. Ряды гробов «Новой розы» освещены прожекторами с верхушек стальных раскрашенных мачт. Ничто здесь, похоже, не используется по своему прямому назначению. Все – бывшее в употреблении, все – отжившее свой век, даже гробы. Сорок лет назад эти капсулы стояли, наверное, в Токио или Йокогаме, современное удобство для путешествующих бизнесменов. Быть может, в таком спал твой отец. Когда-то и стальные леса были новыми, и возвышались они, наверное, вокруг остова какой-нибудь зеркальной башни на Гиндзе, а на них суетились бригады строителей.

Вечерний бриз принес гомон из салона игры в патинко и запах тушеных овощей с лотков через дорогу.

Я намазываю креветочную пасту на оранжевые рисовые крекеры. Слышен гул самолетов.

В последние несколько дней в Токио мы с Фоксом занимали смежные номера на тридцать третьем этаже отеля «Хайятт». Никаких контактов с «Хосакой». Нам заплатили – и тут же стерли все данные о сделке из официальной памяти корпорации.

Но Фокс не унимался. Хироси был его детищем, его любимым проектом. У моего компаньона появился собственнический, почти отеческий интерес к Хироси. Рубеж был для Фокса всем. Так что он потребовал, чтобы я не терял связи с португальцем из Марракеша, который согласился по дружбе присмотреть за лабораторией Хироси.

Он звонил нам с автостоянок в Джемаха-эль-Фна, в трубке фоном звучали завывания разносчиков и волынки Атласа. В Марракеше идет какая-то тайная игра, сказал он в первом же разговоре. Фокс кивнул: «Хосака».

Десяток звонков, и я заметил перемену в поведении Фокса – какое-то напряжение, рассеянность. Часто я заставал его у окна. Он глядел с тридцать третьего этажа вниз, на Императорские сады, погруженный в мысли, которыми не желал делиться.

Потребуй с него более подробное описание, сказал он через

неделю. Ему показалось, что человек, которого наш связник видел выходящим из лаборатории Хироси, похож на Мённера, ведущего генного инженера «Хосаки».

Это он, сказал Фокс после следующего звонка. Еще звонок, и ему показалось, что он опознал Шедана, руководителя группы, занимающейся белками. Ни того ни другого уже более двух лет не видели за пределами научного городка корпорации.

К тому времени стало очевидно, что в Мединy потихоньку стягивают ведущих ученых «Хосаки», в аэропорт Марракеша слетались, тихонько шурша крыльями из углеродистого волокна, черные служебные «лир-джеты». Фокс качал головой. Уж он-то был профессионалом, и во внезапном скоплении всех лучших умов корпорации в Медине ему виделся крупный просчет дзайбацу.

Господи, говорил он, наливая себе «Блэк лейбл», сейчас они свезли туда весь свой отдел биологии. Всего одна бомба. Он покачал головой. Одна граната в нужном месте в нужное время.

Я напомнил ему о технике насыщения агентурой, к которой, судя по всему, прибегла служба безопасности «Хосаки». У «Хосаки» есть свои люди в самой верхушке дивана, и массированное проникновение ее агентов в Марракеш возможно только с согласия и при содействии марокканского правительства.

Брось, сказал я, дело прошлое. Все кончено. Ты продал им Хироси, теперь забудь об этом.

Я знаю, что происходит, ответил он. Знаю. Я уже такое видел.

Он сказал, что в работе всякой лаборатории есть неуправляемый фактор неожиданности. Рубеж Рубежа, так он это называл. Иногда, когда один исследователь осуществляет прорыв, другим бывает трудно, почти невозможно повторить его результаты. Это более чем вероятно в случае Хироси, чьи идеи противоречат основным концепциям в области генной инженерии. И тогда вундеркинда перебрасывают из его родной лаборатории в корпоративную – покажи, мол, на что ты способен. Несколько на первый взгляд бессмысленных настроек: повернул один рычажок, другой – и процесс идет. Бред какой-то, говорил Фокс, никто не знает почему, но ведь работает. И он усмехнулся.

Но они крупно рискуют, продолжал он. Эти ублюдки сказали нам, что изолируют Хироси, будут держать его подальше от русла основных исследований. Дерьмо. Готов поспорить на свою задницу, в научных кругах «Хосаки» идет борьба за власть. Какая-то шишка в надежде на прорыв проталкивает своих людей, притирает их о Хироси. Когда Хироси выбьет стул из-под генной инженерии, ребятишки из Медины будут уже готовы.

Он допил свой виски и пожал плечами.

Иди спать, сказал он. Ты прав, все кончено.

Я и в самом деле пошел спать, но меня разбудил телефон. Снова Марракеш, белая статика спутниковой связи, наплыв перепуганного португальского.

«Хосака» не заморозила наш кредит, он просто испарился как по мановению волшебной палочки. Золото эльфов. Только что мы были миллионерами в самой твердой в мире валюте – и вот мы нищие. Я разбудил Фокса.

Сендии, сказал он. Она продала. Агенты «Мааса» перевербовали ее в Вене. Господи помилуй.

Я отстраненно смотрел, как он вспарывает свой потрепанный чемодан швейцарским армейским ножом. Там между картоном и обивкой были клейкой лентой прикреплены три золотых слитка. Гибкие пластины, каждая заверена печатью казны какого-то испустившего дух африканского правительства.

Мне надо было бы разглядеть это раньше. Его голос звучал безжизненно.

Я сказал: «Нет». Кажется, я произнес твое имя.

Забудь ее, сказал он. На нас уже объявлена охота. «Хосака» же решит, что это мы их подставили. Берись за телефон и проверь наши счета.

Наш кредит исчез. В банке отрицали, что у нас вообще был счет.

Рвем когти, сказал Фокс.

И мы побежали. Через служебный вход прямо в суматоху уличного движения, по улицам Токио и до Синдзюку. Именно тогда я впервые осознал, как длинны руки «Хосаки».

Все двери заперты. Люди, с которыми мы два года вели дела, встречали нас пустыми лицами, и я видел, как у них во взгляде с грохотом захлопываются железные ставни. Мы выскакивали, прежде чем они успевали добраться до телефона. Поверхностное натяжение беззаконного подполья утроилось, повсюду мы натыкались на отбрасывающую нас назад глухую мембрану. Никаких шансов лечь на дно, скрыться из виду.

«Хосака» позволила нам побегать бóльшую часть первого дня. А потом они послали своих людей во второй раз сломать Фоксу спину.

Не знаю, что там произошло, но я видел, как он падал. Мы оказались в универмаге на Гиндзе за час до закрытия, бежали по переходам… вдруг Фокс по широкой дуге летит вниз с полированного балкончика, в гущу всех этих товаров из Новой Азии.

Почему-то они проворонили меня, и по инерции я продолжал

бежать. Вместе с Фоксом пропало золото, но у меня в кармане завалялась сотня нью-иен. Я бежал. Всю дорогу до отеля «Новая роза».

А теперь пришло мое время.

Пойдем со мной, Сендии. Слышишь, как бормочет неон вдоль трассы в международный аэропорт Нарита? Несколько запоздалых мотыльков безостановочно кружат над прожекторами «Новой розы».

Знаешь, что самое смешное, Сендии? Иногда мне кажется, что тебя просто не было. Фокс как-то сказал, что ты – эктоплазма, призрак, вызванный экономикой в своем предельном проявлении. Призрак нового века, сгущающийся на тысячах постелей в «Хайяттах» и «Хилтонах» по всему миру.

Сейчас я сжимаю в кармане куртки твой пистолет, и с ним рука кажется такой далекой.

Я помню, как мой связник-португалец, забыв английский, пытался передать это на четырех языках, которые я едва понимал. Мне показалось, он толкует о том, что, мол, Медина горит. Нет, не Медина. Мозги лучших ученых «Хосаки». Чума, задыхаясь, шептал он, мой бизнесмен, чума, и лихорадка, и смерть.

Умница Фокс, он все вычислил, пока мы бежали. Мне не пришлось даже упоминать о дискете в твоей сумочке.

Кто-то перепрограммировал синтезатор ДНК, сказал он. Тот нужен был только для того, чтобы создать некую макромолекулу за одну ночь. Со своим встроенным компьютером и всем этим специализированным софтом. Дороговато, Сендии. Впрочем, сущая безделица по сравнению с тем, во что ты обошлась «Хосаке».

Надеюсь, «Маас» хорошо тебе заплатил.

Дискета у меня на ладони. Дождь над рекой. Я ведь все знал, но не смог взглянуть фактам в лицо. Я сам положил код этого вирусного менингита на место и лег рядом с тобой.

Так что Мённер умер, а с ним и все остальные ученые «Хосаки». Включая Хироси. Шедан остался жив, отделался неизлечимым повреждением мозга – едва ли это можно назвать жизнью.

Хироси и в голову не пришло подумать о последствиях рутинного эксперимента. Белки, программу которых он вводил, были совершенно безвредны. Так что синтезатор щелкал себе всю ночь, выстраивая вирус по инструкциям «Маас-Биолабс Лтд».

«Маас»… Маленький, быстрый, беспощадный… Воплощенный Рубеж.

Длинной стрелой дорога на аэропорт. Держись тени.

А я кричал что-то этому португальскому голосу, заставил его

сказать мне, что сталось с девушкой, с женщиной Хироси. Исчезла, сказал он. Скрежет викторианского часового механизма.

Так что Фоксу пришлось упасть с четвертого яруса универмага на Гиндзе, упасть вместе с тремя смехотворными золотыми слитками и в последний раз сломать себе спину. На первом этаже универмага все покупатели, прежде чем закричать, мгновение смотрели на него в полном молчании.

Я просто не в силах ненавидеть тебя, девочка.

А вертолет «Хосаки» вернулся. Огни погашены: он охотится в инфракрасных лучах, нащупывая теплую плоть. Приглушенный вой – это он закладывает вираж в нескольких сотнях метров, поворачивает к нам, к «Новой розе». Молниеносная тень на фоне свечения Нариты.

Все в порядке, девочка. Только, пожалуйста, приди. Возьми меня за руку.

Зимний рынок [60]

Здесь часто идут дожди. Зимой бывают дни, когда вообще света не видно: в небе лишь размытая серая муть. Но изредка занавес отдергивается, и минуты на три открывается вид на залитую солнцем и как бы висящую в воздухе вершину горы – будто эмблема перед началом фильма, снятого на студии самого Господа. Вот как раз в такой день и позвонили агенты Лайзы из глубин своей зеркальной пирамиды на бульваре Беверли. Сообщили, что она уже в сети, что ее больше нет и что «Короли грез» идут на «тройную платину». Я монтировал почти весь материал в «Королях», готовил эмоциокарту и все это сводил, так что и мне там кое-что причиталось.

«Нет, – сказал я. – Нет». Затем: «Да». Еще раз: «Да». И повесил трубку. Взял пиджак и, шагая через три ступеньки, направился прямиком в ближайший бар. Восьмичасовое помутнение закончилось на бетонном карнизе в двух метрах над темной, как полночь, водой Фалс-Крик… Вокруг – огни города и все та же опрокинутая серая чаша небосклона, только поменьше и в отблесках неона и ртутных ламповых дуг. Шел снег, крупные редкие снежинки; они падали на черную воду и исчезали без следа. Я бросил взгляд вниз, на свои ноги, и увидел, что носки туфель выступают за бетонный карниз, а между ними все та же темная вода. На мне были японские туфли, новые и дорогие, с Гиндзы, из тонкой мягкой кожи, с резиновыми носками… Не знаю, сколько на самом деле прошло времени – наверно, много, – прежде чем я сделал тот первый шаг назад.

Наверно, я стоял так долго, потому что ее уже нет, и это я позволил ей уйти. Потому что теперь она бессмертна, и помог ей тоже я. Потому что знал: она обязательно позвонит. Утром.

* * *

Отец мой был инженером звукозаписи. Еще тогда, до цифровых дел. Процессы, которыми он занимался, относились больше к механике – есть в этом что-то такое неуклюжее, квазивикторианское, знаете, как во всей технологии двадцатого века. В общем, человек его профессии – скорее просто токарь. Ему приносили аудиозаписи, и он нарезал звуки на дорожках, накатанных на лаковом диске. Затем делалась гальваническая обработка, и в конце концов получались формы для штамповки пластинок, этих черных штуковин, которые еще можно увидеть в

антикварных магазинах. Помню, он мне как-то рассказывал, за несколько месяцев до смерти, что определенные частоты – кажется, он называл их «транзиенты» – могут запросто сжечь головку, ту, что нарезает звуковые дорожки. Они тогда черт-те сколько стоили, и, чтобы избежать пережогов, использовалась такая штука, которая у них называлась «акселерометр». Вот об этом я и думал, стоя над водой: сожгли-таки.

Да, именно.

Причем она сама этого хотела.

Тут уж никакой акселерометр не спасет.

* * *

По пути к кровати я отключил телефон. Правда, сделал это немецким студийным треножником, так что починка встанет не меньше чем в недельный заработок – это я про треножник.

Спустя какое-то время очнулся, взял такси и отправился на Гранвилл-Айленд, к Рубину.

Рубин для меня в каком-то смысле и повелитель, и учитель – как говорят японцы, «сэнсэй», – хотя это трудно объяснить. На самом деле он скорее повелитель мусора, хлама, отбросов, бескрайних океанов выброшенного барахла, среди которых плывет наш век. *Гоми но сэнсэй.* Повелитель мусора.

Когда я нашел его на этот раз, Рубин сидел между двумя механическими драм-машинами довольно зловещего вида. Раньше я их не видел: ржавые паучьи лапы, сложенные в центре двух созвездий из побитых стальных барабанов – банок, собранных на свалках Ричмонда. Он никогда не называет свое жилище студией и никогда не говорит о себе как о художнике. «Так, дурака валяю», – характеризует он свои занятия, словно для него это продолжение тягучих и скучных мальчишеских дней где-нибудь на заднем дворе фермы. Рубин бродит по этому захламленному, забитому всякой всячиной мини-ангару, прилепившемуся на краю Рынка у самой воды, а за ним неотступно следуют его наиболее умные и шустрые творения – этакий добродушный Сатана, озабоченный планами еще более странных процессов в подвластном ему мусорном аду. Помню, одно время он программировал свои конструкции, чтобы они распознавали гостей в одежде от самых модных модельеров сезона и обкладывали их на чем свет стоит; другие его детища вообще непонятно что делают, а часть создается, похоже, лишь для того, чтобы саморазрушаться, производя при этом как можно больше грохота. Рубин, он как ребенок, но в выставочных залах

Токио и Парижа за его произведения платят бешеные деньги.

Я рассказал ему о Лайзе. Он позволил мне выговориться, затем кивнул:

– Знаю. Какой-то урод из Си-би-си звонил мне уже восемь раз. – Он сделал глоток из своей побитой кружки. – «Уайлд тёрки», хочешь?

– Почему они тебе звонят?

– Потому что мое имя есть на обложке «Королей грез». В посвящении.

– Я еще не видел диска.

– Она тебе пока не звонила?

– Нет.

– Позвонит.

– Рубин, ее уже нет. И тело кремировали.

– Знаю, – сказал он. – Но она все равно позвонит.

* * *

Гоми.

Где кончается гоми и начинается мир? Уже лет сто назад японцам некуда было сваливать гоми вокруг Токио, так они придумали, как делать из гоми жизненное пространство. В 1969 году японцы выстроили в Токийском заливе небольшой островок, целиком из гоми, и назвали его Островом Мечты. Но город непрерывным потоком выбрасывал свои девять тысяч тонн гоми в день, и вскоре построили Новый Остров Мечты, а сегодня технология отлажена, и новые японские территории растут в Тихом океане как грибы после дождя. Об этом рассказывают по телевизору в новостях. Рубин смотрит, но никак не комментирует.

Зачем ему говорить о гоми? Это его среда обитания, воздух, которым он дышит. Всю свою жизнь он плавает в гоми как рыба в воде. Рубин мотается по округе в своем грузовике-развалюхе, переделанном из древнего аэродромного «мерседеса», крышу которого закрывает огромный, перекачивающийся из стороны в сторону полупустой баллон с природным газом. Он постоянно что-то ищет, какие-то вещи под чертежи, нацарапанные изнутри на его веках кем-то, кто выполняет у него роль музы. Рубин тащит в дом гоми. Иногда гоми еще работает. Иногда, как в случае с Лайзой, дышит.

Я встретил Лайзу на одной из вечеринок у Рубина. Он часто устраивает вечеринки. Сам их не особенно любит, но вечеринки у него всегда классные. Я уже счет потерял, сколько раз той осенью

просыпался на пенопластовой плите под рев древней автоматической кофеварки Рубина – этакого полированного монстра, на котором восседает огромный хромированный орел. Отражаясь от стен из гофрированного металла, звук превращается в жуткий рев, но в то же время и здорово успокаивает. Ревет – значит, будет кофе. Значит, жизнь продолжается.

В первый раз я увидел ее в «кухонной зоне». Это не совсем кухня, просто три холодильника, плитка и конвекторная печка, которую он притащил в числе прочего гоми. Первый раз: она стоит у открытого «пивного» холодильника, а оттуда на нее падает свет. Я сразу заметил скулы, волевую складку рта, но также заметил черный блеск поликарбона у запястья и блестящее пятно на руке, где экзоскелет натер кожу. Я тогда был слишком пьян, чтобы все это понять, но все же сообразил: что-то здесь не то. И я поступил точь-в-точь так, как люди обычно поступают с Лайзой: переключился «на другое кино». Вместо пива направился к винным бутылкам, что стояли на стойке у печи, и даже не оглянулся.

Но она сама меня нашла. Часа два спустя заметила и, грациозно лавируя между людьми и горами хлама, подошла. Жутковатая, надо заметить, грациозность, но так уж эти экзоскелеты программируют. Глядя, как она приближается, я уже понял, что у нее экзоскелет, но от смущения не сообразил, что можно спрятаться, отойти или, невнятно извинившись, просто смыться. Так и стоял как столб, обняв за талию какую-то незнакомую девицу. Лайза карикатурно-грациозно двигалась – вернее, ее двигало – прямо ко мне; девица вдруг засуетилась, вывернулась и ускользнула в толпу. Лайза остановилась напротив; тонкий, словно нарисованный карандашом, поликарбоновый протез застыл, удерживая тело в равновесии. Я посмотрел ей в глаза – впечатление было такое, будто я слышу, как работают ее синапсы: невыносимо высокий визг крохотных механизмов, открывающих под действием магика доступ в каждую микросхему ее мозга.

– Пригласи меня домой, – сказала она, и каждое слово – как удар хлыстом.

Кажется, я мотнул головой.

– Пригласи.

В голосе и боль, и нежность, и удивительная жесткость.

Только в это мгновение я вдруг понял, что меня никто еще не ненавидел так глубоко и отчаянно, как сейчас эта изможденная болезнью девчонка, – за то, как я посмотрел на нее и отвернулся там, у «пивного» холодильника Рубина.

И тогда я сделал то самое, что все мы иногда делаем непонятно почему, хотя какая-то часть души точно знает, что иначе нельзя.

Я пригласил ее домой.

* * *

У меня всего две комнаты в старом ветшающем строении на углу Четвертой и Макдональд-стрит, десятый этаж. Лифты обычно работают. Если сесть на ограждение балкона и, держась за угол соседнего дома, откинуться назад, можно увидеть небольшой вертикальный срез моря и гор.

По дороге от студии Рубина до дома Лайза не проронила ни слова. Я уже достаточно протрезвел и, отпирая дверь, чувствовал себя ужасно неуютно.

Первое, что она увидела в квартире, был портативный эмоциомикшер, который я притащил домой из «Автопилота» предыдущим вечером. Экзоскелет немедля перенес ее через залитый светом пыльный пол ближе – ну прямо манекенщица на подиуме. Теперь, когда не мешал шум вечеринки, я слышал мягкие щелчки суставов. Лайза чуть наклонилась, разглядывая эмоциомикшер, и теперь мне стали видны выделяющиеся под черной кожаной курткой ребра экзоскелета. Наверно, одна из этих болезней, подумал я тогда. Или какая-нибудь старая, с которыми так и не научились справляться, или из новых, скорее всего экогенных, – половине из них и названий-то еще не придумали. Без экзоскелета с микроэлектронным интерфейсом прямо в мозг она просто не могла двигаться. Эти хрупкие на вид поликарбоновые прутики двигали ее руками и ногами, а пальцами управляли более тонкие, гальванические накладки. Я вспомнил о школьных уроках, где лягушки дрыгают лапками под воздействием тока, и тут же устыдился.

– Это ведь эмоциомикшер… – произнесла она каким-то новым, словно издалека, голосом, и я подумал, что действие магика, должно быть, проходит. – Зачем он тебе?

– Я на нем монтирую, – ответил я, закрывая входную дверь.

– Ну да! – Она рассмеялась. – И где же?

– На Острове. Есть такая студия, называется «Автопилот».

Лайза посмотрела на меня через плечо, затем, уперев руку в бедро, повернулась – или ее повернуло? Серые поблекшие глаза вдруг кольнули меня целой гаммой переживаний – и ненависть, и действие магика, и какая-то пародия на желание.

– Хочешь меня, монтажер?

Я снова почувствовал удар хлыста, но нет, теперь-то меня так просто не возьмешь… Я уставился на нее холодным взглядом – словно из какого-то отупевшего от пива центра своего ходячего, говорящего, подвижного, совершенно обыкновенного организма, – и слова вырвались у меня будто плевок:

– А ты что-нибудь почувствуешь?

Бум! Может, она моргнула, но на лице ничего не отразилось.

– Нет. Но иногда я люблю смотреть.

* * *

Два дня спустя после ее смерти в Лос-Анджелесе.

Рубин стоит у окна и смотрит, как падает снег в воду Фалс-Крик.

– Так ты с ней ни разу не переспал?

Одна из его электронных игрушек, маленькая, словно сбежавшая с полотен Эшера, ящерица на роликах, поджав хвост, ползает передо мной по столу.

– Нет, – говорю я, и это правда, отчего мне вдруг становится смешно. – Но мы врубились напрямую. В ту самую первую ночь.

– С ума сошел, – говорит Рубин, хотя в голосе чувствуется одобрение. – Ты мог себя угробить. Сердце могло остановиться или дыхание… – Он отворачивается к окну. – Лайза еще не звонила?

* * *

Мы врубились. Напрямую.

Раньше я никогда этого не делал. И если бы вы спросили меня почему, я бы ответил, что работаю монтажером, а врубаться напрямую непрофессионально.

Однако правда выглядит скорее так.

Среди профессионалов – имеется в виду легальный бизнес, я никогда не занимался порнухой – необработанный материал называют «сухими снами». Сухие сны – это нейрозапись уровней сознания, которые большинству людей доступны только во сне. Но художники, те, с кем я работаю в «Автопилоте», способны преодолеть это поверхностное натяжение, нырнуть глубже, на самое дно моря Юнга, и достать оттуда… ну, в общем, да, именно сны. Для простоты сойдет. Очевидно, многие художники были способны на это и раньше – в живописи, в музыке и так далее, – но нейроэлектроника дала нам возможность прямого доступа к их

ощущениям. Теперь это можно записать, оформить, продать… и проследить, насколько товар популярен. Ну, чем больше все меняется, тем больше все по-прежнему, как говаривал мой отец.

Обычно я получаю необработанный материал в студийных условиях, уже прошедший через электронные фильтры и прочую аппаратуру стоимостью в несколько миллионов долларов, и мне не нужно видеть самого художника. А то, что мы выдаем потребителю, структурировано, сбалансировано и превращено в искусство. До сих пор есть наивные люди, которые полагают, будто им и в самом деле понравится, если подрубиться напрямую к кому-то, кого они, например, любят. Большинство подростков, видимо, пробуют – хотя бы раз. Это несложно. «Рэйдио Шэк»[61] совсем недорого продает и ящик, и электроды, и провода. Но сам я никогда этого не делал. Даже теперь, все обдумав, я вряд ли смогу объяснить почему. И вряд ли захочу.

Но я знаю, почему сделал это тогда, с Лайзой. Посадил ее на мексиканский диван и воткнул штекер оптовывода в гнездо у нее на позвоночнике – на гладком, похожем на плавник выступе экзоскелета почти у шеи, где его скрывали длинные темные волосы. Я сделал это, потому что она назвала себя художницей, потому что в каком-то смысле мы оказались непримиримыми противниками и я ни в коем случае не хотел проиграть сражение. Может, вам этого не понять, но ведь вы никогда и не знали ее или узнали только через «Королей грез», а это не одно и то же. Вы никогда не чувствовали ее жуткий в своей целеустремленности голод – голод в паре с иссушающим желанием. Меня всегда пугали люди, которые точно знают, чего они хотят, а Лайза знала, что ей нужно, уже очень давно, и больше ее ничего не интересовало. Я боялся тогда признаться себе, что напуган, и, кроме того, в микшерной «Автопилота» мне довелось видеть достаточно много чужих снов, чтобы понять: то, что порой представляется людям этакими «внутренними монстрами», слишком часто оказывается в ровном освещении собственного сознания смехотворным, мелочным и глупым. К тому же я был пьян.

Нацепив электроды, я потянулся к тумблеру эмоциомикшера. Я отключил все его студийные функции и на время превратил восемьдесят тысяч долларов японской электроники в эквивалент одного из тех ящиков, что продаются в «Рэйдио Шэк».

– Поехали, – сказал я и щелкнул тумблером.

Слова… Слова бессильны. Ну разве что едва-едва способны… Если бы я знал, как передать, что из нее вырвалось, что она со мной сделала…

В «Королях грез» есть один фрагмент… Вы мчитесь на

мотоцикле в полночь по шоссе, где за отвесным краем, далеко внизу, море; никаких огней вокруг, но вам свет и не нужен; мотоцикл несется так быстро, что вы будто висите вместе с ним в конусе тишины, потому что звук за вами не поспевает, теряется – все теряется позади.

В «Королях» это лишь миг, но такие мгновения просто не забываются, даже в ряду тысяч других, и вы возвращаетесь к ним постоянно, навсегда включив их в свой словарь ощущений. Потрясающий фрагмент! Свобода и смерть, прямо здесь, рядом…

Но я получил все это навалом, в необработанном, чудовищно усиленном виде, стремительным напором, бомбой, взорвавшейся в пустоте, перенасыщенной нищетой, одиночеством и безвестностью.

И этот стремительный напор, увиденный мной изнутри, – и она сама, и ее цель.

Мне хватило, наверно, четырех секунд.

Разумеется, она победила.

Я снял электроды и уставился невидящими от слез глазами на плакаты в рамах на стене.

На нее я смотреть не мог. Слышал только, как она отсоединила оптический вывод, как скрипнул экзоскелет, поднимая Лайзу с дивана, как он защелкал, унося ее на кухню за стаканом воды.

Я заплакал.

* * *

Рубин вставляет в брюхо игрушки на роликах тонкий щуп и разглядывает микросхемы через увеличительное стекло, подсвечивая себе крохотными фонариками на висках.

– И тебя зацепило.

Он пожимает плечами и поднимает взгляд. В студии уже темно, и мне в лицо бьют два узких луча света. В металлическом ангаре Рубина холодно и сыро. Откуда-то издалека, с берега, доносится сквозь туман предупреждающий вой сирены.

– Да?

Теперь моя очередь пожимать плечами.

– Видимо… Я не выбирал…

Лучи света вновь опускаются в силиконовые внутренности сломанной игрушки.

– Тогда все нормально. Ты правильно поступил. Я имею в виду, она давно решила, что ей нужно. И к тому, что она сейчас там, ты причастен не больше, чем, скажем, твой эмоциомикшер.

Не ты, так она бы еще кого-нибудь нашла…

* * *

Я договорился с Барри, старшим монтажером, и выторговал себе двадцать минут на пять утра. Промозглым сентябрьским утром Лайза пришла и окатила меня тем же набором ощущений, но теперь я был готов. Фильтры, эмоциокарты и прочее – короче, мне не пришлось переживать все это заново с такой же силой. Затем я недели две выкраивал минуты в монтажной, делал из ее записи нечто, что можно показать Максу Беллу, владельцу «Автопилота».

Белл не особенно обрадовался, когда я объяснил, что принес. Скорее даже наоборот. От монтажеров, которые разрабатывают собственные проекты, как правило, одни неприятности: каждый такой монтажер рано или поздно решает, что он наконец «открыл» кого-то, кто станет новой звездой, но кончается это почти всегда пустой тратой времени и денег. Белл кивнул, когда я закончил рекламировать Лайзу, затем почесал нос колпачком фломастера:

– Угу. Понял. Самый крутой хит с тех пор, как рыбы отрастили ноги, да?

Однако он подключился к демонстрационному софту, который я смикшировал, и, когда диск выскочил из прорези его настольного «Брауна», Белл долго сидел с застывшим лицом, уперев взгляд в стену.

– Макс?

– А?

– Что ты об этом думаешь?

– Я?.. Думаю?.. Как, ты сказал, ее зовут? – Он моргнул. – Лайза? И кто, говоришь, ее подписал?

– Лайза… Никто, Макс. Пока она ни с кем ничего не подписывала.

– Боже правый… – пробормотал Белл, так и не оправившись от потрясения.

* * *

– Знаешь, как я ее нашел? – спрашивает Рубин, шаря по рваным картонным коробкам в поисках переключателя.

Коробки заполнены старательно рассортированным гоми: литиевые аккумуляторы, танталовые конденсаторы, штекеры,

хлебные доски, липкая лента для ограждений, феррорезонансные трансформаторы, мотки проволоки… В одной из коробок лежат несколько сотен оторванных голов кукол Барби, в другой – похожие на перчатки скафандра металлизированные рукавицы для опасных работ. Ангар залит светом; раскрашенный в духе Кандинского жестяной богомол поворачивает голову размером с мячик для гольфа в сторону самой яркой лампочки.

– Я ездил на Гранвилл, искал новое гоми. Забрел в какую-то аллею и вижу – сидит. Я заметил экзоскелет, да и выглядела она не очень. Спросил, что с ней. Молчит, только глаза закрыла. Ну, думаю, ладно, я, в конце концов, не за этим приехал. Но спустя часа четыре возвращаюсь тем же маршрутом, а она все еще сидит. «Слушай, – говорю, – милая, может, у тебя барахлит эта чертовщина? Так я могу помочь». Молчит. Ну я и пошел.

Рубин подходит к рабочему столу и гладит тонкие металлические конечности богомола бледным пальцем. За столом на вспухших от влаги щитах из прессованного картона висят плоскогубцы, отвертки, пистолеты с клейкой лентой, ржавая духовушка «Дейзи», ножницы, щипцы, щупы-тестеры, паяльная лампа, карманный осциллоскоп, – кажется, тут собраны все инструменты, когда-либо изобретенные человечеством, и никто даже не пытался рассортировать их, хотя я еще ни разу не видел, чтобы Рубин, протянув руку, ошибся.

– Потом я все-таки вернулся, – продолжает он. – Спустя, наверно, час. Она к тому времени уже отключилась. Я ее притащил сюда и проверил экзоскелет. Оказалось, сдохли аккумуляторы. Видимо, она уползла туда на остатках энергии и осталась умирать с голоду.

– Когда это было?

– Примерно за неделю до того, как ты увел ее к себе.

– Но если бы она умерла? Если бы ты ее не нашел?

– Кто-нибудь другой нашел бы. Но она просто не могла ни о чем попросить сама, понимаешь? Только принять, если предложат. Не хотела быть в долгу.

* * *

Макс нашел для нее агентов, и на следующий день прилетела частным джетом троица младших партнеров из какого-то агентства – чистенькие, гладенькие, как на картинке. Лайза отказалась встречаться с ними в «Автопилоте» и настояла, чтобы мы привезли их к Рубину, где она все это время жила.

– Добро пожаловать в Кувервиль, – сказал Рубин, когда они

просочились в дверь.

Его вытянутое лицо было вымазано машинным маслом, а ширинка рабочего комбинезона держалась на скрепке. Молодые люди машинально улыбнулись, но у девицы улыбка получилась более естественной.

– Мистер Старк, – заговорила она, – я на прошлой неделе была в Лондоне и видела в галерее Тейт вашу инсталляцию.

– «Батареечная фабрика Марчелло», – ответил Рубин. – Британцы говорят, что это, мол, скатология. – Он пожал плечами. – Одно слово, британцы. Хотя, может, они и правы.

– Правы. Но это еще и очень забавно.

Молодые люди в костюмах сияли, как два маяка. Демонстрационная запись уже попала в Лос-Анджелес, и они знали, зачем приехали.

– Значит, вы и есть Лайза, – сказала девушка, пробираясь к ней между развалами гоми. – Скоро вы станете очень знаменитой, Лайза. Нам о многом надо поговорить.

Лайза, поддерживаемая своим экзоскелетом, стояла неподвижно, и выражение лица у нее было такое же, как тогда, у меня дома, когда она спросила, хочу ли я с ней переспать. Но если эта девица из агентства и заметила что-то, она ничем себя не выдала. Профессионализм.

Я пытался убедить себя, что я тоже профессионал.

И заставил-таки успокоиться.

* * *

Повсюду вокруг рынка горят в железных бочках костры из мусора. Все еще идет снег, и подростки жмутся поближе к огню, как артритные вороны, переминаются с ноги на ногу, запахиваясь от резкого ветра в свои темные пальто. Выше, в артистических трущобах, висят чьи-то замерзшие на веревках простыни – огромные розовые листы на фоне тусклых зданий и мешанины из спутниковых антенн и панелей солнечных батарей. Крутится не переставая ветряной генератор, собранный кем-то из экологически озабоченных жильцов: вот, мол, фиг вам вместо платы за электричество.

Рубин шлепает рядом в заляпанных краской кедах, втянув голову за воротник огромной, явно не по росту, армейской куртки. Время от времени его узнают, кто-нибудь показывает пальцем и говорит: вон, мол, пошел этот тип, который делает все эти сумасшедшие штуковины – роботов и прочее дерьмо.

– Знаешь, почему тебе сейчас трудно? – спрашивает он, когда

мы заходим под мост, двигаясь к Четвертой улице. – Ты из тех, кто всегда читает инструкции. Все, что люди придумывают, любая техника служит определенной цели. Техника должна делать что-то такое, что люди уже понимают. Но если это новая техника, она открывает новые горизонты, о которых раньше никто не догадывался. Ты всегда читаешь инструкции и ни за что не станешь экспериментировать. И ты заводишься, когда кто-нибудь использует технику для того, о чем ты сам не додумался. Вот как с Лайзой.

– Она не первая.

Над нами грохочет транспорт.

– Да, но она наверняка первая из тех, кого ты знал лично. Лайза взяла и переписала себя в память машины. Тебе ведь до лампочки было, когда года три-четыре назад сделал то же самое этот, как его там, француз, писатель, верно?

– Пожалуй. Так, подумал я, рекламный трюк…

– А он, между прочим, все еще пишет. И самое интересное, будет писать и дальше – если кто-нибудь не подорвет его машину.

Я вздрагиваю, трясу головой:

– Но это ведь не он, верно? Всего лишь программа.

– Любопытная мысль… Трудно сказать с уверенностью. Однако, что касается Лайзы, мы узнаем. Она ведь не писатель.

* * *

«Короли», считай, были уже готовы, упакованы у нее в черепе, как ее тело в клетке экзоскелета.

Агенты сделали ей контракт с крупной фирмой и выписали из Токио рабочую группу. Лайза заявила им, что хочет монтажером только меня. Я отказался. Макс затащил меня к себе в кабинет и пригрозил уволить, если не соглашусь. Без меня им просто незачем было работать в студии «Автопилота». Ванкувер едва ли можно назвать центром индустрии, и агенты Лайзы хотели, чтобы она работала в Лос-Анджелесе. Для Макса этот контракт значил большие деньги, а для «Автопилота» – шанс пробиться в высшую лигу. Я же даже не мог объяснить ему, почему отказываюсь: слишком все было заумно и слишком лично. Если я соглашусь, мол, она одержит последнюю победу. Так мне, во всяком случае, тогда казалось. Но Макс был настроен серьезно. Он просто не оставил мне никакого выбора, и мы оба знали, что другую работу я сейчас быстро не найду. В общем, мы вернулись вместе и сказали агентам, что все утрясли: я готов работать.

В ответ – три белозубые улыбки.

Лайза достала заполненный магиком ингалятор и прямо при всех приняла чудовищную дозу. Мне показалось, что девушка из агентства чуть приподняла бровь, но не больше. Бумаги были подписаны, и Лайза могла делать все, что хочет, – до определенной степени, конечно.

А Лайза всегда знала, чего ей хочется.

«Королей» – по крайней мере, их основу – мы записали за три недели. Все это время я находил множество причин, чтобы не бывать у Рубина, иногда даже сам верил в то, что придумывал. Лайза по-прежнему оставалась у него, хотя агентов это не очень устраивало: они считали, что там просто небезопасно. Рубин позже сказал мне, что ему пришлось связаться со своим агентом, чтобы тот позвонил им и поскандалил, после чего они вроде бы отстали. Я даже не знал, что у Рубина есть агент. С ним почему-то легко забывалось, что на самом деле Рубин Старк – очень известный человек, известнее, чем все, кого я знал, и уж наверняка известнее, чем, по моим представлениям, могла стать Лайза. Я понимал, что мы работаем с классным материалом, но в нашем деле трудно предугадать, как хорошо пойдет та или иная запись.

Однако там, в «Автопилоте», я работал с ней время от времени напрямую. Лайза просто поражала.

Она словно родилась для этой формы искусства, хотя на самом деле, когда Лайза появилась на свет, технологии, давшей эмоциозаписи жизнь, и в помине не было. Невольно закрадывалась мысль: сколько же тысяч – или миллионов? – феноменальных художников так и умерли за прошедшие века, не выразив себя, – все, кто не могли стать поэтами, живописцами или саксофонистами, хотя у них был дар, электроимпульсы в мозгу, ждущие лишь микросхем, которые сделают их фантазии доступными другим…

Работая с Лайзой в студии, я кое-что о ней узнал – так, всякие мелкие подробности. Родилась она в Виндзоре. Отец был американцем, воевал в Перу, вернулся домой сдвинутый и почти слепой. Болезнь у нее врожденная. Нарывы и раздражение на коже, потому что она никогда не снимает экзоскелет: от одной только мысли, что она станет беспомощна, Лайза начинает задыхаться, она уже давно пристрастилась к магику и в день принимает столько, что хватило бы на целую футбольную команду.

Врачи, которых наняли ее агенты, изготовили пористые прокладки под прутья из поликарбона, залечили и забинтовали распухшие нарывы, накачали Лайзу витаминами и попробовали посадить на диету, но никто даже не пытался отобрать у нее

ингалятор.

Кроме того, агенты притащили с собой парикмахеров, косметологов, модельеров, специалистов по имиджу и команду шустрых хомячков из отдела рекламы. Лайза переносила все издевательства, можно сказать, с улыбкой.

Но все эти три недели мы почти не разговаривали. Только чисто студийные дела, то, что обычно бывает между художником и монтажером, сплошные термины. Ее воображение создавало такие сильные, предельно ясные картины, что ей почти не приходилось объяснять мне отдельные эффекты. Я брал ее записи, обрабатывал и прогонял ей то, что получалось. Она говорила «да» или «нет». Обычно «да». Агенты заметили это, одобрили и, похлопав Макса Белла по спине, пригласили его пообедать. Мне сразу же дали прибавку.

Я действительно хороший профессионал. Дельный, внимательный, чуткий. Я решил, что теперь уже не сломаюсь, и старался не вспоминать ту ночь, когда плакал. Кроме того, я прекрасно понимал, что за всю свою жизнь ничего лучше «Королей» еще не делал, а это тоже своего рода кайф.

Однажды утром, около шести, после долгой-долгой записи – Лайза выдала тогда ту жутковатую сцену с котильоном, ее еще называют «Танец призраков», – она со мной заговорила. Один из парней-агентов околачивался в студии всю ночь, скалился, но под утро ушел, и в «Автопилоте» воцарилась мертвая тишина, только в кабинете Макса работал кондиционер.

– Кейси, – сказала Лайза хриплым от магика голосом, – извини, что я так на тебя… навалилась.

На секунду я подумал, что она говорит о записи, которую мы только что сделали. Затем поднял взгляд, увидел ее, и мне пришло в голову, что мы остались одни. Последний раз такое было, когда я готовил демонстрационную пленку.

Я не знал, что ей ответить. Не понимал даже, что у меня на душе.

Экзоскелет в буквальном смысле подпирал ее, держал на ногах, и сейчас она выглядела еще хуже, чем в тот вечер, когда мы встретились у Рубина. Даже макияж, который постоянно обновляли спецы по косметике, не спасал: магик поедал ее изнутри, и временами казалось, что за маской-лицом не особенно привлекательной девчонки, по сути подростка, проглядывает череп с пустыми глазницами. Кстати, я даже не знал, сколько ей лет. Не стара и не молода, по виду вообще не поймешь…

– Эффект наклонной плоскости, – произнес я, сматывая провод.

– Как это?

– Таким образом природа предупреждает, что пора задуматься, своего рода математический закон: на любом возбуждающем средстве настоящий кайф можно словить только несколько раз, даже если увеличивать дозы. Никогда больше не будет такого же кайфа, как в самом начале. Во всяком случае, не должно быть. Это, кстати, общий недостаток всех модельных наркотиков: они слишком хитро сконструированы. У чертовщины, что ты вдыхаешь, на какой-нибудь из молекул есть маленький хвостик, который не даст разложившемуся адреналину превращаться в адренохром. Если бы не хвостик, ты уже давно стала бы шизофреничкой. У тебя не бывает неприятностей с дыханием? Ты, например, когда спишь, не задыхаешься?

Я говорил каким-то злым голосом, хотя даже не понимал, был ли на самом деле зол.

Она долго не сводила с меня своих тусклых серых глаз. Вместо дешевой кожаной куртки модельеры подобрали ей матово-черный блузон, который скрывал ребра экзоскелета гораздо лучше. Лайза всегда застегивала его под горло, хотя в студии бывало порой слишком жарко. Днем раньше на ней пробовали что-то новое парикмахеры, но у них ничего не получилось, и ее непослушные темные волосы торчали над треугольным лицом, как перекошенный взрыв. Она смотрела мне в глаза, и я вдруг снова почувствовал, насколько целенаправленно она действует.

– Я вообще не сплю, Кейси.

Только гораздо позже я вспомнил, что Лайза извинилась – единственный раз; это было, как мне показалось, не в ее стиле; больше я от нее ничего подобного не слышал.

* * *

Диета Рубина состоит из сэндвичей, что продаются в автоматах, пакистанских блюд навынос и кофе, тоже из автоматов. Я никогда не видел, чтобы он ел что-то другое. Мы сидим с ним в маленькой забегаловке на Четвертой улице, за крошечным столиком между стойкой и дверью в сортир, и едим самосы. Рубин заказал себе двенадцать штук – шесть с мясом и шесть с овощами. Глотает их одну за другой, не отвлекаясь ни на что, даже подбородок не вытирает. Он здесь бывает чуть ли не каждый день, хотя не выносит грека за стойкой. Тот, впрочем, отвечает ему тем же – настоящие прочные отношения. Если грек уволится, Рубин, возможно, перестанет сюда ходить. Грек пялится на крошки, прилипшие к подбородку Рубина и осыпающиеся на

куртку, а в перерывах между самосами, сузив глаза за грязными стеклами очков в стальной оправе, Рубин отвечает ему колючими взглядами.

Самосы – это обед. На завтрак у него куски подсохшего белого хлеба с яичным салатом, упакованные в молочно-белые пластиковые коробки, и шесть маленьких чашек ядовито-горького эспрессо.

– Ты не мог этого предвидеть, Кейси. – Рубин смотрит на меня в упор через захватанные стекла. – Потому что у тебя слабовато с латеральным мышлением. Ты всегда читаешь инструкции. Что, по-твоему, ей было нужно? Секс? Больше магика? Мировое турне? Она все это оставила позади. И оттого стала такой сильной. Все – позади. Вот почему «Короли грез» такой крутой хит, почему их все покупают, почему верят. Им это понятно. Все те мальчишки на Рынке, что греют зады у костров и не знают даже, где сегодня будут ночевать, они ей верят. За последние восемь лет это самый крутой эмоциодиск. Мне тут один из магазина на Гранвилле сказал, что «Королей» крадут больше, чем покупают всего остального. Замотались уже заказывать новые партии. Лайзу покупают, потому что Лайза такая же, как они, только глубже. Ни мечты, ни надежды. На них, на этих мальчишках, нет клеток, Кейси, но сами-то они все больше и больше просекают, что топчутся на месте, как в камере, и ничего им не светит. – Он стряхивает с подбородка жирные крошки, но три все равно остаются. – Лайза им это пропела, рассказала так, как они сами не смогут, нарисовала им картину. А деньги потратила, чтобы вырваться, вот и все.

Я смотрю, как пар оседает на окне и большими каплями стекает вниз, оставляя на запотевшем стекле мокрые дорожки. За окном угадывается частично «раздетая» «Лада»: колеса сняты и машина стоит осями на асфальте.

– А много людей это с собой сделали, Рубин? Не знаешь?

– Не очень. Хотя трудно сказать, потому что большинство из них, наверно, политики, про которых мы с надеждой думаем, что они безвозвратно мертвы. – Взгляд у него становится какой-то странный. – Не особенно приятная мысль. Но так или иначе, технология какое-то время была доступна прежде всего им. Даже для миллионеров это пока дорогое удовольствие, но я слышал по крайней мере о семи. Говорят, в «Мицубиси» раскошелились для Вайнберга – еще до того, как у него накрылась иммунная система. Он у них возглавлял гибридомную лабораторию на Окаяме. Их акции по моноклонам по-прежнему идут хорошо, так что, может быть, это и правда. И Ланглуа, француз этот, писатель… – Рубин пожимает плечами. – У Лайзы не было таких денег. Даже сейчас

нет. Но она пробралась в нужное место и как раз в нужное время. Ей недолго оставалось до конца, но она попала в Голливуд, а там уже поняли, что «Короли» пойдут отлично.

В тот день, когда мы закончили работу, челночным рейсом «Джей-Эй-Эль» прибыла группа из Лондона, четверо тощих парней с гипертрофированным чутьем на моду и, казалось, полным отсутствием эмоций – в общем, хорошо отлаженная, смазанная машина. Я усадил их рядом, в одинаковые кресла, в студии «Автопилота», намазал виски соляной пастой, прилепил электроды и прогнал им смикшированный вариант того, что готовилось как «Короли грез». Вернувшись в реальный мир, они загомонили все разом, на этакой британской разновидности тайного языка, с которым знакомы лишь студийные музыканты, замахали руками и полностью забыли про меня.

Но я кое-что разобрал и понял, что они в восторге. По их мнению, получилось просто здорово. Так что я подхватил куртку и смылся. Пасту могут и сами стереть.

В тот вечер я видел Лайзу в последний раз, хотя и не собирался с ней встречаться.

* * *

Мы возвращаемся назад к Рынку. Рубин звучно переваривает обед. В мокром асфальте отражаются красные тормозные огни машин, а город за Рынком кажется чистенькой скульптурой, высеченной из света, – ложь, в которой сломленные и потерянные зарываются в гоми, растущем, словно слой гумуса у подножий стеклянных башен.

– Мне завтра нужно во Франкфурт, собирать инсталляцию. Хочешь со мной? Оформлю тебя как техника-ассистента. – Он ежится и втягивает голову в пятнистую куртку. – Платить не могу, но авиабилеты за счет фирмы, а?

Странно слышать от Рубина такое предложение, но я знаю, что он за меня беспокоится, думает, я слишком завожусь из-за Лайзы, и это единственное, что пришло ему в голову, – вытащить меня куда-нибудь из города.

– Во Франкфурте сейчас холоднее, чем здесь.

– Но тебе не помешало бы сменить обстановку, Кейси. Я не знаю…

– Спасибо, но у Макса для меня много работы. «Автопилот» теперь – известная фирма. Люди прилетают со всех концов света.

– Ну-ну…

* * *

Оставив музыкантов в «Автопилоте», я отправился домой. До Четвертой дошел пешком, а дальше поехал троллейбусом. Мимо витрин, которые я вижу каждый день, ярких, расцвеченных, веселых. Одежда, обувь, дискеты, японские мотоциклы, похожие на чистеньких эмалированных скорпионов, итальянская мебель… Витрины меняют тут каждый сезон, да и сами магазины – одни закрываются, другие открываются. Чувствовалось, что все происходит в предпраздничном режиме: больше людей на улицах, многие парами, быстро и целеустремленно шагают мимо ярких витрин куда-то, где продается именно то, что нужно подарить тем-то и тем-то. Половина девушек в высоких, выше колен, дутых стеганых сапогах из нейлона – мода пришла из Нью-Йорка прошлой зимой, и Рубин говорит, в этих сапогах они выглядят так, будто всех слоновая болезнь хватила. Вспомнив об этом, я невольно улыбнулся, и тут вдруг до меня дошло, что все кончилось, что с Лайзой я расквитался, что теперь ее утянет в Голливуд так же неотвратимо, как если бы она сунула ногу в космическую черную дыру, утянет немыслимой силы тяготение Больших Денег. Поверив, что она уже ушла из моей жизни – уведена, – я расслабился, снял оборону и почувствовал к ней жалость. Но только чуть-чуть. Потому что не хотел, чтобы что-нибудь портило мне вечер. Я хотел гулять и веселиться. Со мной этого уже давно не было.

Я вышел на своей остановке. Лифт сработал с первого раза – хороший знак, подумалось мне. Поднявшись домой, я разделся, принял душ, нашел чистую рубашку и разогрел в микроволновке несколько буррито. Приходи в себя, посоветовал я своему отражению, бреясь перед зеркалом. Ты слишком много работал. Твоя кредитная карточка растолстела, и пора это поправить.

Буррито напоминали по вкусу картон, но я решил, что мне это даже нравится, потому что они такие агрессивно-обычные. Машина у меня была на ремонте в Бернаби – водородный аккумулятор стал плохо держать заряд, – так что вести не придется. Можно будет пойти и нарезаться от души, а утром позвонить Максу и сказать, что приболел. Выступать он не станет; я у него теперь примадонна, и Макс мне кое-чем обязан.

Слышишь, Макс, ты мне теперь по гроб жизни должен, сказал я, достав из морозильника запотевшую бутылку «Московской» и обращаясь за неимением Макса к ней. Никуда ты теперь не денешься. Я три недели подряд монтировал грезы и кошмары одной очень сдвинутой особы, Макс. Для тебя. Чтобы ты толстел и процветал, Макс… Я налил на три пальца водки в пластиковый

стаканчик, оставшийся от большой гулянки, что я устраивал с год назад, и пошел обратно в гостиную.

Иногда мне кажется, что тут вообще никто не живет. В смысле живет, но он – никто. Не то чтобы у меня беспорядок, нет, в общем-то, я неплохо справляюсь с уборкой, хотя делаю это скорее по привычке. Даже пыль на рамах сверху не забываю стирать, и все такое, но временами мне вдруг становится здесь как-то зябко, неуютно: тут ничего нет, кроме самого обычного набора самых обычных вещей. Не то чтобы мне хотелось завести кошку, горшки с цветами расставить или еще что. Просто иногда я думаю, что тут мог бы жить кто угодно; все так взаимозаменяемо, моя жизнь и ваша, моя и чья-то еще…

Я думаю, что Рубин именно так жизнь и воспринимает, но для него это источник силы и вдохновения. Он живет в чужом мусоре, и все, что он тащит домой, было когда-то новеньким и блестящим, что-то для кого-то значило, пусть хоть недолго. Вот он и собирает хлам в свой идиотский грузовик, свозит к себе и выдерживает до поры до времени, как в компостных кучах, пока не придумает что-нибудь новое, куда этот хлам можно употребить. Рубин как-то показывал мне свою любимую книгу по искусству двадцатого века, там была фотография движущейся скульптуры под названием «Мертвые птицы снова летят» – этакая конструкция, которая крутила на веревочках трупики мертвых птиц. Рубин улыбнулся и кивнул; я почувствовал, что он считает автора своего рода духовным наставником. Но что он подумает, глядя на мои плакаты в рамах, на мой мексиканский диван, на мою кровать из темперлона? Впрочем, решил я, он-то, возможно, и придумает что-нибудь необычное. Вот поэтому он известный художник, а я – нет.

Я подошел к окну и прижался лбом к стеклу, такому же холодному, как стакан у меня в руке. Пора двигаться, подумалось мне. Первые симптомы болезненного страха перед городским одиночеством. А это легко излечивается. Допиваешь. И идешь.

Нарезаться как следует мне в тот вечер так и не удалось. Но здравого смысла я тоже не проявил. Надо было плюнуть, пойти домой, посмотреть какой-нибудь древний фильмец и завалиться спать. Однако напряжение, копившееся во мне все эти три недели, гнало меня дальше, как пружина механических часов, и я продолжал слоняться по ночному городу, по большей части наугад, и время от времени добавлял то в одном баре, то в другом. Вот в такую ночь, казалось мне, легко ускользнуть в другой континуум, в альтернативный мир, где город выглядит точно так же, но там нет ни одного человека, которого ты любишь или знаешь, нет никого, с кем бы ты хоть однажды заговорил. В

такую ночь можно зайти в знакомый бар и обнаружить, что там заменили весь штат… А затем ты вдруг осознаешь, что и зашел-то лишь для того, чтобы увидеть хоть какое-то знакомое лицо – официантки, бармена, кого угодно… Веселью это, как известно, не способствует.

Я, однако, не останавливался, побывал уже в шести или семи заведениях, и в конце концов меня занесло в какой-то клуб в западной части города. Выглядел он так, будто обстановку там не меняли еще с девяностых годов: облупленный хром поверх пластика и размытые голограммы, от которых, если пытаешься разобрать картинку, начинает болеть голова. Кажется, Барри мне об этом заведении рассказывал, но, убей бог, не знаю зачем. Я огляделся и ухмыльнулся. Если специально ищешь какую-нибудь унылую дыру, то лучше места не найти. Да, сказал я себе, усаживаясь на угловой стул у стойки бара, то, что надо: и грустно, и гнусно. Настолько гнусно, что я, может быть, сумею остановить свое падение в эту бездонную дерьмовую ночь. Тоже неплохо будет. Вот сейчас приму еще на дорожку, повосторгаюсь этой пещерой и – на такси домой.

Тут я увидел Лайзу.

Она меня пока не заметила: я как вошел, так и сидел с поднятым от ветра воротником, Лайза устроилась в дальнем конце бара, а перед ней стояли два глубоких пустых фужера – их еще подают с такими маленькими гонконгскими зонтиками или пластиковыми русалками в коктейле. Когда она посмотрела на парня рядом с ней, я заметил у нее в глазах блеск магика и догадался, что напитки были безалкогольные: при таких дозах наркотика мешать его с алкоголем – верная смерть. Зато парень уже поплыл, с его лица не сходила тупая пьяная улыбка, и он едва не падал со стула, хотя все время что-то говорил, говорил, пытаясь сфокусировать взгляд на ее лице. Лайза сидела в своем новом черном блузоне, застегнутом до подбородка, и казалось, что ее череп просвечивает сквозь бледную кожу, как тысячеваттная лампа. Увидев ее в этом баре, я вдруг многое понял.

Понял, что она действительно умирает – или от магика, или от своей болезни, или от всего вместе. Что она давно это знает. Что парень рядом с ней слишком пьян, чтобы заметить экзоскелет, но дорогой блузон и то, как Лайза сорит деньгами, он тем не менее заметил. И что происходит именно то, на что это больше всего похоже.

Увиденное как-то не укладывалось в голове. Что-то во мне противилось моим же выводам.

А Лайза улыбалась – или, во всяком случае, изображала нечто

в ее представлении похожее на улыбку – и своевременно кивала, когда парень заплетающимся языком изрекал очередную глупость. Невольно вспоминалась ее фраза о том, что она любит смотреть.

Теперь я понимаю, что, не встреть я ее в этом баре, с этим парнем, мне было бы гораздо легче принять то, что случилось позже. Возможно, я бы даже порадовался за нее или как-то поверил в то, во что она превратилась – создала по своему образу и подобию, – в программу, которая притворяется Лайзой, причем настолько хорошо, что сама в это верит. Я бы поверил, как верит Рубин, что она все оставила позади, – Пресвятая Жанна электронного века, жаждущая лишь слияния со своим компьютерным божеством в Голливуде. Что в час прощания с этой жизнью она ни о чем не пожалеет. Что отбрасывает беспомощное настрадавшееся тело с криком облегчения. Что теперь она наконец свободна от поликарбоновых пут и постылой плоти. Может быть, так оно и есть. Я не сомневаюсь, что именно так она это и представляла раньше.

Но я видел ее в баре, видел, как она держит за руку этого пьяного парня, хотя сама даже не ощущает прикосновения. И я понял тогда, сразу и на всю жизнь, что мотивы человеческого поведения никогда не бывают ясными и однозначными. Даже у Лайзы, с ее безумным, разъедающим душу стремлением наверх, к славе и кибернетическому бессмертию, были слабости. Человеческие слабости. Я все понимал и сам себя за это ненавидел.

В тот вечер она решила попрощаться с собой. Найти кого-нибудь настолько пьяного, чтобы он сделал это за нее. Потому что Лайза действительно любила смотреть.

Думаю, она заметила меня на выходе: я чуть не бегом оттуда выскочил. И если заметила, то, наверно, возненавидела еще сильнее – за ужас и жалость, написанные на моем лице.

Больше я ее никогда не видел.

* * *

Надо будет как-нибудь спросить у Рубина, почему он не умеет смешивать ничего, кроме сауэров с «Уайлд тёрки». Хотя крепкие получаются, ничего не скажешь… Рубин подает мне побитую алюминиевую кружку. Вокруг тикает, мельтешит, воровато переползает с места на место вся эта механическая мелкота, что он насоздавал.

– Тебе все-таки стоит махнуть во Франкфурт, – не унимается

он.

– Зачем, Рубин?

– Затем, что рано или поздно она тебе позвонит. А ты, мне кажется, сейчас к этому не готов. Ты еще не очухался, а программа будет говорить ее голосом, думать как она, и ты совсем свихнешься. Поехали-ка во Франкфурт, отойдешь немного. Ей там тебя не отыскать.

– Я же говорил: работы много, – отвечаю я, вспоминая, как увидел ее в баре. – И потом, Макс…

– Да пошли ты этого Макса куда подальше. Он на тебе кучу денег огреб, так что пусть не рыпается. Ты, кстати, и сам на «Королях» разбогател. Не ленись, позвони в банк – сам убедишься. Так что вполне можешь позволить себе небольшой отпуск.

Я смотрю на него и думаю, расскажу ли ему когда-нибудь о той последней встрече.

– Рубин, спасибо, приятель, но я просто… – (Он вздыхает и отхлебывает из своей кружки.) – Вот скажи, если позвонит, это она будет или нет?

Рубин долго не сводит с меня пристального взгляда:

– А бог ее знает. – Кружка с легким стуком опускается на стол. – Я в том смысле, что технология уже отработана, так почему бы и нет, в самом-то деле.

– И ты считаешь, мне все-таки стоит махнуть во Франкфурт?

Рубин снимает очки в стальной оправе и протирает стекла о фланелевую рубашку – чище они от этого не становятся.

– Считаю. Тебе надо отдохнуть. Ты это сам поймешь. Если не сразу, то очень скоро.

– В смысле?

– Например, когда начнешь монтировать ее следующую запись. А этого, видимо, ждать недолго, потому что ей понадобятся деньги, и уже скоро. Она занимает в памяти машины, которая принадлежит какой-то корпорации, чертовски много места, и даже ее доли в «Королях» не хватит, чтобы полностью расплатиться за все эти дела. Ты ведь теперь ее монтажер, Кейси. Кто же, кроме тебя?

Я сижу и смотрю, как он пристраивает очки обратно на нос, сижу не шевелясь.

– Кто, как не ты, старик, а?

Одно из его творений издает негромкий отчетливый щелчок, и до меня вдруг доходит, что он прав.

Поединок [62]
Майкл Суэнвик, Уильям Гибсон

Он собирался ехать и ехать, не останавливаясь, прямиком во Флориду. Завербоваться на шхуну контрабандистов оружием; глядишь, и прибьет ветром к армии каких-нибудь вонючих повстанцев из очередной горячей точки. С таким, как у него, билетом он был словно вечный скиталец, прикованный к своему кораблю – «Летучему голландцу» от компании «Грейхаунд». В холодном засаленном стекле, на фоне огней деловой части Норфолка, угрюмо скалилось его слабое отражение. Водитель лихо завернул за последний угол, автобус устало закачался на продавленных рессорах и, отчаянно дребезжа, остановился на сером бетоне привокзальной площади, унылой, как тюремный двор. Однако Дейк, прижавшись щекой к стеклу, видел совсем другое: как его, голодного, окончательно замораживает налетевший откуда-нибудь из Осуиго буран – и на следующей остановке ворчливый старик-уборщик в замызганной спецовке выметает из салона задубевшие останки. Ладно, решил Дейк, так или иначе – плевать. Вот если бы только не ноги, которые, казалось, уже умерли. Водитель тем временем объявил двадцатиминутную остановку: «Станция Тайдуотер, Виргиния». Автовокзал, будто перенесенный из прошлого века, представлял собой старое шлакоблочное строение с двумя входами в каждый туалет.

На деревянных ногах Дейк с трудом выполз из автобуса и привидением завис близ галантерейного прилавка, но чернокожая девчонка бдительно защищала жалкое содержимое старой стеклянной витрины, будто малейшая пропажа грозила ей увольнением. А может, и вправду грозила, подумал Дейк и отвернулся. Напротив туалетов была открытая дверь в заведение, предлагавшее посетителям «ИГРЫ», – вывеска была сделана из биофлюоресцентной пластмассы и слабо мерцала. Внутри Дейк заметил толпу местных бездельников, сгрудившихся вокруг бильярдного стола. Бесцельно, окутанный скукой, словно облаком, он сунулся в дверь. И сразу увидел крошечный биплан с крыльями не длиннее пальца, охваченный ярко-оранжевым пламенем. Кувыркаясь в штопоре, оставляя длинный хвост дыма, тот падал на стол, а затем, коснувшись зеленого сукна, мгновенно исчез.

– Так его, Крошка! – взревел один из болельщиков. – Уделай этого сукина сына!

– Эй! – позвал Дейк. – Что происходит?

– Крошка защищает свой «Макс», – сказал, не отводя глаз от стола, ближайший болельщик – тощий как жердь, в черной сетчатой кепке с надписью «Питербилт».

– Да? Ну и что? – Но, спрашивая, Дейк уже знал ответ: голубой эмалированный мальтийский крест с круговой надписью «Pour le Mérite».[63]

«Голубой Макс» лежал на краю стола – прямо перед громадной, совершенно неподвижной тушей, втиснутой в хрупкое на вид кресло из хромированных трубок. Исполинская рубашка цвета хаки обтягивала могучий торс так плотно, что пуговицы, казалось, вот-вот с треском разлетятся. Дейку вспомнились полицейские-южане, вроде тех, на кого он сейчас постоянно натыкался в пути. Крошка был из такой же странной тяжеловесной породы людей, чьи тонкие ноги, казалось, принадлежат чужому телу. Если бы он встал, его джинсы пятидесятого размера только со стальным ремнем удержали бы эти фунты расползшегося жира. Но это если бы он мог подняться: Дейк увидел, что блестящее сооружение, на котором сидит Крошка, – кресло-каталка. На лице этого человека сохранилось беспокойно-детское выражение; отталкивающе юные и даже красивые черты были погребены в складках одутловатых щек и подбородка. Дейк смущенно отвел глаза. Боец с другого края бильярдного стола – тонкогубый, с густыми баками – непрерывно щурился и гримасничал, как будто вымаргивал соринку из глаза…

– Тебе чего, деревня? – Мужик в кепке повернулся и, сверкнув для начала медными браслетами, схватил Дейка за лацканы куртки. – Здесь не нужны болваны вроде тебя. – Он опять уставился на сражение.

Заключались обычные в таких случаях пари, делались ставки. Болельщики вытаскивали заначки – старые добрые рузвельтовские даймы и доллары с изображением статуи Свободы, некоторые, поосторожнее, выкладывали на стол антикварные бумажные купюры, заклеенные в пластик. Вдруг в дымке появилось ровно летящее трио крошечных красных самолетиков. «Фоккеры Д-VII». Комната мгновенно затихла. «Фоккеры» величественно совершили вираж под двухсотваттным электрическим солнцем.

Словно ниоткуда вынырнул голубой «спад». От скрытого дымным сумраком потолка отделились еще два. Болельщики возбужденно загалдели, один дико заржал. Строй красных аэропланов в беспорядке распался. Один «фоккер» нырнул прямо к зеленому сукну стола, но «спад» цепко висел у него на хвосте.

Красный «фоккер» носился возле самой поверхности сумасшедшими зигзагами, но безуспешно – «спад» не отставал. Наконец «фоккер» свечой ринулся вверх – противник не отставал, – но не рассчитал, взял слишком круто и потерял скорость; высота была слишком маленькой, чтобы не упасть.

Кто-то получил кучу звонких серебряных монет.

«Фоккеры» остались в меньшинстве. У одного из них на хвосте повисли два «спада». Мимо аэропланчика пронеслась тончайшая цепочка трассирующих пуль. «Фоккер» скользнул вправо, сделал иммельман, оказался позади одного из своих преследователей, тут же открыл огонь – и голубой биплан, кувыркаясь, пошел вниз.

– Давай, Крошка, не расслабляйся! – Болельщики возбужденно придвинулись прямо к столу.

Дейк замер в восхищении. Он чувствовал, что рождается заново.

* * *

«Мелочная торговля Фрэнка» стояла на грузовом шоссе всего в двух милях от города. Дейк машинально приметил лавку, проезжая мимо на автобусе, и сделал мысленную зарубку. Теперь он возвращался пешком вдоль бетонных ограждений. С грохотом проносились огромные восьмиосные грузовики с прицепами и обдавали его вихрем, грозящим разорвать в клочья. Придорожные магазинчики были устроены просто. Кругом не было ни души, и Дейк не торопясь стал потрошить лавочку. Интересовавший его стеллаж с компьютерными играми находился между корейскими ковбойками и витриной с грязевыми щитками «Фазз Бастер». Над проволочным стеллажом в воздухе медленно кружилась парочка то ли дерущихся, то ли спаривающихся восточных дракончиков. Наконец Дейк увидел нужную упаковку с надписью «„СПАДЫ“ И „ФОККЕРЫ“». Чтобы выудить ее, ему понадобилось три секунды. А чтобы отключить сигнализацию с помощью магнита, который фараоны из округа Колумбия даже не подумали конфисковать, – и того меньше.

Перед уходом Дейк прихватил пару программаторов и вспомогательное устройство дистанционного управления фирмы «Батанг», похожее на старинный слуховой аппарат.

* * *

В наобум выбранной высотке Дейк скормил управляющему ту же легенду, что скармливал управляющим всегда, с тех пор как вылетел с велфера. Впрочем, обычно жильцами никто не интересовался, государство только считало количество занятых помещений и платило.

В отведенной ему комнатенке воняло мочой, а стены были сплошь исцарапаны анархистскими лозунгами Фронта освобождения. Дейк выгреб из угла хлам, сел, прислонившись к стене, и разорвал упаковку игры.

Там были: сложенная инструкция с диаграммами мертвых петель, бочек и иммельманов, тюбик проводящей пасты и компьютерная распечатка с тактико-техническими данными. И сама облатка; с одной стороны на белом пластике изображен голубой биплан, с другой – красный. Дейк повертел ее в руках: «„СПАДЫ“ И „ФОККЕРЫ“», «„ФОККЕРЫ“ И „СПАДЫ“». Красное и голубое.

Дейк укрепил за ухом «батанг», смазал поверхность индуктора пастой, подсоединил к программатору оптоволоконный провод, включил программатор в стенную розетку. Потом вставил в программатор облатку. Аппарат был дешевый, индоявanский, и при запуске программы в затылке неприятно зажужжало. Но когда все было сделано, в нескольких дюймах от лица беспокойно заметался небесно-голубой «спад». Он сверкал почти как настоящий. Подобно большинству тщательно проработанных музейных муляжей, аэроплан обладал таинственной внутренней достоверностью, но удержать его в поле зрения можно было, лишь максимально концентрируясь. Как только внимание рассеивалось, настройка сбивалась, нарушалась визуализация, и крохотный биплан расплывался в туманное пятно.

Дейк тренировался, пока в «батанге» не села батарейка, затем откинулся к стене и мгновенно уснул. Ему снилось, что он летит в безбрежно-голубом небе среди белых облаков, вдали от земных забот, недоступный превратностям судьбы.

* * *

Он проснулся от сильного запаха жареных лепешек с крилем – и его затрясло от голода. Денег больше не было. Впрочем, в доме наверняка жило много студентов. Кто-нибудь обязательно заинтересуется программатором. Дейк с надеждой направился в коридор. Неподалеку он увидел дверь с транспарантом: «А ОТЛИЧНАЯ ЖЕ ВСЕЛЕННАЯ ПО СОСЕДСТВУ!» Ниже, поверх

романтичного плаката «космической колонии», которую начали строить, когда он еще только родился, была наклеена звездная россыпь разноцветных пилюль, вырезанная из рекламы какой-то фармацевтической компании. «ИДЕМ!» – приглашала надпись над коллажем из снотворного.

Он постучал. Дверь слегка приоткрылась, удерживаемая цепочкой, и в двухдюймовую щель выглянуло девичье лицо.

– Да?

– Вы, видно, думаете, что эта штука ворованная. – Он перекладывал программатор с ладони на ладонь. – Наверное, потому, что она совсем новенькая, даже упаковка не распечатана. Послушайте. Я не стану спорить. Нет. Я просто хочу сказать, что она стоит вполовину дешевле, чем где-либо еще.

– Да ну? Неужели? Без дураков? – На губах девушки заиграла странная улыбка. Она медленно протянула руку ладонью вверх. Прямо к его носу. – Глянь-ка!

В ладони была дыра, черный туннель, уходящий вверх по руке. Два маленьких красных мерцающих огонька. Крысиные глазки! Они бросились к нему, по пути вырастая. Что-то серое мелькнуло и прыгнуло ему прямо в лицо.

Дейк в испуге закричал, пытаясь заслониться руками, поскользнулся и упал прямо на программатор.

Сжимая голову руками, он забился в судорогах – и во все стороны брызнули кремниевые осколки. Ему было больно, так больно…

– Ах, боже ты мой! – Цепочка звякнула, и девушка воспарила над ним. – Эй! Послушай, давай вставай! – Она взмахнула голубым полотенцем. – Хватайся за него, я тебя подниму.

Дейк смотрел на нее сквозь пелену слез. Студентка. Взгляд этакой зануды, не по размеру большой свитер, зубы такие ровные и белые, что могли бы служить вместо справки о кредите. Тонкая золотая цепочка на лодыжке, покрытой (он увидел) мягким детским пушком. Изысканная японская стрижка. Да, тут водились деньжата.

– Эта штуковина могла стать моим обедом, – удрученно сказал Дейк.

Он схватился за полотенце, и девушка помогла ему подняться. Она улыбнулась ему, но настороженно отодвинулась.

– Разреши мне исправиться. Хочешь есть? Это же была проекция, только и всего. Понял?

Напряженно, словно зверь, входящий в клетку, Дейк последовал за ней.

* * *

– Ни хрена себе! – восхищенно произнес Дейк. – Это же *натуральный сыр*…

Он сидел на продавленном диване, втиснувшись между четырехфутовым плюшевым медведем и кучей дискет. Комната была по щиколотку завалена книгами, одеждой и бумагами. А еда, над которой колдовала девушка, явилась прямо из «Тысячи и одной ночи»: сыр «Гауда», консервированная говядина и – честное слово! – потрясающе вкусные вафли из оранжерейной пшеницы.

– Ну как, – спросила она, – мы можем угодить рабочему парню?

Ее звали Нэнси Беттендорф. Ей было семнадцать. Ее предки – вот жадюги – оба работали, а она училась на инженера в колледже Уильяма и Мэри, по всем предметам на «отлично», кроме английского.

– У тебя, наверное, пунктик такой – крысы? Вроде фобии? – спросила Нэнси.

Дейк мельком взглянул на кровать – очень-очень низкую, едва возвышавшуюся над полом.

– Да нет, в общем-то. Это кое-что мне напомнило, только и всего.

– Что напомнило? – Она присела на корточки, свитер задрался, открывая гладкое матовое бедро.

– Ну… ты когда-нибудь видела… – голос его невольно повысился, он комкал концы фраз, – Монумент Вашингтона? Ночью? Там наверху на обелиске есть два маленьких… красных огонька… вроде авиационных маяков, и я… и я… – Неожиданно его затрясло.

– Ты боишься Монумента Вашингтона?

Нэнси взвизгнула, повалилась на спину и залилась хохотом, дрыгая длинными загорелыми ногами. На ней были малиновые трусики.

– Я лучше умру, чем еще раз на него посмотрю, – медленно произнес Дейк.

Нэнси перестала смеяться, села и принялась изучать его лицо. Она побледнела и стала напряженно покусывать нижнюю губу. Похоже, она выкопала что-то такое, о чем думать не хотела. Наконец отважилась на вопрос:

– Ты закодирован?

– Да, – горько сказал Дейк. – Они сказали, я никогда не смогу вернуться в округ Колумбия. И еще эти сволочи смеялись…

– За что они тебя?

– Я вор. – Он не стал уточнять, что жил за счет магазинных краж.

* * *

– Куча старых хакеров угробили жизнь на программирование машин. И знаешь что? Оказалось, человеческий мозг ничуть не похож на эти чертовы машины. Они программируются совсем по-разному.

Сотни холодных и пустых ночей, проведенных в незнакомых компаниях, подготовили Дейка к этому безумному истерическому трепу, к бесконечной болтовне, которую одиночество навязывает своему редкому слушателю. Нэнси несло, а Дейк, зевая и поклевывая носом, гадал, сможет ли он не уснуть сразу, когда в конце концов они окажутся в ее постели.

– Я сама закодировала эту проекцию, которая так тебя испугала, – сказала девушка, подтягивая колени к подбородку. – Это против грабителей. Она как раз оказалась со мной, и я сунула ее тебе под нос. Мне стало так смешно, когда ты пытался всучить мне этот фиговый индоявanский программатор. – Она наклонилась и опять вытянула руку. – Смотри.

Дейк инстинктивно съежился.

– Да нет, это не страшно! Ей-богу, это совсем другое! – Она раскрыла ладонь.

На ладони переливался совершенный, идеальной формы, цветок голубого пламени.

– Взгляни на это, – восхищалась девушка, – ты только взгляни. Я сама его запрограммировала. Это не какой-нибудь пустячок, перебирающий семь картинок по кругу. Тут непрерывная петля на два часа, семь тысяч двести секунд, и ни одно изображение не повторяется, каждое мгновение индивидуально, как снежинка!

В глубине пламени сверкал прозрачный кристалл. Его грани вспыхивали, плыли, пропадали, переходя в яркие, режущие глаза образы. Дейк поморщился. По большей части люди. Хорошенькие голенькие человечки, занимающиеся любовью.

– Черт подери, как ты это сделала?

Девушка встала, переступая босыми ногами между кипами глянцевых журналов, подошла к грубой фанерной полке и картинным жестом смела оттуда кипу распечаток. Дейк увидел ряд аккуратных маленьких консолей, выглядевших очень дорого. Штучная работа, спецзаказ!

– У меня тут неплохое железо. Визуализатор образов. Эмоциомикшер. А это анализатор, полностью имитирующий человеческий мозг. – Нэнси выпевала сложные названия, как литанию. – Квантовый импульсный стабилизатор. Коммутатор программ. Генератор изображений…

– И тебе нужно все это, чтобы сделать одно маленькое пламя?

– А как же! Все это – самый совершенный комплекс для ветвер-программирования,[64] последнее слово проективной техники. Он на несколько лет опережает все, что ты когда-нибудь видел.

– Эй, – сказал Дейк, – а в «„Спадах“ и „фоккерах“» ты рубишь?

Она засмеялась. Он понял, что время подходящее, и взял ее за руку.

– Не прикасайся ко мне, твою мать, *никогда меня не трогай*! – неожиданно закричала Нэнси и так сильно откинулась назад, что ударилась головой о стену. Она была бледна и тряслась от ужаса.

– О'кей! – Он поднял руки вверх. – О'кей! Я к тебе не подхожу. Теперь все в порядке?

Нэнси снова от него шарахнулась. Из округлившихся немигающих глаз по бледным щекам текли слезы. Наконец она покачала головой:

– Эй, Дейк! Извини! Мне надо было тебе сразу сказать.

– Что? – У него появилось смутное чувство… он догадывался. Она так обхватывала голову… Судорожно сжимала и разжимала ладони… – Ты тоже закодирована?

– Да. – Она закрыла глаза. – Замок девственности. Эти мудаки – мои предки – заплатили и за это. Теперь я не выношу, когда кто-нибудь прикасается ко мне или даже подходит слишком близко. – Она открыла глаза: в них пылала слепая ненависть. – Я даже ничего не делала. Ничего такого. Но они так вкалывают, так мечтают, чтобы я сделала карьеру, что просто кушать не могут. Они, видите ли, боятся, что секс и всякое такое отвлекут меня от учебы. Но в тот самый день, когда кодирование снимут, я трахнусь с самым грязным, вонючим, лохматым…

Девушка опять судорожно обхватила руками голову. Дейк бросился к аптечке. Там он нашел банку с витамином В, прикарманил горсть, а две таблетки и стакан воды принес Нэнси:

– На. – Дейк старался сохранять дистанцию. – Это тебе поможет.

– Да, да, – ответила она. Затем едва слышно добавила: – Ты, конечно, считаешь меня совсем идиоткой.

* * *

Игровой зал на «грейхаундовском» автовокзале был почти пуст. Одинокий четырнадцатилетний подросток, открыв рот, склонился над консолью, маневрируя радужными флотилиями подводных лодок в сумрачных глубинах Северной Атлантики.

Неторопливо вошел Дейк и прислонился к шлакобетонной стене, матово блестевшей от бесчисленных слоев зеленой краски. Он обновил свой гопницкий гардероб: простирнул робу, увел из «Гудвилла» джинсы и футболку и позаимствовал в раздевалке при сауне в халтурно охранявшейся высотке пару крепких башмаков.

– Не видел Крошку, приятель?

Подводные лодки метались, как неоновые гуппи.

– Смотря кто его спрашивает.

Дейк коснулся «батанга» за левым ухом. Прямо над консолью скользнул быстрый и изящный, как стрекоза, «спад». Самолетик был прекрасен: такой совершенный, такой реальный, что комната казалась иллюзией. Дейк приподнял аэроплан и провел его в миллиметре от стекла.

Парень даже бровью не повел.

– Он в «Джекмане», – сказал он. – Это на Ричмонд-роуд, над «Неликвидами».

Дейк позволил «спаду» растаять прямо во время набора высоты.

«Джекман» занимал почти весь третий этаж старого кирпичного дома. Сначала Дейк нашел «Дешевую распродажу армейских неликвидов», а затем щербатую неоновую вывеску над темным вестибюлем. Тротуар перед фасадом заполняли неликвиды совсем иного рода – изувеченные ветераны. Некоторые воевали еще в Индокитае. Старики, потерявшие глаза под азиатским солнцем, сидели бок о бок с трясущимися мальчишками, которые нанюхались микотоксинов в Чили. Дейк почувствовал сильное облегчение, когда за ним, шурша, закрылись побитые двери лифта.

Пыльные часы «Доктор Пеппер» в дальнем конце длинной призрачной комнаты показывали без четверти восемь. «Джекман», подернутый желтоватым налетом никотина, пропитанный запахами бриолина и политуры, оставался таким же, как и за двадцать лет до рождения Дейка. Прямо под часами висела любительская фотография – с нее смотрели тусклые глаза оленя, подстреленного чьим-то дедушкой. Раздавались удары, стук бильярдных шаров и шарканье ботинок по линолеуму – это кто-то из игроков наклонялся для удара. Откуда-то сверху, из-за зеленых абажуров, на тонкой нити, усеянной бумажными рождественскими колокольчиками, свешивалась мертвая роза. Дейк оглядел захламленную комнату. Никакого визуализатора.

– Еще кого-то принесло, – послышался голос.

Дейк обернулся и встретился со спокойным взглядом лысого мужчины в стальных очках.

– Меня зовут Клайн. Бобби Граф. Ты не похож на любителя

покатать шары, мистер.

Ни в позе, ни в голосе Бобби Графа не было ничего угрожающего. Он снял с носа очки и протер толстые линзы. Он напоминал продавца, который когда-то пытался научить Дейка пользоваться устаревшей биокомпьютерной установкой.

– Я играю на деньги, – улыбаясь, продолжал Бобби. У него были белые пластмассовые зубы. – Я знаю, что не очень-то похож.

– Я ищу Крошку, – сказал Дейк.

– А-а-а. – Граф водрузил на нос очки. – Его здесь нет. Поехал в Вифезду, чтобы армейские эскулапы ему трубы почистили.[65] Но он все равно не стал бы с тобой летать.

– Почему?

– Да потому, что ты не нашего круга птица, иначе я бы знал тебя в лицо. Хорошо летаешь? – Дейк кивнул, и Бобби Граф крикнул кому-то в глубине зала: – Эй! Кларенс! Выноси визуализатор! К нам пришел летун.

Двадцать минут спустя, потеряв не только всю наличность, но и «батанг», Дейк шагал мимо изувеченных солдат из «Дешевой распродажи».

– А теперь я скажу тебе кое-что, парень, – отечески произнес Бобби Граф, когда, обнимая Дейка за плечи, провожал его к лифту. – Тебе не выиграть у настоящих ветеранов, слышишь? Я-то ладно – пехтура и пехтура, мне хайп кололи раз всего пятнадцать, может, двадцать. А старина Крошка, он *пилот*. Он всю службу сидел на игле. Клеточные мембраны истончились так, что мама не горюй… тебе ничего не светит, пацан.

Была прохладная ночь. Но Дейк пылал от гнева и унижения.

* * *

– Господи, примитив какой, – заметила Нэнси, когда «спад» с бреющего полета расстрелял груды розового белья.

Дейк закашлялся от злости и сорвал с головы ее шикарное устройство дистанционного управления фирмы «Браун».

– Вот только ты еще не начинай, мисс богатая-сучка-которая-собирается-получить-работенку…

– Да ладно, не бесись. Это не от тебя зависит: просто твоя игрушка – обычная штамповка. Облатка у тебя совершенно дубовая. Может, на улице такой уровень и сойдет. Но по сравнению с нашими курсовиками – это тьфу. Давай я ее тебе перепишу.

– Что перепишешь?

– Твою программу. Эти дешевки пишут шестнадцатеричным

кодом, потому что промышленные программисты – смирившиеся хакеры-неудачники. Они так думают и не могут иначе. Дай мне облатку, я ее прогоню через наш кафедральный анализатор, отредактирую, внесу изменения и переведу на современный язык. Уберу все лишние переходы. Это ускорит твою реакцию и вдвое сократит петлю обратной связи. Поэтому ты сможешь летать быстрее и лучше. Я сделаю из тебя настоящего профессионала. Аса!

Нэнси сделала затяжку из бурбулятора и зашлась кашляющим хохотом.

– Так можно? – не веря своим ушам, поинтересовался Дейк.

– А зачем, по-твоему, люди покупают устройства с золотыми контактами? Ради престижа? Черта с два! Высокая проводимость на несколько наносекунд ускоряет реакцию. А скорость реакции решает здесь все, дружок!

– Нет, – упорствовал Дейк. – Если бы все было так просто, у всех давно уже были бы такие фиговины. И у Крошки Монтгомери была бы. У него давно все самое лучшее.

– Ты будешь слушать? – Нэнси резко отставила бурбулятор, коричневая вода выплеснулась на пол. – Железо, на котором я работаю, на три года опережает все, что производится серийно.

– Врешь, поди, – сказал Дейк после долгой паузы. – Или ты действительно это можешь?

* * *

Новая программа отличалась от предыдущей примерно как «форд» двадцатых годов от девяносто третьего «лотоса». «Спад» повиновался будто во сне, слушаясь тончайших мозговых импульсов. За несколько недель Дейк научился лихо выполнять фигуры высшего пилотажа. Он выходил против местных подростков и одиночными самолетами, и тройками и неизменно всех сбивал. Дейк испытывал судьбу, пижонил. Аэропланы продолжали падать…

Однажды, когда Дейк прятал в карман очередной выигрыш, от стены отделился долговязый негр. Он поглядел на ламинированные бумажки в руках Дейка и презрительно ухмыльнулся. Сверкнул рубиновый зуб.

– Знаешь, – сказал негр, – услышал я, что здесь завелся некий умник, который умеет летать, но забавляется с детишками…

* * *

– Господи, – произнес Дейк, намазывая датское масло на хлебец из водорослей, – да я ими пол вытер, этими ниггерами. А они тоже летуны будьте-нате.

– Чудно-чудно, дорогуша, – пробормотала Нэнси. Она работала над дипломом и как раз вводила данные в машину.

– Знаешь, я думаю, у меня настоящий талант на эту хрень. Ну то есть, да, программа дала мне какую-то фору, но ведь я и сам парень не промах. Я и вправду здорово наблатыкался, понимаешь?

Машинальным движением Дейк включил радио. Древней трескучей медью завыл диксиленд.

– Эй, – запротестовала Нэнси. – Ты соображаешь? Я же работаю.

– Да я только… – Он повертел ручку, и из приемника полилась какая-то медленная романтическая лажа. – Вот. Ну, вставай. Давай потанцуем.

– Ты же знаешь, я не могу…

– Конечно можешь, солнышко.

Он бросил ей огромного плюшевого медведя, а сам подхватил с пола платье, пошитое из лоскутов. Зажал воротник под подбородком и взял платье за пояс и за рукав. Платье пахло пачули и чуть-чуть потом.

– Смотри. Я стою здесь – ты стоишь там. Мы танцуем. Идет?

Смущенно моргая, Нэнси встала и крепко прижала к себе медведя. А потом они медленно танцевали, глядя друг другу в глаза. Вскоре она заплакала. Но при этом улыбалась.

* * *

Дейк грезил наяву, воображая себя Крошкой Монтгомери, напрямую включенным в пульт истребителя вертикального взлета. Грезил, как машине передаются его малейшие нервные импульсы, как рефлексы вздрючены по самое не могу, а по жилам растекается стимулятор.

Пол в комнате Нэнси стал джунглями, кровать – плато в Андском нагорье. Дейк гнал «спад» на форсаже, как будто это была новейшая боевая машина с полноценным биоинтерфейсом. Управляемые компьютером шприцы медленно подают в его кровеносную систему компот из мощных стимуляторов. Датчики вживлены прямо в голову – и, закладывая виражи в зелено-голубых небесах над тропическими лесами Боливии, Крошка будто чувствует воздушный поток, обтекающий элероны.

Внизу сквозь джунгли продирается пехота. У солдат над

локтем укреплены инъекторы, чтобы придать им в бою ярость обреченных, – жидкий ад в голубом пластмассовом пузырьке. Вероятно, за неделю им впрыскивается доза минут на десять. А вот бреющий полет над самыми верхушками деревьев, с рефлексами, задранными на максимум, так что наземные войска ничего и не заметят, пока ты, оказавшись прямо над ними, не сбросишь фосгеновые бомбы и не улетишь прочь, а они даже не успеют взять тебя на мушку… конечно, такое требует постоянного притока стимулятора в организм. Да и прямой нейронный интерфейс с самолетом работает в обе стороны. Не только ты управляешь самолетом, но и бортовые компьютеры вмешиваются в биохимические процессы, отслеживая, когда именно человеческий компонент нуждается в радикальной встряске убийственной бодростью.

А такие дозы хайпа проедают в тебе дыры. Медленно, непрерывно… наверняка… Гравируют по мозгу поперек извилин, протирая клеточные мембраны. И если тебя вовремя не сдернут с небес, то мембраны истончатся в ноль, а реакции останутся слишком быстрыми, телу с ними не справиться, и о чувстве самосохранения можно просто забыть…

– Эй, работяга, мне повезло!

– А? Что? – Дейк вздрогнул.

Громко хлопнув дверью, вошла Нэнси и швырнула сумку на ближайшую кучу.

– Мой проект. Меня освободили от экзаменов. Проф сказал, что никогда не видел ничего подобного. Ох, приглуши свет, а? Эти краски глаза режут.

Дейк подчинился.

– Ну, покажи. Продемонстрируй свое творение.

– Ладно.

Девушка взяла у него «браун», освободила место на кровати и приготовилась. Внутри голубого пламени, спокойно мерцавшего на ее ладони, вспыхнула яркая искра и выросла в змейку с треугольной головой и беспрерывно высовывающимся язычком. Змейка серебристой молнией метнулась по руке, обвилась вокруг шеи, переливаясь красным и оранжевым, а затем заскользила между грудями.

– Я назвала ее «огненная змейка», – гордо сказала Нэнси.

Дейк приблизился, она отпрянула.

– Извини. Она вроде твоего пламени, да? Тоже вся из крошечных человечков?

– Вроде того. – («Огненная змейка» перетекла на живот.) – В следующем месяце я собираюсь свести в единую программу двести подпрограмм типа пламени. Потом я сделаю их

самофокусирующимися. Так что они смогут крутиться вокруг тебя сами по себе. Хоть на дискотеку с ними отправляйся.

– Может, я болван, но если ты еще не сделала работу, как я могу ее видеть?

Нэнси захихикала:

– Это лучшая часть – полработы еще не готово. У меня не было времени собрать куски в одну программу. Включи радио, а? Я хочу потанцевать.

Она сбросила туфли. Дейк врубил какую-то попсу. Нэнси запротестовала, и он убавил громкость почти до шепота.

– Я раздобыла две дозы хайпа. – Она вскочила на кровать и сплела руки, как балийская танцовщица. – Ты когда-нибудь пробовал? Невероятно! Дает ощущение полной концентрации. Смотри. – Она встала на пуанты. – Никогда раньше такого не делала!

– Хайп, – произнес Дейк. – Последний мой знакомец, которого повязали с этой дурью, загремел на три года в пехоту. Где ты взяла хайп?

– Помогала одной ветеранше из выпускного класса. Но ее вытурили в прошлом месяце. Хайп дико обостряет визуализацию. Я могу с закрытыми глазами представить проект во всех деталях. И полностью достроить программу в голове.

– На двух дозах, да?

– На одной. Другую я берегу. Проф настолько впечатлился, что хочет организовать мне собеседование с работодателем. Через две недели в колледж приедет рекрутер из «ИГ Фойхтварен». И этот друг собирается запродать ему программу вместе со мной. В итоге я закончу колледж на два года раньше, сразу получу работу, не буду ходить в эту тюрьму и сэкономлю двести долларов.

Змейка свернулась на ее голове в огненную корону. У Дейка появилось предчувствие, что он теряет Нэнси.

– Я ведьма, – распевала Нэнси, – ведьма программирования.

Она стянула рубашку через голову и откинула прочь. Красивая высокая грудь двигалась вольно и изящно.

– Я пойду-у-у… – теперь она распевала очередной хит, – к верши-ине!

Соски были маленькие, розовые и твердые. Огненная змейка лизнула их и отползла в сторону.

– Эй, Нэнси, – смущенно сказал Дейк, – поостынь-ка, а?

– У меня праздник! – Она сунула большой палец в блестящие золотые трусики. Огонь завертелся вокруг руки. – Я богиня-девственница, у меня си-и-ила! – снова запела она.

Дейк отвернулся.

– Я домой, – смущенно пробормотал он.

Домой, и дрочить, да побыстрее. Он гадал, где она могла спрятать вторую дозу. Да где угодно.

* * *

В авиаторской тусовке существовали свои церемониальные правила – точь-в-точь как при дворе китайского императора – и своя иерархия. Не важно, что Дейк стал крутым, что слава его разнеслась как пожар. Одного лишь звания летуна не хватало, чтобы сразиться с тем, с кем он хотел. Ему было необходимо постепенно поднимать свой рейтинг. Но если летать каждый вечер, если биться со всеми подряд и если летать хорошо… можно быстро достичь успеха.

У Дейка был перевес в один самолет. Обычный турнирный бой, три «спада» против трех «фоккеров». Зрителей было немного, может с десяток, но бой был хорош, и зрители шумели. Дейком овладело маниакальное спокойствие бойца – и вдруг он понял, что в зале наступила тишина. Он заметил, что болельщики засуетились и стали перемигиваться. Они смотрели не на него. Дейк хладнокровно разделался со вторым аэропланом противника, а затем рискнул быстро взглянуть через плечо.

В «Джекмане» появился Крошка Монтгомери. Каталка, направлявшаяся слабыми движениями почти парализованной руки, прошуршала по бурому линолеуму. Лицо Крошки оставалось строгим, невозмутимым, спокойным. В этот момент Дейк потерял два аэроплана. Один по рассеянности – как только ослабло внимание, аэроплан мгновенно расплылся в мутное пятно и визуализатор его потерял, а второй потому, что противник Дейка был настоящим бойцом. Чтобы погасить скорость и уйти в сторону, парень сделал бочку и, когда преследовавший самолет пронесся мимо, расстрелял вражеский биплан. Самолет упал, объятый пламенем. У оставшихся двух аэропланов совпадали высота и скорость, так что на первом же вираже они ушли на круг.

Болельщики расступились, и Крошка подъехал к столу. За коляской притащился долговязый Бобби Граф Клайн. Дейк и его противник, обменявшись быстрыми взглядами, увели самолеты подальше от стола, чтобы выслушать Крошку. Тот улыбался. Его маленькие глазки, нос и рот теснились посреди бледного рыхлого лица. Палец слабо постукивал по хромированному подлокотнику.

– Я слышал о тебе. – Он смотрел прямо на Дейка. Голос у него был нежный и потрясающе мелодичный, как у маленькой девочки. – Я слышал, ты хороший боец.

Дейк медленно кивнул. С лица Крошки исчезла улыбка. Его мягкие пухлые губы сложились в трубочку, будто ожидали поцелуя. Маленькие яркие глазки беззлобно изучали Дейка.

– Что ж, давай посмотрим, что ты умеешь.

Дейк отдался холодному духу войны. А когда враг, охваченный огнем и дымом, взорвался над столом и исчез, Крошка безмолвно развернул кресло, вкатился в лифт и уехал.

Когда Дейк собирал свой выигрыш, к нему подошел Бобби Граф и сказал:

– Он хочет с тобой сыграть.

– Да? – Дейку до Крошки было по рейтингу как до луны. – А в чем подстава?

– Завтра с Крошкой должен был сразиться человек из Атланты, но он не приехал. А старина Крошка хочет сыграть с кем-нибудь новеньким. Получается, что тебе завтра предстоит побороться за «Макс».

– Завтра? В среду? Даже времени мне на подготовку не дает!

Бобби Граф снисходительно улыбнулся:

– Не думаю, что есть какая-то разница.

– Как так, мистер Граф?

– Парень, ты просто не сечешь. Слышишь? Ты же ничего нового не выкинешь. Ты летаешь как новичок, только быстрее и глаже. Догадываешься, что я хочу сказать?

– Правду сказать, не очень. Вы хотите на этом подзаработать?

– Точно, – сказал Клайн. – Надеюсь.

Он вытащил из кармана черную записную книжечку и послюнявил карандаш.

– Даю тебе пять к одному. Все равно никто не даст тебе больше. – Он смотрел на Дейка почти с жалостью. – А Крошка, он по природе лучше, чем ты, а против природы не попрешь, мальчик. Крошка живет только благодаря этой чертовой игре. Он же не может встать с этой проклятой каталки. И если ты думаешь, что можешь победить человека, борющегося за жизнь, – ты лжешь самому себе.

* * *

Портрет полковника работы Нормана Рокуэлла бесстрастно взирал на Дейка из «Жареной курицы по-кентуккийски» с противоположной стороны улицы. Дейк сидел в кафе и трясущимися холодными руками держал чашку. Голова гудела от усталости. Клайн прав, сказал он полковнику, я могу сразиться с Крошкой, но не смогу выиграть. Полковник смотрел спокойно,

ровно и не особенно добродушно, охватывая взглядом и кафе, и «Дешевую распродажу», и все это разгильдяйское королевство Ричмонд-роуд. Полковник ждал, когда Дейк примирится с ужасной вещью, которую вынужден будет сделать.

– Все равно эта сучка меня бросит, – громко произнес Дейк.

Чернокожая продавщица удивленно на него посмотрела и отвернулась.

* * *

– Звонил папочка! – Нэнси танцуя вошла в комнату и захлопнула за собой дверь. – Знаешь что? Он сказал, что, если я получу работу и проработаю полгода, меня раскодируют. Представляешь, Дейк? – Она запнулась. – Ты чего?

Дейк встал. Теперь, когда настал нужный момент, он чувствовал, что все вокруг нереально, как на киноэкране.

– Чего это ты не пришел вчера домой? – спросила Нэнси.

Кожа на его лице натянулась неестественно, как пергаментная маска.

– Где ты заначила хайп, Нэнси? Он мне нужен.

– Дейк… – Она искательно улыбнулась, но улыбка мгновенно исчезла. – Дейк, это мое. Моя доза. Мне надо. Для собеседования.

Он презрительно улыбнулся:

– У тебя есть деньги. Еще надыбаешь.

– Не к пятнице! Слушай, Дейк, это правда важно. Моя жизнь зависит от этого собеседования. Мне страшно нужен хайп. Это все, что я смогла достать!

– Детка, да у тебя весь мир в кармане! Взгляни вокруг: шесть унций светлого ливанского хаша! Консервированные анчоусы. А если приперло – полная медицинская страховка. – (Она пятилась от него, спотыкаясь о неподвижные волны грязного белья и мятых журналов, которые вздымались в футе от кровати.) – А я всего этого и в глаза не видел. Мне всегда не хватало злости, чтобы жить среди вас. А на этот раз все будет по-моему. Через два часа игра, и я его по стенке размажу.

Дейк вгонял себя в ярость. Это было хорошо. Ему нужна была ярость.

Нэнси выбросила руку ладонью вперед, но Дейк был готов к этому – он отбил ладонь, стараясь даже мельком не глянуть в темный туннель с маленькими красными глазками. Они оба упали, Дейк оказался над девушкой. Он чувствовал на лице горячее торопливое дыхание.

– Дейк! Дейк! Мне очень нужно! Дейк!.. Мое собеседование…

это только… я должна… должна… – Она отвернулась и заплакала в стенку. – Пожалуйста… Господи, пожалуйста… не надо…

– Куда ты его спрятала?

Прижатая к кровати его телом, Нэнси забилась в судороге. Все ее тело тряслось от боли и страха.

– Где он?

Ее обескровленное лицо стало серой плотью трупа, в глазах застыл ужас. Губы тряслись в безумном страхе. Он преступил грань, слишком поздно идти на попятную. Дейк чувствовал отвращение и тошноту, тем более что на неожиданном – и неприятно неожиданном – уровне все это ему нравилось.

– Где хайп, Нэнси? – И он медленно, очень нежно стал гладить ее лицо.

* * *

Палец Дейка взметнулся стремительно, как оса, и изящной бабочкой опустился на кнопку лифта в «Джекмане». Дейка переполняла упругая энергия, и эта энергия была под контролем. В лифте он сдернул темные очки и порадовался своему отражению в захватанной хромированной поверхности. Зрачки стали как булавочные уколы, почти невидимыми, но мир оставался неоново-ярким.

Крошка уже ждал. Он увидел радужки Дейка, нарочитое спокойствие движений, безуспешные попытки подражать трезвой неуклюжести. Губы инвалида сложились в сладкую улыбочку.

– Ну, – сказал Крошка своим девчоночьим голосом, – похоже, меня ждет угощенье.

«Макс» висел на одной из трубок кресла. Дейк занял свое место и поклонился – чуть-чуть насмешливо.

– Полетели!

Как претендент, он защищался. Дейк материализовал аэропланы на безопасной высоте: достаточно высоко, чтобы спикировать, и достаточно низко, чтобы спастись от атак Крошки. Он выжидал.

Ему подсказала толпа. Толстяк с набриолиненными волосами уставился на него с испугом, работяга с ввалившимися глазами пытался улыбнуться. Шепот усиливался. Головы зрителей еле поворачивались, взгляды замедленно переползали. Примерно три наносекунды, чтобы определить источник атаки. Дейк вскинул голову и…

Сукин сын! Дейк ослеп. «Фоккеры» пикировали прямо от двухсотваттной лампы. Крошка обвел его вокруг пальца, заставив

глядеть прямо на нее. В глазах побелело. Дейк зажмурился, сдерживая хлынувшие слезы, изо всех сил стараясь не ослабить внимания, чтобы визуализатор не потерял его «спады». Он разделил свое звено, развернув два биплана направо, а один налево. Все аэропланы резко завалились на крыло, но выровнялись. Дейку приходилось уворачиваться наугад – он не знал, где находятся боевые птицы врага.

Крошка захихикал, Дейк слышал его сквозь шум толпы. Синкопы одобрений, проклятий, звона монет, казалось, вздымаются волнами независимо от приливов и отливов дуэли.

Спустя миг зрение к нему вернулось, но объятый пламенем «спад» падал. Два «фоккера» преследовали один из уцелевших аэропланов, а третий гнался за другим. Всего три секунды боя, а он уже потерял один самолет.

Уворачиваясь от игольчатых трассеров, Дейк вогнал один аэроплан в мертвую петлю, а другой направил к слепому пятну между Крошкой и лампой.

Лицо Крошки стало бесстрастным. Легкая тень разочарования, даже презрения, растворилась в напряженном спокойствии. Он неторопливо вел самолеты, выжидая, когда Дейк развернется.

Дейков «спад» вынырнул из слепого пятна и ушел в пике – так резко, что открывшие огонь «фоккеры» выдали перелет; они закрутили отчаянные виражи, пытаясь восстановить позиции.

«Спад» пикировал на третий «фоккер», выведенный под его огонь другим аэропланом Дейка. Трассеры прошили крылья и пурпурный фюзеляж. Ничего не случилось, и на какое-то мгновение Дейк даже подумал, что промахнулся. Но маленькая красная стрекоза крутанулась влево и, оставляя черный хвост жирного дыма, пошла вниз.

Крошка нахмурился, вокруг его рта появились чуть заметные морщинки неудовольствия. Дейк улыбнулся. Он сбил самолет, несмотря на превосходящие силы Крошки.

Но у «спадов» на хвосте висели противники. Дейк увел свои аэропланы в противоположные стороны стола и развернул. Он направил их навстречу друг другу, нейтрализуя Крошкино преимущество… но никто не мог стрелять, не рискуя собственными самолетами. Ведя машины лоб в лоб, Дейк разогнал их до предела.

За миг до столкновения он послал аэропланы один выше другого, уворачиваясь и одновременно открывая по «фоккерам» огонь. Но Крошка был готов к маневру. Воздух наполнили трассы очередей. Два аэроплана – голубой и красный – свободно разлетелись в разные стороны. Позади них высоко в воздухе

сплелись два других. Они столкнулись крыльями, завертелись и почти отвесно упали на зеленый войлок.

Десять секунд – и четыре сбитых самолета. Негр-ветеран поджал губы и тихонько присвистнул. Кто-то с недоверием покачал головой.

Крошка, выпрямившись и чуть подавшись вперед, сидел в кресле-каталке – напряженный немигающий взгляд, дряблые руки слабо ухватились за поручни. Безразличие, презрительная ухмылка – вся эта лажа была забыта; игра приковала к себе его внимание полностью. Болельщики, стол, даже «Джекман» – для него это не существовало. Бобби Граф положил Крошке руку на плечо, но тот не заметил. Аэропланы разошлись в противоположные стороны и упорно набирали высоту. Дейк прижимал свою машину к потолку, почти неразличимому в туманной дымке. Он быстро глянул на Крошку. Их взгляды встретились. Холод против холода.

– Покажи, на что ты способен, – процедил Дейк сквозь зубы.

Самолеты бросились в атаку одновременно.

Действие хайпа достигло пика, и Дейк видел рассекающие воздух трассеры Крошкиного «фоккера». Надо было вывести «спад» на линию огня, дать очередь и сразу же закрутить вираж, чтобы уклониться от вражеских пуль. Крошка так разошелся, что, уклоняясь от выстрелов Дейка, едва не задел шасси «спада».

Галлюцинации начались, когда Дейк закрутил особо рискованный вираж. Зеленый войлок стола дрогнул, пошел рябью – и стал зеленым адом боливийской сельвы, над которой воевал Крошка. Стены отступили в серую бесконечность, он почувствовал сомкнувшуюся вокруг тесную металлическую скорлупу истребителя.

Но Дейк все это предвидел. Он ждал галлюцинаций и знал, что может с ними справиться. Военная приемка никогда не пропустит наркотик, лишающий боеспособности. «Спад» и «фоккер» разворачивались для следующей атаки. Дейк читал в лице Крошки Монтгомери напряжение – эхо давних схваток в высоком небе над джунглями. Они одновременно повели самолеты, чувствуя динамические перегрузки корпуса, что передавались сенсорами прямо в затылочную часть мозга, адреналиновый инъектор, прикрепленный над локтем, холодную, быструю свободу воздушного потока вокруг плоскостей истребителей, запах горячего металла, пота и страха. Мимо лица Дейка пронеслись трассеры, он отпрянул, глядя, как его «спад» взмыл свечкой, едва не столкнувшись с «фоккером». Болельщики взбесились, они махали шапками и топали ногами как одержимые. Дейк снова поймал взгляд Крошки.

На него накатила волна злобы. И хотя каждый нерв был натянут, как усики из кристаллического углерода, которые не давали истребителю развалиться на части в суперменских виражах над Андами, он выдал небрежную улыбку и подмигнул, чуть дернув головой в сторону, будто говоря: «Глянь-ка сюда».

Крошка отвел глаза.

Он отвлекся всего на долю секунды, но этого хватило. На пределе теоретического допуска Дейк закрутил такой короткий и стремительный иммельман, какого еще не видали в здешней тусовке, и повис у Крошки на хвосте.

Посмотрим, как ты выпутаешься, простофиля.

Крошка рванул аэроплан вниз, прямо к зелени, но Дейк не отставал. Он не торопился открывать огонь. Крошка был в полной его власти.

Драпал без оглядки. Как и в настоящем бою, собственно. Пьяный от хайпа и адреналина – но драпал. Аэропланы шли на бреющем полете над войлоком, как над верхушками деревьев. Ломайся, подумал Дейк и наддал скорости. Краем глаза он заметил Бобби Клайна, странное выражение его лица. Умоляющее. И Крошка сломался. Его дергающееся лицо было искажено мукой.

В панике Крошка направил самолет в толпу. Бипланы петляли и вились среди болельщиков. Одни невольно отшатывались, а другие со смехом пытались их прихлопнуть. В глазах Крошки отражался безумный ужас, говорящий о преисподней страха и безысходности, о двух лезвиях, бесконечно распиливающих друг друга…

Страха – смерти в полете, безысходности – заключения в металл, сначала в кабине самолета, а потом в инвалидном кресле. По лицу Крошки Дейк читал: воздушный бой – единственное, что у него оставалось, и он пользовался этим выходом при каждой возможности. До тех пор, пока некий безымянный герильеро с древней ракетной установкой на плече не сбросил его с сине-зеленого боливийского неба прямо на Ричмонд-роуд, в «Джекман», к мальчишке-убийце, скалящемуся над вытертым сукном, – и этот оскал будет последним видением в его жизни.

Дейк привстал на цыпочки, сияя улыбкой в миллион долларов, – улыбкой, которая была верным признаком наркотика, сжегшего Крошку еще до того, как кто-то удосужился превратить его в горячее месиво из металла и изувеченной плоти. Все сошлось. Дейк увидел, что лишь полет и держал Крошку. Ежедневно касаниями пальцев тот боролся со смертью, восставал из металлического гроба… снова живым… Крошка избегал

гибели только силой воли. Сломай эту волю – смерть выльется и затопит его. Калека уронит голову, наблюет себе на колени…

* * *

И Дейк додавил до упора…

Когда последний аэроплан Крошки исчез во вспышке света, наступила оглушительная тишина.

– Я выиграл, – прошептал Дейк. И громче: – Сукин сын! Я выиграл!

С другой стороны стола в своем кресле извивался Крошка: руки судорожно хватали воздух, голова свесилась на плечо. Из-за его спины сверлил Дейка горящими углями глаз Бобби Граф.

Рефери сорвал «Макс» и обернул его лентой кучу ламинированных банкнот. Без предупреждения бросил пачку в лицо Дейку. Тот легко и небрежно поймал ее на лету.

Мгновение казалось, что Клайн бросится на Дейка прямо через стол. Его остановило подергивание за рукав.

– Бобби Граф, – прерывисто от унижения прошептал Крошка, – увези меня… отсюда…

Зло задыхаясь, Клайн развернул друга и покатил из зала во тьму.

Дейк запрокинул голову и засмеялся. Ей-богу, он отлично себя чувствовал! Холодный «Макс» приятно оттягивал карман рубашки. Деньги он сунул в джинсы. Он готов был прыгать от счастья. Радость вырывалась из него, как прекрасный и сильный зверь, как олень, которого он видел однажды из окна автобуса, и казалось, что победа стоила всех недавних страданий и боли.

Но «Джекман» затих. Никто не аплодировал. Никто не окружал, чтобы поздравить его с победой. Дейк умолк и настороженно повел глазами: вокруг были одни враждебные лица. Никто из болельщиков не был на его стороне. Они излучали презрение, даже ненависть. Бесконечно долгий миг воздух дрожал от возможного насилия… затем кто-то отвернулся, откашлялся и сплюнул на пол. Толпа распалась. Переговариваясь, один за другим они растворились в темноте.

Дейк не шевелился. На ноге стала дергаться мышца – предвестник ломки. Онемела макушка, во рту появился мерзкий привкус. На секунду Дейк обеими руками вцепился в стол, чтобы не упасть навеки вниз, в живую тень, копошащуюся под ним, когда его насквозь пронзил мертвый взгляд оленя с фотографии под часами.

Немножко адреналина – это его вытащит. Ему нужен

праздник. Напиться до бесчувствия и рассказывать друзьям о своей победе, противоречить самому себе, выдумывать подробности, смеяться и хвастать. Такая звездная ночь, как эта, требовала долгой беседы.

Но, стоя среди безмолвия и безбрежной пустоты «Джекмана», Дейк вдруг осознал, что не осталось никого, кому он мог бы все это рассказать.

Совсем никого.

Сожжение Хром [66]

Той ночью, когда мы сожгли Хром, стояла жара. Снаружи, на улицах и площадях, вьющиеся вокруг неоновых ламп мотыльки бились насмерть о горячие стекла. А на чердаке у Бобби царил полумрак, лишь светились экран монитора да зеленые и красные индикаторы на панели матричного симулятора. Каждый чип в симуляторе Бобби я знаю как облупленный: с виду это обыкновенный «Оно-Сэндай-7», а попросту – «Киберспейс-7», но я столько раз его переделывал, что найти хоть каплю фабричной работы во всей этой груде кремния крайне проблематично.

Мы сидели перед панелью симулятора и ждали, глядя, как в нижнем левом углу экрана таймер отсчитывает секунды.

– Давай, – выдохнул я, когда подошло время.

Бобби был уже наготове, он подался вперед и резким движением ладони вогнал русскую программу в прорезь. Он проделал это легко и изящно, с уверенностью мальчишки, который кидает в игровой автомат монеты, зная – победа будет за ним и бесплатная игра обеспечена.

В глазах закипела серебряная струя фосфенов, и, словно трехмерная шахматная доска, в моем мозгу стала разворачиваться матрица – бесконечная и абсолютно прозрачная. Когда мы вошли в сеть, русская программа как будто слегка дернулась. Если бы кто-то другой был сейчас подключен к этой части матрицы, он увидел бы, как из маленькой желтой пирамиды, представляющей наш компьютер, выкатился пенистый вал, сотканный из дрожащей тени. Программа была оружием-хамелеоном, она подстраивалась под любую среду, перехватывая управление по коду экстренного доступа, что бы ни встретилось ей на пути.

– Поздравляю, – услышал я голос Бобби. – Только что мы стали служебным запросом Ядерной комиссии Восточного побережья…

Если образно, мы, как пожарная машина с ревущей вовсю сиреной, неслись по волоконно-оптическим линиям – магистралям, пронизывающим кибернетическое пространство, а по сути, для нас, вошедших в компьютерную матрицу, открывался прямой путь к базе данных Хром. Я еще не мог разглядеть саму эту базу, но уже чувствовал, как замерли в ожидании окружавшие ее стены. Стены из тени. Стены из льда.

Хром: кукольное личико ребенка, гладкое, словно отлитое из стали, и глаза, которым место разве что на дне глубоководной Атлантической впадины, – серые холодные глаза существа,

живущего под чудовищным давлением. Поговаривали, что всякому, кто перебегал ей дорогу, она в лучших средневековых традициях готовила особую отраву, канцерогенную, – проходили годы и годы, прежде чем опухоли убивали своих жертв. О Хром вообще много чего болтали, и во всех этих рассказах приятного было маловато.

Поэтому я выбросил ее из головы и представил Рикки. Рикки, склонившуюся в луче дымного солнечного света, искаженного сеткой из стали и стекла, в выгоревшей защитной рубашке военного образца, в розовых прозрачных сандалиях. Представил, как она изгибает обнаженную спину, когда роется в своей спортивной сумке из нейлона. Вот она поднимает глаза, и белокурый локон, падая, щекочет ей нос. Улыбаясь, она застегивает на пуговицы старую рубашку Бобби – землистый выцветший хлопок, едва прикрывающий ее грудь.

Она улыбается.

– Сукин сын, – пробормотал Бобби. – Мы только что сообщили Хром, что мы – ревизоры налоговой инспекции, и выдали ей три повестки из Верховного суда… Ну, Джек, держись покрепче…

«Прощай, Рикки. Быть может, больше мы никогда не увидимся».

И темнота, одна темнота в ледяной крепости Хром.

* * *

Он был ковбоем, мой Бобби, ковбоем, оседлавшим компьютер. Он не мыслил своей жизни без игры, той опасной игры со льдом, которым электронная защита против вторжения[67] укрывает источники информации. Матрица – это абстрактное представление взаимоотношений различных информационных систем. Когда легальный программист подключается к сектору матрицы своего работодателя, корпоративные базы данных окружают его как яркие геометрические фигуры.

Башни и поля, разбросанные в бесцветном псевдопространстве симуляционной матрицы, – всего лишь электронная видимость, облегчающая процесс управления и обмен огромными объемами данных. Легальным программистам и дела нет до ледяных стен, за которыми они работают, стен тьмы, которые скрывают их операции от виртуозов промышленного шпионажа и ловчил вроде Бобби Куайна.

Бобби был ковбоем. Он был взломщиком, потрошившим

разветвления электронной нервной системы человечества. Он присваивал информацию и кредиты – там, в переполненной матрице, монохромном псевдопространстве, где, как редкие звезды, светились плотные сгустки данных, мерцали галактики корпораций и отсвечивали холодным блеском спирали военных систем.

Бобби был одним из тех потерявшихся во времени, кого всегда застанешь за выпивкой в «Джентльмене-неудачнике», популярном в городе баре, пристанище электронных ковбоев, дельцов и прочих парней, хоть каким-то боком связанных с кибернетикой.

Мы были партнерами.

Бобби Куайн и Автомат Джек. Бобби – вечно в темных очках, худощавый, бледный красавчик, и Джек – зловещего вида парень, да еще и с нейроэлектрической рукой в придачу. Бобби обеспечивает софт, Джек – железо. Бобби стучит по клавиатуре, а Джек устраивает все эти штучки, без которых не обскачешь других. Примерно так услышали бы вы от зевак в «Джентльмене-неудачнике», если бы вам случилось заглянуть туда в ту пору, когда Бобби и не думал о Хром. Они не преминули бы добавить, что Бобби уже не тот, темпы падают и найдутся ребята, за которыми ему не угнаться. Бобби было уже двадцать восемь – для электронного ковбоя это почти что старость.

В своем деле мы были мастерами. Но почему-то по-настоящему большая удача – та, которая случается лишь раз, – обходила нас стороной. Я знал, куда сунуться, чтобы достать нужное железо, а Бобби всегда был в ударе. Сидит, откинувшись, перед пультом – белая бархотка пересекает лоб – и, пробивая себе дорогу сквозь крутейший в бизнесе лед, молотит по клавишам быстрее, чем может уследить глаз. Но чтобы такое случилось, должно было произойти нечто, что заставило бы его выложиться на всю катушку, а это бывало нечасто. Да и я парень неприхотливый: непросроченная квартплата, чистая рубашка на теле – большего я от жизни не требовал.

Единственной в жизни картой, к которой Бобби относился всерьез, была очередная любовь. Впрочем, на эту тему мы с ним не разговаривали никогда. И тем летом, когда наши дела, похоже, пошли на спад, он все чаще стал засиживаться в «Джентльмене-неудачнике». Он мог часами сидеть за столиком неподалеку от раскрытых дверей и следить за проходящей толпой. И так из вечера в вечер, когда вокруг неоновых ламп кружатся безумные мотыльки, а воздух пропитан запахами жратвы из уличных забегаловок и парфюмерией. Его скрытые за очками глаза вглядывались в лица прохожих – и, когда появилась Рикки, он уже

нисколько не сомневался, что она и есть та единственно верная карта, которую он так ждал.

* * *

В тот раз я решил смотаться в Нью-Йорк, чтобы прощупать рынок и заодно присмотреть чего-нибудь горяченького из софта.

В лавке Финна, в окне, над пейзажем из дохлых мух, укутанных в шубки из пыли, маячила потухшая неоновая реклама «Метро голографикс». Внутри было по пояс всякого хлама. Кучи волнами взбирались на стены, и сами стены были едва видны за рухлядью и низко провисшими полками, заставленными старыми рваными журналами и пожелтевшими от времени годовыми комплектами «Нэшнл джиографик».

– Тебе нужна пушка, – с ходу заявил Финн. Больше всего он напоминал жертву генетического эксперимента по выведению породы людей, приспособленных для рытья нор высокоскоростным способом. – Тебе повезло. Я как раз получил новенький «смит-и-вессон». Тактический образец, калибр – десять миллиметров с хреном. Под дулом закреплен ксеноновый излучатель, батарейки в рукоятке. Ночью, когда ни черта не видно, выдает за пятьдесят шагов круг в двенадцать дюймов, в котором светло как днем. Источник света так узок, что его почти невозможно засечь. Это как колдуну вуду ввязаться в ночную драку.

Я с лязгом уронил руку на стол и принялся выстукивать дробь. Сервомоторы загудели, как рой москитов. Я знал, что Финн терпеть не может эту мою музыку.

– Ты соберешься ее когда-нибудь починить? – Обгрызенной шариковой ручкой он потыкал в мою дюралевую клешню. – Может, притаришь себе чего-нибудь потише?

– Мне не нужна пушка, Финн. – Я продолжал испытывать его слух, как будто не расслышал.

– Ладно, – вздохнул он, – как хочешь.

Я перестал барабанить.

– Есть для тебя одна вещичка. Но что это – хоть убей, не знаю. – Он изобразил несчастный вид. – Взял ее на прошлой неделе у парней из Джерси, тех, что промышляют под мостами и в туннелях.

– Значит, взял неизвестно что? Как это тебя угораздило? А, Финн?

– Остряк, да?

Он передал мне полупрозрачный почтовый пакет с чем-то

похожим на магнитофонную кассету, насколько можно было увидеть сквозь пузырчатую оболочку.

– Еще был паспорт, – сказал Финн, – и кредитные карточки с часами. Ну и это.

– Я так понимаю, тебе сбагрили содержимое чьих-то карманов.

Он кивнул:

– Паспорт был бельгийский. Смахивал на подделку, я его сжег. И карточки тоже. А с часами полный порядок. Фирма «Порше», часики – первый сорт.

Ясно – это была какая-то разновидность военной программы вторжения. Вынутая из пакета, она походила на магазин к небольшой штурмовой винтовке, с покрытием из непрозрачного пластика. По углам и краям металл вытерся и светился, – похоже, штуковина ходила по рукам довольно давно.

– Я сделаю тебе скидку, Джек. Как постоянному покупателю.

Я улыбнулся. Получить скидку у Финна – все равно что упросить Господа Бога отменить закон всемирного тяготения на то время, пока тебе нужно переться с тяжеленным багажом через десяток терминалов аэропорта.

– Похоже, что-то русское, – заметил я равнодушно. – Скорее всего, аварийное управление канализацией какого-нибудь ленинградского пригорода. Как раз для меня.

– Сдается мне, – сказал Финн, – ты такой же умный, как мои старые башмаки, и мозгов у тебя не больше, чем у тех сосунков из Джерси. Ты думал, я продаю тебе ключи от Кремля? Сам с ней разбирайся. Мое дело – продать.

И я купил.

* * *

Словно души, оторванные от тел, мы сворачиваем в ледяной замок Хром. Летим, не сбавляя скорости. Ощущение такое, будто мчишься на волне программы вторжения и, зависая над водоворотами перестраивающихся глитч-систем, пытаешься удержаться на гребне. Кто мы сейчас? Разумные пятна масла, скользящие в беспросветности льда.

Где-то на тесном чердаке, под потолком из стекла и стали, далеко-далеко от нас остались наши тела. И времени, чтобы успеть дать задний ход, остается все меньше.

Мы сломали ее ворота. Блеф с повестками из суда и маскировка под налоговую инспекцию сделали свое дело. Но Хром есть Хром. И самый прочный ее лед именно для того и

служит, чтобы отбивать всякие казенные штучки вроде повесток, предписаний и ордеров. Когда мы сломали первый пояс защиты, вся база ее данных исчезла под основными слоями льда. Стены, разрастаясь перед глазами, превращались в многокилометровые коридоры, в лабиринты, полные тени. Пять ее контрольных систем выдали SOS нескольким адвокатским конторам. Поздно. Вирус, проникнув внутрь, уже принялся перестраивать структуры ледовой защиты. Глитч-системы глушат сигналы тревоги, а множащиеся подпрограммы тем временем выискивают любую щель, которую не успел затянуть лед.

Русская программа извлекает из незащищенных данных номер телефона в Токио, вычислив его по частоте разговоров, средней их продолжительности и скорости, с которой Хром отвечала на эти вызовы.

– О'кей, – говорит Бобби. – Теперь мы прокатимся на звоночке от ее дружка из Японии. Кажется, то, что нам нужно.

Вперед! Погоняй, ковбой!

* * *

Бобби читал свое будущее по женщинам. Они были для него знамениями, флюгерами судьбы. Он мог вечера напролет просиживать в «Джентльмене-неудачнике», ожидая, когда кончится невезение и судьба, как козырь в игре, подарит ему новую встречу.

Как-то вечером я допоздна заработался на своем чердаке, распутывая один чип. Руку я снял, а небольшой манипулятор вставил прямо в сустав.

Бобби пришел с подружкой, которую я прежде не видел. Мне обычно бывает не по себе, если кто-нибудь незнакомый застает меня работающим вот так – со всеми этими проводами, зажатыми в графитовых штифтах, что торчат из моей культи. Она сразу же подошла ко мне и взглянула на увеличенное изображение на экране. Потом увидела манипулятор-уолдо,[68] двигающийся под прозрачным герметичным кожухом. Она ничего не сказала, стояла и просто смотрела. И уже от одного этого мне сделалось хорошо.

– Знакомься, Рикки. Автомат Джек, мой коллега.

Он рассмеялся и обнял Рикки за талию. Что-то в его тоне дало понять: ночевать мне сегодня в загаженном гостиничном номере.

– Привет, – сказала она.

Высокая, ей не было и двадцати, она выглядела что надо.

Чуть конопатая, глаза цвета темного янтаря с кофейным отливом. Узкие черные джинсы, закатанные по щиколотку, и простенький поясок из пластика в тон розовым сандалиям.

До сих пор ночами, когда не спится, она стоит перед моими глазами. Я вижу ее где-то там, за руинами городов, за дымами, и видение это подобно голограмме, прилипшей к изнанке глаз. В светлом платье, едва прикрывающем колени, – она была в нем в тот раз, когда мы остались вдвоем. Длинные стройные ноги. Каштановые волосы вперемешку с белыми прядями взметнулись, будто в порыве ветра, прилетевшего неизвестно откуда. Они опутывают ее лицо. А после я вижу, как она машет мне на прощание рукой.

Бобби устроил целое представление, пока копался в стопке кассет.

– Уже ухожу, ковбой, – сказал я, отсоединяя манипулятор.

Она внимательно за мной наблюдала, пока я вновь надевал руку.

– А всякие мелочи ты умеешь чинить? – спросила она вдруг.

– О! Для вас – что угодно. Автомат Джек все может. – И для пущего авторитета я прищелкнул дюралюминиевыми пальцами.

Она отстегнула от пояса миниатюрную симстим-деку и показала на сломанную крышку кассетоприемника.

– Никаких проблем, – сказал я. – Завтра будет готово.

«Йо-хо-хо, – подумал я; сон уже вовсю тянул меня с шестого этажа вниз. – Интересно, как повернется теперь удача Бобби, с таким-то знамением? Если его система работает, нам вот-вот должно повезти по-крупному».

На улице я усмехнулся, зевнул и замахал проезжающему такси.

* * *

Твердыня Хром растворяется. Завесы ледяных теней мерцают и исчезают. Их пожирают глитч-системы, генерируемые русской программой. Глитч-системы разбегаются в стороны от направления нашего главного логического удара и заражают структуру льда. Для компьютеров они словно вирус – саморазмножающийся и прожорливый. Они постоянно меняются, каждая в лад со всеми, подчиняя и поглощая защиту Хром.

Обезвредили мы ее или где-то уже прозвенел тревожный звоночек и мигают красные огоньки? И Хром – знает ли об этом она?

* * *

Рикки Дикарка – так прозвал ее Бобби. Уже в первые недели ей, должно быть, казалось, что теперь она обладает всем. Бурная сцена жизни развернулась перед ней целиком, четко, резко и ясно высвеченная неоновыми огнями. Она была здесь новичком, но уже считала своими все эти бесконечные мили прилавков, суету площадей, клубы и магазины. А еще у нее был Бобби, который мог рассказать Дикарке обо всех хитроумных проволочках, на которых держатся вещи. Обо всех актерах на сцене, назвать их имена и спектакли, в которых они играют. Он дал ей почувствовать, что она среди них не чужая.

– Что у тебя с рукой? – спросила она как-то вечером, когда мы – Бобби, я и она – сидели и выпивали за угловым столиком в «Джентльмене-неудачнике».

– Летал на дельтаплане, – сказал я. Потом добавил: – Несчастный случай.

– Летал на дельтаплане над пшеничным полем, – вмешался Бобби, – около одного городка под названием Киев. Всего-то навсего – наш Джек висел там в темноте под дельтапланом «Ночное крыло» да еще запихал между ног радар на полцентнера. И какой-то русский мудила отрезал ему лазером руку. Совершенно случайно.

Не помню уже, как я сменил тему, но все-таки мне это удалось.

Тогда я еще пытался убедить себя: мол, это не сама Рикки меня раздражает, а то, что с ней делает Бобби. Я знал его довольно давно, еще с конца войны. Конечно, мне было известно, что женщины для него лишь точки отсчета в игре, которая называлась «Бобби Куайн против судьбы, времени и темноты городов». И Рикки ему подвернулась как раз кстати. Ему позарез нужна была какая-то цель, чтобы прийти в себя. Поэтому он ее и вознес – как символ всего, что желал и не мог получить, всего, что имел и не мог удержать в руках.

Мне не нравилась его болтовня о том, как он ее обожает, а оттого, что он сам во все это верил, становилось еще тошнее. Бобби славился стремительными падениями и такими же стремительными взлетами. И все, что происходило сейчас, я видел по крайней мере десяток раз. На его темных очках вполне можно было бы написать слово «Следующая!», и оно читалось бы всегда, когда мимо столика в «Джентльмене-неудачнике» проплывало новое смазливое личико.

Я знал, что он с ними делал. Они становились символами, ориентирами на карте его ковбойской жизни. Они были маяками,

на которые он шел сквозь разливы неона и бары. А что же, как не они, могло еще им двигать? Деньги сами по себе он не очень-то и любил – их свет был, на его взгляд, слишком тускл для путеводного. Власть над людьми? Он не терпел ответственности, на которую такая власть обрекает. Вообще-то, он гордился своим мастерством, но этой гордости не хватало, чтобы удерживать его в боевом режиме.

Потому он остановился на женщинах.

Когда появилась Рикки, потребность в новом знакомстве достигла критического уровня. Бобби все чаще бывал понурым, и поговаривали, что он уже не тот. Так что большая удача была ему просто необходима, и чем скорее, тем лучше. О другой жизни он понятия не имел, его внутренние часы были поставлены на время ковбоев-компьютерщиков и откалиброваны на риск и адреналин. И еще на сверхъестественный рассветный покой, который приходит, когда каждый твой ход верен и сладкий пирог чьего-нибудь кредита перекочевывает на твой счет.

Ему пора было сорвать большой куш и уйти на покой, так что Рикки он вознес на пьедестал куда выше прочих, и мне хотелось кричать – ну что же ты делаешь, вот она здесь, рядом, живая, совершенно реальная, со своим голодом, податливая, зевающая от скуки, красивая, возбужденная, настоящий человек, никакой не символ.

Однажды днем он вышел. Это было за неделю до того, как я уехал в Нью-Йорк, чтобы повидаться с Финном. Мы с Рикки остались на чердаке одни. Собиралась гроза. Полнеба в чердачном окне перекрывал купол, который так и не успели достроить, все остальное затянули черно-синие тучи. Когда она прикоснулась ко мне, я стоял у стола и смотрел на небо – одуревший от полуденной жары и влажности, – притронулась к моему плечу, там, где розовел небольшой шрам над протезом. Все, кто когда-нибудь касался этого места, вели руку вверх по плечу.

Рикки поступила иначе. Ее узкие, покрытые черным лаком ногти были ровными и продолговатыми. Лак – немногим темнее слоя углеродного пластика, который покрывал мою руку. Ее рука продолжала двигаться вдоль моей, черные ногти скользили вниз по сварному шву. Ниже, ниже, до локтевого сочленения из черного анодированного металла, и еще ниже, пока не достигли кисти. Рука была маленькой, как у ребенка. Ее пальцы накрыли мои, а ладонь легла на дырчатый дюралюминий.

Другая ладонь, взметнувшись, задела прокладки обратной связи – а потом весь день лил долгий дождь, капли хлестали по стали и закопченному стеклу над постелью Бобби.

* * *

Стены льда уносятся прочь – бабочки, сотканные из тени, летящие быстрее звука. А за ними – иллюзия матрицы в пространстве, которое не имеет границ. Что-то подобное видишь, когда на экране мелькают контуры проектируемого здания. Только проект раскручивается от конца к началу и у здания вместо стен – разлохмаченные крылья.

Я все время напоминаю себе, что место, где мы находимся, и бездны, его окружающие, – не более чем иллюзия. Что на самом деле мы не «внутри» компьютера Хром, а всего лишь подключены к нему через интерфейс, в то время как матричный симулятор на чердаке у Бобби поддерживает эту иллюзию… Появляется ядро данных, беззащитное, открытое для атаки… Это уже по ту сторону льда, я никогда раньше не видел матрицу такой – а пятнадцать миллионов легальных операторов Хром видят ее ежедневно и принимают как само собой разумеющееся.

Вокруг нас возвышаются данные Хромова ядра, будто несущиеся по вертикали разноцветные поезда, и каждый цвет обозначает разные коды допуска. Яркие полосы, невозможно яркие в этой призрачной пустоте, пересекаются бесчисленными горизонталями, окрашенными, словно детская спальня, в розовое и голубое.

Но остается еще что-то, спрятанное за тенью льда в центре слепящего фейерверка: сердце всей этой дорогостоящей тьмы, само сердце Хром…

* * *

Было уже далеко за полдень, когда я вернулся из своей нью-йоркской шопинг-вылазки. Солнце пряталось за облаками, а на мониторе Бобби светилась структура льда – двумерное изображение чьей-то электронной защиты. Неоновые линии переплетались, как на молитвенном коврике, вытканном в стиле ар-деко. Я выключил пульт, и экран стал совершенно темным.

Весь мой рабочий стол был завален вещами Рикки. Косметика и одежда, кое-как распиханные по нейлоновым пакетам, пара ярко-красных ковбойских сапог, магнитофонные кассеты, глянцевые японские журналы с рассказами о звездах симстима. Я смахнул все это под столик. А когда отцепил руку, вспомнил, что программа, которую я купил у Финна, осталась в правом кармане куртки. Пришлось повозиться, вытаскивая ее левой рукой и затем вставляя между прокладками в зажимы ювелирных тисочков.

Уолдо походил на старый проигрыватель, на таких когда-то крутили виниловые пластинки, а тисочки были прикрыты прозрачным пылезащитным кожухом. Сам манипулятор, чуть больше сантиметра в длину, крепился на шарнире к тому, что у проигрывателя было бы тонармом. На него я даже не смотрел, когда прикреплял провода к культе. Я вглядывался в окуляр микроскопа – там, в черно-белом цвете, виднелась моя рука при сорокакратном увеличении.

Я проверил инструменты и взял лазер. Он показался мне чуточку тяжеловат. Тогда я подстроил сенсорный регулятор массы до четверти килограмма на грамм и принялся за работу. При сорокакратном увеличении бок русской кассеты напоминал грузовой трейлер.

На то, чтобы расколоть программу, у меня ушло восемь часов. Три часа – на работу с уолдо, возню с лазером и четырьмя дюжинами зажимов. Еще два часа – на телефонный разговор с Колорадо, и три – на копирование словарного диска, способного передать по-английски технический русский жаргон восьмилетней давности.

Наконец передо мной на экране замелькали столбики чисел и кириллица, примерно на полпути превращаясь в английский текст. Виднелось множество пропусков, там, где программа-переводчик натыкалась на специальные военные сокращения в описании, полученном от моего человечка из Колорадо. Но примерное представление о том, что я купил у Финна, мне все же удалось получить.

Ощущение было словно у какого-нибудь уличного хулигана, который пошел покупать пружинный нож, а вернулся домой с портативной нейтронной бомбой.

«Опять накололи, – подумал я. – На кой черт в уличной драке нужна нейтронная бомба?» Эта штука под пылезащитным кожухом была явно не моей весовой категории. Я представления не имел, куда бы ее спихнуть и где найти покупателя. По-видимому, кому-то это было нетрудно, но этот кто-то – владелец часов «Порше» и фальшивого бельгийского паспорта – отдал концы. Да уж, у бедняги, нарвавшегося на окраине на Финновых приятелей – гоп-стоперов, были довольно экзотические связи.

Программа, зажатая в моих ювелирных тисочках, оказалась не просто программой. Это был русский военный ледокол, компьютерный вирус-убийца.

Утром вернулся Бобби. Один. Я спал, сжимая в горсти пакет магазинных сэндвичей.

– Будешь? – спросил я его и вытащил из пакета сэндвич.

Я еще не проснулся по-настоящему. Мне снилась программа,

волны ее изголодавшихся глитч-систем и подпрограммы-хамелеоны. Во сне она представлялась каким-то невиданным чудовищем, бесформенным, с множеством пульсирующих ложноножек.

Подходя к пульту, он отбросил попавший под ноги мешок и нажал функциональную клавишу. На экране засветился тот же самый хитроумный узор, что я видел накануне. Прогоняя остатки сна, я протер глаза левой рукой – единственное, что я не мог делать правой. Засыпая, я пытался решить, стоит ли ему рассказывать о программе. Может, имеет смысл попытаться ее продать, оставить себе все деньги, а после уговорить Рикки махнуть куда подальше.

– Чье это? – спросил я.

– Хромово.

Бобби стоял перед экраном, в черном комбинезоне и старой кожаной куртке, наброшенной на плечи как плащ. Уже который день он не брился, и лицо его казалось еще более осунувшимся, чем обычно.

Руку свело судорогой, и протез начал пощелкивать – по углеродным прокладкам через мою нейроэлектронику страх передался и ему. Сэндвичи вывалились из пальцев, и по давно не метенному деревянному полу рассыпались вялые листья салата и подсохшие ломти маслянисто-желтого сыра.

– Ты свихнулся.

– Нет, – сказал Бобби. – Думаешь, она нас выследила? Ничего подобного. Мы были бы уже трупами. Я подключился к ней через арендную систему в Момбасе с тройной слепой защитой и через алжирский спутник связи. Она, конечно, узнала, что кто-то попробовал ее защиту на зуб, но так и не догадалась кто.

Если бы Хром выяснила, что подход к ее льду сделал Бобби, мы наверняка были бы уже мертвецами. В этом Бобби был прав. Она стерла бы меня в порошок еще на пути из Нью-Йорка.

– Но почему обязательно она, Бобби? Приведи хотя бы один довод…

Хром. Я видел ее раз пять-шесть в «Джентльмене-неудачнике». Может быть, она просто шлялась по трущобам. Или проверяла, как там поживают людишки, к которым себя особо-то и не причисляла. Маленькое приторное лицо, похожее на сердечко, с глазами, злее которых вам вряд ли где доводилось встречать. На вид ей было не больше четырнадцати, и никто не помнил, чтобы она когда-нибудь выглядела по-другому. Такой она стала в результате нарушения обмена веществ от усиленного накачивания себя сыворотками и гормонами. Подобной уродины улица еще не рождала, но она больше не принадлежала улице.

Хром водила дела с «Мальчиками» и в их группировке пользовалась сильным влиянием. Ходили слухи, что начинала она как поставщик, в те еще времена, когда искусственные гипофизные гормоны были под запретом. Но с торговлей она давно уже завязала. Сейчас ей принадлежал «Дом голубых огней».

– Куайн, ну ты совсем идиот. Можешь хоть как-то это оправдать? – Я ткнул пальцем в экран. – Кончай с этим, понял? Немедленно, прямо сейчас…

– Я слышал, как в «Неудачнике» трепались Черный Майрон и Ворона Джейн. – Он передернул плечами, сбрасывая кожаную куртку. – Джейн следит за всеми секс-линиями. Она говорит, что знает, куда уходят настоящие деньги. Так вот, она поспорила с Майроном, что у Хром контрольный пакет в «Голубых огнях». И что она не просто зиц-председательша у «Мальчиков».

– «Мальчиков», вот именно, Бобби, – сказал я. – Это здесь ключевое слово. Хоть это ты можешь понять? Или забыл, что мы не вмешиваемся в их дела? Только поэтому еще и ползаем по земле.

– Поэтому мы с тобой и бедняки, коллега. – Он откинулся перед пультом на вращающемся стуле и, расстегнув комбинезон, почесал свою бледную костлявую грудь. – Но кажется, теперь это можно исправить.

– Кажется, коллегами мы с тобой тоже уже никогда не будем.

На это он усмехнулся. Усмешка у него была и вправду как у психа, звериная и какая-то вымученная. В этот момент я понял, что ему действительно насрать на смерть.

– Послушай, – сказал я, – у меня еще осталось кое-что, ты знаешь. Бери эти деньги да смотайся в «трубе» до Майами. А там перехватишь вертолет до Монтего-Бэй. Тебе нужен отдых, приятель. Тебе обязательно надо набраться сил.

– Джек, – сказал он, набирая что-то на клавиатуре, – я никогда не был так полон сил, как сейчас.

Когда включилась анимационная программа, неоновый молитвенный коврик на экране задрожал и стал оживать. Структурные линии льда переплетались с завораживающей частотой, словно живая мандала. Бобби продолжал ввод команд, движение замедлилось. Проявилась структура, уже не такая сложная, как была, и вскоре она распалась на две отдельные фигуры, которые по очереди появлялись и исчезали. Работа была проделана отлично, я не думал, что он еще на такое способен.

– Минуточку! – воскликнул он. – Вон там, видишь? Подождика. Вон там. И еще там. И там. Легко не заметить. Вот оно. Подключение через каждые час двадцать, сжатая передача на их спутник связи. Мы могли бы жить целый год только на том, что

она выплачивает им раз в неделю по отрицательным процентным ставкам.

– Чей спутник связи?

– Это Цюрих. Ее банкиры. Там у нее банковский счет, Джек. Вот куда стекаются денежки. Ворона Джейн была права.

Я просто стоял не двигаясь. Даже рука примолкла.

– Ну, как ты провел время в Нью-Йорке, коллега? Что-нибудь удалось достать? Что-нибудь, чем мне прорубить лед? Не важно что, все сгодится.

Я не отрываясь смотрел в глаза Бобби, заставляя себя не оглядываться на уолдо и ювелирные тисочки. Русская программа, прикрытая пылезащитным кожухом, была все еще там.

Случайные карты, повелители судьбы.

– А где Рикки? – Я подошел к пульту и сделал вид, что изучаю чередующиеся на экране структуры.

– Где-то с приятелями. – Бобби пожал плечами. – Дети, все они помешаны на симстиме. – Он задумчиво улыбнулся. – Дружище, я собираюсь это сделать ради нее.

– Мне нужно хорошенько все обдумать, Бобби. Но если хочешь, чтобы я вернулся, держи руки подальше от клавиш.

– Я делаю это для нее, – повторил он, когда я закрывал за собой дверь. – Сам знаешь.

* * *

И сразу же вниз, вниз: программа лавиной несется по лабиринту, стены которого – ветшающие тени, несется в серых церковных сводах между ярко освещенными башнями. Безумная скорость.

Черный лед. Не думай об этом. Черный лед.

Каких только легенд не услышишь в «Джентльмене-неудачнике». И рассказы о черном льде – тоже из их числа. Это лед, который убивает. Незаконно, да, но кто из нас чтит закон? Оружие, основанное на принципе нейронной обратной связи. Ты вступаешь с ним в контакт всего один раз, но и этого раза хватает. Что-то вроде страшного заклинания, которое разъедает твой мозг изнутри. Словно приступ эпилепсии, который все длится и длится, пока от тебя не остается уже совсем ничего…

И вот мы ныряем туда, где скрыто самое главное – то, на чем держится за́мок теней Хром.

Я напрягаюсь в ожидании внезапной остановки дыхания, последней смертельной слабости. Это все страх – страх ледяного заклятия, которое ждет нас где-то внизу, во тьме.

* * *

Я ушел разыскивать Рикки. Она сидела в кафе вместе с пареньком, у которого были глаза от «Сэндай». От его опухших глазниц веером расходились полузажившие швы. На столике перед ней лежала раскрытая глянцевая брошюра, и оттуда с десятка фотографий смотрела улыбающаяся Тэлли Ишем – «Девушка с глазами от „Цейс-Айкон“».

Портативная симстим-дека Рикки валялась среди той кучи вещей, которую я прошлым вечером спихнул к себе под стол, та самая, что я починил на следующий день после нашей первой встречи. Рикки часами просиживала за этой игрушкой. Контактный обруч охватывал ее лоб, словно серая пластиковая тиара. От Тэлли Ишем Рикки была без ума и, коронованная контактным обручем, витала где-то в вышине, на крыльях записанных переживаний величайшей звезды симстима. Симулированный стимул – симстим: весь мир, во всем его блеске, – глазами и чувствами Тэлли Ишем. Тэлли мчится на своем черном «фоккере»-экраноплане по аризонским плоскогорьям. Тэлли ныряет с аквалангом в заповеднике на острове Трук. Тэлли в гостях у мультимиллионеров на частных греческих островках – дух захватывает от одного вида этих белых маленьких бухточек на заре.

Она и вправду напоминала Тэлли. Такой же оттенок кожи, одинаковый разлет скул. А вот рот у Рикки, пожалуй, был привлекательней. Непонятно почему – более дерзкий, может быть. Рикки не хотела быть копией Тэлли Ишем, она просто мечтала получить такую же работу. Она была на этом повернута – стать звездой симстима. Бобби просто отшучивался. Я же с ней обсуждал это дело серьезно. «Как бы я смотрелась с этой парой?» – спрашивала она меня, держа в руках портрет Тэлли Ишем размером во всю страницу. Голубые глаза «Цейс-Айкон» находились на одном уровне с ее темно-янтарными. Она уже дважды переделывала роговицы, но идеального зрения по-прежнему не могла достичь. Поэтому ей так хотелось «Цейс-Айкон». Глаза настоящих звезд. Стоимости безумной.

– Как всегда, пялилась на витрины с глазами? – спросил я, подсев к их столику.

– Тигр вот поставил себе новые, – сказала она, и я подумал, что выглядит она очень уж усталой.

Тигр, видно, так балдел от своих «Сэндай», что просто сиял, других поводов улыбаться у него явно не было. Мордашка у него была симпатичная, но без особой индивидуальности, как после шестого-седьмого похода в хирургический бутик. Так и будет,

наверно, до конца жизни смутно походить на очередного баловня моды, популярного в последнем сезоне: копия не слишком очевидная, но об оригинале и говорить не приходится.

– «Сэндай», не так ли? – улыбнулся я ему.

Он кивнул, фокусируя на мне взгляд, соответствующий, по его представлениям, звезде симстима. Должно быть, воображал, будто все, на что он смотрит, мгновенно записывается. Взгляд его слишком уж надолго задержался на моей руке.

– Боковое зрение должно быть шикарное, вот только заживут мышцы, – сказал Тигр.

Я видел, как старательно он потянулся за своим двойным эспрессо. «Сэндаевские» глаза славятся дефектами глубины восприятия и проблемами с гарантией, среди прочего.

– Тигр завтра едет в Голливуд.

– А оттуда прямиком в Тиба-Сити? – снова улыбнулся я; на этот раз он улыбаться не стал. – Получил предложение, Тигр? Должно быть, познакомился с кем-нибудь из агентов?

– Пока еще только присматриваюсь, – негромко ответил Тигр.

Затем он встал и ушел, на ходу бросив Рикки быстрое «пока». На меня даже не посмотрел.

– Зрительные нервы у него начнут, наверно, отмирать месяцев через шесть. Слышала о таком, Рикки? Эти «Сэндай» много где запрещены – в Англии, в Дании… Свои нервы ничем не заменишь.

– Эй, Джек, может, без лекций? – Она стащила один из моих круассанов и откусила самый кончик.

– Малыш, я же твой советчик.

– Ну… да… Тигр, может, звезд с неба и не хватает, но о «Сэндай» знают все. Просто другие он себе пока не может позволить. Пойми – это его попытка выкарабкаться. Если он получит работу, то найдет чем их заменить.

– Этими? – Я постучал пальцами по брошюре с рекламой «Цейса». – И сколько это стоит, Рикки? Ты же не совсем дура, чтобы так рисковать.

Она кивнула:

– Я очень хочу «Айконы».

– Если пойдешь к Бобби, скажи ему, чтобы сидел тихо, пока не получит от меня весточку.

– Хорошо. Это что, дело какое-то?

– Дело, – ответил я. Хотя это было просто сумасшествие.

Я допил кофе, она прикончила оба моих круассана. После этого я проводил ее до квартиры Бобби. А потом пятнадцать раз позвонил, меняя после каждого звонка таксофоны.

Дело. Это было хуже, чем сумасшествие.

На подготовку рейда у нас ушло шесть недель. И все эти шесть недель Бобби не уставал повторять, как сильно он ее любит. Приходилось вкалывать вдвойне, чтобы как-то отвлечься.

В основном я висел на телефоне. Каждый из тех пробных пятнадцати звонков породил еще не меньше пятнадцати. Я искал некий сервис, без которого, как мы с Бобби считали, мировая подпольная экономика просто не могла бы функционировать; сервис, обслуживающий не более пяти клиентов зараз. То есть никак себя не рекламирующий.

Короче, мы искали самую крутую в мире прачечную, способную отмыть онлайновый трансфер в несколько миллиардов баксов и благополучно забыть об этом.

Все звонки оказались впустую. В итоге верную наводку дал мне тот же Финн. Я тогда отправился в Нью-Йорк, чтобы купить новый «черный ящик», а то со всеми этими звонками мы запросто могли разориться.

Я как можно туманней описал ему нашу задачу.

– Макао, – предложил он.

– Макао?

– Семья Лун Хум. Биржевые маклеры.

У него даже оказался их телефон. Правильно говорят: хочешь найти одного барыгу – спроси у другого.

Эти ребята Лун Хумы оказались такими тертыми, что мои робкие попытки сближения восприняли как тактический ядерный удар. Бобби пришлось дважды слетать в Гонконг, чтобы все четко с ними обговорить. Наши деньги таяли, и довольно быстрыми темпами. Я по-прежнему сам не знал, почему сразу не отказался от всего этого. Хром я боялся, а к богатству был всегда равнодушен.

Я говорил себе, что спалить «Дом голубых огней» не такая уж плохая мысль, место уж больно гнилое, и все-таки дело было не в том. Я не любил «Голубые огни», потому что однажды провел там крайне тягостный вечер, но мы охотились на Хром не поэтому. По совести говоря, уже где-то на полпути я решил, что этот рейд закончится нашей гибелью. Даже с программой-убийцей шансов у нас практически не было.

Бобби с головой ушел в составление набора команд, которые мы рассчитывали загнать в слепое пятно Хромова льда. Вводить их придется мне, ведь, когда дело завертится, руки у Бобби будут полностью заняты тем, чтобы не дать русской программе сразу перейти к разрушению ядра данных. Переписать мы ее не могли: слишком она была для этого сложной. И поэтому он собирался попробовать удержать ее хотя бы в течение двух секунд, которые понадобятся мне.

Я договорился с уличным бойцом по имени Майлс. Он должен был в ночь рейда повсюду сопровождать Рикки, не спускать с нее глаз, а в определенное время позвонить мне. Если меня вдруг не оказалось бы на месте или же мой ответ был бы не таким, как мы условились, я велел ему сразу же хватать Рикки и сажать ее в первый попавшийся поезд в «трубе», идущий куда-нибудь подальше. Я дал ему конверт с деньгами и запиской, чтобы он все это передал ей.

Бобби даже в голову не приходило подумать о том, что может случиться с Рикки, если наша затея провалится. Он все твердил мне, как сильно он ее любит, и куда они уедут, и как там будут тратить деньги.

– Дружище, для начала купи ей пару «Айконов». Больше ей ничего не надо. Для нее симстим, похоже, всерьез.

– Брось, Джек, – сказал он, оторвавшись от клавиатуры. – Работа ей теперь не нужна. Все у нас получится. Она – моя удача. Ей никогда в жизни не придется больше работать.

– Твоя удача, – повторил я чуть слышно. Все это меня не радовало; я и не мог припомнить, когда меня вообще что-либо радовало. – А когда ты в последний раз виделся со своей удачей?

Он ее не видел давно, я тоже. Мы были слишком заняты.

Мне ее недоставало. Эта тоска напомнила мне ночь, проведенную в «Доме голубых огней». Я отправился туда в тот раз потому, что тосковал после очередной потери. Для начала, как водится, я нажрался, а потом ударил по вазопрессиновым ингаляторам. Если ваша подруга вдруг решает сделать вам ручкой, бухло и вазопрессин, пожалуй, самое убойное сочетание из всего арсенала мазохистской фармакологии. С бухла вас прошибает на слезу, а вазопрессин ничего не дает забыть. Вы помните все, что было. В больницах эту штуку используют для борьбы со старческой амнезией, но улица любой вещи находит собственное применение. Короче, за свои кровные я приобрел суперинтенсивное воспроизведение давешних любовных неурядиц. Вся незадача в том, что поровну получаешь и хорошее и плохое. Хочешь животный экстаз – получай. А в придачу и то, что она тебе ответила и как она ушла, так ни разу и не оглянувшись.

Я не помню, что меня толкнуло в «Голубые огни» и как вообще я оказался в этих тихих, заглушающих шаги коридорах. Правда ли, что я видел там пошлейший декоративный водопад, – или то была обыкновенная голограмма? В тот вечер у меня водились деньги. Один из наших клиентов перевел Бобби приличную сумму за прорубание трехсекундного окна в чьем-то льду.

Не думаю, что вышибалам на входе понравилось, как я выгляжу, но с моими деньгами это не имело значения.

Когда с делом, ради которого я здесь оказался, было покончено, мне опять захотелось выпить. После этого я, помнится, выдал бармену шуточку насчет латентных некрофилов, и это ему, по-моему, не понравилось. Потом какой-то амбал упорно называл меня «героем войны», что мне, естественно, не понравилось тоже. Думаю, я успеть показать ему несколько фокусов с рукой, пока не отключился совсем и не проснулся двумя днями позже в типовом спальном модуле у черта на куличках. Дешевле места и захочешь – не найдешь, там даже негде было повеситься. Я сидел на узком пенопластовом матрасе и плакал.

Одиночество – еще не самое страшное, что бывает в жизни. Но то, на чем делают деньги в «Доме голубых огней», настолько популярно, что стало почти легальным.

* * *

В сердце тьмы, в ее недвижном центре, глитч-системы вспарывают темноту водоворотами света, полупрозрачными бритвами, раскручивающимися от нас во все стороны. Мы висим посреди безмолвного, словно снятого замедленной съемкой взрыва, осколки льда разлетаются и падают вокруг целую вечность, и голос Бобби неожиданно прорывается сквозь световые годы всей этой электронной псевдопустоты:

– Давай, делай ее, суку. Я не могу больше удерживать программу…

Русская программа вздымается, затопляя башни данных, стирая розовые с голубым краски детской спальни. Я ввожу пакет смастряченных Бобби команд прямо в центр холодного сердца Хром. Выстреливает передача – импульс концентрированной информации, – выстреливает прямо вверх, мимо сгущающейся стены мрака, мимо русской программы, которую Бобби силится удержать под контролем на ту единственную секунду, которая для нас сейчас важнее, чем жизнь. Недооформившееся щупальце тьмы судорожно вскидывается на верхушке черной колонны, но слишком поздно.

Мы сделали это.

Вокруг меня с волшебной легкостью оригами складывается матрица.

Чердак пропах потом и горелой электроникой.

Вспомнился резкий металлический звук, будто визжит Хром,

но я никак не мог ее слышать.

* * *

Бобби смеялся до слез. Цифры в углу монитора показывали 07:24:05. Весь рейд занял меньше восьми минут.

А я все не мог оторвать взгляда от русской программы, расплавившейся в прорези.

Основную часть цюрихских накоплений Хром мы перечислили десятку разных благотворительных организаций. Уж слишком неподъемная там была сумма, нам не потянуть. Единственный выход – разломать ее на кусочки, сжечь дотла, без остатка. Иначе она непременно начнет за нами охоту. Себе мы взяли процентов десять и отправили их через Лун Хумов в Макао. Шестьдесят процентов от этого они прибрали себе, а то, что осталось, перекинули нам обратно через самый глухой и запутанный сектор Гонконгской биржи. Прошел час, прежде чем наши деньги стали поступать на счета, которые мы открыли в Цюрихе.

Я молча наблюдал, как нули горкой набираются позади ничего не значащей цифры на мониторе. Я был богат.

Потом зазвонил телефон. Это был Майлс. Я чуть не забыл про нашу условную фразу.

– Джек, старик, я не знаю, что там получилось с этой твоей девчонкой. Какая-то странная штука, фиг поймешь…

– Чего? Давай, не тяни.

– В общем, я шел за ней, как договаривались, вплотную, но не высовывался. Она двинула к «Неудачнику», немного там поторчала, а потом села в «трубу». Зашла в «Дом голубых огней»…

– Куда?!

– Сзади. Где служебный вход. А через их охрану хрен пролезешь…

– И она сейчас там?

– Да нет, старик, я ее потерял. Там все как будто с ума посходили. Похоже, «Голубым огням» крышка, совсем. Представляешь, сработали сразу семь сигнализаций в разных местах, все бегают, тут же и фараоны в полной выкладке подоспели – щиты, противогазы… А потом эти налетели, как мухи на говно, всякие там страховщики, риелторы, членовозы с муниципальными номерами…

– Майлс, куда она делась?

– Упустил я ее, Джек…

– Послушай, Майлс. Оставь деньги, те, что в конверте, себе. Хорошо?

– Ты серьезно? Не думай, мне самому обидно. Я…

Я положил трубку.

– Ну, когда она об этом узнает… – говорил Бобби, обтирая себе грудь полотенцем.

– Вот ты сам ей все и расскажешь, ковбой. А я пошел прошвырнуться.

И я окунулся в ночь, в неоновые огни, слепо дрейфуя с толпой и желая лишь одного – почувствовать себя малой клеточкой всего этого гигантского человеческого организма. Не более чем одной из множества щепочек сознания, болтающихся под геодезическими куполами. Я ни о чем не думал, просто переставлял ноги, но через какое-то время в голову сами полезли мысли. И вдруг все стало ясно. Просто ей нужны были деньги.

Еще я думал о Хром. О том, что мы убили, уничтожили ее так же верно, как будто перерезали ей глотку. И ночь, которая вела меня сейчас своими улицами и площадями, уже объявила на нее охоту. Хром некуда было деться. И еще я подумал о том, как много у нее врагов в одной только этой толпе и что они станут делать теперь, когда ее деньги им уже не страшны. Мы забрали у нее все, что было. Она снова оказалась на улице. Я сомневался, что она доживет хотя бы до рассвета.

Потом я вспомнил о кафе, в котором повстречал Тигра.

Ее темные очки, и длинные черные тени, падавшие от них на лицо, и грязное пятно от румян – цвета плоти – в углу одной из линз рассказали мне обо всем.

– Привет, Рикки, – сказал я как ни в чем не бывало, но уже наверняка знал, что увижу, когда она снимет очки.

Синева. Синева Тэлли Ишем. Ничем не замутненная фирменная синева, по которой их узнают везде. И на каждом зрачке крошечными заглавными буквами выведено по краю – «Цейс-Айкон». Буковки мерцают, как золотые блестки.

– Красиво, – сказал я. (Румяна скрывали темную припухлость. Ни одного шрама, настолько качественное вживление.) – Ты где-то заработала денег?

– Да, заработала. – Она поежилась. – Но больше так не заработаю. Во всяком случае, не на этом.

– Я думаю, та контора приказала долго жить.

– О-о-о, – только и сказала она.

При этом ее лицо нисколько не изменилось. Новые голубые глаза оставались глубоки и неподвижны.

– Впрочем, теперь уже плевать. Пошли, Бобби ждет. Мы только что отхватили приличный кусок.

– Нет. Я должна уехать. Вряд ли он поймет, но мне правда нужно ехать.

Я кивнул, глядя, как моя рука протянулась и взяла ее ладонь. Рука была словно чужая и жила от меня отдельно. Но Рикки оперлась на нее по привычке.

– У меня билет в один конец, в Голливуд. У Тигра там есть знакомые, у них можно остановиться. Может, даже попаду в Тиба-Сити.

Насчет Бобби она оказалась права. Мы вернулись вместе. Бобби ее не понял. Но она уже сделала для него все, что могла. Я пытался намекнуть ей, чтобы не переживала за него, но она переживала, я-то видел. Когда были упакованы сумки, он даже не захотел проводить ее в коридор. Я поставил сумки на пол и поцеловал ее, смазав при этом румяна. И вдруг что-то поднялось внутри меня – подобно программе-убийце, которой мы спалили Хром. Дыхание мое оборвалось, и я неожиданно понял – что бы я ни сказал, слова будут излишни. Ей нужно было торопиться на самолет.

Бобби, развалившись во вращающемся кресле перед монитором, смотрел на вереницу нулей. Глаза его были прикрыты зеркалками. Я был более чем уверен, что к ночи он уже будет сидеть в «Джентльмене-неудачнике» – оценивая атмосферу, нервно ожидая любого знака, который бы ему подсказал, на что же будет похожа его новая жизнь. Но я не видел особой разницы. Станет лишь чуть комфортабельней, наверно, – и все равно он вечно будет нервничать, какая же выпадет очередная карта.

А я все не мог представить себе ее там, в «Доме голубых огней», как она отрабатывает свою трехчасовую норму в искусственном сне, пока тело ее и условные рефлексы заботятся о бизнесе. Клиентам не приходится жаловаться, что она только делает вид, оргазмы-то самые настоящие. Но ощущает она их, если вообще ощущает, лишь на самой границе сна, неуловимыми серебристыми вспышками. Это было так популярно, что стало почти легальным. Посетители разрываются между жаждой кого-нибудь поиметь и одновременно стремлением к одиночеству. Наверное, так всегда было в природе этой вот игры – и еще задолго до того, как сюда припутали нейроэлектронику, которая и позволила совместить несовместимое.

Я снял трубку и позвонил в авиакомпанию. Назвал ее настоящее имя и номер рейса.

– Она хочет поменять пункт назначения, – сказал я. – На Тиба-Сити. Да-да. Япония. – Вставил в прорезь кредитную карточку и набрал свой идентификационный код. – Первым классом. – Я вслушивался в далекий шум – они проверяли записи

о моих кредитах. – И пожалуйста, в обе стороны.

Я все же думаю, что она сдала обратный билет или просто им не воспользовалась. Назад она уже не вернулась. Иногда поздно вечером я останавливаюсь у витрин с плакатами звезд симстима и вглядываюсь в эти прекрасные, как две капли воды похожие друг на друга глаза, которые смотрят на меня с таких же одинаковых лиц. Порой кажется: эти глаза – ее. Но ни одно из лиц, ни одно – никогда не принадлежит ей. И вдруг мне начинает казаться, что где-то далеко-далеко, на самом краю Муравейника, за гранью ночи и в стороне от всех городов, она машет мне на прощанье рукой.

notes

Примечания

1

Перевод М. Пчелинцева

2

В начале 1980-х – устоявшееся на Западе название для зала игровых автоматов. Впоследствии этот термин стал обозначать один из видов компьютерных игр.

З

«Три белизны» *(яп.)* – состояние глаз, при котором над нижним веком постоянно видна полоска роговицы. Согласно восточному поверью, таким образом закаченные глаза пророчат скорую смерть.

4

Intrusion Countermeasures Electronics, сокращенно «ICE», что по-английски означает «лед».

5

По имени американского архитектора и дизайнера Бакминстера Фуллера (1895–1983), пропагандировавшего строительство так называемых геодезических куполов – сетчатой оболочки из прямых стержней, обладающей минимальной массой при большом внутреннем объеме, причем чем больше купол, тем выше его несущая способность, поскольку нагрузка распределяется на большее количество элементов конструкции.

6

Игра слов. «Flatline» дословно – «плоская линия». На жаргоне американских медиков этот же термин означает клиническую смерть.

7

Жаргон хакеров. Английское слово «skip» означает «пропустить, стереть».

8

CA – сокращение от французского словосочетания «Сосьете Аноним». Означает то же самое, что и английское слово «Лимитед», то есть «Общество с ограниченной ответственностью».

9

Аллюзия на основной принцип построения машинного интерфейса: «What you see is what you get» (обычно не переводится). В свою очередь, эта фраза восходит к Льюису Кэрроллу. В «Алисе в Стране чудес» Шляпник рассуждает о нетождественности фраз: «Я вижу то, что ем» и «Я ем то, что вижу».

10

В 1772 г. французский математик Жозеф Луи Лагранж открыл, что в системе двух массивных тел (в данном случае Земля—Луна) существует пять так называемых точек либрации, или точек Лагранжа, в которых третье тело с пренебрежимо малой массой может оставаться неподвижным относительно этих двух тел. Все пять точек лежат в плоскости орбит массивных тел, причем первые три (коллинеарные) – на линии, соединяющей эти тела, а четвертая и пятая (треугольные, или троянские) – в вершинах равносторонних треугольников, опирающихся на центры двух массивных тел.

11

Кото – японский струнный инструмент.

12

Цитата из книги Уильяма Берроуза «Джанки. Исповедь неисправимого наркомана», опубликованной в 1953 г. под псевдонимом Уильям Ли.

13

Танцующая Бритва (Steppin’ Razor) – аллюзия на песню «Steppin’ Razor», написанную «отцом регги» Джо Хиггсом в 1967 г. и через десять лет перепетую другим ямайским музыкантом, Питером Тошем (альбом «Equal Rights», 1977).

Winter *(англ.)* – зима. Mute *(англ.)* – немой.

15

От имени растафарианского пророка Маркуса Гарви (1887–1940).

16

По названию *Black Star Line* – судоходной компании, учрежденной Маркусом Гарви для возвращения чернокожих американцев в Африку и действовавшей в 1919–1922 гг. Ей посвящен регги-хит Фреда Локса «Black Star Liners» (1976).

17

Разработанная в 1930-е гг. для полиции США модель револьвера 38-го калибра (9 мм) под патрон увеличенной мощности.

18

Игра слов. Хилоу (с написанием, как в тексте) – город на Гавайях, но то же самое слово можно прочитать как «Хай-Лоу» – карточная игра типа покера (пишется название игры иначе).

19

Ханива – японские керамические скульптуры периода Кофун (III–VIII вв.) в виде цилиндрических труб, посуды, животных и людей. Устанавливались на вершинах курганов, отмечая места захоронения монархов и аристократов.

20

«Чабб» – английская фирма, с начала XIX в. специализирующаяся на выпуске сувальдных замков, защищенных от взлома.

21

При игре в кости двумя кубиками комбинация «змеиные глаза» – выпадение двух единичек.

22

«Новобрачная, раздетая своими холостяками, даже» *(фр.)* – созданный в 1915–1923 гг. ассамбляж французского сюрреалиста Марселя Дюшана, также известный как «Большое стекло».

23

Имеется в виду известное высказывание Мао Цзэдуна.

24

Перевод А. Комаринец под ред. А. Черткова

25

Дух времени *(нем.)*.

Предисловие написано в 1986 г.

27

Гибсон У. Нейромант.

28

Перевод А. Етоева, А. Черткова

29

По-английски – «Superconducting Quantum Interference Detectors», сокращенно – «squids» («кальмары»).

30

Перевод А. Гузмана

31

Джерри Льюис (Джозеф Левитч, р. 1926) – американский актер, прославившийся в 1950-е гг. своим грубовато-туповатым юмором в составе комического дуэта с Дином Мартином.

32

Фрэнк Ллойд Райт (1867–1959) – американский архитектор-новатор, отец «органической архитектуры». Штаб-квартиру компании «Джонсон Вакс» построил в 1936–1939 гг. в Расине, штат Висконсин; основа конструкции – центральный зал с «древовидной» колоннадой, в которой каждая колонна расширяется кверху.

33

Фрэнк Рудольф Пауль (1884–1963) – американский художник австрийского происхождения, прозванный «отцом фантастической иллюстрации». С 1914 г. и до конца 1940-х гг. сотрудничал с Хьюго Гернсбеком в большинстве его журнальных проектов («Electrical Experimenter», «Science and Invention», «Amazing Stories», «Air Wonder Stories», «Science Wonder Stories» и др.).

34

Минг Безжалостный – диктатор планеты Монго, антагонист Флэша Гордона в комиксах и киносериале 1930-х гг.

35

Хьюго Гернсбек (1884–1967) – основатель журнала «Amazing Stories», считающегося первым в мире журналом научной фантастики (выходил с 1926 г.).

36

Том Свифт – юный гений-изобретатель, герой книг для подростков, выпускавшихся издательским синдикатом Стратемейера с 1910 г. под коллективным псевдонимом Виктор Эпплтон.

37

Имеется в виду сериал «Человек за шесть миллионов долларов» (The Six Million Dollar Man, 1974–1978).

38

«Metropolis» (1927) – фильм-антиутопия Фрица Ланга, вершина немецкого киноэкспрессионизма.

39

«Things to Come» (1936) – английский фантастический фильм Уильяма Камерона Мензиса по сценарию Герберта Уэллса, продюсер Александр Корда.

40

«The Twilight Zone» (1959–1964) – классический телесериал Рода Серлинга в жанре фантастики и мистики, дважды возобновлявшийся (1985–1989, 2002–2003).

41

Перевод А. Комаринец под ред. А. Черткова

42

Перевод В. Ларионова под ред. А. Черткова

43

«Нежная Ирма» (Irma La Douce, 1963) – фарсовая комедия Билли Уайлдера с Джеком Леммоном и Ширли Маклейн в главных ролях, экранизация популярного французского водевиля о проститутке и покровительствующем ей полицейском.

44

«Это из-за тебя наши дети безобразны» («You're the Reason Our Kids are Ugly») – выпущенная в 1978 г. (на оборотной стороне сингла «From Seven Till Ten» – «С семи до десяти») песня кантри-дуэта Конуэя Твитти (1933–1993) и Лоретты Линн (р. 1932).

45

Эмили Пост (1872–1960) – американская писательница, специализировавшаяся на вопросах этикета.

46

Луис Комфорт Тиффани (1848–1933) – американский художник и дизайнер, прославившийся изделиями из стекла в стиле модерн (предшествовавшем ар-деко).

Перевод А. Комаринец под ред. А. Черткова

48

Аллюзия на роман «Псы войны» (1974) одного из любимых писателей Гибсона – Роберта Стоуна. Роман начинается с того, что журналист Джон Конверс соглашается помочь своей знакомой по имени Чармиан организовать доставку партии героина из Южного Вьетнама в Калифорнию.

University of California, Los Angeles – Южнокалифорнийский университет, Лос-Анджелес.

50

Uno *(исп., ит.)* – один.

51

Элиот Т. С. Пепельная среда. Пер. А. Сергеева.

52

Перевод С. Красикова

53

«Бригада Кризис» – польская рок-группа, тяготеющая к панку и новой волне (1981–2005 гг.).

54

Николай Алексеевич Рынин (1877–1942) – русский и советский ученый, писатель-популяризатор, инженер. В 1928–1932 гг. издал книгу «Межпланетные сообщения» в девяти томах – первый энциклопедический труд по истории и теории реактивного движения и космических полетов.

55

Роберт Хатчингс Годдард (1882–1945) – знаменитый американский ученый, инженер. Запустил первую ракету на жидком топливе 16 марта 1926 г.

56

Джерард О'Нейл (1927–1992) – американский физик, автор книги «Колонизация космоса». Ему принадлежит идея орбитальных солнечных электростанций.

Бета-карболин (норгарман) – алкалоид, природный галлюциноген.

Честь обязывает *(фр.)*.

Перевод А. Комаринец под ред. А. Черткова

Перевод А. Корженевского

61

Букв.: «Радиохлам» – сеть дешевых магазинов радио-, кино– и электронной аппаратуры.

Перевод В. Ахметьевой под ред. А. Черткова

63

«За заслуги» *(фр.)*. Описывается орден, неофициально прозванный «Голубым Максом», – высшая военная награда Пруссии (впоследствии – Германии) с 1740 г. и до конца Первой мировой войны.

64

Wetware – обычный термин для писателей-киберпанков. Образован по аналогии со словами «hardware» (аппаратное обеспечение) и «software» (программы) и обозначает программирование мозга и прочих биологических структур.

65

В Вифезде (тж. Бетесда), штат Мэриленд, находится крупнейший в США военный госпиталь.

Перевод А. Етоева, А. Черткова

Intrusion Countermeasures Electronics, сокращенно «ICE», что по-английски означает «лед».

68

Уолдо – механическое устройство, управляемое на расстоянии. Термин придумал Роберт Хайнлайн – так звали героя его одноименной повести (1944), который изобретал подобные устройства. Впоследствии термин стал широко использоваться в англоязычной фантастике.